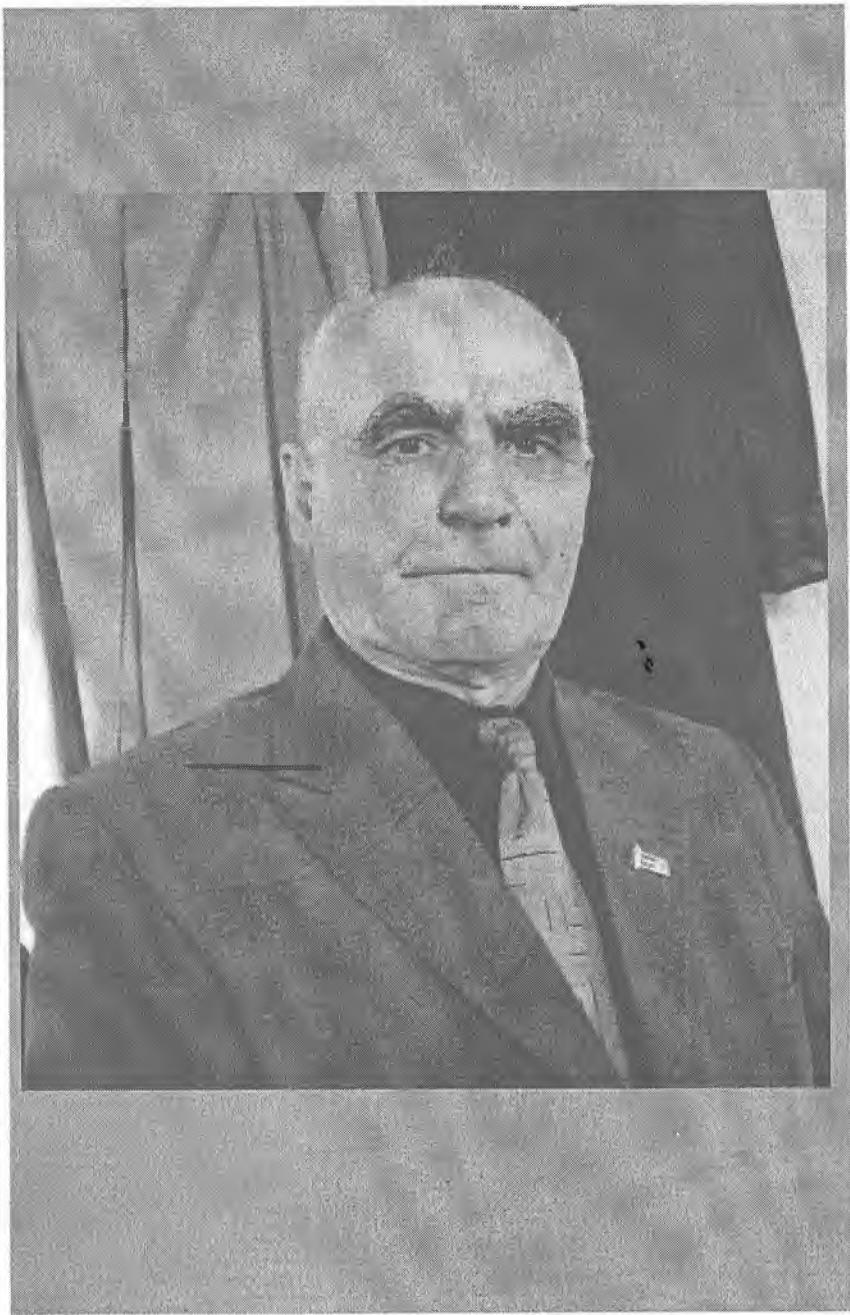

Адиз Кусаев

Чечня: ГОДЫ И ЛЮДИ

ББК 80/5

Р-94

Адиз Кусаев

Чечня:
годы и люди

5093

ББК 80/84
К94

Научный редактор Асталов В.А., к.и.н.

Кусаев А.

К94 Чечня: годы и люди [текст] / А. Кусаев. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2007. – 432 с.: ил.

ISBN 978-5-98896-047-8

© Грозный,
ГУП «Книжное
издательство», 2007
© Кусаев А.Д., 2007

ПОЭТ, ЖУРНАЛИСТ, ЧЕЛОВЕК

Поколение Адиза Кусаева, которому 3 января 2008 года исполнится семьдесят лет, отмечается особой судьбой и духовной закалкой. Они родились накануне депортации чеченского народа или в первые годы ссылки, и сполна познали все тяготы жизни на чужбине.

Вернулось это поколение на Родину, воспетую в песнях и сказаниях, в юношеском возрасте и с готовностью взяло на свои плечи ответственность за возрождение вновь обретенного отчего края. И, что очень ценно, молодежь увидела единственно правильный путь к избранной цели в тех условиях: просвещение, развитие культуры. Первой своей задачей она видела учебу и взялась за нее самозабвенно, с неиссякаемой жаждой знаний.

Лишний пример тому — студенческая эпопея Адиза Кусаева, человека высокообразованного. Он учился в нескольких учебных заведениях: в 1959 г. закончил Грозненский техникум статистики, в 1962 — Кирсановское военное авиационно-техническое училище, а в 1969 г. — факультет журналистики Ростовского университета. Побывал во многих уголках бывшего Советского Союза. Начав трудовой путь в 1962 году в Грозненском аэропорту, в качестве техника, в дальнейшем Адиз продолжил его, занимая разные должности, в том числе редактора отдела, главного редактора, заместителя председателя в Гостелерадио ЧИАССР, заведующего отделом в газете «Ленинский путь». Во все эти годы сотрудничал с периодическими изданиями. Его стихи, поэмы, статьи публиковались на страницах газет «Даймох», «Комсомольское пламя», «Грозненский рабочий», «Литературная Россия», «Литературная газета», в журналах «Орга», «Вайнах», а также во многих коллективных сборниках.

Профессия журналиста щедра на знакомства и плодотворные связи. Многие годы именно Адиз Кусаев открывал окно в мир литературы, культуры и искусства для телезрителей республики. Поэтому трудно найти известных людей из творческой сре-

ды, с кем бы он ни был знаком. Трудно найти кого-либо среди начинающих писателей, композиторов, актеров, певцов, художников того времени, которых бы Адиз Кусаев впервые не открыл для телезрителей, которым не дал бы путевки в жизнь.

– Считаю себя счастливым человеком, потому что в самом начале творческого пути у меня были такие талантливые и мудрые наставники, как Халид Ошаев и Магомед Мамакаев, Зайндин Муталибов и Нурдин Музаев, Ахмад Сулейманов и Магомед Сулаев, – говорит Адиз Кусаев. – Им я обязан всем, что достиг в поэзии и журналистике.

Адиз Кусаев – автор шести поэтических сборников: в 1968 году вышла первая книга молодого поэта – «Амал» («Характер»), затем – «Дороги», «Необходимость» «Горный сокол», «Единство» и «Весенний край» на чеченском и русском языках.

О них и о поэзии литераторов его поколения известный литературовед, доктор филологических наук Ю. Айдаев писал в 1976 году в сборнике «Границы жизни»: «Без всяких скидок и преувеличений можно сказать, что каждый из молодых чеченских поэтов творчески самобытен, все они зрелые, самостоятельные и, безусловно, способные литераторы, которые вносят в современную чеченскую поэзию свежую струю, выходя за рамки устоявшихся тем и образов. Мне лично, – пишет он дальше, – больше нравятся лирические стихи Адиза Кусаева, в которых так и брызжет жизнь...»

А литературовед Г.И. Яблокова так писала о творчестве Адиза Кусаева в 1976 г. в статье «На поэтических перекрестках»: «Почти одновременно, в 1975 г., вышли в Чечено-Ингушском книжном издательстве на русском языке сборники трех чеченских поэтов – Хусейна Сатуева «Знамя отцов», Алвади Шайхисева «Огонь в очаге» и Адиза Кусаева «Необходимость». В поэзии они уже не новички: выпустили на родном языке по нескольку книг. Стихи Адиза Кусаева. Они передают радость самого труда, ощущение полноты жизни от сознания честно выполненной работы (стихотворения «Столбы», «Монгер», «Подо мною

стог, как пьедестал», цикл «Аэропорт») (Сб. ст. «Границы жизни». Грозный, 1976 г.)

О творчестве А. Кусаева тепло отзывались многие литературоведы, критики и коллеги по писательскому цеху. Так, известный поэт Саид Чахкиев в статье «Молодые обретают крылья», посвященной выходу в свет коллективного сборника стихов «Зовут нас горизонты» писал (газ. «Комсомольское племя» 1968 г.): «С некоторой тревогой и смутным ожиданием неизвестного мы раскрываем новую книгу молодых поэтов «Зовут нас горизонты». Здесь представлены имена известных нам поэтов: Виктора Богданова, Адиза Кусаева, Муссы Албогачиева, Ивана Минтяка... Радостно держать в руках новый поэтический сборник своих друзей и еще радостнее видеть постоянный рост и мужание их.

— Хорошими стихами представлены, — пишет далее Саид Чахкиев, — поэты Виктор Будаков, Евгений Тарасов, Адиз Кусаев. Меня восхищают многие строки их... Я бы охотно стал цитировать стихи Адиза Кусаева, который, воспевая красоту родного края, восклицает: «Наверно, те, что выдумали рай, здесь побывали раннею весною...»

Многие стихи А. Кусаева приобрели вторую жизнь, став песнями.

— Я был близко знаком со всеми известными композиторами республики, — говорит он, — Аднаном Шахбулатовым и Умаром Бексултановым, Зайнди Чергизбиевым и Саидом и Али Димасовыми, Александром Халебским, Юрием Долговым и другими. Ими написаны на мои стихи свыше ста песен и кангат. Особенно тесно и плодотворно мы сотрудничали с Аднаном Шахбулатовым, с которым я написал свою первую песню «Мой город» в 1967 году. Она впоследствии была настолько популярной, что стала неофициальным гимном г. Грозный.

Честность и искренность — качества, одинаково значимые для человека и писателя в морально-этическом плане — в творчестве трансформируются еще в художественно-эстетическую ценность. Именно эти качества являются основными признако-

ками лучших стихотворений Адиза Кусаева. Главная суть, смысл и содержание творчества, основная цель жизненного и творческого пути его с первых же шагов и с первых же строк – служение Отчизне, своему народу. Это и выражено в одном из наиболее удачных стихотворений Адиза Кусаева, которым открывается сборник «Необходимость», изданный в Грозном в 1975 году:

Необходимо очень знать,
Чем родина сегодня дышит,
Уметь спасать, на помочь звать,
И пульс травинки каждой слышать;

Необходимо создавать
Дома, станки, стихи, тетради,
Себя частицей сознавать
Страны родной не славы ради.

Необходимо честным быть,
Ни в чем не зная укоризны,
Чтобы могла тебя любить
И верить, как себе, Отчизна!

Цикл стихов Адиза Кусаева в одном из номеров журнала «Вайнах» (1996 г.) меня поразил в буквальном смысле слова. Трагедию чеченского народа, страдания и переживания сотен тысяч ни в чем неповинных людей, которых нередко убивают, преследуют и лишают крова, он выразил в своем творчестве одним из первых среди писателей республики. Сделал он это, продолжая свято верить в то, что, в конце концов, Добро, Истина и Любовь восторжествуют. Автор не только верит сам, но и других призывает к этому как истинный художник.

У Адиза Кусаева интересная и богатая биография. Родился 3 января 1938 года в селении Шуани Ножай-Юртовского района. В 1944 году шестилетний Адиз, как и весь народ, с ярлыком

бандита был переселен в Среднюю Азию. В киргизской школе, которую закончил он, были преподаватели и дети разных национальностей. До сегодняшнего дня в добре памяти поэта остались имена педагогов – немца Франца Гольдмана, узбека Юсупова Саида, калмыка Эрднисева Сергея, но особенно благодарен он русским Е.И. Лысенко, В.А. Кельбину, которые привили ему любовь к русской литературе и языку. Кстати, первые стихи А. Кусаев написал на русском языке. Чеченский выучил сам, с помощью отца, бывшего директора школы.

Адиз Кусаев – член Союза писателей с 1992 года, Союза журналистов с 1970 г. Отмечая его большие заслуги в развитии культуры чеченского народа, ему в 1990 году присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры ЧИАССР», в 2003 г. награжден высшим нагрудным знаком Министерства культуры России «За достижения в культуре», в 2007– Дипломом Региональной Общественной организации ЧР «Интеллектуальный центр»-Серебряная Соба в номинации «Литература» «За верность профессии» (вставка. А.К.).

Главными героями поэзии и журналистики Адиза Кусаева являются: родной край, ее неповторимая природа и рабочий человек-созидатель. Это подчеркнула в своей рецензии на его книжку «Необходимость» литературовед Г. Яблокова, которая писала: «Важная черта, объединяющая книги молодых (в т.ч. и книжку А. Кусаева), – это чувство неразрывной связи с делами дедов и отцов, ощущение себя продолжателями их славных дел. Закономерный интерес вызывает и отображение в творчестве поэтов современной жизни, трудовых будней страны. Ведь именно тема современности позволяет им наиболее полно выявить лирический голос поэзии. Несомненной удачей являются стихи Адиза Кусаева. Они передают радость самого труда, ощущение полноты жизни от сознания честно выполненной работы».

Несмотря на возраст, А. Кусаев и сегодня проявляет творческую и жизненную активность: очень много пишет, работает в музеях, на телевидении, преподает в университете.

Песенно-поэтическое творчество и журналистская деятельность А. Кусаева – это весомый вклад в дело культурного развития чеченского народа в конце XX – начале XXI в.

И, наконец, самое главное. Адиз Кусаев – человек высоко порядочный и культурный, добрый и отзывчивый. Именно с таких людей, как А. Кусаев, надо брать пример подрастающему поколению. И пожелаем ему долголетия и крепкого здоровья, творческих успехов и сил преодолеть трудности сегодняшней жизни.

*Шарип Цуруев,
поэт, член правления СП ЧР*

Часть I

НАША СТОЛИЦА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Вместо предисловия. Музей – «Грандиозная памятная книга человечества»

«Потребность закрепления познавательного опыта, передача его другим индивидуумам, – писал Генеральный директор Московского политехнического музея, член международного совета музеев (ИКОМ) Г.Г. Григорян, – привела к тому, что человек на самых ранних этапах формирования сообщества прибегал к отторжению отдельных объектов от природной среды, быта, трудовых процессов и художественного творчества с целью сохранения этих объектов, как закрепленных густков познания, для коллективного последующего их осмыслиения и передачи потомкам» (1 – здесь и далее см. «Использованная литература»).

Именно эта потребность и вызвала необходимость создания музея краеведения в Чечне – музея, которого А.В. Луначарский метко назвал «грандиозной памятной книгой человечества» и которого еще называют материальной историей народа. Первый музей в Чечне открылся в ноябре 1924 г. Это был Окружной музей Грозненского отдела народного образования. Основу его фондов составило собрание оружия древних времен и периода Кавказской войны XIX века: шамилевские ружья, пистолеты, ценнейшие коллекции древнеперсидского и русского вооружения (кольчуги, мечи, копья, щиты, самострелы и т.д.), предметы культа, быта, декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов чеченского и других народов области. Вскоре был создан numизматический отдел в

музее, куда из многих городов Северного Кавказа были переданы денежные знаки и боны 1769–1924 гг.

Но небольшой Окружной музей, который помещался в двух комнатах одной из грозненских школ (предположительно это была СШ № 13, которая до революции 1917 г. строилась как Пушкинский лицей и существовала до первой чеченской войны) и имел всего 150 единиц хранения, не мог решить своей главной задачи – быть культурным учреждением и центром научно-просветительской работы. Об этом писала так газета «Грозненский рабочий» в 1925 году: «Музей является могучим средством убеждения, агитации и пропаганды, и поэтому недопустимо препятствовать открытию такого большого очага культуры, каким для Чечни будет музей» (2).

Молодой Чеченский облисполком решил создать областной музей краеведения. С этим предложением руководство ЧАО обратилось к секретарю Северо-Кавказского бюро ВКП (б)¹ Анастасу Ивановичу Микояну, и он, горячо поддержав ценную идею, командировал в Чечню специалиста для помощи в создании музея, который открылся в ноябре 1925 года с помощью известного грозненского коллекционера и филателиста Бориса Скалиотти. Он безвозмездно передал музею свое личное собрание старинной посуды, оружия и археологических предметов, которые составили основу его фондов. Вскоре он стал и первым директором музея.

Учитывая исключительно ценное значение музея в нравственном и патриотическом воспитании людей и в целях укрепления его исторической базы, постановлением Чечоблисполкома и малого Президиума Северо-Кавказского крайисполкома от 21 июля 1925 года Окружной музей Грозного был передан в ведение Чеченского облисполкома. Северо-Кавказским

---

¹ ВКП(б) – С 1924 г. Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), с 1898–1924 гг. – РСДРП Российская социал-демократическая рабочая партия, с 1960-х годов – КПСС Коммунистическая партия Советского Союза.

крайисполкомом Чеченскому облисполкуму было «выделено 3500 руб. на организацию областного красаведческого музея» (3).

Сыграло свою роль в создании Чеченского областного музея и резкое выступление газеты «Грозненский рабочий», которая 9 июня 1926 года писала: «Грозный, несмотря на свою промышленность, все же культурно нищ, как провинциальное захолустье... Поэтому создание в Грозном фундаментального культурно-исторического учреждения нужно особенно приветствовать. Такое учреждение создается Чеченским облисполкомом. Это – Областной музей... Музей накануне открытия. Год, предшествующий открытию, был годом кропотливой работы по собиранию и обработке материалов. В результате музей имеет два отдела: художественный и красаведческий. Сейчас музей ведет редакционные работы по подготовке издания исторических материалов о Чечне и чеченских народных легендах. Музей организует научные экспедиции в Чечне. Все это делает Чеченский областной музей ценным культурным учреждением» (4).

Фонды Чеченского областного музея расширялись и росли, пополняясь разными путями. По решению Чечоблисполкома ему было передано ценнейшее собрание старинного оружия, образцы которого были инкрустированы червонным золотом, конфискованным из бывшего особняка инженера Притулы по ул. Чехова (1925). Из Государственного музейного фонда РСФСР (Ленинградского отделения – в 1925, Московского – в 1926 г.) в наш музей поступило более трехсот пятидесяти экспонатов. Это – картины и скульптуры европейских и русских художников, изделия из керамики, фарфора, бронзы, антикварная мебель, посуда, кавказоведческая литература и другие музейные предметы.

Музейные фонды пополнялись поступлениями из других городов России и Закавказья, предметами, безвозмездно подаренными жителями Чечни и приобретенными у них. Из Дагестана были переданы картины Ф. Львова «Движение обозов между крепостями Воззиженской и Грозной» и «Ханкальское ущелье», И. Айвазовского «Алхан-Юрт», из Грузии – полотна Ф. Рубо

«Взятие аула Гуниб и плenение Шамиля 26 августа 1859 года», «Смерть генерала Слепцова в Гехинском лесу», портреты генералов – участников кавказской войны, гравюры и скульптуры С. Соймонова; из Государственной Третьяковской галереи – «Автопортрет» первого чеченского художника, академика живописи Императорской академии художеств П.З. Захарова. Он был передан в наш музей в 1929 году по личной просьбе его директора Заурбека Шерипова (брата легендарного А. Шерипова. А.К.). Он был директором Чеченского областного музея в 1927–1929 гг. (5). И надо подчеркнуть при нем музей уделял много внимания отражению социалистического строительства в Чечне. Значительно пополнялись экспозиции, посвященные трудовым будням данного периода развития Чечни.

Пополнение фондов художественного отдела шло и другими путями. В 1925 году художники Ф. Черноусенко и В. Шлепнев профессиональных художников-чеченцев в те годы еще не было) по заказу музея создали ряд этюдов, картин и рисунков, темы которых были связаны с бытом чеченского народа. Это – «Вечеринка», «Базар в Чечен-Ауле», «Лезгинка», «Похищение невесты», «Чеченский двор», а также портреты красных партизан – участников гражданской войны в Чечне. Процесс пополнения фондов шел постоянно. Вот красноречивый факт: только по одному списку, составленному комиссией по отбору картин, гравюр и других музейных предметов из картинной галереи при Управлении по делам искусств Чечено-Ингушской АССР от 2 декабря 1939 г. музею было передано свыше шести-десяти произведений живописи, графики и икон. Все эти годы продолжалась работа по сбору и комплектованию библиотеки краеведческой и художественной литературы.

Все это позволило в сороковые-пятидесятые годы XX века создать при Чечено-Ингушском краеведческом музее, пожалуй, самый богатый экспонатами и экспозиционными возможностями художественный отдел для приобщения народов к общему руслу культуры, к достижениям русской и мировой культуры.

У жителей сел Чечни были приобретены или безвозмездно переданы ими в дар музею ценнейшие экспонаты, относящиеся к Кавказской войне (1834–1859 гг.), освободительному движению горцев второй половины XIX века, абречеству, предметы истории, культуры, этнографии и быта чеченского народа. В их числе были: документы переписки Шамиля (семьдесят единиц хранения, в т.ч. его приказ, написанный на боковом листке), знамя и наибские значки, полученные Ботой Шамурзаевым от Шамиля, именная печатка шейха Мансура, фотографии участников восстания 1877–1878 гг. под предводительством имама Алибек-Хаджи Алдамова, вещи, которыми пользовался в своей тяжелой скитальческой жизни Зелимхан Харачоевский (кинжал, седло, перчатки, кошки для лазания по горам), собранные у жителей с. Новые Атаги и г. Грозный, и другие музейные предметы. К сожалению, многие из них были утеряны навсегда, пропали бесследно в годы Великой Отечественной войны и депортации чеченского народа.

В 1927 г. усилилось внимание к сбору вещей, характеризующих быт чеченцев. Организуются экспедиции в села горной и предгорной Чечни. В музее появляются орудия сельскохозяйственного производства, бытовая утварь, одежда, пополнявшие этнографические его коллекции. В 1928–1929 гг. сотрудники музея вместе с обществом краеведения (создан в 1925 году) провели большую работу по собиранию краеведческой библиотеки через букинистические и антикварные магазины Тбилиси, Москвы и Ленинграда. Проводятся экспедиции по обследованию археологических памятников Чечни и изучению кустарной деревообрабатывающей промышленности. Продолжается сбор этнографического материала в горном селении Улус-Керт, селении Дуба-Юрт и других. В 1930 году Чеченский музей совместно с музеем горских народов Северного Кавказа (г. Ростов-на-Дону) провел экспедицию и обследовал высокогорные Майстинский, Итум-Калинский районы, села Старые и Новые Атаги и другие. В ходе этой экспедиции фотограф П. Чубисов сделал уникальные снимки этих аулов, которые тоже

были утеряны в годы ссылки чеченцев. В 1930–1936 гг. проводились также археологические раскопки на территории Чечни молодыми учеными А.П. Кругловым, М. Артамоновым (могильник рядом с с. Дуба-Юрт и др.). Но ценнейшие археологические материалы попадают почему-то не в Чеченский музей, а оседают в Государственном Историческом музее СССР и Эрмитаже, где они хранятся, наверное, и по сей день.

Особо ценным было то, что к этой работе государственной важности подключилась молодежь, энергичная, любознательная, старательная. В 30-е г. XX века при музее был создан актив из студентов, учащихся и молодых людей, которые участвовали в экспедициях, собирали фольклорные материалы и даже участвовали иногда в создании экспозиций выставок.

Со временем художественно-изобразительно-монументальный фонд расширился настолько, что в 60-е г. XX века насчитывал в своем активе 210 произведений живописи, 289 – графики, 97 – скульптуры, 60 – декоративно-прикладного искусства. На его основе в 1961 году был открыт Республиканский музей изобразительных искусств, которому в 1976 году в связи со 160-летием со дня рождения академика живописи П.З. Захарова было присвоено его имя (7). Он продолжал пополняться за счет передачи ему произведений искусства из центральных музеев страны и покупки творений местных художников Министерством культуры Чеченской Республики.

Республиканский музей изоискусства им. П.З. Захарова существовал самостоятельно около двадцати лет. На рубеже ХХ и ХХI в., когда он снова был объединен с музеем краеведения в Объединенный музей им. Х. Ошаева, в нем насчитывалось более 3270 единиц хранения. Из них около 900 произведений живописи, 1200 – графики, 170 – скульптурных работ, около 1000 изделий мастеров декоративно-прикладного искусства. Гордостью музея являлись полотна К. Брюллова, И. Репина, В. Тропинина, И. Айвазовского, Ф. Рубо, П. Захарова, Н. Самокиша и многих других европейских, русских и местных мастеров живописи (8).

О богатстве фондов Объединенного музея республики на рубеже XX–XXI вв. можно судить по следующим данным: если они в 1946 году насчитывали 3,5 тысяч единиц хранения, в 1975 – более 80 тысяч, то в 1990 г. их было уже более 230 тысяч. В их числе более 33 тысяч уникальных предметов древности, собранных при раскопках на территории Чечни и Ингушетии усилиями руководителя Северо-Кавказской археологической экспедиции Е.И. Крупнова и его учеников – сотрудников Республиканского научно-исследовательского института истории, социологии и филологии.

Писатель Илья Эренбург как-то сказал на встрече с молодежью: «Говоря о широкой реке, нельзя забывать о ручьях: они создали реку. Для того, чтобы патриотизм был крепким, плотным, непоколебимым, нужно, чтобы он исходил из любви к своей маленькой родине, к родному городу, селу, краю». А все, что нужно для воспитания такого патриотизма, сосредоточено, как мы знаем, в музеях.

Об их огромном, неоценимом значении в деле патриотического и нравственного воспитания молодежи говорит и тот факт, что до 1991 г. в Чечне не было ни одной школы, профтехучилища, техникума, вуза, где не работал или уголок, или музей истории, боевой и трудовой славы.

Были они и на многих заводах, фабриках, в колхозах, совхозах, городах, селах республики. Только в грозненских учебных заведениях и на предприятиях было организовано и работало более пятидесяти музеев, комнат и уголков истории, боевой и трудовой славы. Лучшими из них по количеству фондов, по связям с молодежью, по качеству работы были музеи Кооперативного техникума, Профессионально-технического училища № 9, локомотивных депо городов Грозный и Гудермес, литературные музеи Чеченско-Ингушского госуниверситета, школы-интерната № 15, Л.Н. Толстого Толстой-Юртовской средней школы № 1, М.Ю. Лермонтова Валерикской средней школы № 1 и многие другие.

Вот что писала, например, газета «Комсомольское племя» (предшественница «Молодежной смены») в июле 1983 года о музее боевой и трудовой славы СПТУ № 9: «Музей был создан после памятной поездки учащихся СПТУ № 9 по местам подвигов Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова в Волгоградской области. Они побывали на знаменитом Мамаевом кургане у плиты героя, в ст. Буказовской, где в госпитале умер раненый Ханпаша, и на центральной площади, на которой и сейчас находится его могила. Посетили известную высоту 220, на которой он принял свой последний бой. Записали воспоминания медсестры госпиталя Пелагеи Малаховой, которая хорошо знала героя и ухаживала за ним в его последние дни. «Сыночек Паша», – ласково называла она Х. Нурадилова» (9).

А вот что писала газета «Грозненский рабочий» о музее Л.Н. Толстого в с. Толстой-Юрт 13 ноября 1982 года: «Жители с. Толстой-Юрт глубоко чтят память о великом русском писателе Л.Н. Толстом и о его дружбе с их односельчанами Садо Мисирбиевым, Балтой Исаевым и другими. По инициативе Азиза Юсупова – учителя русского языка и литературы Толстой-Юртовской средней школы – в селе открыт музей писателя. Появление в чеченском селе музея великого русского писателя – это свидетельство преемственности продолжающихся из века в век давних традиций дружбы, неразрывной связи двух народов, горячей, искренней любви толстойортовцев к творчеству писателя. Это безграничное уважение к величайшему Толстому потомков тех, кто когда-то был дружен с Львом Николаевичем и чьей дружбой великий писатель дорожил» (10).

И, наконец, из корреспонденции, опубликованной в газете «Комсомольское племя» 13 декабря 1990 года о литературном музее Чечено-Ингушского университета: «В университете открылся первый в его истории литературный музей. Хочется сказать благодарное слово об инициаторе его создания. Это Юрий Борисович Верольский – «живая энциклопедия литературного краеведения Чечено-Ингушской республики». В лите-

ратурном музее ЧИГУ собраны тысячи подлинных и бесценных документов о связях русских писателей и их творчества с нашим краем, об известных чеченских, ингушских и русских писателях, живших и живущих в нашем kraе, о литературной жизни Чечено-Ингушетии» (11).

Над всеми этими музеями – настоящими кузницами патриотов – шефствовал Республиканский краеведческий музей. Он оказывал им методическую, организационную и деловую помощь в систематизации и сборе фондов, подготовке экспозиций, проведении экскурсий, направлял их работу, проводил научно-просветительскую пропаганду. Поэтому из месяца в месяц увеличивался поток посетителей в республиканские музеи – краеведческий и изобретательных искусств имени П. Захарова. Только в 1972 году, например, их посетило более девяносто тысяч жителей и гостей республики, для которых было проведено около полутора тысяч экскурсий.

Все это было, пока не пал, казалось бы, незыблемым, великий Советский Союз, не началась вакханалия суверенитетов после печально известного призыва Б.Н. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете переварить!» Все это было, пока на рубеже XX–XXI вв. над созданным волей некоторых амбициозных людей объединенным музеем им. Х. Ошасева не навис злой рок. Последствия его ударов были невообразимо сокрушительны и трагичны еще и потому, что все фонды музея из трех разных зданий были свезены в одно – в здание бывшего Азово-Донского банка, в котором до девяностых годов XX в. размещался Чечено-Ингушский обком КПСС и которое само было памятником истории и архитектуры Грозного.

Первый удар – крупнейшая кража музеиных ценностей в 1992 году – ковров ручного ткания и других редчайших музеиных предметов, составляющих национальную гордость и славу чеченского народа. Естественно, они исчезли навсегда: воры не найдены до сих пор (да и кто их ищет в наше смутное время?)

Второй удар – первая чеченская война 1994–1996 гг., так называемое «наведение конституционного порядка». Разрушалось

все и вся, уничтожалась культура, память народа. Солдаты федеральных войск раскатывали по городу на бронетехнике с водружеными на ней, как в издевательство, бесценными муляжами фауны Чечни из музея, обстреливали и сжигали библиотеки, изрезали ножами картины, а мародеры довершали дело: похищали все, что считали ценным, а остальное губили. В дни первой войны, как писалось в книге «Вернем Грозному музей» (г. Москва, 2002 г.), здание Объединенного музея, «находящееся на подступах к Президентскому дворцу (между ними не было и трехсот метров), было превращено в один из бастионов сопротивления: пулеметные гнезда устроили в каждом из окон второго и третьего этажей и кинжалным огнем простреливали всю улицу (пр. им. Орджоникидзе) и площадь (имени Ленина). После боев от здания музея остались одни стены с обрушившимися междуэтажными перекрытиями. Все, что осталось от фондов музея, разрушенного и разворованного, находилось в подвальных помещениях, заваленных сверху плитами и балками рухнувших перекрытий» (12).

Творилось это варварское уничтожение объектов, особенно, культуры, образования, здравоохранения, в нарушение Гаагской конвенции «О защите культурных ценностей в случае военного конфликта», в которой сказано, что нельзя допускать воюющими сторонами какого-либо урона любому памятнику мировой культуры, включая библиотеки и музеи. Нельзя допускать этого потому, что цель «уничтожения памятников, храмов, произведений искусства – убить душу противника, уничтожить его историю, культуру и веру, чтобы стереть всякий след присутствия, а иногда – самое существование народа» (13). Надо сказать, что Правительство Российской Федерации ратифицировало этот документ еще в 1991 году, за три года до начала войны. Но, видимо, для культурных ценностей Чечни этот закон не был писан!

Как только босовые действия вышли за пределы Грозного, приславшие в Чечню спасатели МЧС и вернувшиеся в город

работники музея в труднейших условиях приступили к спасению сохранившихся фондов, особенно – бесценных картин. Из-под руин, грязи, мусора было извлечено около шестисот картин, пробитых пулями и осколками, изрезанных ножами, вырезанных из рам. Около ста наиболее пострадавших картин было отправлено в Москву во Всероссийский художественный и научно-реставрационный центр им. академика И. Грабаря (где они и возвращаются к жизни сейчас), а пятьсот наиболее сохранившихся полотен было передано на хранение в Министерство культуры Ичкерии. (14) Оттуда они бесследно исчезли в 1997–1999 гг., еще до начала и в ходе второй чеченской весенней кампании. И обиднее всего то, что безвозвратно исчезло пять из семи имевшихся в музее картин первого чеченского художника, академика живописи П.З. Захарова, с таким трудом найденные в свое время в музеях СССР и возвращенные в Чечню! Они по праву являлись гордостью всего чеченского народа.

Третий удар – вторая чеченская кампания, когда ударами глубинных бомб было разрушено и третья, последнее, здание музея, куда были свезены оставшиеся после первой войны фонды. И снова – разрушения, грязь, мусор. И снова – варварское уничтожение фондов федералами. И снова – везде дикие и неразборчивые мародеры. Правда, почти непронигнутыми остались музеи-филиалы – литературно-этнографический Л.Н. Толстого в ст. Старогладовской, литературно-мемориальный А. Мамакаева в с. Лаха-Невре и Махкетинский краеведческий в Веденском районе. И то только потому, что в Шелковском и Надтеречном районах, к счастью, боев почти не было, а в Веденском районе они были не столь разрушительными, как в Грозном. Эти филиалы продолжают активно работать: проводят выставки, экскурсии, встречи с известными людьми, юбилейные вечера, семинары и т.д. И, конечно же, их гости всегда – молодые люди – учащиеся местных школ, студенты филиалов грозненских вузов, молодые преподаватели и гости из разных районов Чечни.

А литературно-этнографический музей Л.Н. Толстого в середине 2002 года провел даже (впервые за последние пятнадцать лет) фестиваль учащихся школ соседних районов (Шелковского, Наурского, Надтеречного) на тему: «Лев Толстой и дети». И еще: уже в 2001 году на его базе была проведена региональная научно-практическая конференция на тему «Проблемы исторического и культурного взаимодействия России и Чечни», посвященная 150-летию со дня приезда Л.Н. Толстого в Чечню.

Третий удар был самым страшным по разрушительной силе: после него из некогда богатейших фондов музея осталось не более 15–20 процентов. Так, из 230 тысяч музеиных предметов, что были в 1990 году, сегодня сохранилось (с учетом фондов филиалов) не более тридцати трех тысяч, из которых более 25 тысяч – предметы археологических раскопок. Сохранилось, в основном, небольшое количество предметов палеонтологического, этнографического, библиотечного фонда и монументального искусства, которые невозможно было полностью уничтожить, потому что сделаны в большинстве своем из металла, дерева, камня. Да и сохранились они в ужасном состоянии, и все требуют реставрации.

Но, несмотря на все это, национальный музей постепенно возрождается. Пусть и в тяжелых условиях, но он продолжает работать: проводить (пусть пока и небольшие) выставки, традиционные Толстовский и Мамакаевский праздники, научно-практические конференции, консультации, возрождает научно-просветительскую и научно-исследовательскую деятельность, выпускает сборники и книги.

Только в 2002 году, впервые за последние несколько лет, издан сборник материалов региональной научно-практической конференции, проведенной при деятельной поддержке Министерства культуры Чеченской Республики. Сборник, как и конференция, называется «Проблемы политического и культурного взаимодействия России и Чечни» и посвящен 150-летию прибытия Л.Н. Толстого в Чечню 1851 г.

В 2003 году были проведены две научно-практические

конференции: на базе Толстовского музея – «Л.Н. Толстой и Кунта-Хаджи Кишиев: проблемы мира и гуманизма» (к 175-летию Л.Н. Толстого) и в музее А. Мамакаева – «А. Мамакаев: поэт, гражданин и общественный деятель» (к 85-летию поэта), а в 2004 году – научно-практическая конференция, посвященная 80-летию создания Национального музея ЧР. По их результатам тоже были изданы сборники материалов.

И все эти годы о возрождении музейного дела мало кто думал, кроме самих музейных работников. Весомой помощи ни от кого не поступило – даже от Международного Совета музеев (ИКОМ), хотя его Генеральный секретарь М. Бринкман (Нидерланды) утверждает: «Гаагская конвенция о защите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов... затрагивает важный аспект деятельности ИКОМ, касающейся защиты культурного наследия, находящегося в опасном положении» (15). И далее: «Создан международный специальный Комитет Голубого щита, который занимается не только вопросами восстановления ущерба, нанесенного войной, но также и такими природными бедствиями, как землетрясения, бури и наводнения» (16). Только, видимо, все это писано не для Национального музея Чеченской республики, на который все эти бедствия обрушились в комплексе и были самыми катастрофическими в мире.

«Построена для устрашения чеченцев...»

В начале XIX века российская колониальная политика встретила яростное сопротивление в Чечне. На усмирение непокорного края был направлен герой Отечественной войны генерал А.П. Ермолов¹, который отличился особой жестокостью по отношению к чеченцам.

Именно по подсказке А. Ермолова началось строительство цепи крепостей и станиц по Тереку и Сунже с главной целью – загнать чеченцев в горы и запереть там, обрекая на постепенное вымирание или уничтожение посредством карательных походов. Одним звеном этой цепи стала крепость Грозная, которая была заложена 22 июня 1818 года на самом узком перешейке реки Сунжа, там, где ныне находятся остатки сквера им. А.П. Чехова. Об истинной сути этого события так писал ученый-кавказовед Л. Лавров: «Когда генерал Ермолов, пройдя с боями в глубь Чечни в 1818 году заложил там крепость, то назвал ее Грозная, имея в виду, что имя ее будет наводить страх на чеченцев» (17). Словом, крепость была построена, по А.П. Ермолову, «для устрашения чеченцев», а на деле – для устранения горцев.

Еще до выхода первой военной экспедиции из ст. Червленная на Сунжу чеченцы догадались, с чем идут русские полки и чем может закончиться их поход, и решили помешать их продвижению. А двинуты были в глубь Чечни силы немалые. Об этом А.П. Ермолов писал в своих известных «Записках». «Из Георгиевска проехал в войска Гребенского Червленную станицу, неподалеку от которой приготовлена была на Тереке переправа для войск, назначенных в чеченскую землю... 24 мая

---

¹ А.П. Ермолов – генерал от инфanterии (пехоты). С 1816 г. – командающий отдельным Грузинским (Кавказским) корпусом, с 1818 г. – Главнокомандующий войсками в Грузии (на Кавказе) и одновременно посол в Иране (см. Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 555–556).

переправился весь отряд, состоящий из 2-х батальонов 8-го и 2-х батальонов 16-го егерских полков, 1-го батальона Троицкого и 1-го батальона Кабардинского пехотных полков, шесть орудий батарейной, шесть легкой и четыре конной артиллерии, донских и линейных казаков пятьсот человек. Оставив одну роту и два орудия для охранения переправы, весь отряд в один марш перешел от Терека на реку Сунжа» (18).

Как трагически отражалось это продвижение и начало строительства крепости, названной Грозная, мы можем судить опять-таки по оскорбительным «Запискам» А.П. Ермолова, который писал: «Все владельцы селений чеченских, расположенных по берегу Терека, именующиеся мирными, находились при войсках. Селении сии не менее прочих наполнены были разбойниками, которые участвовали прежде во всех набегах чеченцев на линию. В них собирались хищники и укрывались до того, пока мирные чеченцы, всегда беспрепятственно приезжавшие на линию, высматривая какую-нибудь оплошность со стороны войск наших или поселен, могли провожать их к верным успехам.

Чеченцы, издали высматривая движение наше, не сделали ни одного выстрела до прибытия нашего к Сунже. Весьма немногие из самых злейших разбойников бежали из селений, лежащих по левому берегу; все прочие бывали в лагере, и я особенно ласкал их, дабы, оставаясь покойными в домах своих, могли привозить на продажу нужные для войск съестные припасы. В лагерь взяты были от их селений аманаты» (19).

О том, что чеченцы при движении войск «не сделали ни одного выстрела до прибытия нашего к Сунже», А.П. Ермолов, прямо скажем, врет в свою пользу. В действительности же было совсем не так. На самом деле, знаменитый Бей-Булат Таймисев и имам Абдул-Кадыр Герменчукский, объединив свои отряды, оказали яростное и героическое сопротивление оккупантам. Первый бой произошел во время переправы русских войск через р. Терек недалеко от села Старый Юрт. Вынужденные отступить чеченцы укрепились в районе нынешней р. Нефтянки, где произошел второй кровопролитный бой, в котором от взры-

ва снаряда погиб Абдул-Кадыр Герменчукский. Остатки чеченского отряда вынуждены были снова отступить перед превосходящей по количеству и вооружению силой.

Итак, войска прибыли к Сунже и встали на отдых на самом узком перешейке реки. Там и крепость решено было заложить, хотя чеченцы поначалу и думали, что «построение крепости есть вымысел для устрашения их, что чеченцам нужно иметь твердость, и мы, пробывши некоторое время, возвратимся на линию» (20).

Начало строительства крепости было очень трудным: не только горцы, но, кажется, сама природа сопротивлялась стройке. По этому поводу А.П. Ермолов пишет в своих «Записках»: «Продолжавшиеся кряду три недели проливные дожди и чрезвычайно холодная погода препятствовали нам приступить не только к работе по строительству крепости, но даже к приготовлению нужных для того материалов и к начертанию укрепления. Сие наиболее утверждало чеченцев в мнении, что наше пребывание на земле их временное, и когда приступили было к работам, они не переставали думать, что мы только делаем вид того и их оставим» (21). Эта наивная вера и надежда впоследствии дорого обошлись чеченцам.

Погода все же установилась: лето же, как-никак. Полковой дьякон провел молебен и первые лопаты вонзились в превратившуюся в сплошную грязь землю. И началось...

В начале русские вели себя довольно смирно, даже нуждались в помощи и содействии мирных чеченцев – жителей близлежащих горских аулов. Иногда их заставляли сотрудничать в приказном порядке: Главнокомандующий забывал, что чеченцы – не солдаты и не подданные его. Поэтому трения между ними и войсками изо дня в день только обострялись.

Алексей Петрович Ермолов, руководивший лично работами по строительству крепости, писал, что «приказано было селениям, от коих были у нас аманаты, доставлять лес на стройку. Ближайшие не смели оказать непослушания, те же из селений, которые расположены были в отдалении или за известным

урочищем, называемом Хан-Кале, где узкое дефиле (французское – ущелье, узкий проход . А.К.), поросшее частным весьма лесом, делало дорогу непроходимою, отказали в доставке леса и объявили, что никаких обязанностей на себя не приемлют и ни в какое отношение с русскими не вступят. Повинующихся нам начали устрашать отгоном их скота и даже нападениями на их жилища» (22).

Правда, историки (например, кандидат исторических наук С.М. Умаров) имеют иное мнение по поводу угроз и нападений. Есть утверждение, что делали все это сами русские с целью вбить клин недоверия между мирными и воинственными чеченцами, спровоцировать их на братобойственное столкновение. Нападут, скажем, в ночной тьме на аул вероломно, сожгут его, а когда утром соседи начнут выражать недовольство, то или наврут, что, мол, жители уничтоженного аула нарушили договор о поставке леса и нанесли материальный урон русским, или же начнут доказывать, что никакого отношения к нападению не имеют, что мол, сделали это свои же чеченцы, а в темноте, поди, разбери что к чему. Но все равно этот беспредел не оставался безответным: чеченцы сопротивлялись и противодействовали, как могли. Отвагу, находчивость и военное искусство их вынужден был признать и сам А.П. Ермолов.

«Урочище Хан-Кале начали укреплять глубоким рвом и валом, по всем дорогам выставили караулы и пикеты, — писал он. — Редкая ночь проходила без тревоги, ибо, подъезжая к противоположному берегу реки, стреляли они (чеченцы. А.К.) из ружей в лагерь. Нападали на передовые наши посты и разъезды в лесу; где вырубали мы хворост, всегда происходила перестрелка; словом, во всех случаях встречали мы их готовыми на сопротивление. К соседственным лезгинам и другим горским народам послали они просить помощи» (23).

Главной целью и основной задачей строительства крепости были: а) постепенные оттеснения чеченцев от плодородных равнинных земель, б) блокирование их в тесных горных ущель-

ях с помощью голода и холода или истребление их полностью, или покорение. Недаром же девизами всей жизни «кровавого Ермола» были: «Лучший чеченец – это мертвый чеченец»; «Не будет мне покоя до тех пор, пока жив хоть один чеченец на земле». За точность цитат не ручаюсь, но смысл, по-ермоловски, передан точно.

Да и сам А.П. Ермолов писал о целях строительства крепости: «В чеченской земле между тем приступлено к построению крепости, которая по положению своему, стесняя жителей во владении лучшими землями, стоя на удобной дороге к Кавказской линии и недалеко от входа через урочище Хан-Кале, названа Грозною. В производстве работ, сколько могли, чеченцы делали препятствия. Нередко случалось, что солдаты, оставляя шанцевый инструмент, тут же брали ружья и отражали нападение» (24).

Строя крепость, огнем и мечом прошли русские по чеченским аулам, которые представляли собой хоть малейшую угрозу и которые должны были быть поглощены вскоре территорией Грозной. Слезы, горе, пепел и руины оставляли они после себя, оставляли бесысходность в судьбах горцев. Об этом сам Главнокомандующий писал с удовольствием: «Все ближайшие к урочищу Хан-Кале селения или те, к коим полагали они (чеченцы. А.К.), что войска удобнее пройти могут, вывезли лучшее свое имущество. Жены и дети оставались в таком положении, чтобы при первой тревоге удалиться в ближайшие леса, где приготовлены были шалаши. На ближайших полях брошен был хлеб, который по боязни не собирали и уже в летнее время, чувствуя, был в одном недостаток» (25).

Таким образом, строительство крепости обернулось величайшей трагедией для более чем двух десятков чеченских аулов, которые стояли тогда на месте нынешнего Грозного. При строительстве его были уничтожены, стерты с лица земли чеченские аулы: Чегана (район завода «Красный молот»), Алхан-Юрт (парк им. С.М. Кирова, бывший кинотеатр «Космос»), Хан-Кала (бывшая республиканская больница), Эндер-Юрт, Кули-Юрт,

Турти-хутор (Заводской район), Сарабан-Юрт (площадь «Минутка»), Мамакин-Юрт, Делак-Юрт (микрорайон «Ипподромный») и другие. Только на территории нынешнего Заводского района располагалось около десяти аулов, Ленинского – семь, Октябрьского – шесть и т.д. Впрочем, точно количество всех сожжённых и уничтоженных аулов установить невозможно. (М. Шамаев. Из истории Грозного, газета «Нийсо», № 5, 5 сентября 1991 г.). Не смог сделать этого по горячим следам историк и этнограф А. Берже в своей книге «Чечня и чеченцы», в которой попытался дать перечень всех чеченских поселений. Против большинства из них – пометки «сожжён», «уничтожен», «не существует» (27).

Читатели могут удивиться тому, что на территории нынешнего города могло быть так много чеченских сел и хуторов. Но сомневаться в этом нет причин. Во-первых, с самого начала беспорядочного строительства Грозного еще до получения статуса города его будущие кварталы были хаотично разбросаны по разным нефтеносным участкам и назывались поселками. Поэтому он и занимает большую площадь, являясь самым крупным на Северном Кавказе, хотя и невелик в сравнении с гигантами России. Длина Грозного от 36-го участка (центра Страпромысловского района) до 56-го участка (центра Октябрьского нефтяного района) составляет около сорока километров. Почти такова же и ширина от госхоза «Родина» (северной окраины) до пос. им. С.М. Кирова (центра нефтеперерабатывающего Заводского района столицы).

Вот и посчитайте, сколько на этой площади поместились бы небольших аулов и хуторов, расположенных недалеко друг от друга в целях взаимопомощи в случае опасности в глухих, не-проходимых вековых лесах. Во-вторых, по утверждению народного писателя Чечни А. Айдамирова, дело сие в одной особенности Чечни. Вот как описывает он наш край в своей повести «Калужский пленник», приводя размышления имама Шамиля, возвеличенного в Чечне после бегства от соплеменников и солдат из родного Дагестана: «Перед глазами лежала су-

ровая, сложная, неукротимая Чечня. Вековые густые, непрходимые леса. В них запрятались чеченские села. В Дагестане, где даже скучная на урожай земля на вес золота, села крупные и удаленные друг от друга – мало земли. А в Чечне аулы небольшие, но их много. Потому, что земли благодатной и плодородной – вдоволь» (28).

Много трагических и кровопролитных событий происходит вокруг этой первой, еще едва достроенной крепости на Сунженской линии, на чеченской земле, с первых дней ее существования: нападения, боевые стычки и даже крупные схватки. Одно из них произошло 1818 года 4 августа. Вот как описано оно в «Записках» А.П. Ермолова: «Главное же дело происходило 4 августа. С Кавказской линии должен был прибывать в лагерь (крепость. А.К.) большой транспорт с провиантом и различными другими вещами, при которых много было едущих к войскам чиновников. В конвое находилась одна рота пехоты с пушкою и несколько казаков, чеченцы с лезгинами вознамерились сделать на транспорт нападение»... (29).

Но в лагере незадолго до этого от лазутчиков получили сообщение о предстоящем нападении и на защиту транспорта из крепости были высланы дополнительные силы. Нападение все же состоялось, но в столкновении с регулярными подразделениями, поддержаными сильнейшим артиллерийским огнем, чеченцы отступили, а лезгины трусливо бежали и беспорядочно в панике. А.П. Ермолов высокомерно писал об исходе этого неравного боя: «В сей день чеченцы дрались необычно смело, ибо хотя недолго могли они стоять на открытом поле под картечными выстрелами; но когда же полковник И.А. Вельяминов (сын генерала А.А. Вельяминова – начальника штаба кавказской линии, сподвижника А.П. Ермолова. А.К.) приказал войскам идти поспешнее к деревне Ачага (Атага. А.К.), куда бросилась неприятельская конница, как приметно к переправе, ибо известен был в сем месте хороший брод, то чеченская пехота обратилась в бегство в величайшем беспорядке. На переправе происходило замешательство, и немало человек потонуло...

Потеря в сем деле с нашей стороны была ничтожная, и транспорт без всякого вреда прибыл в крепость» (30). С каким удовольствием пишет генерал о победе, хотя она была не такой уж и легкой!

Но у крепости Грозная могла бы быть и другая судьба, и другие предназначения, если бы ее устроители не размахивали бы всегда «топором войны», а искали иные пути решения проблемы «покорения» горцев. Она из военно-административного центра тогда превратилась бы «в центр оживленных экономических и торговых связей горцев с ее жителями, купцами, привозившими сюда товары даже из центральной России» (32).

Так, один из здравомыслящих людей того времени А.С. Зиссерман, служивший при штабе левого фланга Кавказской линии, располагавшемся в крепости Грозная, в своей книге «Двадцать пять лет на Кавказе» писал: «В течение двадцати двух лет (начиная с 1818 года и кончая 1840 годом. А.К.), если не считать мелких хищнических действий да нескольких частных попыток восстаний, довольно легко усмиренных, чеченцы не показывали особой враждебности и жили смирно. Если бы воспользовались этим продолжительным периодом для большего упрощения нашей власти, если б устроили сносные пути сообщения, обеспечили бы себе переправы через Сунжу и Терек..., позаботились бы о каком-развитии промышленности, завели бы хоть одну школу, привлекая в нее сыновей более влиятельных туземцев для изучения русского языка... да сами старались бы знакомиться со страной и ее населением, то, быть может, в описываемое время Грозная имела бы другой характер, более мирный, гражданский...» (цит. по кн. «Город Грозный». С. 12–13).

Крепость Грозная А.П. Ермолов превратил в центр кавказской линии и устроил в ней свою резиденцию, откуда руководил он всеми операциями в Чечне и Дагестане и формировал здесь все отряды для карательных экспедиций на их территориях. О некоторых подробностях этих бесчеловечных по жестокости карательных экспедициях в чеченские земли, имеющих

непосредственное отношение к крепости Грозная, мы расскажем в других очерках о ее истории.

В те годы (начало XIX века) крепости на Кавказе строили очень незатейливо и просто, как и крепость Грозная. По сохранившейся карте, восстанавливая вид ее, журналист-краевед А.И. Казаков пишет: «Никаких каменных стен, подъемных мостов через рвы, как можно было вообразить исходя из ее названия, не было. Цитадель имела вид правильного шестиугольника, каждый угол которого выдавался вперед бастионом с амбразурами для двух орудий – всего двенадцать. Валы земляные, укрепленные палисадами. Внутри цитадели располагались помещения для хранения оружия и боеприпасов, казармы и караульные помещения для несущих гарнизонную службу частей. Сама крепость и прилегающая к ней территория были обнесены глубокими рвами, наполненными водой. Постройки деревянные или турлучные¹. В редких случаях – саманные. Крыши у всех – камышовые» (33).

Вся Кавказская линия, протянувшаяся от Черного до Каспийского моря, делилась на два фланга: правый – от р. Кубань до Черного моря, левый – от р. Терек до Каспийского моря.

Крепости эти были стандартной постройки. Поэтому к Грозной полностью подходит описание другой крепости, оставленное в «Записках декабриста» А.Е. Розена. Он писал: «Только не воображайте себе крепость с каменными стенами, глубокими рвами и подъемными мостами. Земляной окоп с четырьмя бастионами (в Грозном их было шесть. А.К.), окружающий казарму, два-три дома и духан² или постоянный двор, или кабак³ – вот крепость на военной дороге. При въезде и выезде поставлены палисады, на валу – пушки и денно и ночно старател-

---

¹ Турлучные – деревянные, наподобие чеченских саклей.

² Духан – восточная столовая, строили их в основном армянские или горские евреи (в Грозной тоже)

³ Кабак – питейное заведение..

ный караул, который мало надеется на вал и на пушку, но много на штык свой. Весь гарнизон такой крепости состоит из одной или двух рот, из двух офицеров и доктора» (34). Правда, в кр. Грозная и войск, и обслуживающего персонала было намного больше, так как она являлась ключевой на кавказской линии, да и люди (горцы) были повоинственнее. Поэтому А.Е. Розен продолжает: «Но в Чечне, в Дагестане, в местах частых набегов, где устроены такие же крепостцы, там офицеры и солдаты, кроме самих себя и неприятеля, никого не видят; не знают прогулки вне крепости, а если нужда велит идти за дровами или пищей и кормом, то выходят не иначе, как с вооруженными проводниками» (35). Вот так вот! Боялись все же горцев!

И еще одно описание крепости Грозная, сделанное по рисункам А.И. Дьяконова, набросанными художником «с натуры» в тридцатых годах XIX века. «Да, мало похожа Грозная на средневековые замки и укрепления. Перед нами неказистое сооружение из дерева и земли. На переднем плане – земляной вал с широко открытыми воротами: два круглых столба с перекладиной и навешенной деревянной решеткой. В глубине – крепостной вал, широкий ров, наполненный водой, через который переброшен деревянный мост с перилами, ведущий к главным крепостным воротам, тоже деревянным, но массивным с крышей и толстыми стенами. Между внешним и внутренним валом расположена куртина – небольшая площадка, а на ней какие-то строения: виднеются только камышовые крыши...» (36).

Крепость имела вид правильного шестиугольника, каждая сторона которой являлась фронтом для одного батальона, а каждый угол – выдававшимся вперед бастионом с двумя амбразурами. Расстояние между противоположными валами крепости составляло 400–500 метров. Вал крепости представлял собой земляную насыпь немногим выше человеческого роста, укрепленную палисадами. Крепость была окружена глубоким рвом. На

каждом бастионе располагалось по два орудия – всего двенадцать. От главных ворот через ров был переброшен мост на дорогу (нынешнюю ул. Первомайская), ведущую на Старый юрт, ст. Червленная и оттуда – в Центральные области России (37).

И это сооружение, которое чеченцы, действуй они решительно и согласованно, смогли бы уничтожить одним ударом, стало источником двухвековой трагедии народа Чечни. Из него уходили экспедиции на усмирение чеченцев. Вырубались вековые леса, строились поселения, вырастали улицы, торговые ряды – рос город, статус которого Грозный получил в 1870 году.

Но, несмотря на это, он оставался глухой, захолустной провинцией. Даже нефтяной бум, разразившийся здесь в 1893 году, строительство примитивных нефтезаводов, железной дороги, развитие промышленности – не вывело город из нищеты и грязи; нефтемагнаты нажили миллионы, а Грозный влачил жалкое существование. Вот пример из книги Д.И. Приволжского «Весь Грозный и окрестности» (1914 г.): «Все говорят, что наш бедный, донельзя грязный и крайне захудалый город находится накануне экономического чуда. Но это – ложь! С годами город не стал благоустроеннее, и к знаменитой грозненской грязи на его улицах добавились еще мазут, гарь от нефтеперегонных заводов и отравленный воздух. Грязь на улицах такая, что в самом центре города на ул. Дундуковская (ныне начало пр. Революции на берегу р. Сунжа) в огромной луже утонул извозчик с лошадью (39).

Грозный до самого Октябрьского переворота 1917 года был запретным для чеченцев. «Чеченцев на форштадте жило мало, – писал в своей книге «Двадцать пять лет на Кавказе» историк А. Зиссерман. – Это были, в основном, переводчики-проводники на левом фланге». Но ни царская администрация, ни, позже, советский тоталитарный режим не сделали ничего, чтобы изменить сложившуюся систему. Став одним из центров революционных событий на Кавказе в 1917 году, разрушенный, но мужественно выстоявший в Стодневных боях с белогвардейцами и белоказаками в 1918 году, в сороковые – восьмидесятые

годы XX столетия Грозный стал крупнейшим экономическим, научным и культурным центром и красивейшим городом Северного Кавказа, имя которого гремело на весь мир.

Но история повторилась: Грозный снова был полуразрушенным в ходе боевых действий первой и почти полностью превращен в руины в жестоких боях второй чеченской компании. Но все же не был сломлен духом и, являясь символом непобедимости народа, снова возрождается, как феникс из пепла, потрясений и бед. Иначе и быть не может, потому что г. Грозный – это история чеченской нации, история Чечни.

Ул. Александровская – Первомайская

Бульвар Первомайский
Листвою шумит.
Бульвар Первомайский
Прохладой манит.
Сплелась в нем история
С днем настоящим –
В бульваре когда-то
Красивейшем нашем...

Первомайская – одна из любимейших улиц моей юности: по ней я сделал первые шаги в городе, вернувшись из тринадцатилетней ссылки, на ней, в старом одноэтажном доме с не большим, но уютным двориком на углу улиц Первомайская и им. А.С. Грибоедова, в общежитии жили в 1957–1960 гг. мы – студенты Грозненского статистического техникума. Этого дома, как и многих других, нет сейчас: на их месте в конце 80-х годов XX века возникли новые девяти и десятиэтажные корпуса. На этой улице выросли мои дети, сегодня растут внуки. По этой улице вот уже около пятидесяти лет я каждое утро спешу на работу, и каждый вечер возвращаюсь домой.

Проходя по Первомайской (или по тому, что осталось от нее после двух истребительных чеченских войн), увидев тот или иной уцелевший дом или пустырь, заросший бурьяном и диким кустарником там, где всего лет пятнадцать назад был большой, красивый, полный жизни квартал, – я представляю себе каждое здание – каким оно было, вспоминаю его историю. Ведь дома эти были частичкой истории Грозного, кусочком памяти народной. Это и неудивительно: улица Первомайская (до 1920 г. – Александровская) была первой из четырех довольно-таки коротких улиц, возникших за стенами крепости Грозная и живших начало городу – будущему Грозному. С тех самых пор улица Первомайская, как одна из главных артерий города, всегда

находилась в центре исторических событий XIX и XX веков культурной жизни столицы Чечни.

Повторяем, что до 1920 года ул. Первомайская носила имя российского императора Александра II. Переименование же ее связано с событием первой русской революции 1905–1907 гг., которое произошло в г. Грозный. Событием этим было празднование впервые в городе Первого мая (Первомая) – Дня международной солидарности трудящихся всех стран. И вот, как это было:

Первомайская, как и Граничная, и Арсенальная и другие первые улицы, образовалась когда солдатам, отслужившим двадцать пять лет, было разрешено поселяться вблизи крепости Грозная, на форштадте¹.

Начиналась она сразу же за крепостными стенами и называлась Александровская в честь наследника престола, будущего императора Александра II, побывавшего в наших краях в октябре 1850 года. Через нее осуществлялась, главным образом и связь крепости с Россией: именно по этой улице приезжали в Грозную и выезжали из нее через укрепление Горячесисточенское, станицы Червленная, Шелковская и Наурская в Россию, по единственной тогда дороге, воинские колонны и гражданские обозы. Встречи и проводы их проходили у Триумфальной арки «Красных ворот», воздвигнутых опять же в честь посещения крепости императором Александром II. Они стояли на перекрестке улиц Первомайская и Кабардинская до 1932 года – пока не были снесены при прокладке трамвайных линий в городе: ворота стали помехой на их пути.

Первомайская была одной из самых зеленых, ухоженных и любимых горожанами и гостями города улиц Грозного. Недаром ее называли бульваром: посередине, во всю историческую

---

¹Форштадт – территория за крепостными валами, где селились семейные солдаты и другие жители.

длину ее, росли раскидистые деревья, пышные кроны которых, сплетаясь, образовывали сплошную зеленую аллею-галерею.

По сторонам пешеходной дорожки стояли скамейки, вокруг которых кусты образовывали зеленые беседки. В тени их отдыхали любители тишины и чтения. По обеим сторонам бульвара тянулись одноэтажные старые дома – свидетели истории города и новые высотные здания – стройные, солнечные, шумные. Улица по праву считалась красой и гордостью города.

Первоначально была она недлинной – всего-то метров триста от главных ворот крепости, которые были там, где сейчас руины главного корпуса ГНИ, и до Красных триумфальных ворот на пересечении ул. Первомайская и ул. Кабардинская. На ней и был торжественно встречен Александр II, когда он обезжал Кавказ в середине XIX века. В эту поездку осенью 1850 года император и побывал в крепости Грозная, и в честь него улица была названа Александровская.

На ул. Первомайская в числе множества других исторических событий произошло и первое легальное празднование Первого мая. Впервые праздник Первого мая, как Международный день солидарности трудящихся, был отмечен в Грозном нелегально рабочими Старых промыслов на Неклепаевском участке нефтедобывающей фирмы «Шпис» в 1903 году. Тогда, в день Первого мая, был проведен митинг солидарности рабочих с уволенным с работы и обреченным на нищету товарищем. И, надо сказать, нефтяники победили: их требования были приняты, хозяин вынужден был вернуть уволенного на промысел. Рабочие впервые поверили в свою силу.

Впервые легально Первое мая праздновали в городе Грозный в 1906 году – в первом году первой русской революции. Рабочими многих предприятий Грозного решено было отметить его маской на Старых промыслах и демонстрацией в го-

— Но власти, узнав о замыслах рабочих, наводнили Грозный демонстрации стало невозмож-
била ближайшего

дничным, революционным, — писала об этом событии издававшаяся в тот год в Грозном газета «Терещь». — Об этом говорил даже внешний вид присутствовавших. Мужчины пришли на маевку в красных рубашках, а женщины — в красных косынках. Они принесли с собой красное знамя, и полицейский пристав не в силах был заставить убрать его». Маевка вылилась в митинг, продолжавшийся несколько часов. В нем приняли участие около двух тысяч человек. Одним из тридцати трех требований, предъявленных рабочими нефтепромышленникам было: предоставить право праздновать ежегодно 1 Мая и объявить этот день выходным (2).

Первая же самая крупная и многолюдная первомайская демонстрация, в которой участвовало около десяти тысяч рабочих только предприятий города Грозный (без Старых промыслов), состоялась в 1907 году. Накануне большевистской организацией города была выпущена листовка, призывающая рабочих участвовать в первомайской демонстрации. В ней говорилось: «Товарищи! Завтра Первое мая — великий праздник Международного пролетариата. В день Первого мая рабочие всех стран протягивают друг другу руки и заявляют о своей классовой солидарности. В этот день не должны дымиться фабричные трубы, рабочие должны выйти и заявить: «Да здравствует Международный пролетарский праздник 1 Мая!» (3). Такими были требования униженных и оскорбленных.

Утром первого мая многочисленные гудки заводов и фабрик оповестили о начале праздника. Рабочие на демонстрацию собрались у садика Черняевского, разбитого на улице Александровская, недалеко от центра города. Хотя три тысячи рабочих Старых промыслов не смогли пробиться в город через усиленные кордоны полиции и войск, у сада собралось около 10 тысяч человек. В демонстрации впервые участвовали и рабочие-чеченцы, которых до революции 1917 года в городе насчитывалось около трех тысяч.

По обеим сторонам бульвара демонстранты двинулись стройными рядами на митинг; который решено было провести

на площади Дровяная (сейчас – бывший сквер у бывшего главного корпуса ЧГУ на ул. Ивановская; назвали ее так потому, что чеченцы из окрестных сел привозили на эту площадь по воскресным дням дрова для продажи горожанам). Один из рабочих, участников этого митинга, вспоминал позже: «Гудит Дровяная площадь Грозного. Шли и сочувствующие рабочие, и настоящие «уверенные» социалисты, и просто любопытные. Многие знали из приказа губернатора, что праздновать 1 мая воспрещается, что замешанным грозит 50 рублей штрафа и даже военно-политический суд. Но все-таки шли» (4). Шли потому что угрозы не пугали рабочих, которым нечего было терять, «кроме своих цепей».

«Для разгона митинга на площадь был выслан взвод полиции и казаков, – писала газета «Грозненская новость». – На приказ полицеистера разойтись участники митинга ответили откатом, и сами окружили взвод. В солдат и казаков полетели комья грязи. В руках у рабочих замелькали деревянные колыя. Сбитые с лошадей казаки не знали куда деться. Спасаясь бегством, они бросились в реку Сунжа (в районе парка С.М. Кирова. А.К.) и переплыли на другой берег. Постепенно, – продолжала газета, – на площади был собран весь гарнизон города, чтобы, как говорилось в донесении полиции, воспрепятствовать повторению сбояща. И только тогда, когда войска заняли всю площадь, рабочие прекратили митинг, но не расходились, а стояли у дворов по всем четырем сторонам площади. И лишь к шести часам вечера разошлись по домам» (5).

В память об этих событиях – первой массовой демонстрации в день 1 Мая – вскоре, после установления Советской власти в Чечне, в 1920 году улица Александровская была переименована в Первомайскую, а Дровяная площадь – в площадь Борьбы. По традиции, именно на ней состоялись парад Грозненской и Чеченской Красной армий и митинг по случаю их блестящей победы над белоказаками в знаменитых Стодневных боях в городе Грозный в 1918 году. Об этом свидетельствова-

ла в свое время мемориальная доска, установленная на главном корпусе Чечено-Ингушского государственного университета.

В пятидесятые – семидесятые годы XX века, когда на площади Борьбы встали корпуса пединститута (позже – университета) и между ними был разбит красивый сквер, он стал называться «Студенческим», потом, когда ЧИГУ присвоили имя великого русского писателя Л.Н. Толстого, «Толстовским».

«В том же 1920 году случилось еще одно знаменательное событие, связанное с 1 Мая – Днем международной солидарности трудящихся, – пишет А.И. Казаков. – В первый коммунистический субботник, состоявшийся в день праздника, рабочие Старых промыслов решили помочь своим соседям, казакам хутора Васильев провести с 36-го участка воду, в которой те испытывали острую нужду. Работа началась с обеих сторон: от промыслов водопровод вели нефтяники, от хутора трассу рыли его жители. Трудились с энтузиазмом – вессело, с песнями. В тот же день водопровод был построен. В память об этом хутор Васильев был назван станицей Первомайская (6). В 30-х годах XX в. в ней был организован один из лучших колхозов Чечни.

Сегодня, к сожалению, после двух чеченских военных кампаний нет ни бульвара, ни многих домов на исторической части улицы Первомайская, ни корпусов университета, ни Студенческого сквера на площади Борьбы. На их месте – пустыри, бурьян да дикие заросли кустарников...

Много памятных мест было (и сейчас сохранились) на ул. Первомайская. История тут начиналась незабываемая, с первых же шагов по ней. Справа (в сторону СП № 7), в самом начале улицы, на нескольких кварталах стояли корпуса знаменитой Республиканской больницы с тенистыми аллеями, россыпью газонов и уютных зеленых беседок для больных и посетителей. Памятна она была не только этим, но и тем, что, во-первых, с 30-х годов XX в. была госпиталем крепости Грозная, а с 70-х годов – городской больницей для всех и един-

ственной; во-вторых, с первых дней советской власти стала главным лечебным учреждением Чеченской автономной области; в-третьих, на одном из ее неприметных старых зданий жители и гости республики с гордостью читали слова: «Здесь располагался госпиталь, в котором в 1847 году работал и проводил операции выдающийся хирург Н.И. Пирогов». Тогда уже всемирно известный профессор медицины, впервые применивший наркоз при операциях в полевых условиях, не только жил и работал в Грозном, но и выезжал в горы Чечни, встречаясь с известными чеченскими народными лекарями, знакомился с их методами лечения ран травами без хирургического вмешательства и очень высоко отзывался о них в своем знаменитом «Отчете о путешествии по Кавказу», обошедшем весь мир. В частности, это зафиксировано и документально: «Сравнив условия русской и горской медицины, Пирогов нашел правильный путь, по которому надо идти в оценке народной медицины. Не приижать, но и не возвеличивать, отбирать ценное и отметать схоластическое и устаревшее».(7). Одновременно Н.И. Пирогов исследовал и применял в своей практике некоторые приемы лечения горских лекарей.

О горской медицине и мастерстве чеченских народных лекарей очень высокого мнения были Лев Николаевич Толстой и все другие кавказоведы, хорошо знавшие Чечню и горцев. Так, один из них писал в XIX веке: «Для заживления раны употреблялась специальная мазь, состав которой держится в строгом секрете и передается от отца к сыну, действие этой мази чрезвычайно быстро». Такого высокого качества лекарств не достигала в те годы даже официальная фармацевтика (8).

— Среди чеченцев, — пишет местный историк-кавказовед — и вообще горцев, было много искусных лекарей, главным образом по излечению ран. К таким лекарям иногда обращались не только рядовые, но и прославленные офицеры царской армии. А.С. Зиссерман (известный кавказовед), например, рассказывает такой случай. В 1847 году при осаде с. Салты, под-

полковник Мищенко был смертельно ранен пулей в грудь. «Пирогов, — пишет Зиссерман, — которого князь Воронцов просил особенно позаботиться о Мищенко, осмотрев рану, признал ее смертельной и на выздоровление никакой надежды не имел. Однако призванный лекарь из туземцев принялся за дело так удачно, что раненый был исцелен и прожил после того еще двадцать пять лет в постоянной деятельности» (9).

Дальше, по правую сторону, через ул. Госпитальная (которой сегодня нет. А.К.) сохранились низенькие, ничем не примечательные дома, построенные еще в конце XIX – начале XX веков. На многих из них до девяностых годов прошлого столетия сохранились металлические знаки, вмуранные в стены, с надписями: «Инвентаризация, г. Грозный, 1911 г.».

Дальше, через квартал на углу ул. Первомайская и ул. Ильинская, (которой тоже сегодня нет. А.К.) стояло длинное, неказистое, одноэтажное здание начала XX века, в котором до Октябрьской революции 1917 года находился городской суд, а с 1925 года оно было перепланировано и отдано под квартиры рабочим. Памятен этот невысокий мрачный дом был тем, что в 1905 году в нем состоялся суд над участниками декабрьской (1905 г.) забастовки грозненских железнодорожников. Этот факт зафиксирован в истории города (10). Предыстория суда такова:

в ночь на 25 декабря 1905 года в г. Грозный из Москвы прибыл первый прямой поезд, как установили историки – бывшие научные сотрудники Чечено-Ингушского республиканского краеведческого института, ныне – Национального музея Чеченской республики, – и рабочие узнали о подавлении московского вооруженного восстания. Дальнейшая борьба бастовавших грозненских рабочих в этих условиях была бесполезной. На общем собрании железнодорожники (в числе которых были, кстати, уже и чеченцы. А.К.) решили приступить к работе на всех участках с 27 декабря.

Поражение декабрьской забастовки стоило больших жертв грозненскому пролетариату. К суду были привлечены 18 руко-

водителей забастовки... Им предъявили обвинение в организации вооруженного восстания, за что их могли приговорить к смертной казни. Большевистская организация в канун суда провела ряд митингов на промыслах, заводах, железной дороге. На них рабочие вынесли решения – потребовать от суда оправдательного приговора всем обвиняемым.

«И вот 27 июня 1906 года в этом здании началась выездная сессия Тифлисской судебной палаты. Под влиянием масс суд проходил при открытых дверях. По требованию тысячной трудовой массы, которая оставив свои рабочие места, два дня дежурила у этого здания, железнодорожникам был вынесен оправдательный приговор...» (11). Такова была сплоченность масс, руководители которой, несмотря на озлобленность рабочих, сумели «связать промысловых, заводских и железнодорожных рабочих в одно целое, во время процесса соблюдала образцовую тишину, спокойствие идержанность. Но в этой тишине было что-то могучее, и это прекрасно поняли судьи» (12). Поэтому, испугавшись растущей активности рабочих, и пошли они на попятную.

Далес, через два квартала, ул. Кабардинская и им. Н.Ф. Гикало (кстати, до 1917 г. она называлась Короткой, потому что такая и есть, всего 2 квартала. А.К.), стояли корпуса огромного комплекса Первой городской больницы, возведенные в тридцатые – сороковые годы XX века на месте площади, которая до 1932 года носила имя Четверговая. Называлась она так потому что до самой революции в октябре 1917 года на ней по четвергам собирались базары, где мирно торговали друг с другом горожане, горцы и казаки.

«До 1887 года на этой площади по четвергам собирался базар. Необорудованная и немощеная площадь утопала в грязи, торговля на ней производилась прямо с подвод и арб. Чеченцы привозили из аулов топленное коровье масло, курдючный жир, яйца, птицу, кукурузу в зерне. Сунженские станицы доставляли на рынок в основном молочные продукты – сливоч-

нос масло, творог, в гончарных крынках каймак¹, запеченный в русских печах, топленное и кислое молоко, затянутое поверху коричневой пленкой. Затеречные станичники везли вяленую рыбу, арбузы, мед, вино, каперсы², виноград» (13). Видимо, бойкая и богатая была по четвергам на этой площади торговля, раз такое обилие товаров!

До 1932 года Четверговая площадь оставалась пустой и мало используемой: домов и торговли на ней почти не было. Но с этого года она стала неизвестно меняться – застраиваться. Объяснялось это тем, что, как пишет краевед А.А. Ваксман, наступило «время, когда страна (СССР. А.К.) приступила к колоссальному строительству тяжелой индустрии, досрочно был выполнен первый пятилетний план, требовались квалифицированные инженерные кадры и соответствующие для этого квартирные условия... В этот период, в 1932 году, Грозному Правительством (СССР. А.К.) были выделены специальные ассигнования на проектирование и строительство жилых домов для специалистов по индивидуальным проектам. Для строительства и авторского надзора за его ходом горисполкомом (Грозненским. А.К.) был приглашен архитектор А. Литвиненко. Под новое кварталометражное строительство отвели пустующую Четверговую площадь «в границах улиц Первомайская, Карагандинская, им. М. Лермонтова и И. Гикало» (14).

И строительство началось: в 1935 году на Четверговой площади построили и сдали корпуса хорошо по тем временам оборудованной Центральной городской поликлиники, ставшей в начале Первой городской, а затем – Больницы скорой помощи, от которой после двух чеченских войн оставался один полуразрушенный корпус, дважды восстановленный и используемый сейчас. В те же годы был построен первый пятидеся-

¹ Каймак – сметана особого приготовления (восточное)

² Каперсы – почки южного стеночного из земли растения; они употреблялись в пищу как приправа.

ти квартирный «Дом специалистов» с номерным знаком шесть. «Все фондовыe материалы, такие как, цемент и металл, отпускались на жилищное строительство в самом ограниченном количестве, продолжало оставаться в силе указание, использовать на жилье местные стройматериалы для отделочных работ» (15). Было построено всего два дома для специалистов очень скромной архитектуры. Просуществовали они между ул. Слободская и Карагандинская до первой чеченской войны, когда были разрушены частично, а после второй кампании уничтожены полностью. Сейчас там – пустырь, бурьян, кустарник.

Дальше по правую сторону ул. Первомайская не было мест, оставивших заметный след в истории города Грозный, до квартала между улицами им. Грибоедова (бывшей до 1920 г. 1-й Выгонной. А.К.) и Татарская (до 1920 г. – Успенская. А.К.), в центре которой и до сих пор стоит множество раз перестроенный и перепрофилированный старинный дом под № 30 с арочным въездом. До революции 1917 года он принадлежал известному в те времена владельцу кирпичных и черепичных заводов в городе Грозный С. Хангельдиеву, прочные изделия которого с маркировкой «С.Х.» встречаются и в наши дни. Но в историю города особняк вошел, потому что как гласила надпись на мемориальной доске, установленной на нем в 1967 году и просуществовавшей до 1991 года, – «Здесь в 1918 году в период Стодневных боев находился штаб Правого (особого) фронта». Командовал им видный большевик-старопромысловский рабочий П. Маслов.

Этот фронт, действительно был особым, самым важным: рабочему ополчению города противостояли лучшие силы белоказаков. Много было тут кровопролитных сражений. На этом фронте был наголову разбит считавшийся непобедимым Волжский пластунский полк белых. Именно на этом фронте держала оборону Чеченская Красная Армия под командованием Асланбека Шерипова – в районе бывших городских фруктовых садов на линии от реки Сунжа – нынешней улицы им. Жуковского – до микрорайонов. Линия обороны шериповцев была единствен-

ной связью осажденного города с внешним миром. Через нее бесперебойно поступали в Грозный оружие, боеприпасы, продовольствие...

А сил и вооружений в г. Грозный к началу Стодневных боев было, действительно, не так уж и много для эффективной защиты окруженногого с трех сторон города. «Грозненская Красная Армия состояла из четырех рот пехоты, пулеметной команды, артиллерийского дивизиона, кавалерийского эскадрона, бронепоезда, комендантского и музыкального (ну, как же без него! А.К.) взводов. Вначале Грозный защищали примерно семьсот красноармейцев... кроме регулярных частей Красной армии (в ходе боев. А.К.) были созданы: отряды самообороны, рабочая рота заводского района, железнодорожная дружина, Пролетарский батальон старопромысловских нефтяников и другие подразделения. Общая численность бойцов Грозненского гарнизона доходила до 3500 человек» (15). И все они сосредоточены были на небольшой в те годы площади города. Представьте себе, сколько сил могло достаться на один фронт, если их было три и главным являлся Центральный на ул. Границная, куда, естественно, и оттягивались основные силы. И, тем не менее, на Правом (основном) фронте врагу не удалось сломить сопротивление рабочих, напротив, они сами наносили белоказакам сокрушительные поражения, как, например, уничтожение специально обученного Волжского пластунского полка, на который бичераховцы возлагали большие надежды в борьбе с Грозненской Красной Армией.

Вот как писал впоследствии о разгроме этого полка прославленный командир Пролетарского батальона В. Михайлик, имя которого носит сегодня одна из улиц пос. им. И. Мичурина г. Грозный: «Одним из ответственных периодов в обороне Грозного был бой с Волжским пластунским полком, прибывшим из Прохладного и расположившимся в станице Петропавловская. О готовящемся наступлении мы были извещены заранее через нашу разведку. Предполагалось, что наступление полка будет направлено в район завода «Молот» (построен в 1893 году неф-

тепромышиленником Фаниевым для выпуска нефтеаппаратуры; до 1917 года его называли просто заводом Фаниева или «Молот», с 1920 года – «Красным молотом». А.К.) и улицы Александровская. Наступлению будет предшествовать артиллерийский огонь батарей, расположенных в Тыртовой роще (в пойме р. Сунжа за районом кирпичных заводов на Петровавловском шоссе. А.К.) и Карпинском кургане (в Старопромысловском районе в конце ул. Фасадная. А.К.). Оборону этого района нес Пролетарский батальон. Накануне нас усилили пулеметной командой и резервом за счет других участков обороны» (17). Сделано это было по личному указанию Н.Ф. Гикало, командовавшего всеми вооруженными силами.

По получении сообщения о предстоящем наступлении белоказаков, рабочие-пролетбатовцы подготовились к его отражению. Были вырыты хорошие полного профиля окопы на 1-й Выгонной (сейчас – им. Грибоедова. А.К.) улице Фаниева от завода «Молот» до ул. Горячеводская (и сейчас называется также; параллельна ул. Первомайская справа. А.К.). На городском кладбище (район нынешнего стадиона «Динамо». А.К.), на восточной окраине его, в канаве был сосредоточен самый боеспособный взвод Пролетарского батальона. Справа от Ярмарочной (Четверговой. А.К.) площади, в сенинках Казанской слободы (район ул. Татарская – Казанская, где компактно селились татары; единицы из них живут там и сейчас. А.К.) были установлены станковые пулеметы. В здании ремесленной школы (до 1995 г. – СГПТУ № 5; сейчас это старинное здание полуразрушено, а в восстановленной пристройке размещено городское профтехучилище № 2. А.К.) на Кладбищенской (сейчас – ул. Стахановцев. А.К.) улице и в здании конторы нефтесообщества «Рапид» на углу Александровской и Успенской (сейчас – Татарской. А.К.) улиц сосредоточились две роты резерва и станковый пулемет (здание этой конторы стояло до 1995 года, перепланированное под квартиры, разрушено в ходе боевых действий и после – расташено на кирпичи мародерами. А.К.).

Командный пункт Пролетбата располагался в подвале дома Хангельдисса, под штабом Правого (Особого) фронта обороны Грозного.

Как видим, подготовились красные отряды к встрече непрощенного гостя основательно. И, как оказалось впоследствии, не напрасно. «Наступление (Волжского полка. А.К.) началось, — писал в своих воспоминаниях В. Михайлик, — после артиллерийской подготовки в четвертом или пятом часу утра 16 сентября в направлении Кладбищенской и Александровской улиц. Первая цепь наступающих была допущена на расстояние в 40–50 метров от нашего переднего края и встречена залпами ружейного огня. Наши пулеметы, как было условлено, молчали. За первой цепью шли вторая и третья. При подходе второй цепи вступили в действие наши пулеметы. По третьей цепи открыли огонь пулеметы, находящиеся в засаде» (18).

Ход боя показал, что оборона на участке была организована экономно, продуманно и эффективно. Проявились смекалка и мудрость командиров рабочих. «Попав в вилку, — пишет В. Михайлик, белогвардейцы кинулись вперед и некоторая часть наступавших (человек сто) с ходу перепрыгнула через наши окопы на Александровской улице, но была встречена в упор огнем резервного пулемета, причем было убито и ранено 18 наших бойцов.

В это время бойцы из участковой дружины и часть бойцов из китайской роты¹ проникли на кладбище, где захватили командный пункт белогвардейцев. Расстреляв бичераховцев, прорвавшихся через наши окопы на Александровской улице, бойцы 4-й железнодорожной роты бросились в контратаку и доверили разгром наступавшего Волжского полка (19). В результате этого разгрома Волжский пластунский полк был почти полностью уничтожен, в плен взято более ста белоказаков. Зна-

¹ Китайская рота — о том, как китайцы попали на Кавказ и, в частности в г. Грозный, см. в нашем первом приложении в конце I-й части.

чительными были и потери красноармейцев и ополченцев. «Бойцы Пролетбата, высланные в засаду..., погибли почти все, сдерживая белогвардейцев, наступавших по Кладбищенской и Александровской улицам. Из этой группы ранеными было подобрано несколько человек... В 4-й заводской роте в рукопашном бою погиб почти весь передовой взвод, бросившийся в контратаку» (20). Но, как говорится, «война не бывает без жертв, победа не достается без потерь».

Сохранились сведения, что в разгроме самого боеспособного воинского подразделения белоказаков – Волжского пластунского полка, участвовала и Чеченская Красная армия под командованием А. Шерипова, которая в один из самых критических моментов боя стремительной атакой в тыл наступающих посеяла панику в их рядах и ускорила развязку. «В сентябре, во время наступления белоказачьего Волжского полка, конница А. Шерипова в районе завода «Красный Молот» атаковала врача, оказав тем самым большую помощь бойцам Грозненской Красной Армии» (21). И таких подтверждений в истории Стодневных боев найдется немало.

Дальше по правой стороне ул. Первомайская памятных мест и строений не было. Разве что здание двухэтажной гостиницы на углу ул. Первомайская и Татарская, построенной в 1912 году неким купцом. До сих пор сохранились на фронте ее инициалы владельца – «АМА» и дата постройки – «1912 год». В 30-е годы прошлого века, она была перепрофилирована под квартиры и, до 1995 года жили люди. Сохранилось это здание даже после двух разрушительных чеченских войн, стоит и сейчас пустое и заброшенное, пугая прохожих черными провалами окон.

Немало исторических и памятных мест было на ул. Первомайская и по левую сторону (при движении к СП № 7 от пл. им. Г.К. Орджоникидзе). Так, в центре квартала между ул. Красноармейская и Октябрьская находился до 1995 года известный не только в Чечено-Ингушетии, но и далеко за ее пределами, знаменитый и любимый горожанами и гостями столицы «Сад

им. 1 Мая» – эстрадная площадка, которая была исторической и культурной достопримечательностью г. Грозный, хранящей имена многих выдающихся представителей русской и чеченской культуры.

Началась же эта история более ста лет назад. В те далекие годы купец Чернявский приобрел небольшой земельный участок на улице Александровская, недалеко от центра города. Здесь он построил сцену с открытой зрительской площадкой. Рядом соорудил небольшой бассейн с рыбками и фонтанами. Для прогулок по саду разбил три параллельные аллеи, отделенные друг от друга кустами сирени.

«Все было красиво сделано, – пишет А.А. Ваксман в книге «Записки краеведа». – Лишь правую часть садика портила невзрачная кирпичная стена соседнего двухэтажного здания. Чернявский пригласил художника Э. Бернгольта, по эскизам которого скульптор В. Кольцов вылепил на стене цветной барельеф горного пейзажа: вьются дорога в ущелье, по ней ползет арба, журчит сбегающий со скалы ручей (кстати, настоящий), который на переднем плане вращает колесо водяной мельницы. Вид получился великолепный, он украшал садик, делал его уютным» (22).

Подтверждаю: это действительно было так. Барельеф сохранился до наших дней и радовал посетителей до 1995 года, пока был разрушен. В 1920 году садик Чернявского был национализирован и назван «Садом им. 1 Мая» в честь его празднования в 1907 году – именно у этого сада собирались рабочие на демонстрацию. До конца дней своих он оставался местом паломничества любителей музыки и главной сценой для гастролей звезд эстрады Советского Союза.

Он почти более ста лет был центром культурной жизни города Грозный. На его сцене выступали еще до революции 1917 года звезды немого кино и театра Вера Холодная и Иван Мозжухин, показывая отрывки своих кинофильмов «Осенние скрипки», «Сказки любви дорожной» и других. Здесь выступал профессор московских театрально-музыкальных вузов Владимир Максимов, пела всемирно известная исполнительница

цыганских песен Ляля Черная, ставил отрывки своих первых спектаклей великий актер и режиссер Евгений Вахтангов, несколько месяцев проработавший в городе Грозный перед отъездом в Москву...

На сцене «Сада им. 1 Мая» еще в 1912 году поставил свою первую пьесу «На вечеринке» первый чеченский драматург, актер и режиссер Назар-Бек Гагтен-Калинский. Она пользовалась таким огромным успехом, что билеты на постановку раскупались за недели до спектакля. В 1912 году одна из газет, издававшихся тогда в Грозном, писала об этом: «Артистом Назар-Беком Гагтен-Калинским была поставлена на родном ему, чеченском, языке пьеса его же сочинения «На вечеринке». В пьесе выступали кроме автора три местных любителя (артисты чеченцы) и целый ряд танцоров... Публики собралось много. Пьеса была понятна и русским, так как в ней действовало вводное лицо, поясняющее текст» (23).

Под именем Назар-Бека Гагтен-Калинского выступает бывший офицер, с 1905 года посвятивший себя театру и воплощению в жизнь мечты «создать труппу из артистов-чеченцев для постановки пьес на их языке» (24). Он был старший из пяти братьев Шериповых – сыновей царского офицера Джемалдина Шерипова. Все они оставили заметный след в истории Чечни: Назарбек – как первый режиссер, актер и драматург из чеченцев; Денилбек – как редактор-издатель первой прогрессивной газеты «Терск», выходившей в г. Грозный в 1911–1912 годы; Асланбек – как первый фольклорист и легендарный командающий первой Чеченской Красной Армии; Заурбек – как участник и директор Чеченского областного музея краеведения в 1927–1929 годы; Майрбек – как диссидент, руководитель восстания против Советской власти в родных Шатойских горах в 1941–1942 годы. Поэтому живут и будут они всегда жить в благодарной памяти чеченского народа, каких бы пересмотры его истории не происходили.

В шестидесятые-семидесятые годы в «Саду им. 1 Мая» выступали многие знаменитости эстрады, театра, балета Европы,

России, Чечено-Ингушетии: Леонид Утесов и Махмуд Эсамбаев, Муслим Магомаев и Юрий Антонов... Да всех и не перечислить!..

Таким он был, небольшой, но очень популярный у исполнителей и любимый горожанами и гостями Чечни уголок истории и культуры «Сад им. 1 Мая».

За ним, в конце этого же квартала на углу улиц Первомайская и Октябрьская, стоял старинный двухэтажный аптекарский дом Тези, построенный в начале XX века, по-видимому, чеченцем. На первом этаже был аптечный магазин, на втором жил хозяин Тези. В советское время дом сохранил те же функции: до 1995 года на первом этаже его была знакомая всем горожанам аптека № 3, а на втором этаже и в пристройках жили люди. Он был частично разрушен в первую чеченскую войну, и полностью уничтожен ударом глубинной бомбы... во вторую. Сейчас там огромная воронка, заросшая бурьяном, кустарником.

Дальше, посередине квартала между улицами Октябрьская и Кабардинская (это одна из первых улиц г. Грозного 1840-х годов; названа она была так в честь Кабардинского конного полка, дислоцировавшегося в крепости Грозная и участвовавшего в карательных экспедициях в Чечню. А.К.), в окружении одноэтажных домов стояло двухэтажное здание постройки начала XX века. Это был дом-магазин купца Хохлова. И, как обычно в таких случаях, на первом этаже был магазин, на втором – жил хозяин. Магазин этот работал и в Советское время, только на втором этаже размещались различные учреждения: то сберкасса, то страховое агентство, то отделение ДОСААФ¹ и т.д. Стоял он до последнего времени, пока не был частично разрушен

---

¹ ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) – молодежная организация военно-патриотического воспитания, созданная в 30-х годах XX в. Вначале – ОСОАВИАХИМ – общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству в СССР (см. Словарь сокращений русского языка. М., «Русский язык», 1983. С. 285).

в первую чеченскую, и полностью уничтожен ударом глубинной бомбы во вторую кампанию. И трудно сейчас представить, что под этой горой мусора, поросшего бурьяном и мусором, похоронена частица истории города.

Дальше, до самого здания СШ № 7, построенного в 1938 году, и в котором в 1941–1943 годах размещался, как почти во всех школах города Грозный, военный госпиталь, других памятных и исторических строений по ул. Первомайская не было...

Улица Дундуковская – пр. Революции

Улица Дундуковская – пр. Революции была одной из самых быстро застраиваемых улиц в Грозном в конце XIX – начале XX века. Начиналась она от берега Сунжи, где в середине XIX века шумела ярмарка, открытая в городе по просьбе горцев, и где уже в советское время был открыт красивейший и любимейший горожанами сквер, которому в 1944 году в честь 130-й годовщины со Дня рождения великого русского поэта было присвоено имя М.Ю. Лермонтова.

Формирование улицы Дундуковская началось с постройки первых торговых лавок в середине XIX века, которые позже переросли в торговый двор. В газетах тех времен писали, что в нем «можно было купить все – от копеечной сальной свечи и модной бархатной шляпки до заморских товаров, вин и деликатесов».

В конце шестидесятых годов XIX века по причине разлива реки и частных затоплений ярмарки она была перенесена в район нынешнего завода «Красный молот», после чего началась бурная застройка улицы Дундуковская и вообще центра города. Правда, все строения были или саманными, или деревянными, что становилось причиной частых пожаров. Не улучшалось и благоустройство города: бытовые условия, грязь на его улицах стали «притчей во языцах» во всей России. Остались свидетельства современников, что в плохую погоду слой грязи на центральных улицах – Дундуковская, Дворянская и других – достигала толщины 30–40 сантиметров. Об окраинных же улицах и говорить не приходится, потому что там было еще беспросветнее (1). Один из корреспондентов Владикавказской газеты «Терский край» писал в середине XIX века: «Улицы города грязны, узки и не мощены, а дома – самой первобытной культуры. Нет ни водосточных труб, ни тротуаров, ни канав – ничего здесь нет. Стоит этот закоулок нашего обширного государства жалкий и ободранный, точно оголенное

дерево, и царит в нем мертвая тишина, точно на кладбище» (2). И такая жуть длилась довольно-таки долго!

Правда, понемногу все стало меняться в конце XIX века. Одним из первых кирпичных зданий, построенных в Грозном, была двухэтажная гостиница с громким названием «Гранд-отель». Находилось это здание на углу улиц Дундуковская, Набережная (ныне Гвардейская).

Гостиница имела красивый внешний вид и до середины XX века охранялась как памятник истории и архитектуры. И была снесена в 50-х годах XX в. при строительстве здания будущего Совета Министров ЧИАССР. В дни Октябрьской революции 1917 года она была национализирована и стала участницей революционных событий в городе в 1918–1920 годах. Во время знаменитых Стодневных боев в Грозном на втором этаже гостиницы располагался штаб Среднего фронга обороны города от белоказачьих бичераховских формирований. Командовал фронтом известный герой этих боев Г. Федоров, в батальонах которого воевали и чеченцы-добровольцы. Тут же на первом этаже размещались бойцы, а в подвалах находились мастерские по изготовлению оружия и боеприпасов.

В тридцатых годах здание бывшего «Гранд-отеля» было перепланировано, достроен третий этаж с сохранением общего архитектурного колорита. Старожилам города он памятен тем, что до начала девяностых годов XX века в нем располагались Грозненский горисполком, Министерство культуры Чечено-Ингушетии и другие учреждения. В этом же квартале привлекали горожан и гостей города светлые, просторные магазины «Детский мир», «Гастроном», кафе «Южное» и т.д.

Гастроном и кафе в одном крыле, сберегательная касса – в другом были открыты уже в сороковые – пятидесятые годы XX века на первом этаже двухэтажного здания, замыкавшего первый квартал пр. Революции (слева) на углу ул. Шоссейная (Комсомольская). Это здание очень красивой и броской архитектуры начала XX века, с разнообразными орнаментами-рисунками из специально обработанного кирпича, с башенками

на крышах, массивными навесами над главными подъездами, всегда привлекало взгляды горожан и гостей Грозного.

Было оно построено в конце XIX – начале XX века для Российско-Азовского банка. В 1920 году, как и все другие учреждения этого назначения, здание было национализировано и перепланировано. Второй этаж одного крыла был перестроен под квартиры, и в нем жили люди, а другое крыло продолжало свою изначальную деятельность: до первой чеченской войны в нем располагался Государственный банк Чечено-Ингушской АССР.

Между зданием банка и Домом Совета Министров республики был небольшой, очень уютный дворик, оборудованный под летний кинотеатр. Я бывал в нем, смотрел вечерние сеансы кинофильмов. И помню даже, как во время одного из них, летней ночью, прервав его, мы восторженно наблюдали в звездном небе малюсенькую яркую точку, быстро промелькнувшую, – первый искусственный спутник Земли, запущенный тогда в СССР.

И самое интересное и удивительное: двухэтажное здание Российско-Азовского банка (довольно солидное для Грозного тех лет) не упоминается, и его фотография не опубликована ни в одном из источников по истории города. Фотографию его я нашел случайно в фонде кинофотодокументов Национального музея Чеченской республики, когда там подбирал снимки для стеллажа по истории г. Грозный – готовилась очередная выставка, приуроченная к очередной годовщине города. Не упоминает его и Н.П. Шабаньяц, который в своей книге «Город Грозный» перечисляет все 2–3 этажные строения начала XX века: «Во всем Грозном к 1911 году было всего лишь несколько двух-трехэтажных зданий, в том числе небольшая гостиница на Кузнецкой улице (ныне улица Гвардейская) с громким назвианием «Гранд-отель» (не такой уж она была «маленькой», а напротив – даже была очень большой для того времени), гостиница «Франция» на ул. Дундуковская (проспект Революции), здания женской гимназии и реального училища (школы № 1 и 2), городской Думы на улице Дворянская (с 1972 г. там размещались Грозненский сельский райком партии и редакции

газет «Ленинский путь», «Сердало») и отделение Азово-Донского банка». А ведь здание Российско-Азовского банка было построено раньше выше перечисленных.

Здание этооколо века исправно служило людям. Я даже помню дни, когда вначале бомбардировок Грозного в двадцатых числах декабря 1994 года, первые авиабомбы, ударившие по центру города, были сброшены именно на этот квартал, разрушив жилые и служебные его части. Помню, как люди специально приходили и с возмущением и тревогой смотрели на это варварство, топтали разбросанные повсюду взрывами большое количество купюр советских денег. Но никто не подбирал их, хотя имели хождение в Чечне и в них очень нуждались люди.

Здание Российско-Азовского банка, как и многие другие исторические строения, исчезло навсегда с карты города после первой чеченской войны. Сегодня даже старожилы не все могут представить себе его облик. Но, к счастью, сохранилась фотография его в Национальном музее республики и мы впервые, может быть, за последние восемьдесят-девяносто лет показываем его вам.

Далее, через улицу Комсомольская, стоял приземистый жилой дом, построенный в пятидесятых годах прошлого века, памятный старожилам тем, что на первом этаже его находились первая городская аптека и знаменитый на всю республику магазин-кафе «Столичный». Но мало кто знает сегодня, что известен был этот дом еще и тем, что на втором его этаже до последних дней своих жили корифеи чеченской литературы – Халид Ошаев и Нурдин Музаев. К сожалению, сегодня и мемориальной доской этот факт не отметишь: от этого дома, как и от многих других на пр. Революции, ничего не осталось, кроме пустыря и фотографий.

Замыкали квартал два старинных дома, хотя скромного внешнего вида, но оставивших большой след в истории города. Эти двухэтажные здания на углу пр. Революции и им Г.К. Орджоникидзе, рядом с гостиницей «Кавказ» были построены встык,

и о том, что это не одно здание, говорило лишь то, что одно из них было чуть повыше, другое – пониже. В первом из них до 1917 года располагалась контора терских нефтепромышленников. В начале XX века, в годы первой русской революции, в которой грозненские рабочие приняли активное участие, именно здесь проходили все переговоры бастующих рабочих с работодателями.

В том числе и после всеобщей забастовки рабочих города и нефтепромыслов 10–13 июля 1906 года, которой руководил рабочий В. Иванов (имя его носит ныне поселок в Старопромысловском районе). В переговорах с нефтепромышленниками участвовали, кроме В. Иванова, еще четырнадцать членов «руководящей комиссии» с широкими полномочиями. Эта забастовка стала первым интернациональным выступлением рабочего класса г. Грозный.

«Одним из проявлений интернациональной солидарности рабочих явилось предъявление специальных требований допускать рабочих иных вероисповеданий ко всем видам работ наравне с православными. Эти требования, состоящие из 33-х пунктов, и были предъявлены администрации нефтепромышленных фирм» (3). Впрочем, эти предложения отражали бесчеловечный характер капитализма, как и сегодня.

На переговорах настойчивость и уверенность в своей правоте проявили обе стороны. Были угрозы, шантаж, провокации, но в этот раз рабочие настояли на своем, хотя в Грозный на их уговоры приезжали даже представители Терской областной администрации. «Путем уговоров и угроз они пытались заставить рабочих прекратить забастовку, – пишут историки, бывшие научные сотрудники республиканского краеведческого музея. – В эти дни рабочие городских предприятий поддержали забастовщиков материально, отчислив им в помощь одну-четвертую часть ежедневного заработка. Ни введение войск, ни угроза потерять работу и быть выброшенными на улицу не запугали рабочих. Сломленные организованностью и

упорством рабочих представители администрации промыслов вынуждены были начать переговоры с представителями стачечного комитета. В этом доме, принадлежавшем купцу В. Черниявскому, где на втором этаже располагалась контора такой организации, как съезд терских нефтепромышленников, и происходили с 10 по 13 июля переговоры... Закончились они впечатительной победой рабочих: подписанием 13 июля 1906 года протокола... об установлении 8-часового рабочего дня, а также удовлетворением других требований рабочих. Этот акт явился первой крупной победой грозненских рабочих» (4).

Об активном участии грозненских нефтяников в революции 1905–1907 годов и последующей забастовочной борьбе узнала вся Россия благодаря большевистской газете «Правда», которая, во-первых, регулярно публиковала на своих страницах сведения о взносах грозненских рабочих в фонд ее издания, а во-вторых, сообщала об успехах и победах грозненцев. Так, историк А.Е. Вайсман пишет: «Большевистская «Правда» не раз отмечала широкий размах рабочего движения в Грозном. Газета систематически освещала ход двухдневной борьбы двадцати тысяч грозненских рабочих (лето 1913 года), закончившейся их полным успехом. Эта забастовка способствовала мощному революционному подъему на Северном Кавказе» (5).

Второй из домов, построенный еще в 1881 году, был известен тем, что в нем располагалась на втором этаже первая в г. Грозный общественная библиотека, позже – знаменитая на весь Северный Кавказ «Чеховка». Основал ее в 1904 году, более ста лет назад, преподаватель Пушкинского грозненского училища Константин Иванович Бакрадзе, который был тесно связан с большевиками. Библиотека быстро стала популярной, брать книги в ней приходили нефтяники по бездорожью даже из самых отдаленных промыслов грозненского нефтяного района. Посещал ее и руководитель Грозненского комитета Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) Фиолетов.

В этой библиотеке выступал в январе 1906 года скрывавшийся от полиции С. (Ной) Буачидзе (будущий первый Пред-

седатель Совиаркома Терской республики. А.К.) Заочно приговоренного к смертной казни Самуила Яковлевича Буачидзе Бакрадзе скрывал в библиотеке. Но он не сидел тихо, а принимал активное участие в укреплении грозненской болыпсистской организации... Полицейская охранка доносила тогда, что библиотека усилиями К. Бакрадзе превратилась в настоящий революционный клуб, в место нелегальных встреч, чём, конечно же, очень была озабочена полиция и власть (6).

После Великой Отечественной войны дома эти были перепланированы под квартиры, и в них до их разрушения в конце девяностых годов жили люди. А сейчас даже трудно предположить, где они стояли, а как выглядели тем более. Правда, опять помогут фотографии.

Далее, через узенькую уличку им. А. Полежаева, начинались одни из самых старых и красивых строений Грозного. Одним из них было построено в 1902 году броской внешней архитектуры двухэтажное здание гостиницы с амбициозным названием «Франция». Гостиница была лучшей в городе по комфорту, и в те времена в ней охотно останавливались все почетные и именитые гости. Особенно популярной она стала после полной сдачи в эксплуатацию железной дороги и начала нефтяного бума в Грозном, когда началось буквально паломничество в город знаменитых и широко известных писателей, ученых, артистов, художников, спортсменов.

Тогда приходило в Грозный со всей России много простых, обездоленных людей, надеявшихся найти здесь работу. Лихие извозчики встречали их на вокзале и предлагали с встерком прокатиться до гостиницы «Франция».

Известно, например, что обычно в каждый свой приезд в город на гастроли в ней (а бывал он у нас много раз) останавливался прославленный режиссер Евгений Вахтангов. В дни своих гастролей в Грозном именно в этой гостинице жили знаменитые артисты немого кино Вера Холодная и Владимир Максимов и многие другие. Всех знаменитостей не перечесть!

В дни Февральской революции 1917 года гостиница «Франция» была национализирована. На первом этаже ее разместилась типография общества «Печатник», а на втором жили рабочие. В этой типографии, как писал А. Казаков, «гроznенские большевики печатали листовки, революционные брошюры» и т.д. В ней же печаталась и газета большевиков «Известия Грозненского совета рабочих и военных депутатов», получившая позже название «Товарищ» (7). Еще позже она получила имя «Нефтерабочий», и, наконец, – «Грозненский рабочий» (под этим названием она издается с 1926 года до сих пор). Кстати, в фондах Национального музея Чеченской Республики сохранилось факсимильное воспроизведение газеты «Товарищ» за 1920 год и подшивки «Грозненского рабочего» за 1963–1990 годы.

В этой же типографии была выпущена и листовка о начале Стодневных боев в Грозном, в которой говорилось: «Граждане! Наступает решительный час, и вы, все те, кому дорога революция, должны знать, что в этот час будет решаться и наша судьба, и судьба революции!» (8). Типография стояла почти на линии фронта – в двадцати шагах от Граничной улицы, где шли главные бои за город. Она не прекращала свою работу даже в часы сильнейшего обстрела. «Когда же положение становилось особенно угрожающим, – пишет историк М. Музаев, – рабочие типографии брали в руки оружие и, встав в ряды защитников города, отбивали яростные вражеские атаки» (9).

В тридцатые годы XX века в память о победоносных Стодневных боях улица Граничная была переименована в улицу 11 Августа (день начала боев. А.К.), или Августовская, типографию также назвали имени 11 Августа, и работала она в здании бывшей гостиницы «Франция» до середины семидесятых годов прошлого века, пока для нее не построили новое здание. Здание гостиницы переоборудовали, и в ней до первой чеченской военной кампании располагался самый любимый горожанами и гостями города «Гастроном № 1», или, как его называли в народе, «аракеловский».

Я помню эту типографию: в 1957–1959 годах, когда учился в статистическом техникуме мы часто ходили в столовую, расположенную в подвале под печатным цехом. А вечерами, гуляя по проспекту Революции – любимейшему месту отдыха грозненцев и гостей города – и часто останавливаясь напротив широких (на всю стену), ярко освещенных окон наблюдали, как печатается очередной номер газеты, прислушивались с удивлением к грохоту наборных и печатных машин...

С пр. Революции и пл. им. В.И. Ленина, расположенного на ней, связано и одно из драматических и трагических для Чечни, Грозного и чеченцев событие нового времени: провокационное восстание в августе 1958 года русских, армян, евреев и других, которые спокойно жили себе, присвоив дома и имущество чеченцев, против возвращения вайнахов на родную землю. Нарушалась их спокойная и сытая жизнь, и это было им, естественно, не по душе. И они решили, объединившись, противодействовать возвращению чеченцев.

Было это так (все дни и ночи восстания я находился в гуще бунтовщиков и поэтому пишу об этом как очевидец: что видел, слышал, думал). Шло массовое возвращение чеченцев и ингушей на историческую родину после тринадцатилетней ссылки. В Грозном, их было немного – пока еще единицы. Я, вернувшись годом раньше, в то время учился на втором курсе Грозненского статистического техникума (ныне – техникум механизации учета и информатики), который располагался в самом центре города, в старинном двухэтажном доме по ул. им. Полякова (к сожалению, полностью разрушенного в ходе русско-чеченской войны), рядом с площадью им. Ленина.

Стоял ясный щумный летний день. Я с товарищами-однокурсниками обедал в чистом и уютном кафе «Арфа», которое располагалось в разрушенном ныне доме по пр. Революции, напротив летнего кинотеатра «Машиностроитель», на месте которого нынче тоже пустырь, поросший бурьяном. Хотя и были каникулы, ехать нам было некуда родители еще находились вда-

ли от родных мест, поэтому мы жили в общежитии техникума и лето проводили в городе.

Вдруг на проспекте началось невообразимое: шла огромная толпа людей, впереди которой несколько человек несли гроб. Слышались возбужденные крики, призывы, угрозы. Отовсюду – из домов, магазинов, кафе – выбегали люди и, не понимая, что происходит, просто из любопытства пополняли толпу, которая, как выяснилось, направлялась к зданию Областного комитета партии. Выбежали, естественно, и мы. Со всех сторон сыпались вопросы: «что случилось?», «кого несут в гробу?», «куда идут?», «зачем?» Из толпы охотно отвечали. Отвечали с искаженными от злобы лицами. И на все лады склонялись слова: «чеченцы», «возвращение», «назад!», «запретить!» и т.д.

А случилось, оказывается, вот что: на одном из нефтеперерабатывающих заводов нашли труп русского парня: убили или умер сам, неизвестно. И вот рабочие, (в основном, русские, которые и так были раздражены и озлоблены возвращением вайнахов на родную землю и искали повод для выражения своего недовольства) не дожидаясь начала расследования и установления истинных виновников и причин убийства (или смерти), заявили, что сделали это чеченцы. Придав рядовому факту националистический и политический характер и звучание, рабочие, недолго думая, демонстративно двинулись толпой, неся гроб с телом, к Обкому КПСС, выкрикивая угрозы, лозунги, призывая всех русских к отмщению. Общий смысл их сводился к следующему: «Прекратить возвращение чеченцев домой, а тех, кто успел вернуться, депортировать обратно на места поселения спецпереселенцев. Объявить г. Грозный закрытым для вайнахов городом!» Демонстранты шли с требованием, чтобы руководители республики поддержали это решение и тем самым немедленно придали их действиям официальный статус. Первым секретарем Обкома КПСС в то время был А. Яковлев, а председателем Совета Министров – Муслим Гайрбекович Гайрбеков, человек беспримерного мужества, такта, доброты.

Демонстранты требовали, чтобы их приняли в Обкоме КПСС или чтобы Яковлев, Гайрбеков и другие выступили перед ними и сиюминутно подтвердили на официальном уровне их политическую и националистическую оценку случившегося, поддержали требование о немедленной депортации возвратившихся чеченцев. Не дождавшись ни того, ни другого, экстремисты из числа рабочих начали штурмовать здание Обкома партии, ворвались в него, громя и круша все на своем пути. Работники его еще в самом начале беспорядков трусливо разбежались. Демонстранты били стекла, ломали двери, поджигали кабинеты. На площадь выкатили грузовик, превратив его в импровизированную трибуну. Начался митинг. От желающих выступать не было отбоя. Буквально за шиворот притащили избитого А. Яковлева, требовали выступить, но говорить ему не дали, стащили с грузовика после первых же слов: не понравилось их содержание.

Толпа стала не управляемой, страшной в своем озлоблении и безнаказанности. Началось избиение попадавшихся на глаза чеченцев, ингушей. Они вынуждены были скрываться от разъяренных и подогретых спиртным рабочих, к которым, как обычно бывает в таких случаях, присоединились бездельники-пьяницы, хулиганы и другое отребье – их хватало и в те времена.

Меня почему-то не признавали за чеченца, не трогали. Поэтому я всегда свободно расхаживал в самой гуще толпы, видел все, слышал все, запоминал все. В выступлениях ораторов и своих разговорах демонстранты выливали на головы чеченцев всю грязь, повторяли ставшие с незапамятных времен расходящими характеристики, обвинения, клевету.

Доблестная милиция молчала. Военный гарнизон, которым командовал полковник Обатуров, молчаливо стал на сторону демонстрантов: отвстил отказом на просьбу руководителей республики освободить здание Обкома партии и очистить площадь от разъяренной и разгоряченной спиртным толпы. Правда, почтamt, госбанк и железнодорожный вокзал они обезопасили: была предпринята попытка их захвата.

Одним из немногих руководителей республики, которые в эти трагические дни не растерялись, не испугались самосуда, не поддались панике, а сохранили твердость духа, решительность, мужество и достоинство, был Муслим Гайрбекович Гайрбеков, который ни на минуту не покинул своего рабочего места. Он даже рвался выступить, как позже рассказывали, перед митингующими, но, зная о непредсказуемости отуманенной ненавистью толпы, друзья еле его отговорили от этой затеи. Но он все же написал и отоспал обращение к толпе, в котором констатировал: «Решение о возвращении домой незаконно репрессированных вайнахов принято не вами, и не вам его отменять. Не вам решать, возвращаться чеченцам или нет. Они возвращаются на земли отцов раз и навсегда, потому что Чечня – их мать, и отнять ее у чеченцев может теперь разве что смерть. Лучше разойдитесь, не издевайтесь над мертвым: ни Бог, ни люди честные не простят вам этого святотатства».

Продолжалась эта вакханалия, демонстрация ненависти, несколько дней и ночей: рабочие не расходились ни на минуту, стояли, сменяя одни других; еды и питья было в достатке – толпа грабила магазины, кафе, столовые. Продолжалось это до тех пор, пока не прилетело высокое начальство из Москвы, и пока после проведения закрытого партийно-хозяйственного актива не были вызваны войсковые подразделения из Ростова-на-Дону. По приказу бонзов из Москвы солдаты очистили здание Обкома КПСС, оттеснили толпу на площадь. По бульвару перед зданием (был когда-то здесь очень тенистый и красивый бульвар, который тянулся по середине пр. им. Орджоникидзе до самого железнодорожного вокзала) протянули канаты, и стала цепь солдат с примкнутыми штыками. А еще через день, ночью толпу рассеяли с площади водометами и дубинками. Да и мужества у рабочих хватило ненадолго: разбежались они быстро. Но никаких последствий, как я помню, ни для руководителей, ни для рядовых демонстрантов это не имело: ни арестов, ни судов, ни наказаний. А вот если бы подоб-

ное позволили себе чеченцы, последствия были бы самые жестокие и трагические!

Такой запомнилась мне эта демонстрация ненависти к чеченскому народу, которая состоялась в августе 1958 года около пятидесяти лет назад. Шел только второй год сначала возвращения чеченцев на историческую родину. И в городе Грозный их было еще очень и очень мало (10).

Эта площадь и пр. Революции помнят трагические события, связанные с восстанием ингушей в январе 1978 года с требованием восстановления Ингушской АССР. Несколько дней и ночей митингования на морозе закончились разгоном людей холодной ночью водометами и многочисленными арестами и судами...

Сразу же за гостиницей (гастрономом), примыкая к ней и замыкая квартал, на углу пр. Революции и ул. им. Чернышевского (бывшая Ермоловская) стоял небольшой, но интересный в архитектурном отношении г-образный дом. Был он построен еще в 1892 году специально для размещения впервые открытой в г. Грозный почтово-телефрафной конторы. Вход во двор был с улицы Ермоловская. Внутри квартала, огороженного зданием почты и ее конюшнями, и находилась мощеная булыжником стоянка для почтово-пассажирских дилижансов, ежедневно прибывающих в город и отъезжавших из него.

Вот как писал о них известный путешественник по Кавказу П.В. Владыкин, приехавший в Грозный одним из первых рейсов дилижанса из Владикавказа: «Дилижанс имел вид открытого фургона. Кузов его был окрашен в темно-синий цвет, внутри него — скамейка на десять-двенадцать человек. В дилижансе тесно и душно, а пассажиру приходилось просиживать в нем целыми днями. Сзади кузова имелся крытый багажник для клади пассажиров. Почтовая корреспонденция упаковывалась в кожаные мешки, пломбировалась и укладывалась в ящик под сидением ямщика и кондуктора. Дилижанс сопровождала в пути охрана из 3-х конных жандармов или казаков» (11).

Кроме почты, в конторе были открыты впервые в Грозном государственная сберегательная касса и телеграф, который состоял из 6 аппаратов конструкции Морзе. На одном из них телеграфист А. Лаврентьев и принял в ноябре 1917 года историческую телеграмму из Петрограда о свершившейся Великой Октябрьской социалистической революции. В том же здании находилась и созданная по решению городской Думы в 1897 году первая в Грозном телефонная станция. «Разместилась она в 2-х комнатах почтово-телеграфной конторы, — писал грозненский краевед и архитектор А. Ваксман. — Здесь установлены два коммутатора и нумераторы с сигнальными дверцами ручного управления общей ёмкостью 200 номеров. В центре города провели воздушную телефонную сеть» (12). Для нас сегодня, когда господствуют беспроволочные (космическая, сотовая и другие) виды совремнейшей связи, странно звучат эти рассказы. Но это было! И был только конец XIX века!

Почтово-телеграфная контора и другие службы просуществовали в этом доме почти до конца сороковых годов XX века. Только в 1944 году здание было переоборудовано под жилой дом и несколько семей грозненцев получили в нем квартиры. Я бывал в этом доме: в одной из его квартир жили мои друзья Тихомировы. Двор был очень уютным, зеленым, ухоженным, а комнаты — просторные и светлые. До 1996 года, пока он не был стерт с лица земли со всем кварталом в ходе первой чеченской военной кампании, дом этот украшал центр города и был одним из маленьких островков «милой старины», каковых в городе было немало. А ныне даже многие старожилы едва ли представлят его себе: там, где он стоял — стихийная стоянка автотранспорта, грязь и лужи...

Через улицу от него в окружении современных четырехэтажных домов, на первых этажах которых располагались памятные для жителей республики книжные магазины; — касса аэрофлота, фотоателье «Турист», уютное и светлое кафе «Арфа» и, наконец, знаменитый магазин спортивных товаров «Дина-

мо» (фрагменты первого и третьего дома сохранились до наших дней), стоял старинный двухэтажный особняк из красного кирпича с арочным въездом во внутренний двор. Он вошел в историю Грозного как дом, ставший памятником истории, культуры и архитектуры города.

Построено это здание было в 1897 году по проекту инженера А. Голубинского. В 2002 году оно было окончательно разрушено войной и разобрано на кирпич неизвестно кем. «Интересная деталь: для того, чтобы выложить фасад красивой вязью фигурной кирпичной кладки, – писал А. Ваксман, – из Владикавказа (г. Орджоникидзе) приглашали артель каменщиков во главе с искусственным мастером-строителем Ф. Карапеевым. А строилось здание под частную лечебницу двумя молодыми врачами – гинекологом А.Ф. Рогожиным и терапевтом В.А. Шпаковым. Здесь велось амбулаторное лечение, был и стационар с родильным отделением. Будущих матерей привозили сюда в черной лакированной карете, запряженной парой гнедых» (13). После установления советской власти в Грозном лечебница была национализирована, и до 1935, года когда в нем разместили интернат в здании функционировала центральная поликлиника. В 1957 году здание было передано школе-интернату горянок. В середине 70-х годов XX века для интерната был построен новый городок в северной части города, и в здании разместили институт усовершенствования учителей. Сейчас от этого исторического дома-памятника культуры и архитектуры Грозного остался только небольшой фрагмент первого этажа, кем-то, видимо, «приватизированный...»

На углу проспекта Революции и ул. Мира стояло еще одно одноэтажное удивительной красоты здание. Оно также было свидетелем новой истории г. Грозный, памятником архитектуры, а также предметом законной гордости горожан. Когда в двадцати шагах от него на линии Среднего фронта гремели бои, в этом доме находился временный командный пункт фронта. С конца 50-х годов XX века в здании размещался Чечено-Ингуш-

ский областной комитет комсомола. В 1990 годы – в годы смуты оно перешло в частные руки и стоит теперь изуродованное надстроенным вторым этажом, потеряв свой облик, но не привлекательность... Ныне в нем ОАО «Россельхозбанк».

Замыкали пр. Революции казармы так называемого Дагестанского полка (некоторые строения их сохранились до наших дней, хотя и находятся в жалком состоянии). На базе их в советские времена был создан мощный военный городок, в котором с начала Великой Отечественной войны и до конца 60-х годов работало Грозненское военно-пехотное училище, подготовившее немало офицеров и боевых командиров для Советской Армии, в числе которых было и много чеченцев.

...Я очень люблю г. Грозный, его улицы, площади, дома. Изучаю их историю уже много лет – с 1957 года. Но проспект Революции для меня – все же любимейшая из улиц моего города. В ее шуме протекли мои лучшие юношеские и студенческие годы, на ней я учился дружелюбию и открытости, заражался умением шутить и веселиться, сближаться с людьми и любить. Это было сердце города, прозванное в 60–70 годы XX века «Грозненским Бродвеем»...

Проспект Революции – словно прибой,
Всегда многолюдный и многоголосый,
Гордился и малый, и старый тобой,
Влюбленный, как в море зеленое, в Грозный.

Я влюбился в эту улицу с первого взгляда и первого шага, который сделал чудесным августовским вечером 1957 года, когда после школы приехал в г. Грозный из Киргизии, поступал в нефтяной институт, но волею судьбы оказался в статистическом техникуме. А он находился в двух шагах от проспекта Революции, и я бывал на нем ежедневно и ежевечерне. Я и мои товарищи завтракали, обедали или ужинали в небольшом, но очень светлом кафе «Арфа» (а делать это три раза мы не могли – стипендия была мизерная, помои от родителей ждать не приходилось:

они все еще были в Казахстане и Средней Азии, а у некоторых их вообще не было). Иногда позволяли себе пойти на новый фильм в маленьком и очень уютном кинотеатре «Юность». Делали скромные покупки в гастрономе № 1, глотая слюни при виде деликатесов. Захаживали в книжный или букинистический магазины на площади им. В.И. Ленина, хотя покупками радовать себя особо не могли. Заглядывали в самый знаменитый в городе магазин спортивных товаров «Динамо» на углу улицы Мира, завистливо глядя на покупателей...

Каждый вечер на залитый морем света и окаймленный пышной зеленью, усыпанный созвездиями цветов и газонов проспект «Грозненский Бродвей», как в те годы модно было называть главные улицы, выходил на прогулку и отдых, казалось, весь город. В эти вечерние иочные часы на нем действительно яблоку негде было упасть! Веселые и открытые, шумные и неутомимые, по-летнему легко, пестро и ярко одетые группы людей прогуливались туда-сюда: от начала проспекта у сквера имени М.Ю. Лермонтова до конца у проходной военного городка и обратно. Работали ярко освещенные магазины, столовые, всегда были переполнены кафе-мороженое, перебрасываясь шутками, стояли в очереди к продавщицам газированной воды. Почти в центре проспекта, у Дома инженерно-технических работников (ДИТРа), здание которого сохранилось, разместился Чечено-Ингушский госдрамтеатр имени Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова (сегодня он снова там) была отгорожена небольшая летняя танцплощадка. Оттуда каждый вечер доносилась то бурная, то тихая музыка: там устраивались танцы.

Эти веселые, шумные, многолюдные прогулки продолжались далеко за полночь. Особенно неугомонной была молодежь; на проспекте назначались свидания, происходили встречи, знакомства. Молодые люди, особенно в праздники, сбивались легко в небольшие компании. И я не помню ни одного случая, когда эта идиллическая картина нарушалась бы обидами, ссорами, придирками, хулиганством, хотя в многолюдном море гуляющих

никогда не бывало ни одного милиционера! Все были всегда настроены добродушно, раскованно, дружелюбно, чувствовали себя легко, свободно...

Проспект Революции был не только самым красивым в городе, не только центральным по своему расположению, но был и историческим, и культурным центром Грозного. Здесь каждый дом, каждый сквер имел свою удивительную биографию, был памятником или истории, или культуры, или архитектуры. Это и позволило мне впоследствии признаться в любви к нему в стихотворении «Мой город», которое вскоре стало песней и своеобразным гимном Грозному. И когда я писал:

Вид твоих площадей,
Скверов, парков – милей
Даже сказки самой
Для меня, город мой.
Я в разлуке домой
Тороплюсь – снишься мне.
Я горжусь, город мой.
Что ты есть на земле! –

это действительно было так: я любил его историю и с гордостью изучал ее, мечтая когда-нибудь рассказать о ней.

Улица Дундуковская была названа так в честь командующего Кавказским военным округом и главного управляющего гражданской частью на Кавказе, князя, генерала Александра Дундукова-Корсакова, сына знаменитого царедворца М.А. Дундукова-Корсакова, осмеянного А.С. Пушкиным в его нашумевшей эпиграмме за его глупость:

В Академии наук
Заседаст князь Дундук.
Знают все: не подобает
Дундуку такая честь.

Почему ж он заседает?
Потому, что есть, чем сесть (14).

Начиналась история ул. Дундуковская так. В начале пятидесятых годов XIX века группа почетных горцев по согласованию с «непокорными обществами» обратилась к начальнику Левого фланга Кавказской линии, штаб которого находился на форштадте крепости Грозная, с просьбой открыть в ее окрестностях ежемесячные трехдневные базары и разрешить «непокорным» чеченцам привозить для продажи и обмена на различные товары свои домашние изделия и продукты. Разрешение было дано, и первый в истории кр. Грозная базар был открыт в начале на плацу перед крепостью (он находился в пределах бывших главного и нового корпусов Грозненского нефтяного института. А.К.), который использовался до этого для разбивки палаточного городка при формировании военных экспедиций в Чечню в годы Кавказской войны XIX века.

Позже для постройки базара выделили место на левом берегу р. Сунжа, где был один из красивейших уголков города, — там, где был сквер им. М.Ю. Лермонтова.

Это было топкое, болотистое место, заросшее камышом. Торговые и мастеровые люди с активной помощью горцев, которые жили в основном за счет торговли и обмена, высушили впадину, очистили от камыша, засыпали ее землей, а сверху — песком и получился большой базар — шумный, оживленный, пестрый и многоголосый, как все восточные рынки.

Место было выбрано для базара очень удобное: к нему легко было подходить и из крепости, и из форштадта, и из слободы горских евреев, и из нового поселения (в 1869 году оно было отделено от г. Грозный одной лишь Граничной улицей (сейчас — проспект Победы) и преобразовано в Казачью станицу Грозненская. А.К.). Пользовались базаром и горцы не только из ближних мирных сел, но и дальних «немирных» аулов.

Из-за этого многолюдья, новостроек, оживления торговли в пятидесятые годы XIX века крепость Грозная все чаще называ-

ли городом – за двадцать лет до официального Указа Сената России в феврале 1869 года о преобразовании крепости в город. Да и рядом, через р. Сунжа, напротив крепости, были четыре чеченских аула: Янги-Юрт, Кули-Юрт, Сарабан-Юрт и Грозненский с их мечетями, минаретами, народными промыслами, торговым производством, скотоводством и сплавом леса по реке Сунжа в г. Кизляр для продажи.

Все это позволяло очевидцам середины пятидесятых годов XIX века писать: «Крепость Грозная и все четыре аула, приютившиеся под ее стенами, издали казались довольно значительным городом, скорее мусульманским, нежели христианским, благодаря минаретам и пирамиальным тополям, придающим ей довольно живописный вид» (15).

Капитан царской армии К. Самойлов добавлял: «В ней, в крепости, находится несколько довольно красивых зданий, замечательных: прекрасной архитектуры каменная церковь, дом начальника Левого фланга и военный госпиталь. В крепости Грозная есть небольшой гостиный двор, где торгуют преимущественно армяне и евреи. Лавки, последних, занимали большой квартал, напоминающий подобного рода кварталы европейских городов» (16).

Здесь речь идет о гостином дворе (торговых рядах) и лавках, которые возникли постепенно рядом с базаром и которые положили начало улице, названной впоследствии Дундуковская, и церкви, возведенной в самом начале солдатами из крепости Грозная. Какой была улица Дундуковская до тридцатых годов XX века? Осталось множество письменных и изобразительных свидетельств, которые желающие могут увидеть и прочесть в Национальном музее Чеченской Республики. Вот несколько эпизодов из жизни города Грозный и, в частности, проспекта Революции в конце XIX – начале XX века.

Газета «Терские вести» писала, например, в 1898 году: «Все говорят, что наш бедный, донельзя грязный и крайне захудалый город накануне исключительного и резкого экономического

подъема. За экономическое процветание Грозного ручаются... нефтяные залежи, отстоящие от него всего лишь в двенадцати верстах» (17). Но эти прогнозы не оправдались; при огромных доходах в бюджет от нефтяного бума, разразившегося в 1893 году после первого удариившего из небольшой глубины нефтяного фонтана, город продолжал оставаться невообразимо неблагоустроенным. К тому же, теперь к знаменитой грозненской грязи на улицах добавились мазутные лужи, черная сажа и гарь нефтеперегонных заводов.

В подтверждение сказанного о крайне запущенном характере и безразличия власть имущих – Грозненской администрации, нефтепромышленников, заводовладельцев, да и самих горожан – приведем еще одно описание ул. Дундуковская из газеты «Тerek» за 1911 год: «По улице Дундуковская и в близлежащих частях города бродят какие-то мрачные тени, с головы до ног облепленные грязью. Грозненский сад (начинался с ул. Дундуковская) представляет из себя грязную, заброшенную пустошь, где бродят собаки (у автора-волки, что, нам кажется, маловероятно. А.К.) и валяются дохлые кошки... Крупнейший нефтепромышленный центр – и никому-то дела нет до его благоустройства» (19).

И, наконец, еще одно свидетельство о состоянии г. Грозный, который, несмотря на солидный годовой бюджет, оставался «по внутренним наклонностям и по внешнему виду, – как писала та же газета «Тerek», – большим зажиточным селом, которого лишь слегка коснулись требования современной культуры». Газета же «Терский край» приводила в десятые годы XX века вообще невообразимый случай из жизни Грозного. Она писала: «Позади армянской церкви (в начале ул. Дундуковская. А.К.) в большой луже был найден труп пожилого мужчины. Человек утонул в центре города, недалеко от всегда оживленного биографа (так в те времена называли кинотеатр. А.К.) «Прогресс». Он был на улице Дундуковская. Весть эта, благодаря газете, обошла всю буржуазную Россию (19).

Вот так начиналась, развивалась и в таком гадком состоянии находилась самая центральная улица г. Грозный до тридцатых годов XX века, когда была подвергнута коренной реконструкции и застройке и стала самой красивой, зеленой, любимой для горожан и гостей республики. При ее перестройке нетронутыми оставались, за редким исключением (снос церквей, перестройка здания Общественного собрания (клуба), некоторых скверов, уничтожение еще сохранившихся валов крепости и т.д.), дома и здания, имеющие историческую, архитектурную и культурную ценность, и памятные места.

Несмотря на описанные ужасы, ул. Дундуковская застраивалась все новыми двух-трех этажными домами и зданиями, в основном, административного и хозяйственного назначения. И у каждого из них, сохранившихся до наших дней и разрушенных уже в ходе первой и второй чеченских войн, были свои судьбы и увлекательные биографии, и все они являлись памятниками истории, культуры и архитектуры сравнительно молодого нашего города. О них-то мы и постараемся рассказать коротко, чтобы показать молодому поколению, каким красивым и неповторимым был наш любимый город.

Одной из первых на ул. Дундуковская (справа, если двигаться от сквера им. М.Ю. Лермонтова до нынешней Театральной площади) в самом начале ее была построена в 1904 году женская гимназия – третье учебное заведение г. Грозный после горской школы и реального училища. Старожилы помнят ее двухэтажное здание с зеленой мозаикой на фронтоне и главным входом с улицы Комсомольская. Для нас, чеченцев, эта гимназия была памятна тем, что еще до Октябрьской революции 1917 года в ней учились: первая чеченская писательница Марьям Исаева, первая чеченка ученый-филолог Марьям Чентиева и первые чеченские журналистки Марьям Саракаева (работала в первой чеченской газете «Серло») и Асет Батукаева (была первой чеченкой-корреспонденткой газеты «Грозненский рабочий»). В Советское время, с

1931 года до разрушения в 1996 г., в здании гимназии размещалась одна из лучших школ г. Грозный – СИШ № 1.

Перед гимназией находилась главная площадь, история которой такова: в северо-восточной стороне крепости Грозная «с 1820 года начал образовываться... форштадт (постройки за крепостной стеной. А.К.) Он был окружён рвом и валом, защищён пушками... С юго-западной стороны крепости была площадь, на которой производились военные сборы, учения, парады войск. В 1839 году на ней была построена большая военная соборная-церковь. Строили ее солдаты.

В семидесятые годы (XIX века. А.К.), после образования города Грозный, эта площадь стала главной (от неё шла ул. Шоссейная (Комсомольская) до железнодорожного вокзала). От неё начиналась и главная улица города -- Дунлуковская. На этой улице располагалась биржа извозчиков с фаэтонами. Запахи, доносившиеся отсюда, отправляли воздух, но у городской управы не было средств на благоустройство или перенос её на другое место». И это продолжалось до полной победы Советской власти в Чечне (20).

В 1920 году по решению городского Совета здесь был разбит небольшой, но очень уютный сквер, названный «Гикаловский» в честь командующего Грозненской, а позже Терской областной Красной Армией Н.Ф. Гикало. В центре сквера был насыпан двухметровый холмик, и на нем установлена маленькая пушка, которая была единственной в армии Николая Федоровича. Вокруг холмика были разбиты девять уочек, вдоль которых росли молодые клены, ясени и кусты сирени и цветов. «В 1929 году, -- пишет А. А. Ваксман в «Записках красавца», -- церковь была снесена, сквер расширен до улицы Красных фронтовиков и переименован в Комсомольский. Снесли холмик с пушкой и на его месте построили фонтан» (21). Старожилам не забыть фонтан «Золотые рыбки» и красивый Комсомольский сквер, который был самым любимым местом прогулок горожан – и взрослых, и детей. Много раз гулял по его аллеям и я

с детьми, умиротворенно сиживал на скамейках в прохладной тени деревьев, радуясь веселой беготне детей вокруг фонтана и плесканием их в его прозрачных, чистых, солнечных струйках. Только нет их сейчас...

К этому скверу тыловой стороной выходило одно из красивейших зданий г. Грозный – первое двухэтажное строение Азово-Донского банка, подряда на строительство которого с боем добился архитектор Станевич: оно было построено в восточном стиле в 1895 году (считалось, что произошло это почти на двадцать лет позже. А.К.). По воспоминаниям современников, здание имело мощные подвальные помещения с бронированными дверями для хранения денег. На втором и третьем этажах были просторные комнаты для сотрудников и проведения операций, на первом – различные кафе, магазины и игровые залы. В Советское время до девяностых годов XX века в нем располагался Чечено-Ингушский областной комитет партии, а позже – Национальный музей Чеченской Республики. Это здание тоже уничтожено в 1994–2001 годах, сейчас на его месте – пустырь (24).

Перед ним через улицу находился городской сад, вход в который был с ул. Дундуковская (ныне площадь им. В. И. Ленина). О нем остались самые противоречивые отзывы. От самых восторженных: «Казенный сад крепости Грозная я нашел в отличном состоянии и не мог не порадоваться, что первоначальное мое впечатление улучшается и подает добрые надежды снабжать станицы полезными растениями из него» (газета «Кавказ», 1850 г.). И до самых убийственных: «Заброшенный и неухоженный участок, засаженный корявыми и невзрачными деревьями. Правда, туда изредка заходят горожане, иногда случаются даже гулянья». И часто дело доходило до того, что Городская Дума вынуждена бывала через газету обращаться к горожанам с такими просьбами: «По постановлению Думы, охрана древесных насаждений, цветов в Городском саду и палисадников возложена на жителей г. Грозный, а потому Городская управа

обращается с покорнейшей просьбой: предупредить порчу дре-весных посадок, цветов и травы» (газета «Терский край»).

Дальше (все по правую сторону), через улицу, был другой скверик, в советские времена названный Гайдаровским, как и знаменитая детская республиканская библиотека, располагавшаяся в нем на первом этаже высотного дома. До Октябрьской революции 1917 года в этом сквере находилось кафе «Чашка чая» по продаже мороженого и прохладительных напитков и дом богатого чеченского адвоката И. Мутушева. С ними были связаны некоторые страницы революционной истории города. Так, в дни подготовки к Октябрьской революции и последовавших за ней судьбоносных событий в кафе «Чашка чая» встречались еще совсем юные тогда революционеры Асланбек Шерипов, Николай Гикало, братья Александр и Николай Носовы и другие. Они вели беседы, строили планы революционной борьбы и обменивались пропагандистской литературой. А в доме Мутушева после февральской революции 1917 года размещался Грозненский горком РСДРП, а после Октябрьской революции временный революционный комитет во главе с Г. Иоанисиани. Об этих событиях в своих воспоминаниях один из организаторов Грозненской Красной Армии С. Л. Тымчук писал впоследствии: «Окрепнув организационно, Грозненский городской комитет партии большевиков перешел в большой дом чеченца-адвоката Мутушева. Здесь мы имели большой зал, где проводили партийные собрания. Председатель комитета Николай Анисимов и студент Николай Носов читали нам лекции о марксизме, программы РСДРП, произведения В.И. Ленина. Частым гостем у нас был первый чеченский революционер Асланбек Шерипов» (25).

Кстати, в середине XX века все эти ветхие строения (кроме дома Мутушева. А.К.) были по плану реконструкции центра города снесены, на их месте построили красивый пятиэтажный дом с изящными овальными балконами с перилами и небольшими колоннами в восточном стиле для работников хи-

мической промышленности по проекту известного грозненского архитектора А.И. Хайта. В общей массе был снесен и дом, «в котором в годы своего пребывания на Кавказе (1851–1854) неоднократно бывал Л.Н. Толстой», о чем гласила мемориальная доска. Дом, в котором бывал великий писатель земли русской, и наш именитый земляк «был построен в 1844 году для командующего левым флангом Кавказской линии князя А.И. Барятинского. Он представлял собой двухэтажное деревянное здание с открытым балконом, на который вела внешняя, тоже деревянная, лестница. Насколько захолустными были строения в крепости можно судить по тому, что двухэтажный дом этот даже называли дворцом» (26).

Впечатление, произведенное на Л.Н. Толстого крепостью Грозная при первом посещении ее, было хорошим, о чем говорит его запись: «Солнце садилось и бросало косые розовые лучи на живописные батарейки и сады с высокими раинами¹, окружавшими крепость, на засеянные желтеющие поля и на белые облака, которые, толпясь около снежных гор, как будто подражая им, образовывали цепь не менее причудливую и красивую. Молодой месяц, как прозрачное облако, выделялся на горизонте. В ауле, расположенному около ворот, татарин (27) на крыше сакли сзывал правоверных к молитве» (28). Днем крепость выглядела, по свидетельству писателя, как заштатный городок.

Дальше, на углу ул. Мира и пр. Революции стояло (да и сейчас стоит, правда, многократное перестроенное и перепланированное. А.К.) приземистое, своеобразной архитектуры здание – Дом инженерно-технических работников (ДИТР), построенный в 1928 году. Вот так это было. В 1922 году при ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет профсоюзов. А.К.) и обкомах профсоюзов были созданы ИТС – инженерно-технические

¹ Раина – пирамidalный тополь (см. Л.Н. Толстой и Чечено-Ингуштия. Сб. статей. Составитель Итасв В. Грозный, 1978. С. 21).

секции, в задачу которых входило: «Вести политico-воспитательную работу среди технической интеллигенции, повышать их квалификацию... Уже через год в Грозненском округе около восьмидесяти процентов специалистов объединились в ИТС. Лишь отсутствие помещения мешало как следует развернуть работу» (29).

Для устранения этого недостатка 7 ноября 1923 года на углу пр. Революции и ул. Мира началась в торжественной обстановке закладка фундамента клуба инженерно-технических работников Грозненского округа. Строился он по проекту архитектора А.П. Ларионова на средства, выделенные трестом «Грознефтехимзаводы», и сдан в эксплуатацию в 1928 году. «Клуб имел театральный зал на двести пятьдесят мест с фойе и оборудованной сценой, техническую библиотеку, комнаты для кружковой работы, буфет-столовую с прекрасной кухней и подсобные помещения. Клуб называли Домом инженерно-технических работников...» (30).

ДИТР стал популярным и любимым очагом отдыха грозненской интеллигенции, здесь зародился и первый в Чечне театр юного зрителя. В нем бывали, встречались с людьми, выступали известные в те годы государственные и революционные деятели: Серго Орджоникидзе, нарком Минтяжпрома СССР, писатель А.С. Серафимович, видный французский журналист и поэт, коммунист, редактор газеты «Юманите» (органа компартии Франции) Поль Вайян Кутюрье, академик И.М. Губкин, знаменитый лётчик, один из первых Героев Советского Союза М.В. Водопьянов и другие.

В годы войны (1941–1945 гг.) в ДИТРе был размещен военный госпиталь, а с 1958 года в нем работает Чеченский Государственный драматический театр им. Героя Советского Союза Х. Нурадилова.

Улица Окружная – им. А.И. Полежаева

Была в Грозном небольшая улица, всего-то в квартал – два длиной, с одной стороны тянулся «Пионерский» сквер, с другой – «Гайдаровский». Была она очень уютной, красивой, зеленой и тихой: ни трамваев, ни троллейбусов, ни пассажирских авто. Была она центром города не только по расположению, но и по своему историческому и деловому назначению: всего несколько зданий, все они представляли историческую ценность и охранялись как памятники истории, культуры, архитектуры.

Это была улица им. А.И. Полежаева, имени опального поэта-вольнодумца, вся жизнь и творчество которого связаны с Чечней, Дагестаном, и крепостью Грозной. Это была улица моей юности: в одном из исторических зданий, расположенных на ней, в 1960-х годах размещался Грозненский статистический техникум (ныне техникум информатики и механизации учета), в котором я и многие мои сверстники учились в 1957–1959 годах после возвращения из высылки.

Идя с гордостью по этой улице, мы звонко читали стихи Полежаева, которые еще не забыли после школы (не успели – только что, в 1957 году, я, например, закончил ее в далекой теперь для меня Киргизии):

Едва зацарствовала дружба,
Как вдруг – о, тягостная служба! –
Приказ по лагерю идет:
Сейчас готовиться в поход...
Пожить бы вам хотя немного
Под Грозной крепостью, друзья... (1)

Или вот эти:

Мирный чеченец, кабардинец,
Кумык, лезгин, койсубулинец,
И персиянин, и еврей,
Забыв вражду своих обрядов,
Пестрели здесь... (2)

Улица эта была одной из первых в городе. До Октябрьской революции 1917 года называлась она Окружная, потому что тут в небольшом, неброской архитектуре двухэтажном здании было размещено управление Грозненским округом. В те далёкие времена на этой улице ежедневно скапливалось большое количество подвод и арб, запряженных лошадьми, волами и даже верблюдами: приезжали люди к окружному начальству искать правды и защиты. Но ни того, ни другого, как правило, не находили.

Грянула Октябрьская революция, и здание управления бывшего Грозненского округа заняли революционные рабочие и солдаты. В 1917–1918 годах в нем располагался первый Военно-революционный комитет, который руководил всеми революционными событиями в г. Грозный, также знаменитой стодневной обороной города от белогвардейских частей. Об этом свидетельствовала мемориальная доска, установленная на здании в 1960 году: «В этом здании с декабря 1917 по ноябрь 1918 года помещался первый Военно-революционный комитет, возглавивший борьбу трудящихся за установление советской власти в г. Грозный». Здесь же проходили собрания городской партийной организации, на которых выступали с докладами и лекциями известные грозненские революционные деятели: Н. Анисимов, Н. Носов, И. Т. Фиолетов и многие другие. А на заседаниях Военно-революционного комитета много раз бывал легендарный командующий Чеченской Красной Армией Асланбек Шерипов. Тут же работал вербовочный пункт – формировалась и укреплялась рабоче-крестьянская Красная Армия. В тридцатые годы прошлого века здание было передано Республи-

канскому статуправлению, которое располагалось на втором этаже, а в пятидесятых на первом этаже был открыт статистический техникум.

До полного разрушения этого памятника истории г. Грозный в ходе военных событий конца XX века здание полностью занимал информационно-вычислительный центр Статуправления Чеченской Республики.

Но более известным в качестве памятника архитектуры был очень красивый особняк с витражами¹ (единственные в городе!) на пересечении ул. им. Полежаева с улицей Красных Фронтовиков. Великолепно выполненное, с элементами архитектурного декора оно останавливало на себе взгляд любого прохожего. Об интерьере этого замечательного образца градостроительства среди довольно-таки серой и однообразной архитектуры читаем: «Весной 1916 года Л.Б. Нахимов – грозненский нефтепромышленник справлял новоселье в новом особняке на углу улиц Михайловская и Окружная (ныне Красных Фронтовиков и им. А.И. Полежаева). Он был построен по проекту архитектора Е.И. Дескубеса в модном в те времена стиле модерн. В двух этажах дома размещались двадцать шесть комнат: были здесь танцевальный зал, зимний сад, бильярдная и т.д...» (3). Увидев однажды этот особняк, невозможно было забыть: красота его была пленительной.

Но недолго радовался своему особняку Л.Б. Нахимов: Октябрьская революция 1917 года вынудила его бежать за границу. Здание занял Грозненский Совет рабочих депутатов и находился там до декабря 1919 года, когда красные под натиском деникинцев оставили город. А в бывшем особняке сразу же разместилась деникинская контрразведка. День и ночь в его

---

¹ Витраж – стекла с цветной росписью, картина из цветного стекла (в окнах, дверях). См. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005. С. 79.

подвалах пытали революционеров, а непокорных тут же выводили во двор и расстреливали. Для них в глубине двора, под гаражом, был сооружен и специальный глухой подвал с камерами пыток. Это – «узкий полугораметровый подвал, вдоль которого три небольшие камеры, напротив – четыре одиночные, площадью менее квадратного метра, – пишет А.А Ваксман. – В конце коридора – более просторное помещение, в нем проводили пытки-допросы. Сотни революционеров погибли в этих застенках...» (4).

Но когда-нибудь всему приходит конец. В марте 1920 года деникинцы были разгромлены, и особняк был занят Грозненским революционным комитетом.

Об этом сообщали мемориальные доски, которые, как ордена грудь воинов, украшали фасад особняка. С его балкона 3 апреля 1920 года знаменитые С.К. Орджоникидзе и С.М. Киров принимали парад отрядов красных партизан, освободивших город от белогвардейцев.

В этом здании в 1917–1918 годах на собраниях Грозненского совета рабочих депутатов бывали руководители Грозненской и Чеченской Красной Армии: Н. Гикало, А. Шерипов, известные революционные деятели Н. Анисимов, Н. Костерин и другие. И совсем немногие, наверное, знают, что некоторые эпизоды первого чеченского художественного фильма о революционной деятельности Асланбека Шерипова «Приходи свободным» (начало 90-х годов XX; роль А.Д. Шерипова исполнял артист Золотухин) снимались именно в коридорах и комнатах этого особняка, который до его разрушения в 1995–1996 годах в народе так и назывался «нахимовским». В 1921 году здание было передано рабочим, в нем размещался Дворец труда, а с 60-х годов XX века – Чечено-Ингушский Областной совет профсоюзов.

Интересна еще одна история, связанная с этим особняком. В газете «Советская культура» в 1979 году неожиданно появилась статья под заголовком «Инюрколлегия разыскивает». В ней писалось, что пришло письмо из Лондона от некоего Нахимова, который сообщил, что до 1917 года он жил в Грозном.

Революционные события заставили его тронуться с насиженного места. Причем проделал он это так стремительно, что даже не успел прихватить с собой принадлежащие ему драгоценности. Запаковав их в дубовый ящик и ночью спрятав его в подвале собственного дома..., бежал за границу. Теперь же... просит отыскать спрятанные им сокровища» (5). Удивительно не это, а другое: «К письму был приложен список зарытых драгоценностей. Значились там бриллианты общим весом около пятисот каратов, нитки розового и желтого жемчуга, серьги и кольца с бриллиантами, золото и серебряная чайная посуда, золотые монеты и многое другое. Инюрколлегия приняла дело к ведению, но клада не обнаружила» (6).

А ведь все это, действительно, могло быть: ведь Л.Б. Нахимов был богатым нефтепромышленником. Да, бедный человек и не мог построить такой шикарный особняк в два с половиной этажа! Бедные чеченские мародеры! Если бы знали они, какой клад они могут найти, не остановились бы на том, что разобрали после первой чеченской войны на кирпичи наземную часть почти целого особняка, а перервали бы сантиметр за сантиметром и подвалы его. Но, увы! – откуда им это было знать?

Впритык к «нахимовскому» особняку стояло на этой улице еще одно старинной архитектуры двухэтажное здание (и было-то их всего на всю улицу три дома). Оно тоже оставило свой след в истории нашего города.

До октябрьской революции 1917 года в этом доме, принадлежащем чеченцу – адвокату Мутушеву, находилось управление Грозненского округа – он был резиденцией окружного начальника. Поэтому эта улица – одна из старейших в городе – называлась Окружная. Она была одной из самых шумных и оживленных, потому что на ней «всегда собиралось немало подвод, арб, с запряженными в них лошадьми, волами и даже верблюдами – это русские крестьяне-переселенцы и горцы приезжали сюда, чтобы искать правду и защиту у окружного начальства от притеснений, жестокой эксплуатации... новоявлен-

ных фабрикантов зерна, табака, вина. Но долгое обивание порога этого учреждения, всецело защищавшего интересы эксплуататоров, завершалось, как правило, напрасными хлопотами. Кончилось все это тем, что власти вообще запретили останавливаться приезжим на Окружной улице на том основании, что они, якобы разводят на ней антисанитарию» (7). К тому же рядом находился городской сад, где изволили гулять господа, и шум мешал им.

После революции (октябрь 1917 г.) в этом здании около года работал Грозненский военно-революционный комитет, председателем которого стал старый, испытанный большевик Г.З. Иоанисиани (его имя тоже носит одна из улиц г. Грозный в микрорайоне А.К.). Этот Ревком проделал большую работу по созданию оборонительных сооружений, так как Грозный находился под угрозой нападения контрреволюционных банд. В сравнительно небольшой срок город был опоясан окопами. Вокруг него был протянут электропровод в два ряда, по которому ночью пропускался ток высокого напряжения. По проложенной от железнодорожной станции в районы садов (ул. им. Жуковского, Киевская, Олимпийский проезд и другие. А.К.) железнодорожной линии курсировал бронепоезд. Днем и ночью несли охрану отряды самообороны» (8). Ближайшее время показало, что эти меры были не излишними, своевременными.

Это подтверждала и мемориальная доска, установленная на нем в 1960 году к сорокалетию освобождения г. Грозный от деникинских полчищ (март 1920 год), которая гласила: «В этом здании с декабря 1917 г. по апрель 1918 г. помещался первый Военно-революционный Комитет, возглавлявший борьбу трудающихся за установление Советской власти в г. Грозный» (9). С какой гордостью читал я эту надпись на здании, в котором учился, будто участвовал в работе Ревкома!

Но не только этим занимался Ревком в период нахождения на ул. им. Полежасева в этом двухэтажном здании: круг вопросов, которым занимался Революционный комитет, был обширен. Он, например, обязал «нефтепромышленников и заводчи

ков выплатить заработную плату голодающим рабочим, – пишет историк. – Все свои усилия он направил на установление дружеских отношений между трудящимися города и чеченских аулов. Депутаты постоянно выступали на предприятиях города, выезжали в казачьи станицы и чеченские аулы» (10).

Именно на этой улице проходил 3 апреля 1920 года парад партизанских отрядов и Чеченской Красной Армии, освободивших город от денекинских войск, который принимали с балкона дома Нахимова, куда перешел к тому времени Грозненский ревком, знаменитые С.К. Оржоникидзе и С.М. Киров. Улица Окружная стала местом всенародного ликования.

В 1920 году улица Окружная, к которой было присоединено ее продолжение в ст. Грозненская до самого железнодорожного вокзала, была переименована в Советскую. В 30-е годы XX века, когда на пр. Победы развернулось большое жилищное строительство, оно разделило улицу на две части – 1-ая и 2-ая Советские. В 1929 году, в связи со 140-летием со дня рождения поэта А.И. Полежаева, в творчестве которого крепость Грозная впервые вошла в русскую классическую литературу ул. 1-я Советская была названа именем опального поэта (11), а 2-я – в восьмидесятые годы XX века получила имя Героя Советского Союза снайпера Абу-Хаджи Идрисова, единственного из снайперов Второй мировой войны, уничтожившего около четырехсот фашистов, в том числе знаменитых немецких снайперов.

Известным было и другое здание по улице Полежаева: большой пятиэтажный жилой дом с красивыми балконами, лепными узорами и балконной колоннадой.

Ул. им. А.И. Полежаева прожила пятьдесят три года, пока не была полностью стерта с лица земли во время второй чеченской кампании. Сейчас здесь лишь подвалы зияют, как рвы, да на пустыре ветер пылью играет. И редко кто помнит, что здесь была одна из старейших улиц, стояли одни из красивейших зданий Грозного.

Улица Граничная – проспект Победы

Улица Граничная – одна из самых первых улиц будущего города, проложенная на форштадте крепости Грозная. И одна из наиболее памятных среди других. Именно она положила начало самым трагическим страницам истории Грозного. Как это было?

Первые поселения на форштадте крепости возникли уже в 1825 году. Выросли они в границах первых улиц будущего города: Александровской (Первомайская), Арсенальной (им. Быковского), Михайловского (Красных фронтовиков) и Тиммермановской (им. Пушкина). В них селились женатые солдаты, ремесленный люд и торговцы. Вскоре в районе военных кладбищ (ныне территория завода «Красный молот») выросла и первая слобода горских евреев. Земли, отведенной под строительство в этих местах, стало не хватать, дальнейшему же расселению мешала река, через которую в то время не было мостов. Поэтому с целью, во-первых, расширить площадь строительства и, во-вторых, защитить эти поселения от нападений и было начато возведение так называемого «военного городка» на юго-западе от крепости Грозная – в начале нынешнего проспекта Победы у берега Сунжи. Было это в 1839 году – двадцать один год спустя после сооружения крепости.

В XVIII–XIX веках служба в царских войсках продолжалась 25 и более лет. А демобилизовавшись, многие солдаты, особенно неженатые, оставались служить сверх срока, иногда до конца своих дней: от работы они уже отвыкли, дома их, как правило, никто не ждал, и армейская жизнь казалась предпочтительнее, чем полуголодное существование где-то в российской глубинке. К женатым же солдатам в большинстве случаев приезжали жены и дети и поселялись тут же, рядом.

То же самое происходило и в крепости Грозная: к служивым перебирались семьи, и крепость стала обрастать разными «Во-

енными поселениями». Такое поселение возникло на юго-западной стороне ее на берегу р. Сунжа, где по приказу командования левого фланга Кавказской линии были выделены участки ста пятидесяти четырем женатым солдатам Куринского полка, дислоцированного в крепости. Это был поселок с единственной улицей в несколько небольших мазанок с камышовыми крышами, не имеющих даже ограждений. И не было на этой улице ни деревца, ни кустика, а только пыль весной и летом и непролазная грязь осенью и зимой.

Чеченцев на форштадте было немного, а если кому улыбалось счастье, то допускались они туда в основном как временные переводчики или проводники при штабе левого фланга Кавказской линии. Только в 1852 году, когда начались грозненские ярмарки, появились на форштадте первые чиновники-чеченцы из административных округов. Были они выходцами из чеченских сел Янги-Юрт, Сарабан-Юрт, Кули-Юрт и Грозненское, располагавшихся на правом берегу Сунжи, напротив крепости, и живших с ней в мире и добрососедстве.

Проживало в этих селах в те годы более полутора тысяч горцев. Именно о виде на эти аулы и писал М.Ю. Лермонтов, который немало дней прожил в крепости Грозная и немало дорог прошел по Чечне, в повести «Бэла» (роман «Герой нашего времени»). Вот как рисует эту картину старый служака Максим Максимыч, один из главных героев рассказа: «Крепость наша стояла на высоком месте, и вид с вала был прекрасный: с одной стороны – широкая поляна, изрытая бесконечными балками, заканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор. Кое-где на ней дымились аулы, ходили табуны. С другой стороны бежала мелкая речка, к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа. Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть все» (1). Описание вида очень точное.

Этим краем бастиона крепости был люнет¹, вынесенный на правый берег р. Сунжа и находившийся в самом начале нынешней ул. Московская. С крепостью он соединялся специальным деревянным мостом, проезд по которому был разрешен только для военных. В начале XX века люнет был уничтожен и на его месте построен трехэтажный дом, подвальный этаж которого – мрачный, с маленькими оконцами – вырастал, как в древних крепостях, прямо из вод р. Сунжа. До Октябрьской революции 1917 года это была одна из лучших гостиниц города, а в 1918 году, в суровые дни знаменитых Стодневных боев, в здании располагался штаб обороны Грозного. В 30-е годы здание было отдано Народному Комиссариату внутренних дел (НКВД), затем – Комитету государственной безопасности (КГБ). В нем оборудовали печально известную внутреннюю тюрьму с камерами пыток в подвальном этаже. В 80-е годы XX века, когда КГБ перевели в новое здание, специально построенное здание по пр. им. Орджоникидзе, в этом доме разместилась городская детская поликлиника № 1, и он сразу преобразился: стал светлым, солнечным и привлекательным. Сегодня, после двух чеченских войн, на его месте (да и на месте всей ул. им. Дзержинского) – огромный пустырь, поросший бурьяном. Впрочем, рассказ об истории этой улицы (бывшей Барятинской) – еще впереди.

Поселения вокруг крепости по обе стороны Сунжи продолжали расти. Хотя и кустарными методами, постепенно росли темпы добычи нефти, увеличивалось население. И 30 декабря 1869 года Александр II подписывает именной указ о преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях. В нем император, учитывая «изменения, которые

---

¹ Люнет – открытое с тыла полевое или долговременное оборонительное сооружение, возводившееся в середине XVII-начале XX вв. на важнейших участках оборонительных позиций. См. Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 854.

последовали в устройстве административных учреждений про-
чих частей империи», повелевал: «Терскую область разделить
на 7 округов: Георгиевский, Владикавказский, Грозненский, Ар-
гунский, Веденский, Кизлярский и Хасавюртовский, назначив
средоточия окружных управлений в городах: Георгиевске, Влади-
кавказе, укреплениях Ведено, Шатой..., причем крепость
Грозная переименовать в город. Вновь учреждаемым городам
Майкопу, Баталпашинску и Грозному предоставить на 15 лет
права и льготы, коими пользуются города Новороссийск и Ана-
па» (2). Правда, от издания до исполнения Указа, как всегда
бывает в России, прошло довольно долгое время.

Указ этот был опубликован только в начале февраля 1870 года,
и только 1 декабря 1870 г. наместник Кавказа Великий князь
Михаил издал высочайший циркуляр, в котором говорилось,
что с 1 января 1871 года вводится в действие новое админист-
ративное устройство Терской области. «С этого времени, – гово-
рилось в циркуляре, – крепость Грозная переименовывается в
город с введением в оном упрощенного управления» (3). И
было тогда в городе всего «две начальные школы на 136 уче-
ников, 4 церкви, 28 кабаков. Грозный не имел никакого бла-
гоустройства, улицы его – немощные, без освещения – утопа-
ли в грязи» (4).

Военное поселение не пожелало войти в состав города, по-
тому что казаки, особенно зажиточные, не желали расставать-
ся с привилегиями, которые давала им принадлежность к Тер-
скому казачьему войску. Оно стало называться ст. Грозненская
с подчинением Кизлярскому округу, хотя было отделено от
Грозного всего одной улицей, ставшей границей между городом
и станицей и получившей название Граничная. Много драмати-
ческих и трагических событий спровоцировала в истории го-
рода эта близость совершенно разных социальных миров.

Кто же мог в 1871 году стать горожанином? Согласно «По-
ложению о городе Грозном» в состояние обывателей могли
вступить «лица всех сословий империи», правда, с большими
оговорками. В этом положении указывалось, что «претендент

на звание горожанина своими документами должен был доказать», что за ним не числится никаких недоимок, что он не является репрессированным, не «состоит под следствием, судом или надзором полиции по политическим делам, не является рекрутом...» Но даже при этом преимущество отдавалось более благонадежным по их имущественному состоянию» (5). В станице же Грозненская на общее жительство никого не принимали.

Несмотря на эти препятствия, в Грозный устремилась масса переселенцев из разных регионов России, прельщенная льготами и в надежде найти работу в бурно развивающейся промышленности города. Газета «Терские ведомости» писала в те годы: «Льготы, предоставляемые в Грозном, привлекли сюда переселенцев, за счет которых и рос в первые годы город. Не от хорошей жизни бросали люди насиженные места и ехали сюда». Та же газета в 1887 году писала: «До 1869 года на Сунже не было нищих, теперь они бродят целыми компаниями» (6).

Население города росло быстрыми темпами. Так, если в 1871 году в Грозном было четыре тысячи жителей, то в 1875 году – уже более девяти тысяч, а к началу XX века – около двадцати тысяч человек; к 1917 году население составляло уже около сорока пяти тысяч человек. Рабочих среди них было около двадцати тысяч, три тысячи из которых составляли чеченцы. В станице же Грозненская ни рабочих, ни инородцев не было – казаки не принимали их в свою среду.

Социальное и экономическое развитие города шло медленно. Он, как и станица Грозненская, оставался многие годы самым неухоженным, захудальным и грязным городишком. Спустя двадцать пять лет после разделения их (в 1895) известный кавказовед, путешественник по Кавказу П. Владыкин, не раз бывавший в нашем городе, писал в газете «Терские ведомости» о состоянии города и станицы Грозненская: «Ну, вот и Грозный. Налево от дороги (видимо, въезжал он в город со стороны «Грознефтяной». А.К) – казармы Дагестанского полка, направо – овины, посередине – «площадь» (сейчас – Централь-

ный рынок. А.К.), усеянная костями животных. Стая ворон и бродячих собак, отбивая друг у друга добычу, исправляют недостаток грозненской ассенизации. Грозный не старается достичнуть даже внешнего благоустройства (7). «Город стоит на нефтеносной почве, – писал далее П. Владыкин, доставляющей ему капитал в 127000 руб. ежегодно (огромные суммы по тем временам. А.К.), и все-таки остается по внутренним наклонностям и внешнему виду зажиточным селом, которого лишь слегка коснулись требования современной культуры...» (8). Такие страшные картины были на этой улице и после двух чеченских войн, до недавнего времени.

«В центре станицы, – продолжал в своих путевых заметках П. Владыкин, – находится конная база (это уже о станице Грозненская. А.К). Здесь с марта и до начала декабря находится более ста лошадей ежедневно. На базе – непросыхающая лужа. Вонь такая, что в станичном управлении и школе не открывают окон» (9). Это все еще район нынешнего Центрального рынка. Одноэтажное массивное каменное здание управления просуществовало до 1978 года, пока его не снесли при постройке кинотеатра «Юбилейный» и высотных жилых домов...

Улица Граничная, оставившая самый памятный и трагический след в истории Грозного, была в начале, в общем-то, очень невзрачной, неухоженной и заброшенной улочкой из-за «ничейности». С начала 70-х годов XIX в. и до 1920 года это была, по свидетельству очевидцев, узкая нейтральная полоса земли шириной около ста метров, являющаяся границей между землями города и станицы Грозненская. Ею попросту пользовались как дорогой.

Эта ничейная улица была грунтовой, неосвещенной, немощеной и грязной. Располагалась она чуть выше параллельной ей главной улицы города – Дундуковская и прилегающих к ней городских улиц. Поэтому ливневые воды с ул. Граничная вместе с грязью заливали их при каждом дожде. Корреспондент газеты «Терский край» писал 27 марта 1911 года: «Нас просят обра-

тить внимание на крайне антисанитарное состояние Граничной улицы. В канаве ст. Грозненская лежат и разлагаются павшие животные. Некоторые улицы станицы представляют собой скорее помойные ямы, чем улицы» (10). Та же газета констатировала 9 февраля 1912 года: «Мы уже отмечали, что санитарное состояние города Грозный весьма неудовлетворительно, что, конечно, тяжело сказывается на заболеваемости населения» (11).

Мало изменились город и станица и к судьбоносному в истории России, Кавказа и Чечни 1917 году – времени Великой Октябрьской социалистической революции, а затем и гражданской войны. И снова ул. Граничная сыграла в этих событиях свою стратегическую роль: она стала границей противостоящих друг другу непримиримых социально-политических сил – революционных и контрреволюционных. Если Грозненским советом рабочих и солдатских депутатов, созданным сразу после Февральской буржуазно-демократической революции, Октябрьская революция была полностью поддержана и в начале 1918 года в городе провозглашена Советская власть, то в ст. Грозненская набирала силу белоказачья контрреволюция во главе с непримиримым врагом Советов Г. Бичераховым.

Это противостояние не могло продолжаться долго без кровопролития потому, что наглые требования белоказаков к рабочей власти становились все более невыполнимыми и амбициозными. С каждым днем росло число провокаций на Граничной улице, на окраинах города и станицы. 11 августа 1918 года ситуация разрешилась объявлением казачьей верхушкой станицы войны пролетарскому Грозному, революционным рабочим, которых обычно зажиточно живущие казаки с презрением называли не иначе, как «иногородней босотвой» или «голопузыми беспштанниками».

С пулеметного обстрела Граничной улицы с колокольни станичной церкви (которая стояла там, где в конце сороковых годов XX века на ул. Комсомольская была построена средняя

школа № 3, которой нет сейчас) начались знаменитые Стодневные бои в Грозном. Самые драматичные и кровопролитные бои происходили именно на ул. Граничная, по которой, начиная с берега Сунжи и кончая станцией Грознефтяная (которой тоже сегодня нет. А.К.), проходила главная линия обороны города – Средний фронт, которым командовал Г. Фёдоров, рабочий нефтепромыслов, видный революционер. Под его командованием находились три батальона Грозненской Красной Армии и рабочие добровольные отряды. Командный пункт фронта размещался в гостинице «Гранд-отель», стоящей прямо на пересечении ул. Граничная с ул. Набережная (ныне Гвардейская). На первом этаже здания располагались красноармейцы, в подвальных помещениях – мастерские по ремонту оружия и производству боеприпасов, а на втором этаже – штаб фронта. В 50-е годы прошлого века гостиница была снесена, и на ее месте построено здание Совета Министров Чечено-Ингушской АССР. На фасаде одного из крыльев этого здания была установлена в 1960 году мемориальная доска, которая гласила: «Здесь в 1918 году, в период Стодневных боев, находился штаб Среднего участка Грозненского фронта». Сейчас на этом месте – пустырь...

Улица Граничная, и до этого не отличавшаяся презентабельностью, во время Стодневных боев стала вообще неузнаваемой. Вот как описывали ее в 1918 году историки и очевидцы тех событий: линия обороны вдоль Граничной улицы проходила насквозь дома, дворы и переулки. В стенах зданий для сквозного прохождения между ними – проломы, в поперечных заборах – дыры. Окна заложены камнями, чернеют лишь узкие бойницы. В продольных заборах – щели для стрельбы. Навалены под окнами тяжелые мешки с землей. Зияют ходы сообщения. Как-будто написано о городе 1996 года.

Много трагических и героических событий происходило именно на ул. Граничная в ходе Стодневных боев за Грозный. Обе стороны – и рабочие, и белоказаки – «считали, что прорвать линию фронта возможно только на ул. Граничная. Счи-

тали потому, что на Левом фронте было естественное препятствие – река Сунжа, а тут противников отделял лишь узкий бульвар с чахлыми акациями. Здесь и сосредоточили главные силы станичники и горожане. Здесь бились лоб в лоб, шли напролом, лезли в рукопашную» (12).

Тяжело приходилось рабочим отрядам Грозного потому, что от более пяти тысяч до зубов увешанных оружием белоказаков его в начале войны защищали всего лишь около тысячи плохо вооруженных красноармейцев. Правда, после всеобщей мобилизации населения и за счет промысловых рабочих гарнизон города удалось увеличить до 3–4 тысяч бойцов. Но и войско ст. Грозненская за счет притока казаков из близлежащих станиц Терской и Сунженской линий (Червленной, Петропавловской, Прохладной и др.) увеличилось до 12–15 тысяч человек. Позиции же сторон по ул. Границная стояли друг от друга на расстоянии броска ручной гранаты. Поэтому бои здесь и были особенно напряженными и кровопролитными.

Естественно, при таком неравенстве сил трудно приходилось тем, кто оборонял Грозный. Но в самые трагические минуты, когда положение, казалось, становилось безвыходным, на помощь им успевала Чеченская Красная Армия легендарного Асланбека Шерипова: «...Дрогнули красноармейцы и начали отступать – медленно, яростно отбиваясь, шаг за шагом оставляя обильно политую кровью Границную улицу...» Казалось, еще минута – и катастрофы не миновать: вырвавшись к ул. Границная, брызнула молниями клинков казачья конница. Но вдруг: «Прекратить огонь! Снова дробь копыт: – Вурро!..» Всадник в каракулевой шапке, в белой рубахе с пятнами пота на спине, птицей летит впереди. Не отстают от него конники в лохматых папахах, – писал И. Т. Лукин в своем романе «Грозненский фронт». – Конница Асланбека! – передается по рядам красных.

Шерипов врезается в бичераховскую конницу и рубит направо и налево. Секут белоказаков чеченские кавалеристы. Несутся, как боевая перекличка, боевые возгласы: «Гей-гей, нохчий!

Маржа дульне! Вурро!». Вовремя подоспел Асланбек. Дал отдохнуть смертельно уставшим красным бойцам.

Стоят насмерть, крепятся, не сдаются, сдерживают врага красные герои на Границной улице...» (13).

На помощь пролетариату Грозного отряды чеченской бедноты пришли в начале Стодневных боев. 26 августа 1918 года Чрезвычайный комиссар Юга России С.К. Орджоникидзе сообщал в телеграмме В.И. Ленину: «В город введена Красная Армия из чеченцев, сражающаяся вместе с нашими войсками (против белоказаков. А.К.). Станица Петропавловская окружена чеченскими частями» (14). В своей телеграмме Серго писал далее: «Чеченские отряды осадили три прилегающие к городу станицы, отвлекая на их защиту бичераховцев из Грозного, они образовывали сначала Петропавловский, а затем Ермоловский фронты белоказаков» (15).

С поражающей всех отвагой и дерзостью водил на врага свою конницу Асланбек Шерипов. Наблюдавший за этой стремительной атакой Орджоникидзе говорил ему после боя восхищенно: «Молодец, Шерипов! Я видел, как ты умеешь бить врага с трибуны... Теперь я убедился, что в бою ты так же храбр йоршителен» (16).

И еще: именно здесь, на ул. Границная в составе Среднего фронта воевали старопромысловские рабочие – отец, дочь и сын Мусоровы. И именно тут шестнадцатилетний Павел совершил свой отважный подвиг, весть о котором облетела все участки обороны Грозного (и который позже повторил боец этого же фронта, чеченец из с. Терк-Юрт Дуда Хатуев). Произошло это в августе 1918 года.

Павел Мусоров был пулеметчиком, но его пулемет вышел из строя, и он остался без оружия. Тогда у него и созрела смелая мысль: выкрасть его у белоказаков, позиции которых находились на другой стороне улицы. Об этом эпизоде его героической жизни газета «Грозненский рабочий» писала в 1942 году: «...Павел знал, что на углу улиц Границная и Тенгинская (ныне ул. Мира) белоказаки замаскировали пулемет, который прино-

тогим (красным, А.К.) немало неприятностей. На исходе ночи Павел Мусоров, обвязавшись веревкой, бесшумно пополз в сторону вражеского пулемета. Товарищам он наказал, чтобы вытащили за веревку из вражеского окружения, если ранят или убьют. Ничего не подозревающие враги томились в предрасветной дреме. И вдруг какая-то «нечистая сила» рванула пулемет, и он побежал в сторону красных. Это Павел, «накинув на него петлю, увозил пулемет к себе...» (17). Поистине подвиг достойный дерзкой юности, не думающей о последствиях!

Трагической была судьба этого юного героя. Павел познал голодное детство, с двенадцати лет работал на нефтепромысле, участвовал с первых дней в героической обороне Грозного, пережил смерть отца, радовался победе в Стодневных боях. Но радовался недолго: уже в январе 1919 года Грозный захватили деникинские полчища. Пережил горечь отступления из города, тяжелые бои с белогвардейцами у сел Закан-Юрт, Сашинки. Схватка у станицы Ассиновская оказалась для него последней.

Вот как описали позже его последний бой уцелевшие красные партизаны: «За станицей Ассиновская П. Мусоров неожиданно заявил, что дальше отступать не будет и своим пулеметом прикроет уходящих товарищей. Павел твердо решил принять бой, сказав решительно: «Командир, я помню клятву своего отца...» Собрал у отступавших патроны, замаскировал свой пулемет у единственной переправы через реку Асса. Долго он отбрасывал наступающие конные сотни врага с огромными потерями для них. Шесть кавалерийских атак отбил бесстрашный пулеметчик. Когда, выбросив последний патрон, пулемет замолк, Павел, видя разъяренных, бешено мчавшихся деникинцев, приложил наган к виску. Враги в бессильной ярости издевались над мертвым героем: тело его изрубили на куски и растащили в разные стороны, чтобы у него не было даже могилы...» (18). Подвиг, достойный истинного джигита-героя!

Подвиги Павла Мусорова не были забыты благодарными потомками: в 30-х годах прошлого века его именем были на-

ный
брю
дос-
сти
неф-
ему
вре-
нос
сле-
ки-
ски

П.
не
ле
В.
ю
к:
с:
к

ч
с
«
«
:

званы одна из самых длинных улиц Грозного в Октябрьском районе. А в 1945 году на этой площади был установлен памятник героям Гражданской войны, в одной из скульптур которого легко угадывается и сам Павел Мусоров...

Немалый вклад в победу в Стодневных боях внесли и сотрудники рабочей милиции, созданной в начале 1918 года в связи с ощущением «общей нужды на местах в постоянном аппарате для поддержания революционного порядка» (19). Еще до начала боев командующим вооруженными силами Красной обороны, руководителем Комитета обороны Н. Гикало был издан приказ «О сосредоточении всех вооруженных сил на участках, граничащих со станицами Грозненская (ул. Граничная. А.К.), Ермоловская и Петропавловская» (20). Во исполнение приказа городской милиции было поручено, вспоминал бывший ее главный комиссар И. Зейликович, «привлечь городское население в порядке натуральной повинности к работам по строительству окопов, блиндажей, ходов сообщений и других оборонительных сооружений» (21) (особенно на ул. Граничная. А.К.). С этой работой милиция справилась отлично и в установленные сроки. Милиционеры сражались на Граничной улице на самых трудных и опасных участках обороны. «Город был окружен с трех сторон, — вспоминал впоследствии милиционер, политический комиссар, участник Стодневных боев Г.А. Дмитриев. — Из зданий, расположенных по северо-западной стороне улицы Граничная — бани Хохлова, жилых домов белогвардейцев Жидкова, Шпака, Крылкова и других, — белоказаки скрытно вели прицельный огонь. Заступить ночью или днем милиционеру на пост в этой части города значило выйти на передовую линию фронта. Опасность ожидала милиционера на каждом посту» (22).

Победа в кровопролитных Стодневных боях досталась красивым боякам и Чеченской Красной Армии дорогой ценой. И благодарные потомки не забыли их подвиг: в память о них ул. Граничная была переименована в 1920 году в «ул. имени 11 августа 1918 года...» В том же году на ней разбили бульвар с

«городом», чудесными пестрыми газонами по обе стороны улиц... Впоследствии этот бульвар с раскидистыми лиственницами стал любимым местом отдыха и прогулок горожан и гостей города, красой и гордостью его. «Августовской» улица освящалась до 1960 года, покуда в честь 40-летия освобождения Грозного от бичераховских и деникинских полчищ не была переименована в проспект Победы.

Мы имеем право гордиться и тем, что героические подвиги рабочих отрядов и Чеченской Красной Армии по обороне Грозного, который называли не иначе, как «главным форпостом советской власти на Северном Кавказе», «bastionом славы», были оценены по достоинству уже в двадцатые годы XX века Советской властью и правительством страны: Грозный стал вторым после прославленного Ленинграда городом, получившим высшую награду РСФСР – орден Красного Знамени.

Пролетариат Грозного получил его, как указано в решении ЦИК РСФСР, «за заслуги, показанные ими (городами-героями. А. М.) в годы Гражданской войны, как центров обороны...»

Кроме того, орден городу вручался за «героическую борьбу против врагов Советской власти и восстановление разрушенного хозяйства...» (23).

С ходатайством о присуждении Грозному этой высшей награды страны Советов во Всероссийский ЦИК обратились 19 января 1924 года такие выдающиеся борцы за Советскую власть на Северном Кавказе и Юге России, как С. Буденный, А. Микоян, С. Орджоникидзе, К. Ворошилов, Н. Гикало. Одни из них побывали в Грозном и Чечне сразу после Гражданской войны, а другие непосредственно руководили обороной города в Стодневных боях.

В их письме говорилось:

«В 1918 году грозненский пролетариат вел героическую

¹ ЦИК – центральный исполнительный комитет. Прообраз современных Советов Министров в первые годы Советской власти.

борьбу против кулацко-помещичьих банд, в трехмесячной (август – ноябрь) схватке нанес контрреволюции смертельный удар.

2. В феврале 1919 года грозненский пролетариат в условиях захвата Юго-Востока белыми, гибели 11-й армии последним противостоял врагу (вместе с чеченскими повстанцами и партизанами. А.К.) уступая каждую пядь земли после невероятных напряжений и жертв.

3. В 1919–1920 гг. лучшие сыны грозненского пролетариата (в т.ч. и чеченцев. А.К.) в невероятных лишениях организуются в горах Чечни в железный отряд, который отражает бешенные атаки врага, покрывает себя неувядаемой славой в Воздвиженском бою 31 января 1920 года...

4. Таковы главные заслуги грозненского пролетариата. Начиная с 1917 года он ведет самоотверженную героическую борьбу за сохранение и проведение революции...» (24).

18 февраля 1924 года Реввоенсовет Союза ССР поддержал ходатайство о награждении грозненского пролетариата орденом Красного Знамени.

…На ул. Граничная было много памятных мест и строений. Иные из них навсегда исчезли с ее лица, а другие стоят до сих пор. Первым справа (если двигаться от Сунжи к площади Дружбы народов) прямо на берегу реки на углу улиц Кузнечная (ныне Гвардейская) и Граничная стояло красивое двухэтажное здание гостиницы «Гранд-отель», построенное в самом начале XX века и знаменитое тем, что в период легендарных Стодневных боев здесь размещался штаб Среднего фронта, которым командовал рабочий нефтепромыслов Г. Федоров. После Великой Отечественной войны при реконструкции города отель был снесен и на его месте построено здание Совета Министров ЧИАССР, которое разрушено в ходе военных событий в 1995 году.

Дальше, через узенькую уличку Шоссейная (ныне Комсомольская), находилось здание гостиницы «Кавказ», которого тоже уже нет...

Гостиница «Кавказ» была не только самой красивой в республике, но и самой популярной: все высокие гости и знаме-

шитости останавливались именно в ней. Построенное в конце 30-х годов XX века, ее здание являлось памятником истории и архитектуры, охраняемым государством и имело свою историю.

В октябре 1942 года, когда линия фронта приблизилась к городу, и Грозный был объявлен на осадном положении, ул. им. 11 августа, изрытая глубоким рвом, ощетинилась противотанковыми «ежами», вздыбилась бастионами. Гостиница «Кавказ» превратилась в узел сопротивления: первый этаж ее заложили кирпичом, на который стеной уложили мешки с песком и грунтом, а в них устроили амбразуры и пулеметные гнезда. После войны гостиница приняла прежний вид и радowała горожан и гостей города до декабря 1994 – января 1995 г., когда она снова была превращена в бастион обороны Президентского дворца, расположенного напротив, через улицу. Разрушали ее жестоко и методично, пока не сравняли с землей окончательно.

Через улицу находилось четырехугольное здание, занимавшее целый квартал с внутренним очень уютным двором с фонтаном посередине – первый четырехэтажный дом, построенный в городе, – так называемый Дом Коммуны. Интересна его история.

Повествуя о 20-х годах прошлого века, известный краевед А. Ваксман пишет: «Быстрыми темпами строились первые в Советском Союзе крекинг и парафиновый заводы, теплоэлектроцентрали (ТЭЦ), реконструировался и расширялся ветеран промышленности – завод «Красный молот», воздвигались многие другие предприятия. Одноэтажное поселковое жилое строительство не поспевало за быстрым ростом населения и не отвечало плану реконструкции города. Пришла пора застраивать его многоэтажными благоустроеными жилыми домами...» (25).

Вот тогда, в 1926 году, по решению горисполкома и было запланировано строительство многометражного жилого здания под названием Дом Коммуны. Это был проект общежития с круглосуточными детскими садами и яслими, культурно-просветительскими и бытовыми помещениями общего пользова-

ния: библиотекой-читальней, лекционным и физкультурным залами, столовой и парикмахерской коммуна в самом прямом смысле этого слова. Но этот проект не был одобрен, и Дом Коммуны перепланировали под жилой комплекс на сто тридцать пять индивидуальных квартир.

Строительство его велось под руководством архитектора А. Буткина. При строительстве дома были использованы местные материалы: стены подвалов и первого этажа были сложены из тесаного камня, каменная кладка и штукатурные работы велись на известковых и алебастровых материалах из с. Ушкань, а минеральные краски, использованные в отделочных работах, привозились из окрестностей с. Малые Варанды. Радиаторы отопления были отлиты на заводах «Красный молот» и «Автоспецоборудование» из железного лома, собранного на нефтепромыслах города. Часть здания была сдана в эксплуатацию к 1 мая 1931 года, полностью же строительство дома завершилось в 1935 году – воздвигалось здание целых 7 лет. Занимало оно целый квартал – в границах проспектов им. Орджоникидзе, Победы, Революции и ул. им. Полежаева. Старожилам города памятно оно и тем, что на первом этаже его располагались книжные магазины, небольшой уютный кинотеатр «Юность» и кассы «Аэрофлота».

Со стороны Граничной в 1955 году – в честь 35-й годовщины полного освобождения Грозного от деникинских войск на доме была установлена мемориальная доска, надпись на которой гласила: «По этой улице в 1918 году проходила линия фронта. В героических Стодневных боях (11 августа – 12 ноября) революционный пролетариат Грозного разбил отряды белоказаков и отстоял советскую власть в городе».

По правую сторону движения от р. Сунжа к пл. Дружбы народов на углу улиц Граничная и Тенгинская (ныне пр. Победы и ул. Мира), привлекая взгляды красивой архитектурой стояло (да и сейчас стоит) многократно перекроенное приземистое двухэтажное здание бывшей конторы «Русский Грозненский

стандарт». Построено оно было в самом начале XX века нефтехимиками для координации своих действий по добыче, переработке и транспортировке добываемой нефти. В 30-х годах прошлого столетия здание было отдано одному из предприятий объединения «Грознефть» – «Грознефтесбыту», которое и работало там до 90-х годов XX века.

В истории Грозного, как и многие старой постройки дома, уточнен тем, что в период Стодневных боев находился на передовой линии обороны Грозного и был укрепленным пунктом, местом сосредоточения красных бойцов. Дом оказался крепким орешком для белоказаков: многократные попытки взять его штурмом оставались для них безрезультатными. Тогда белоказаки (до их позиций от здания было всего-то 15–20 метров. А.К.) решили взорвать его, сделав подкоп. Но враги не рассчитали, подкоп дошел только до середины ул. Граничная и взрыв не причинил дому никакого вреда.

Дальше шли многоэтажные дома постройки 50-х годов прошлого века, а завершали улицу Граничная толстостенные двухэтажные казармы Дагестанского полка, построенные еще в конце XIX века, почему и улицу рядом назвали Дагестанской. Во время Стодневных боев в них размещалась красноармейская часть обороны Правого (особого) фронта. Много трагических страниц в истории Грозного связано и с этими казармами, которые занимали огромное пространство. Вот как описывает одну из них писатель-грозненец М. Лукин в своем романе «Грозненский фронт». В первые дни казаки пытались взять казармы штурмом. Но всякая попытка отбивалась. Сами казармы с крепкими каменными стенами служили хорошей преградой. Окончательно потеряв надежду овладеть этим участком, станичники отошли, сосредоточив все силы на Граничной улице. И пулеметчиков из своих казарм перебросили на ту же Граничную. Не чувствуя больше опасности, красноармейцы потеряли бдительность, не подумали, что белоказаки хитрят. И поняли это слишком поздно. Однажды днем, когда на город обрушился

страшный ливень, выглянул один из красноармейцев в окно и вздрогнул, увидев людей. Их было много. «Они ползли по пустырю через ул. Границная, как черви, вжимаясь в землю, стараясь маскироваться за полегшим бурьяном. Все в добротных прорезиненных плащах, офицерские кокарды белели на шапках, выбивающихся из под капюшонов. Катили перед собой станковые пулеметы. Офицерский отряд окружал казармы».

«Поднявшие по тревоге красноармейцы ударили из винтовок в туманную пелену, не целясь. Но уже смыкалось офицерское кольцо: они без труда овладели казармами. Красноармейцы бросились в глубину казарменного двора, пытались обороняться, но были выбиты и оттуда, началось их беспорядочное бегство. Офицеры их теснили, стреляя залпами. Красноармейцы, прыгая через заборы, разбегались по улицам города».

Положение было критическим: офицеры-белогвардейцы могли прорваться в тыл красных. «К вечеру пушечные снаряды с воем разрезали воздух над заводом («Красный молот». А.К.). Они рвались в заводском дворе, разбивали также корпуса мебельной фабрики, что примыкала к «Молоту». Рушили расположенную вблизи городскую больницу (на ул. Первомайская; это уже тыл красных. А.К.). Отдохнув, получив подкрепление, офицерский отряд снова пошел в наступление. В течение часа белогвардейцы захватили мебельную фабрику и городскую больницу...» (26).

Положение удалось исправить но только ценой невероятных усилий: вмешательство самого Н. Гикало, снятие частей с других участков, гибели многих командиров и бойцов. Только «с рассветом горожанам удалось выбить станичников с занятых ими позиций, отбросить к казармам», а дальше и за ул. Границная, на исходную позицию. Атаки прекратились» (27).

В 30-е годы на основе этих казарм был создан военный городок, который занимал территорию от пр. Победы до стен завода «Красный молот» и от ул. Дагестанская до ул. им. Маяковского. С 1942 по 1960 год на территории его работало Грознен-

ское военно-пехотное училище. Сейчас от него осталось только одно здание казарм бывшего Дагестанского полка, полуразрушенное в ходе двух чеченских войн... Городок уничтожен полностью в 1990–1994 годах. На одной части его бывшей территории построен рынок «Сабита», а другая превратилась в огромный пустырь, заросший бурьяном и диким кустарником.

Много памятных мест было на ул. Границная и по левую ее сторону (при движении от Сунжи к площади Дружбы народов). В начале улицы, напротив здания Совета Министров и гостиницы «Кавказ», стояли одноэтажные дома постройки конца XIX – начала XX веков. Дворы их – шумные и путаные, как лабиринты, – были густо населены. Чтобы не портить вид улицы, строения эти закрывали большими щитами с советской символикой или партийными призывами. Снесли квартал только в самом начале 90-х годов, когда знаменитая бригада строителей известного Героя Социалистического труда Шамсудина Хаджиева стала возводить здесь первый в истории Грозного величественный, великолепный по архитектуре высотный комплекс для Чечено-Ингушского обкома КПСС, который и въехал в это здание в годы пресловутой перестройки. С 1991 года оно, конечно же, стало Президентским дворцом, который был разрушен, сравnen с землей после первой чеченской войны. Сейчас на том месте скромное строение Концертного зала, а рядом – красиво оформленный цветной тротуарной плиткой, декорированными фонарями, красочным большим фонтаном раскинулась приятная для прогулок площадь с памятником Первому Президенту Чеченской Республики, Герою России А-Х. Ка-дырову.

Гордостью города был и импозантный четырехэтажный жилой дом на углу проспектов Победы и им. Орджоникидзе, на первом этаже которого размещался знаменитый магазин «Детский мир». Интересна история этого здания.

Отсчет свой оно вело с 1929 года, когда на нефтепромыслах и заводах объединения «Грознефть» началось массовое сорев-

нование и ударничество по досрочному выполнению плана первой пятилетки. Вскоре это движение охватило все предприятия города. Каждый день приносил новые победы. Начались коренные преобразования: на нефтеперерабатывающих заводах устаревшее оборудование заменялось более современным. Для вторичной переработки нефти впервые в Советском Союзе построили 11 крекинговых установок. Вступили в строй парафиновый и второй газолиновый заводы, был создан большой резервуарный парк, запущен нефтепровод Грозный – Туапсе. И в 1931 году грозненские нефтеперерабатывающие заводы заняли первое место в СССР по объему выработки бензина, а доля республиканской нефти достигла 36% от общего объема добычи в стране. Этот невиданный успех оценен был достойно: 31 марта 1931 года объединение «Грознефть» Указом ЦИК Союза ССР было отмечено высшей наградой страны – орденом Ленина. Высокие награды получили также впервые в истории Грозного тридцать пять лучших нефтяников республики.

Естественно, в это время заметно увеличилось и число специалистов, которые приезжали в город и оседали в нем. Стал остро ощущаться недостаток в жилье. Поэтому в Грозном в 1931 году начали спешно возводить для инженерно-технического персонала и иностранных специалистов крупнometражные дома. Так был построен четырехэтажный дом на углу проспектов Победы и им. Н. Г. Орджоникидзе. В этом же квартале рядом воздвигли еще два здания, замыкавших ряд на ул. им. Чернышевского. Дома эти были построены для американских специалистов, монтировавших в 30-х годах XX века нефтеперерабатывающие заводы в Грозном... Закончив свое дело, они уехали, а дома стоят до сих пор: один – великолепный после восстановления, другой – все еще полуразрушенный и заброшенный.

Проектировал и строил этот жилой комплекс коллектив архитекторов под руководством опытного градостроителя Н. Скорописова. После окончания в 1923 году Петербургской Академии художеств и стажировки во Франции Николай Ва-

сильевич был назначен главным архитектором Грозного и сорок три года (до 1966 г.) жил и работал в нашем городе. Особыми изысками в плане архитектуры дома эти не отличались, были просты и добротны – в стиле 30-х годов прошлого века. В эксплуатацию жилой комплекс был сдан в 1937–1939 годах и верно служил людям до первой чеченской войны, в ходе которой был полностью разрушен. И даже мне, старожилу города, почти каждый день проходившему мимо и любовавшемуся им, трудно себе его представить сейчас...

Дальше до самого угла ул. Мира по левую сторону пр. Победы, исторических построек осталось мало, потому что эти места много раз перестраивались и реконструировались. Разве что, старожилам помнится шумная жизнь двухэтажного центрального универмага, сооруженного в 50-х годах XX века и имеющего сегодня весьма прежний вид. На углу же пр. Победы и ул. Мира до 70-х годов прошлого века стоял дом казака Шерстобитова, который в истории города сыграл свою особую роль.

На этом главном фронте обороны города особенно трудно приходилось защитникам его с первого дня Стодневной битвы. Как вспоминал впоследствии командовавший этим фронтом Г.И. Федоров, каждая сторона ул. Граничная представляла собой сплошные окопы, ходы сообщения, блиндажи, а дома – огневые точки, укрепленные пункты и узлы сопротивления. Тяжело было с того момента, когда «в 10 часов утра 11 августа... отряды красных, занявшие боевые позиции, дружно открыли огонь, затрещали пулеметы, а вслед за тем началась артиллерийская кананада» (28).

Так завязался первый жестокий бой с белоказаками на Граничной улице. И вскоре трудности обороняющихся усугубились. «После месячного боя у нас стали кончаться патроны и снаряды, – вспоминал Гавриил Федоров. – Сложилось критическое положение. Тов. Гикало отдал распоряжение коменданту города Бочарову собрать с грозненской буржуазии николаевские деньги для приобретения патронов в Чечне. Приказание было исполнено, деньги собраны, и на них приобретались патроны...» (29).

На этом (Среднем) участке фронта белые намеревались прорвать оборону красных и захватить центр города. Схватки здесь были особенно ожесточенными... Некоторые дома белоказаки превратили в узлы сопротивления, напичкав их пулеметными гнездами. Среди них был и кирпичный дом казака Шерстобитова.

Это был большой, приземистый полутораэтажный дом (не некоторые старожилы Грозного должны помнить его). Он простоял до 1970 года – мрачный, заброшенный, со следами пуль и осколков на стенах, оставшихся еще со времен Стодневных боев, пока, наконец, не был снесен. На его месте построен в 1972 г. знаменитый «Дом моды», который стоит и сейчас. До первой чеченской войны в Национальном музее Чеченской Республики хранились один из блоков цоколя дома казака Шерстобитова и пули, изъятые из его стен. Сейчас этих экспонатов, как и тысячи других ценнейших предметов, нет: их уничтожила война.

Дальше в центре квартала между ул. Мира и им. Грибоедова до сих пор стоит трехэтажное здание начала XX века – дом бывшего грозненского лесопромышленника Крыликова (пр. Победы, 18). Во время Стодневных боев он тоже был одним из самых укрепленных пунктов. Участники тех схваток вспоминали впоследствии, что белоказаки умудрялись втаскивать на его третий этаж легкие пушки и обстреливать город, нанося ощутимый урон красным отрядам. Советской властью дом Крыликова был конфискован и передан под квартиры рабочим-нефтяникам. Сейчас он восстановлен, в нем располагаются магазин, нотариальная контора и офис компании «Интербизнес-55».

Далее, до самой площади Дружбы народов, идут дома уже советской эпохи – застройки 50–60-х годов XX века.

Такова вкратце история улицы Граничная, улицы имени 11 августа 1918 г., проспекта Победы.

Улица Михайловская – Красных фронтовиков

Рассказывая о прошлом Грозного, эту улицу вспоминают почему-то редко, хотя имеет она не менее богатую и интересную биографию, чем другие, более известные. На ней до первой чеченской войны стояло немало памятников истории, культуры и архитектуры. И не просто стояли эти здания, а до конца дней своих служили людям. Многих из этих строений сегодня нет, но иные дожили до наших дней. Правда, облик их сильно изменился. Восстановим же справедливость и расскажем подробнее об этой исторической улице.

Михайловской она оставалась до 1928 года. Затем была переименована в честь Красных фронтовиков Германии и Австрии, с которыми дружили рабочие нашего города – бывшие участники знаменитых Стодневных боев и красные партизаны. В 1927 году делегация Красных фронтовиков посетила Грозный, и именно в здании Общественного собрания (Дворца пионеров), располагавшемся на улице Михайловская, и произошла их первая встреча с побратимами из нашего города. В память об этом и стала улица носить свое сегодняшнее название...

Хотя примыкала она к крепости Грозная, построенной в июне 1818 года командующим Отдельным кавказским корпусом А.П. Ермоловым, как он хвастливо заявлял, «для устрашения чеченцев» и начиналась от берега Сунжи в двух десятках шагов от люнетов и земляных валов крепости, формировалась ул. Михайловская стала намного позже первых улиц на форштадте: Граничная (пр. Победы), Александровская (ул. Первомайская), Арсенальная (ул. им. Быковского), Дундуковская (пр. Революции), положивших начало городу. Хотя именно на ней в 1820 году (на второй год существования крепости) были построены первые дома будущего города – Дом коменданта крепости Грозная, здание клуба Офицерского собрания и другие, – здесь еще дол-

гое время было безжизненно. В начале будущей улицы у крепости до 1850 года был плац, на котором муштровали солдат, устраивали различные смотры, парады и военные игры. Временами на нем разбивались палаточные лагеря для воинских частей, формируемых для карательных экспедиций в Чечню. А с 1850 года на месте плаца зашумела первая в истории крепости ярмарка: это было наиболее удобное для проезда место, поскольку сюда именно в те времена выводил брод на Сунже, устроенный, как выяснили ученые, еще самим великим полководцем Тимуром в годы его походов на Северный Кавказ (1385–1420).

О том, что Тимур (Астага Тимар – чеч.; Тимур ленг – Хромой Тимур – по монгольски, тюркски, интерпретация этого имени по европейски – Тамерлан. А.К.) бывал и прошелся огнем и мечом по Закавказью и Северному Кавказу, говорят не только легенды, мифы, сказания (в том числе и чеченские), но и некоторые названия местностей Чечни (например, Тимуран саңгарш – Тимуровы рвы вблизи с. Кулары, Тимуран гечо – Тимуров брод на реке Сунжа и т.д. А.К.), многочисленные исторические факты и самый яркий из них, описанный еще в 1409 году очевидцем походов Тимура генуэзцем, албаном по происхождению, Франческо Аларо в книге «Тимур на Кавказе», – сражение Тимура с золотоордынским ханом Тохтамышем на р. Тerek 24 июля 1395 года. Место это предположительно от правого берега реки Тerek (ныне с. Виноградное) и до склонов Терского хребта. Войск с обеих сторон было огромное количество (у Тимура – более двухсот тысяч человек). Вот что очевидец пишет о движении этих полчищ: «На горизонте стояла дымка от пыли. Ближе слышался гул. Стонала земля. Ее били десятки тысяч копыт... «Дивизия» за «дивизией» шагом проходили мимо нас то с лесом копий, то без них, знамен было много... Порядок был замечательный». Удовольствие прочитать эту замечательную книгу оставляем читателям. Первое издание ее вышло в г. Ростов-на-Дону в 1938 году.

О том, что чеченцы уходили все дальше в теснины гор, чтоб избежать полного истребления ордами Тимура, известно давно; делалось это потому, что в тесных ущельях завоеватели не могли использовать большие силы и теряли скорость, маневренность, мощный напор больших масс, в чем была их тактика. Но и туда дотягивались кровавые руки железного Тимура, о чем свидетельствует генуэзец. (Он приехал на Кавказ в качестве секретаря и переводчика посланника дожа Генуи, командированного для ревизии состояния торговых факторий, которые во множестве были разбросаны в те времена на Кавказе. Попал в плен, сопровождал Тимура в походе по Северному Кавказу и стал очевидцем всех его сражений и кровавых расправ, пока в 1396 году не был освобожден и не уехал на родину. Поэтому его свидетельствам можно верить. А.К.).

То же, что Тимур огнем и мечом прошелся по тогдашним чеченским землям, подтверждает такой факт, описанный Франческо Аларо. Он описывает, как Тимур раздавал воинам добычу, взятую ими у разбитого противника, и говорит конкретно, где были добыты сокровища. Он пишет:

«Мой приятель Эмир сообщил мне, что эта добыча привезена из только что (июнь 1395 г. А.К.) завоеванной области по реке Аргун, впадающей в Терек. (Вообще-то Аргун впадает в р. Сунжа, но простим генуэзца: он не мог знать тогда таких подробностей географии Чечни. А.К.)

Глядя на дележ, я думал:

«Азийцы (так называли в те годы войска Тимура. А.К.) сильны и подвижны. Сегодня завладели богатствами Кавказа, завтра завладеют богатствами руссов, а послезавтра вторгнутся в богатую Италию.

Мой приятель Эмир прибавил к своему объяснению, что, по рассказам одного из мингбashi (командир тысяча воинов, по нынешнему – полковник; звания в армии Тимура. А.К.), участковавшего в покорении этой области, там сожжено 83 поселения, много истреблено народу, но много также скрыва-

лось в неприступных ущельях. Несколько голов начальников селений (городов у них нет) привезено. «Вон они лежат», — прибавил мой собеседник. Я заметил в полутьме кучку круглых предметов. Это были человеческие головы. После раздела добычи Тимур в сопровождении Эмира, слегка прихрамывая, подошел к этой кучке. Ее ярко осветили десятки факелов. Тимур пытливо посмотрел на головы и, отходя, сказал вполголоса: «Глупцы те, кто сопротивляется избранному пророком». А затем, обращаясь к Эмиру, резко спросил: «Кого ты назначил начальником этих моих областей?»

«Юсуп-хана», — низко кланяясь, отвечал он. Тимур молча кивнул головой, одобряя назначение. Я полюбопытствовал, как называется покоренный народ. Мой собеседник сказал: «Кто-то назвал его «нах» (2).

Этим-то Тимуром и был проложен брод по р. Сунжа, который до сих пор носит его имя и у которого начинается ул. Михайловская — Красных фронтовиков.

Вид начала улицы Михайловская еще почти целый век портили мрачные остатки крепостных строений, хотя уже в 1857 году они были заброшены, потому что надобность в крепости и содержании в ней войск отпала: жизнь в Чечне давно перешла на мирные рельсы, и обстановка на левом фланге Кавказской линии настолько разрядилась, что даже военный штаб был переведен во Владикавказ. Но еще в начале XX века все оставалось как было. Краевед Д. Приволжский писал в 1914 году в своей книге «Весь Грозный и его окрестности»: «Городской центр безобразят серые, грязные здания тюрьмы, казарм, остатки валов и рвов старой крепости. Прошли времена, вырос город, а безобразные казематы стоят, как и раньше, полуразваленные, наводя страх на редких прохожих» (3).

Еще до Октябрьской революции 1917 года общественность города повела борьбу за очистку города от этих руин, но усилия энтузиастов оказались напрасными: началась Первая мировая, а затем и кровопролитная Гражданская война, не до очистки города стало. А торьмой воспользовались вошедшие

в Грозный деникинцы: в ее камерах пытали, а во дворе расстреливали арестованных рабочих, подпольщиков, революционеров. Побывавший в те времена в Грозном знаменитый писатель Михаил Булгаков использовал впоследствии, как установили исследователи его творчества, свои воспоминания о жестокостях, творимых деникинцами в городе в те дни, в работе над романом «Бег».

И только в тридцатых годах XX века в начале улицы Михайловская происходят коренные изменения: сносится наконец-то зловещее здание тюрьмы, ликвидируются казармы, остатки крепостных валов и на их месте от берега р. Сунжа до ул. Шоссейная (Комсомольская) закладывается красивый парк, которому в 1944 году решением горисполкома было присвоено имя великого русского писателя А.П. Чехова – в память о сороковой годовщине со дня его смерти. Еще разительнее стали эти перемены в шестидесятые годы прошлого столетия, когда по генеральному плану развития города на самом берегу Сунжи в июне 1961 года был возведен кинотеатр «Космос» – первый широкоформатный кинотеатр в республике, в 1965 – величественное строение Республиканской библиотеки им. А.П. Чехова (на открытии которой присутствовала и Министр культуры СССР Екатерина Фурцева), в 1978 – первый в Чечено-Ингушетии плавательный бассейн «Садко». В те же годы в начале главной аллеи парка был установлен памятник А.П. Чехову. И стал этот парк вместе с ул. им. А.П. Чехова, шумевшей рядом с ним, своеобразным «чеховским» уголком нашей столицы, был любимейшим местом отдыха горожан и гостей столицы.

В ходе первой чеченской военной кампании до основания были разрушены великолепные строения библиотеки, плавательного бассейна, кинотеатра, уничтожен облицованный цветным гранитом фонтан, снесен памятник А.П. Чехову, а сам парк превращен в огромный пустырь, заросший диким кустарником и бурьяном, изрытый добытчиками конденсата. Сейчас даже старожилам города трудно восстановить в памяти все, что было здесь раньше...

По правую сторону улицы Михайловская при движении от берега Сунжи в сторону бывшего военного городка (ныне здесь рынок «Сабита»), через узенькую улочку Шоссейная (Комсомольская), стояли монументальные корпуса Грозненского нефтяного института, которые «обтекали» старинное двухэтажное здание очень скромной, но запоминающейся архитектуры, сохраненное как памятник истории города. Это было здание первого среднего специального учебного заведения Грозного – реального училища, оставившего заметный след в истории Грозного и Чечни. Вообще-то учебных заведений к этому времени в Грозном было несколько, но все они давали только начальное образование. Так, первое начальное учебное заведение было открыто в городе еще в 1867 году. Это было женское бесплатное училище, состоявшее из подготовительного и первого классов. Содержалось оно, как писала газета «Терские ведомости» (г. Владикавказ) в начале XX века, «на суммы общественные, которые составляются из добровольных взносов благотворителей и меценатов». Позже это училище преобразовали в 1-ю женскую гимназию, для которой было построено специальное здание (старожилы города должны помнить это красивое двухэтажное здание с палисадами в самом начале пр. Революции: в нем до первой чеченской военной кампании располагалась средняя школа №1). В этой гимназии в начале XX века учились многие горянки, ставшие в последствии известными деятелями чеченской культуры: первая чеченская писательница Марьям Исаева, первая чеченская журналистка Мариам Саракаева (мать писателя Хамзата Саракаева), первая чеченка-языковед Марьям Чентиева, вошедшая в науку монографией «История Чечено-Ингушской письменности» (расстреляна в 2000 году вместе с дочерью в подвале дома, где они прятались от войны...).

В 1896 году в Грозном, уже известном всему миру своими нефтяными богатствами как «золотое дно», открывается еще одно училище, названное Пушкинским лицеем. Располагалось оно в специально построенном здании очень красивой архитектуры. В историю города оно вошло как учебное заведение,

в котором учились будущие прославленные герои гражданской войны – командующий IX и XI-й армиями, грозненец Михаил Карлович Левандовский и будущий руководитель героической обороны города во время Стодневных боев Николай Федорович Гикало. Кстати, в этом здании в период Стодневных боев находился Центральный совет рабочих и военных депутатов г. Грозный – об этом свидетельствовала мемориальная доска, установленная на здании в 1982 году – в год шестидесятилетия образования СССР. До первой чеченской военной кампании в нем располагалась грозненская средняя школа № 13.

Первое же среднее реальное училище было открыто в 1904 году. В течение восьми лет у него не было собственного помещения, и оно размещалось в частном доме, арендованном у купца Гехи Мациева. (Дом этот стоял на берегу р. Сунжа по 2-й Барятинской улице (ул. им. Ф.Э. Дзержинского). В советские годы в нем находилось Министерство внутренних дел Чечено-Ингушетии. Здание полностью разрушено в ходе 1-й и 2-й военных кампаний). И только летом 1910 года при большом стечении празднично одетых горожан, как свидетельствовал корреспондент грозненской газеты «Терский край», на углу улиц Михайловская и Александровская был заложен первый камень для строительства собственного здания реального училища. 1 сентября 1912 года оно было открыто, и в нем постигали науку уже более двухсот учащихся, хотя учеба их стоила дорого – более семидесяти пяти рублей в год (для сравнения, рабочий в те годы получал всего девять рублей в месяц). Строилось училище по проекту архитектора Павла Шмидта в основном для детей рабочих Старопромысловского района, большинство жителей которого проживало по хуторам и поселкам и в котором уже насчитывалось около семисот детей школьного возраста. «Учить их было негде: город находился далеко, доступного транспорта не существовало, – пишет краевед А. Ваксман. – На промыслах, правда, открыли одноклассное училище, но в нем могли учиться не более полусотни человек. Классные комнаты были настолько тесны, что вызываемые к доске ученики должны

были пробираться к ней под скамейками, на которых сидели дети» (4).

Открытие училища в городе намного облегчило условия их учебы. Огромный след оставил реальное училище в истории Грозного и Чечни. В нем учились многие люди, ставшие впоследствии широко известными политическими, военными и государственными деятелями, писателями и учеными Чечни: первый руководитель грозненской большевистской организации, первый председатель Грозненского совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов Николай Анисимов; легендарный трибун и полководец Асланбек Шерипов, павший в бою с белогвардейцами в сентябре 1919 года – в двадцать два года; талантливый писатель, основоположник чеченской литературы Саид Бадуев; первый чеченский ученый-языковед Ахмад Мациев и другие.

Обо всем этом говорили мемориальные доски на стенах училища (с 30-х годов XX в. до 1995 года в здании располагалась грозненская средняя школа № 2) и памятники, воздвигнутые близ него в семидесятые годы XX века: звездообразная стела с профильным портретом А. Шерипова, барельеф в виде фрагмента винтовки с горельефным портретом Н. Анисимова...

На заре советской власти в училище, в котором в 1920 году размещался Грозненский городской совет рабочих и крестьянских депутатов, не раз выступали перед жителями города и республики видные деятели государства и Чеченской автономной области. Хотя до 1929 года Грозный не входил в состав Чечни, но все государственные органы области располагались в нем. Так, на Первом съезде Чеченской автономной области (автономия была объявлена в 1922 году. А.К.), открывшемся в актовом зале реального училища 17 января 1923 года, присутствовали и выступали с речами знаменитые герои гражданской войны: К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и Н.Ф. Гикало. В этом же актовом зале реального училища неоднократно звучали голоса выдающихся деятелей Кавказа и Чечни: члена По-

литбюро ЦК КПСС, большого друга чеченского народа Анастаса Ивановича Микояна; великого чеченского государственного деятеля, избранного в начале XX века депутатом Государственной думы России, первого председателя Революционного комитета Чечни и председателя Совета народных комиссаров ЧАО Таштемира Эльдарханова и других.

Так, исторические хроники свидетельствуют: «Несколько раз в актовом зале (реального училища. А.К.) звучал голос Анастаса Ивановича Микояна – секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б) (с пятидесятых годов и до самой смерти – бессменный член Политбюро ЦК ВКП (б), КПСС. А.К.)... Здесь в конце июля 1924 года прошли заседания I-го съезда Советов Чечни, на котором тоже присутствовал и 29 июня выступал А.И. Микоян.

Газета «Нефтерабочий» 31 июля 1924 года писала: «Характерно шумящей толпой делегаты-чеченцы наполняют зал. Много стариков. Более молодые почтительно уступают им места впереди. Блестят при электрическом свете газыри в черкесках, серебро на кинжалах. На трибуне появляются Микоян и Эльдерханов. Почетным председателем избирается Микоян». На съезде было 373 делегата с решающим голосом, из них 25 коммунистов и 20 комсомольцев. Съезд обсудил отчет ревкома (его возглавлял тогда Т. Эльдерханов. А.К.). Наверное, впервые на своем съезде делегаты так взволнованно говорили о недостатках, имеющихся в работе учреждений народного образования и здравоохранения. В решении съезда было намечено открыть в селах школы, больницы, избы-читальни, обратить внимание на подготовку учителей, на развитие пионерского движения. Тем самым I съезд Советов Чечни наметил пути дальнейшего развития молодой Чеченской автономной области» (5).

Не оставались в стороне от исторических (особенно – революционных) событий и воспитанники реального училища, так как оно находилось в самом центре города, а значит, в самой гуще. Сам А. Шерипов именно в годы учебы в нем начинал свою общественную и революционную деятельность и проявил

в те юношеские годы зрелость мышления и политическую мудрость, удивляя сверстников.

Ахмад Мациев, одноклассник А. Шерипова по училищу, впоследствии писал об этом так: «В начале февральской революции (1917 г. А.К.) учащиеся реального училища собирались по национальным признакам и устраивали летучие митинги. В классах вывешивались лозунги: «Армения – для армян!», «Грузия – для грузин!», «Чечня для чеченцев!» и так далее. И вот однажды к нам в класс пришел Асланбек Шерипов и заявил: «До тех пор, пока мы не перестанем кричать «Армения – для армян!», «Чечня – для чеченцев!», у нас не будет ни Армении, ни Чечни. Задача состоит в том, чтобы идти всем вместе, рука об руку» (6). Вот уж поистине история повторяется дважды: сначала в форме трагедии, потом – фарса то же повторяется и сегодня в России.

Продолжая рассказ о реальном училище (на основе данных рукописных фондов Национального музея Чеченской Республики. А.К.), надо сказать еще об одном.

Сразу же после победы Советской власти в Грозный, Чечне и на Кавказе началось восстановление города, которому Гражданская война, белоказаки и деникинщина оставили тяжелое наследство. «Грозный лежал в развалинах. Двадцать процентов всего жилья было разрушено. Но особенно пострадали промыслы: из 358 скважин остались годными к эксплуатации всего 20. Добыча нефти со 109 миллионов пудов упала до 38 миллионов. Полтора года горели нефтяные фонтаны на Новых промыслах» (7). Правда, есть и другая цифра, которая гласит, что на этот момент (1920 г. А.К.) из 831 скважины пригодными к эксплуатации, осталось 80, а из 6 нефтеперегонных заводов не работал ни один. Покидая Грозный, владельцы промыслов и заводов уничтожили или увезли с собой всю геологическую и технологическую документацию» (8). Решать, кто прав, – дело историков и статистиков.

Восстановление шло очень трудно: хотя рабочих рук было достаточно, ощущалась острая нужда в квалифицированных

специалистах-нефтяниках. И тому были причины: из-за «оттока иностранных специалистов численность профессионалов-нефтяников в этот период (1920 год. А.К.) существенно сократилась, что не могло не сказаться на развитии всего производства. Если в 1917 году на промыслах и заводах Грозного работало 250 инженеров и техников, то к началу 1920 года осталось только несколько десятков» (9).

Все это диктовало необходимость срочного создания в г. Грозный нефтяного учебного заведения. И оно было открыто: «1 августа 1920 года в помещении реального училища начал свой первый учебный год Грозненский нефтяной техникум. Сначала было создано электротехническое отделение (единственное. А.К.), позже – счетоводно-экономическое и горно-нефтяное отделения в Грозном и на промыслах. Через месяц открылись строительное и механическое отделения в Грозном и химическое – на заводах» (10). Были еще и высшие отделения (в первый год на них обучалось 87 человек), и средние (178 человек). Учились они вечерами, потому что днем все работали или на заводах, или на промыслах.

Несколько раз менялось название учебного заведения: то оно называлось техникумом, то нефтяным педагогическим институтом, то снова техникумом, пока «Горский комитет профессионально-технического образования не нашел возможным удовлетворить ходатайство о его переименовании в «Нефтяной практический институт». 19 июня 1922 года на заседании Президиума Коллегии Главпрофобра было принято решение о преобразовании Грозненского нефтяного техникума в Нефтяной практический институт...» (11). Обучалось в нем тогда 228 человек.

Институт быстро рос и расширялся, увеличивалось число студентов. Ему уже становилось тесно в реальном училище. И поэтому в 1924 году Всесоюзный Совет Народного хозяйства (ВСНХ) отпустил институту деньги на строительство трехэтажного учебно-лабораторного корпуса. В газете «Грознен-

ский рабочий» (правда, тогда она еще называлась «Нефтерабочий». А.К.) от 9 июня 1927 года сообщалось: «Насколько это большая стройка, ясно показывают следующие цифры: высота фасада вместе с куполом – 20, 65 м., кубатура здания – 30000 м³, кирпича – 1500000 штук, рабочих будет ежедневно до 200 человек, пока же работает только 68». В 1929 году здание было сдано в эксплуатацию, а в 1931 году вступило в единое целое (12).

В 1922 году при нефтяном институте открылся знаменитый Рабочий факультет (рабфак), который первыми окончили будущие ударники и стахановцы грозненской нефтедобычи и нефтепереработки: чеченцы Баудин Осмаев, Махмуд Мурдаев, Нажа Ампукаев и другие – их уже было много в тридцатые-сороковые годы XX века. В нем же учились и многие будущие чеченские государственные деятели и писатели: Ризван Хаджиев, Магомед Мусаев, Арби Мамакаев и другие. К счастью, я многих из них знал и о многих из них писал очерки и делал телепередачи.

В годы Великой Отечественной войны, как и во всех школах Грозного (который в 1942 году в связи с приближением фронта был объявлен на осадном положении), в СШ № 2 разместился госпиталь, где личились раненые бойцы Красной Армии поправляли свое здоровье, а ученики выступали перед ними с концертами и помогали медицинскому персоналу. Трель ликального звонка в ней раздалась только в 1943 году, и детские голоса не смолкали в школе до самой первой чеченской войны, во время которой это историческое строение вместе со зданием Грозненского нефтяного института было полностью стерто с лица земли. Там сейчас пустыри.

Я же помню это здание шумным, веселым и красивым. Мне не раз доводилось выступать там перед учениками и их педагогами вместе с другими писателями республики. И помню, как все мы волновались, переступая порог школы, и как торжественно звучало каждое выступление: ведь наши стихи и рассказы читались в стенах, которые помнили голоса многих выдающихся

ся людей Чечни: политика Г. Эльдерханова, революционеров Н. Анисимова и А. Шерипова, писателя С. Бадуева, языковеда-ученого А. Мациева...

Через неширокий проспект им. Орджоникидзе, который как река в озеро вливался в одноименную площадь, стояло историческое, хотя в сравнении с другими и относительно молодое, скромной архитектуры здание Русского драматического театра им. М.Ю. Лермонтова... История появления этого здания уводит нас в 1926 год. «В связи с крупной реконструкцией нефтяной промышленности Чеченской автономной области и ростом добычи нефти стало быстро увеличиваться население г. Грозный. Если в 1920 году в городе проживало около 45 тыс. чел., то к началу 1925 года эта цифра достигла 69 тыс. Сразу же возникла нехватка учреждений культурного назначения в г. Грозный». По этой причине на углу ул. им. Красных фронтовиков и пр. им. Орджоникидзе и началось строительство комплекса по проекту архитектора А. Ларионова, который соединил в одном здании школу, кинотеатр и зал съездов. Строился он на основе заложенного на ул. Михайловская еще в 1914 году фундамента (частично и стен) бывшего «доходного дома» грозненского нефтепромышленника А. Схиртладзе. Но предложенное сочетание уже не могло полностью удовлетворить культурные запросы горожан. Поэтому решено было школу и кинотеатр построить в другом месте, а здание реконструировать под городской кинотеатр. За строительство его взялся мощный трест «Грознефть». Самым трудным при перепланировке оказался вопрос акустики зрительного зала. Решили его поручить автору проекта А. Ларионову. После долгих и сложных расчетов он нашел простой выход: полые карнизы заполнил древесным углем, специально завезенным из Белоруссии, и скрепил его гипсовым раствором.

1928 году в этом здании открылся первый в истории Грозного профессиональный городской театр, который в 1937 году стал Республиканским русским драматическим, а в 1941 году –

в память о столетии со дня смерти великого поэта – ему было присвоено имя М.Ю. Лермонтова.

Газета «Грозненский рабочий» 12 января 1929 года писала, что на сцене первого городского театра осуществлена первая постановка пьесы драматурга В. Ромашова «Конец Криворымска», премьера которой имела огромный успех. Спектакль идет всегда при переполненном зале».

... Я много раз бывал в этом театре, восторгался игрой прекрасных артистов – В. Слуцкой, Н. Надеждиной, Е. Хавричева, В. Белоглазова и многих других. Театр им. Лермонтова, неброский внешне, был нарядным и уютным внутри: просторное светлое фойе, чудесный зрительный зал, красные мягкие кресла которого создавали какую-то домашнюю, семейную обстановку. Многоступенчатый вход был со стороны ул. Красных фронтовиков. С волнением и трепетом поднимался я каждый раз по ступенькам в волшебный мир высокого искусства...

Театр в этом здании находился до 4 ноября 1977 года – пока не перешел в величественное современное здание Театрального концертного зала. А в старом здании с 1977 до 1997 года (год полного уничтожения здания) находилась Чечено-Ингушская государственная филармония, в которой часто выступали лучшие артисты бывшего Советского Союза!

Только неширокими воротами от здания театра отделялось другое историческое здание постройки 30-х годов XX века, на первом этаже которого размещался до 90-х годов знаменитый Дом народного творчества. До начала 50-х годов прошлого века это был зал заседаний Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), и памятен он тем, что именно в нем еще в 1943 году проходило трагическое для чеченского народа секретное совещание партийно-хозяйственного актива республики под председательством печально известного заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. Шкирятова, на котором окончательно был решен вопрос о выселении чеченцев с их исторической родины. Памятно было это здание и тем, что в нем жили выда-

ющиеся деятели культуры и искусства Чечни – Герой Социалистического Труда, народный артист СССР М. Эсамбаев, писатель-драматург А-Х. Хамидов и другие. Но увековечить их память на мемориальной доске так и не успели, потому что в ходе первой чеченской войны дом был разрушен, а затем разобран на кирпич. Сейчас на этом месте пустырь...

Далее, через узеньку улочку Красноармейскую, находился непрятательный домик, в котором в 1890–1895-х годах жил и работал известный ученый-химик В. Харичков, о чем извещала скромная мемориальная доска, установленная на нем. Надо сказать, в конце XIX века г. Грозный стал городом, притягательным для научных работников, промышленников, людей искусства и крупнейшим добывчиком нефти. Об этом так писал в книге «Весь Грозный и его окрестности» Д. Приволжский в 1914 году: «На нефть старались обратить внимание предпринимателей и ученых. Начинается серьезное изучение грозненской нефти: ее запасов, качества, методов переработки. За это взялся ряд крупных ученых, в том числе великий русский химик Д. Менделеев, В. Харичков и другие химики. Их труды сыграли немаловажную роль в судьбе нашего города» (13). Ни одно из этих исторических зданий не сохранилось, после двух чеченских войн нет ни одной мемориальной доски. Потому, что с лица города исчезли целые улицы. На их месте, как я пишу в одном из своих стихотворений «Расстрелянные улицы» (перевод с чеченского. А.К.):

Бурьян. Кусты. Руины. Лужицы.
Бездюбье. Ужас тишины:
Войной расстрелянные улицы
Сегодня жизни лишены...
От боли, от беды сутулится
Мой город в яви и во сне –
Его расстрелянные улицы,
Словно проклятие войне...

Пустырь. Руины. Мусор. Лужицы.
Бурьян глухой. Собачьи сны:
Мертвые расстрелянные улицы –
Немые символы войны!

Много было памятных мест и по левую сторону ул. Михайловская (при движении от реки Сунжа в сторону бывшего военного городка, где сейчас шумит торговый центр «Сабита»). Прежде всего, это тенистый уютный сквер – с огромным фонтаном на берегу Сунжи и небольшим детским городком около него, – разбитый на том месте, где в 50–60-е годы XIX века располагалась первая в истории Грозного ярмарка. В 1941 году в память о столетии со дня гибели М.Ю. Лермонтова скверу было присвоено имя великого поэта, а в 1983 году рядом с ним поднялся величественный новый корпус Грозненского нефтяного института, который был издалека похож на изящный белоснежный лайнер, плывущий по зеленому морю.

Дальше – через улицу Комсомольская – шумел листвой и звенел струями фонтан «Золотые рыбки» (Комсомольский сквер) – любимое место детских игр. Сквер памятен и тем, что тут располагался мемориал – братская могила видных представителей советской власти в Чечне.

На углу проспекта им. им. Орджоникидзе и ул. Красных фронтовиков стояло (да и сейчас стоит) полуразрушенное в ходе двух чеченских войн здание бывшего Общественного собрания Грозного. Правда, сейчас мало что осталось от его первоначального облика.

И вот что мы узнаем о нем, воскрешая историю улиц Грозного. В 80-х годах XIX века в захолустном, тонущем в грязи Грозном, в котором и проживало-то всего около пяти тысяч человек, не было ни театра, ни библиотек, ни других учреждений культуры, даже газеты и журналы поступали в город от случая к случаю. Такое положение было нетерпимо, и в 1876 году любители театрального искусства Грозного впервые образова-

ли свое общество. Десять наиболее активных его членов-энтузиастов взяли в банке заем и построили театральное здание на углу городского сада, который находился тогда в пределах улиц Дундуковская (пр. Революции), Шоссейная (ул. Комсомольская), Ермоловская (ул. им. Чернышевского) и Михайловская (ул. им. Красных фронтовиков).

В «Сборнике сведений о Терском крае» в 1878 году отмечалось: «В Грозном для помещения Общественного собрания (клуба) недавно выстроено особое, красивое здание с театром и зрительным залом на триста мест, в котором даются любительские спектакли» (14). Журналист, восхищенный очевидец этого события, писал в газете «Терские ведомости» в 1878 году, что театр – «это небольшое, но очень удобное и веселенькое каменное здание, включающее в себя большой зал с хорами и сценой, гардеробные, буфет и прочее. На занавесе – панorama Грозного. Его расписал местный художник-любитель М. Соколов. В театре ставятся любительские спектакли. Собранные деньги идут на погашение ссуды...» (15).

В 80-х годах XIX века здание полностью перешло в собственность Общественного собрания города. В те годы, как пишет краевед А. Ваксман, «это было единственное место, где грозненская интеллигенция могла проводить зимние вечера. По воскресным дням здесь давались любительские спектакли и концерты, а в большие праздники устраивались танцы под духовой оркестр. Приезжали из других городов гастролирующие артисты. Особым успехом пользовались гастроли Бакинской оперетты» (16).

Грянули революции: в начале 1917 года – буржуазно-демократическая, позже – Октябрьская социалистическая. В здании Общественного собрания проходили митинги и собрания, конференции и съезды. А в начале 1918 года в нем состоялось первое заседание Грозненского совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, председателем, которого был избран Н. Анисимов. Здесь неоднократно выступали известные революцион-

неры-большевики: один из двадцати шести бакинских комиссаров, уроженец Грозного И. Малыгин, председатель Центрального революционного совета – высшего органа Советской власти в городе – Н. Гикало и другие.

Здание это знаменито еще и тем, что в нем с 11 по 29 мая 1918 года проходил Третий съезд народов Терека, на котором впервые присутствовала чеченская делегация во главе с легендарным национальным героем чеченского народа Асланбеком Шериповым. На съезде по несколько раз выступали председатели Терской советской республики С.Г. (Ной) Буачидзе, Я.И. Бутырин и другие (их имена сегодня и носят улицы Грозного. А.К.). На этом съезде в одном из выступлений А. Шерипова и прозвучали знаменитые слова: «Знайте же, товарищи и граждане, что мы вместе со всеми пойдем защищать свободу. Мы, чеченцы, вам покажем, как умеем воевать и погибать за нее. И в нас вы не найдете мюридов газавата, а увидите мюридов революции!» (17). На этом съезде Асланбек Шерипов был избран председателем Чрезвычайной земельной комиссии, сохранив и должность комиссара по национальным вопросам Терской советской республики.

Сильно пострадавшее в гражданскую войну здание Общественного собрания было восстановлено в 1920 году силами 1-го инженерного полка Кавказской трудовой армии. Но на содержание его денег не было, и решением Грозненского горисполкома здание отдали Союзу строителей под рабочий клуб, который проработал в нем до июня 1936 года. А 18 июня 1936 года грозненский горсовет, отметив в своем постановлении «крайне слабую работу для детей в части создания для них условий в организации здорового культурного отдыха во внешкольное время», решил «передать помещение клуба строителей с прилегающим к нему городским садом ГОРОНО для организации в г. Грозный Дворца пионеров и школьников» (18). Здание несколько раз перестраивалось, расширялось, но неизменно оставалось во власти детей. С 1991 года оно стало назы-

ваться Домом детского творчества. А ныне стоит изуродованное, жалкое и бесхозное.

Говоря о красивом, оригинальной и броской архитектуры здании (располагавшемся до первой чеченской войны на углу улиц им. Красных фронтовиков и им. Полежасева), так называемом «доме Нахимова», а в последние годы – Облсовпрофе, надо добавить к ранее написанному о нем еще один штрих. В просторном его холле на втором этаже снимались эпизоды художественного фильма «Приходи свободным», посвященного жизни и деятельности легендарного революционера, политика и полководца А. Шерипова. Это были эпизоды заседаний Грозненского Совета рабочих и солдатских депутатов, на которых много раз присутствовал и выступал с речами Асланбек Джемалдинович.

Впритык к этому особняку стоял малоприметный одноэтажный домик (ул. им. Красных фронтовиков, 17) с характерным для старинных построек деревянным козырьком над крыльцом. Дом этот был первым строением, возведенным вне стен крепости Грозная. Он служил людям до последнего времени, пока не был уничтожен в первую чеченскую войну. В начале 90-х годов прошлого века в нем жила первый диктор Чечено-Ингушского телевидения всеми любимая Лидия Яндиева.

Необычна и любопытна история этого дома, о котором краевед А. Ваксман писал, что «не всякий город в России сохранил до настоящего времени первый построенный в нем дом, а в Грозном такой дом не только сохранился, но и продолжает эксплуатироваться». В нем находятся квартиры рабочих (19). Построен он был в 1819 году, когда всего полгода спустя после закладки крепости Грозная ее обитатели занялись благоустройством территории вокруг нее: солдатские казармы в землянках заменились бревенчатыми домами, на берегу же р. Сунжа расчистили широкую площадь под плац на форштадте.

«В морозную ночь 29 января 1819 года, – писал архитектор-краевед А. Ваксман ведущий рубрики «Мост из прошло-

го», в газете «Грозненский рабочий»; в 80–90-е годы XX века. По приказу командующего левым флангом Кавказской линии А.П. Ермолова из крепости Грозная вышел отряд пехоты под командованием ее коменданта полковника И. Грекова, подкрепленный артиллерией. Войдя в вековой лес Ханкальского ущелья, выставив охрану, отряд приступил к рубке леса. Вырубалась широкая в триста метров просека, в середине которой прокладывалась дорога. Это так хорошо описано в повести Л.Н. Толстого «Рубка леса» (20).

Лучшая древесина этой вырубки – бревна бук и липы – по снегу и льду замерзшей Сунжи волоком подтаскивались на крепостной плац для предстоящего строительства. Вскоре из них был заложен первый в городе дом, и работа закипела. Строился он в метрах 250 от крепостного вала и в тридцати шагах от землянки, в которой проживал А.П. Ермолов. Не все наверняка знают, что на месте этой землянки еще до Октябрьской революции 1917 года был установлен бюст А.П. Ермолова, в 20-х годах снесен, а в 40-х, когда чеченцы были депортированы, на этом месте был сооружен мемориальный комплекс с огромным черным бюстом А.П. Ермолова, возвышающимся над фасадной стеной с четырьмя мраморными плитами и железной дверцей. И вот какими были надписи на плитах. На первой: «Здесь была землянка, в которой жил основатель крепости Грозная А.П. Ермолов». На второй: «Никогда неразлучно со мной чувство, что я – россиянин. А.П. Ермолов». На третьей: «Патриот, высокая, истинно русская душа, дела и мысли чисто государственные. Грибоедов о Ермолове». И, наконец, на четвертой: «Народа сего подле и коварнее нет под луной. Ермолов о чеченцах». Последняя плита была убрана только в начале 1958 года. Приехав в Грозный в августе 1957 года, я еще засстал ее и впервые понял, как этот душегуб ненавидел мой народ... Комплекс несколько раз взрывали, обвиняли и сажали студентов, пока в годы перестройки не уничтожили совсем и не открыли на этом месте шашлычную.

В конце 1820 года солдаты Куринского егерского полка закончили строительство дома, предназначенного для размещения служб коменданта крепости Грозная. Фасадом он выходил на северо-западную сторону, и вокруг него было пустынно: улица Михайловская начала формироваться только десятки лет спустя. В доме были размещены кабинеты Ермолова и Грекова с единой приемной. Были в нем и столовая, и несколько небольших комнат, которые служили гостиничными номерами для высокопоставленных лиц, прибывавших время от времени в крепость или останавливавшихся на отдых по пути следования в Грузию, Персию, Армению и т. д. Дом в эти дни становился для них и резиденцией. Была в нем еще одна большая и светлая комната, служившая общежитием для «не особо высокопоставленных лиц». Пол ее был покрыт персидским ковром, на него и стелили постель для приезжих.

В истории Грозного Дом коменданта крепости широко известен и тем, что в его общежитии некоторое время жил и работал над своей бессмертной комедией «Горе от ума» Александр Сергеевич Грибоедов. Приехал он в крепость в конце 1825 года в распоряжение А.П. Ермолова как чиновник-дипломат и работал секретарем генерала. Но А.С. Грибоедов не ограничивается исполнением обязанностей секретаря. Он много разъезжает по Кавказу, изучает местные обычай и традиции, знакомится с культурой и фольклором горцев. У него появляются среди них друзья и знакомые. «Драматург продолжал работу над комедией «Горе от ума», и можно с уверенностью сказать, — пишет краевед А. Ваксман, — что строфы из нее не раз звучали в общежитии Дома коменданта» (21).

Великий В.Г. Белинский писал о Кавказском периоде жизни А.С. Грибоедова и отражении его в творчестве поэта: «Дикая и величественная природа этой страны (Чечни. А.К.), кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов вдохновили его (А.С. Грибоедова. А.К.) оскорбленное человеческое чувство на изображение апатичного, ничтожного круга Фамусовых, Скалозубовых,

Загорецких, Хлестаковых, Тугоуховских, Репетиловых, Молчалиных – этих карикатур на природу человеческую...» (22).

«На вопрос, где странствовал Чацкий, мы теперь с уверенностью можем ответить: не только по Европе, но и на Кавказе, – пишет А. Казаков. – Об этом свидетельствуют, в частности, следующие строки монолога героя, опущенные в поздней редакции (пьесы «Горе от ума». А.К.):

...Я был в краях,
Где с гор верхов ком снега
ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег
в паденье все охватит,
С собой влечет, дробит,
стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром,
вся в ужасе окрестность (23).

А друг А.С. Грибоедова поэт-декабрист В. Кюхельбекер, который, кстати, и сам не раз бывал в крепости Грозная, писал, что не мог Грибоедов не отправить любимого героя своего странствовать туда, где сам «посреди людей более близких к природе, чуждых европейского жеманства, чувствовал себя счастливым. Благодаря впечатлениям, полученным на Востоке, особенно на Кавказе, поэт зорче разглядел деспотическую природу крепостной России» (24).

Многое успел проделать А. Грибоедов за месяц с небольшим пребывания в крепости Грозная, пока в конце января 1826 года не были по распоряжению царя именно здесь арестован по обвинению в причастности к делу декабристов. Арестовал поэта фельдъегерь, специально приехавший из Петербурга, куда и был отвезен Александр Сергеевич. Провожала поэта группа офицеров...

Комендантский дом прожил долгую жизнь. Уже в советское время, в 1928 году, обветшавший, он был перепланирован и

реконструирован (деревянные стены обложены кирпичом, перенесена дверь и т.д.) и верно служил людям, пока не был полностью разобран после первой чеченской войны.

На бывшей Михайловской улице стояло еще одно здание типичной советской архитектуры 50-х годов прошлого столетия с широкой площадкой перед входом – бывший Дом политического просвещения Чечено-Ингушского обкома КПСС, а с начала 90-х годов – Исламский университет аль Насухи.

Историки установили, что на этом месте ранее находилось здание Клуба офицерского собрания крепости Грозная. Построено оно было в 1823 году на окраине площади, спланированной после вырубки леса на западной стороне крепостного вала. Строили его из дерева солдаты того же Куринского полка. Было здание одноэтажным. В клубе размещались буфет, комната отдыха, библиотека с большим читальным залом, в котором проводились занятия по военному делу и собрания.

Здание было огорожено высоким каменным забором с амбразурами, в которых пушки стояли всегда наготове на случай нападения: вокруг ведь был пустырь и густой лес – всякое можно было ожидать. Но все же теперь офицеры могли собраться вместе после службы для общения, просвещения и совместного досуга, чтобы как-то скрасить свою гарнизонную жизнь. Известный историк, бывший в сороковых-пятидесятых годах директором Республиканского краеведческого музея (впоследствии – собкор газеты «Известия») Н. Штанько писал: «Обманувшись в надеждах на легкую и быструю военную карьеру, не умея занять себя полезным делом, такие вот Мартыновы (офицер, убийца М.Ю. Лермонтова, часто бывавший в крепости Грозная. А.К.), живя в крепости, устраивали кутежи, просиживали ночи за азартной карточной игрой. И это даже поощрялось начальством» (25). Поощрялось потому, что вечно пьяный офицер и в бой шел без оглядки и заботы о себе требовал небольшой.

А неизвестный журналист, скрывшийся под псевдонимом «Казбек», писал: «Чем можно было заняться в отряде в сороко-

вых годах (XIX век. А.К.) в Грозной в минуты отдыха, когда не было ни театров, ни клубов, ни библиотек, ни даже газет? При этой обстановке, если уж нужно было отгонять тоску-кручину, то лучше вместе, громко и на славу. Таково было мнение Фрейтага» (Командующий в те годы левым флангом Кавказской линии. А.К.). Отсюда «приличный кутеж в кругу лихих песенников не только не был пороком, но составлял необходимую потребность» (26).

Унылая, бесперспективная и загульная жизнь офицеров крепости Грозная приводила не однажды к тому, что приходилось издавать грозные циркуляры типа: прапорщик Лисовский был найден «в форштадтской чихирне в совершенно нетрезвом виде». Прапорщик Попов «заложил арестованному чеченцу помпон и тулю своего кивера за двадцать копеек...». Далее – приказ, который строго-настрого запрещает всем грозненским торговцам и офицерам давать взаймы денег и товары «офицерам Давыдову и Туманову» (27).

Для оздоровления беспросветной жизни и пьяного досуга служак крепости Грозная и был построен в 1823 году впервые Клуб офицерского собрания Куринского егерского пехотного полка.

Много внимания работе Клуба уделял генерал Н.Н. Муравьев – двоюродный брат казненного декабриста С.Н. Муравьева-Апостола, многие годы служивший на Кавказе, в том числе и в крепости Грозная. Ему было, как он писал в своем дневнике, «больно созерцать, как боевые офицеры «пухнут» от скуки и пьянства». Николай Николаевич создает при клубе шахматный, литературный и музыкальный кружки, читает офицерам интересные лекции» (28).

Большое участие в работе Клуба и его кружков принимали сосланные на Кавказ и служившие на линии, в частности, в крепости Грозная и Чечне поэт А. Одоевский, офицеры-декабристы Н. Лорер, В. Лихарев, Б. Бодиско и другие. В дни первой (1837 г.) и второй (1840 г.) ссылок на Кавказ в этом Клубе

офицерского собрания часто бывал и читал сослуживцам свои сочинения великий поэт Михаил Юрьевич Лермонтов.

Корреспондент петербургской «Иллюстрированной газеты» в своих «путевых заметках по Кавказу» в 1867 году писал: «В крепости Грозная, на форштадте, имеются Горская школа, опрятная и удобная баня, клуб и гостиница. И кажется современной землянкой Ермолова здание клуба, правда, ветхое. Когда-нибудь оно накроет все релизы, лото и задавит публику» (29).

Но журналист ошибся: это здание просуществовало еще около ста лет. В советское время с 1921 года в нем размещался рабочий клуб союза металлистов завода «Красный молот». В сентябре 1927 года в нем проходила «встреча комсомольцев и молодых рабочих завода с приехавшим в наш город членом президиума исполнкома Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) Антонио Мартини из Италии». А в сентябре 1929 года в клубе выступал вторично посетивший Грозный писатель А.С. Серафимович (30). Сопровождал его в поездке чеченский писатель, широко известный в то время С. Бадуев.

В 1953 году в связи с новой застройкой ул. им. Красных фронтовиков и ввиду ветхого состояния здание Клуба офицерского собрания было разобрано, и на этом месте более десяти лет была площадь, пока в 1965 году не построили на ней фундаментальный Дом политического просвещения и пятиэтажное жилое здание объединения «Грознефть» с памятными для грозненских старожилов детским садом «Сказка», магазином женской одежды «Радуга» и уютным кафе «Дружба». Весь этот квартал разрушен в ходе чеченских войн, и сейчас здесь сиротливо и уродливо стоят «останки» арок бывших въездов во двор... (2003 г.)

Напротив, через улицу Тенгинская¹ (ул. Мира) стоял внушительных размеров почти на целый квартал с большим ухожен-

¹ Тенгинскую улица была названа в честь Тенгинского полка, который в одно время дислоцировался в крепости Грозная и в котором служил М.Ю. Лермонтов.

ным двором жилой комплекс хорошо известный горожанам и гостям Грозного как гостиница объединения «Грознефть».

С этим зданием было связано тоже немало памятных в жизни города событий. Построенное в 1932 году, оно было одним из самых крупных в Грозном. Жили в нем, в основном, семьи руководителей и рабочих «Грознефти», в их числе – и старейший буровой мастер Я. Мальцев, первым из грозненских нефтяников получивший звание Героя Социалистического Труда, только что учрежденное в СССР (1933 год). В гостинице же «Грознефть» в дни своего приезда в Чечню останавливался выдающийся революционер, бывший чрезвычайный комиссар Юга России в годы гражданской войны, Народный комиссар тяжелой промышленности СССР Георгий (Серго) Константинович Орджоникидзе. В Чечне с его именем связано многое: установление советской власти и участие в знаменитых Стодневных боях в столице; глубокое освоение Грозненского и Малгобекского нефтяных районов. Так, в сентябре 1933 года в свой очередной приезд в наш город Г.К. Орджоникидзе подробно ознакомился с положением дел, правильно оценил значение и возможности Грозненско-малгобекского месторождения нефти, поддержал инициативу грозненских специалистов об освоении глубокого и сверхглубокого бурения и придал нефтедобыче в нашем крае широчайший размах.

Итогом этой работы Наркомтяжпрома СССР стало совещание передовых рабочих и руководителей промыслов и «Грознефти», проведенное 26 сентября 1933 года именно в гостинице «Грознефть». На совещании Г.К. Орджоникидзе выступил с программной речью по дальнейшему развитию грозненского нефтяного района, раскритиковал теорию о «затухании» его и дал конкретные советы по улучшению бурения, добычи (особенно – в Малгобекском районе) и переработки нефти. Благодаря такому вниманию и заботе наркома за годы 1-й и 2-й пятилеток Грозный превратился в крупнейший центр нефтяной индустрии не только на Северном Кавказе, но и во всем быв-

шем Советском Союзе. В память об этом историческом для Грозного событии на фасаде здания в 1983 году (в честь пятидесятилетия совещания) была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме 16 сентября 1933 года перед передовиками «Грознефти» выступал Народный комиссар тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе».

Неширокая тенистая улица имени И. Репина отделяла от этого исторического здания другое строение – хорошо известный во всей бывшей Советской стране проектный институт «Гипрогрознефть», построенный по проекту архитектора Л. Дедкова и занимавший почти целый квартал.

Создан был институт в 1920 году. Вначале это было небольшое проектное бюро со штатом всего тринадцать человек. В таком виде оно, естественно, не могло удовлетворить требования в проектировании и строительстве бурно развивающейся нефтяной и перерабатывающей промышленности республики. Поэтому уже в 1926 году бюро было преобразовано в проектный институт «Гипрогрознефть». «За короткий срок в сорок пять лет (1971 г.) большой трудовой путь прошел институт – от проектирования примитивных кубовых газолиновых батарей до современных мощных технологических установок и нефтеперерабатывающих заводов. Достаточно сказать, что почти все предприятия нефтепереработки Грозного построены по проектам «Гипрогрознефти».

И не только Грозного. По проектам, родившимся в стенах ордена «Знак почета» проектного института и разработанным в содружестве с другими проектными организациями, были возведены такие гиганты нефтеперерабатывающей промышленности СССР, как Мозырский завод в Белоруссии и Павлодарский в Казахстане, вдвое увеличена мощность Кременчугского нефтеперерабатывающего завода на Украине. По проектам института были разработаны и созданы первые в мире комплексы, производящие жидкие парафины, – важнейшее сырье для получения белково-витаминных концентратов. Они

были построены в городах: Куйбышев, Кириши (Ленинградская область), Мозырь (Белоруссия), Сызрань, Уфа, Волгоград, Саратов и т.д.

В 80–90-е годы XX века проектный институт и его разработки были широко известны и востребованы в нефтяных районах не только Советского Союза, но и далеко за его пределами. Первые нефтеперерабатывающие заводы и установки по проектам «Гипрогрознефти» были построены уже в середине 50-х годов прошлого столетия, как писал А. Вайсман в книге «Растет наш Грозный» (1957 г.), в Румынской Народной Республике, Китайской Народной Республике, Чехословакии и других странах (31).

Росла популярность смелых проектов института, и по ним грозненские специалисты строили мощные нефтеперерабатывающие и жилые комплексы в Иране, Сирии, Ираке, Ливии, Саудовской Аравии и других нефтяных странах, которые предпочитали наши разработки американским.

Кроме проектов нефтеперерабатывающих комплексов, многие из которых были помечены грифом «впервые», институт составлял также проектно-сметную документацию и проекты по строительству жилых домов, реконструкции и благоустройству Грозного. Именно в нем были созданы проектные документы по увеличению воды в Сунже (обводнению) за счет реки Аргун – в связи с необходимостью обеспечения потребности в воде промышленных мощностей Грозного (32).

На счету и в планах проектировщиков знаменитого института было множество и других прекрасных задумок и планов. Но все рухнуло в водовороте революций, суворенитетов 90-х годов XX века и потонуло в сегодняшнем хаосе.

В здании института «Гипрогрознефть» в 1995–1996 годы – до печально известных августовских событий, располагалось возрожденное Правительство Чеченской республики. Сейчас на его месте пустырь...

Улица Дворянская – пр. им. В.И. Ленина (А-Х. Кадырова)

Улица Дворянская (с 1920 года – пр. им. В. И. Ленина, с 2004 г. – пр. им. А-Х. Кадырова) довольно-таки молодая по сравнению с первыми улицами города Грозный. Она начала формироваться от правого берега р. Сунжа только в 70–80-х годах XIX века, когда из-за тесноты застройки и нехватки земли для заселения по левую (крепостную) сторону реки, часть жителей стала перебираться на правый берег и строить там поселения. Случилось это так.

Ярмарка, открытая впервые у стен крепости Грозная в 1850 году на берегу реки Сунжа, была перенесена в 60-х годах XIX в. позади от нее – в район нынешнего завода «Красный молот». Там в те времена были пустыри, первые цеха завода «Молот» были построены только в 1893 году. Причиной переноса ярмарки послужили частые разливы реки и затопление ею многочисленных торговых рядов, что наносило большой ущерб торговым людям.

На новом месте ярмарка быстро расширялась, потому что, во-первых, с окончанием Кавказской войны пришло время мирного созидания и, во-вторых, в крепости и в поселениях бурно стали развиваться ремесла, которыми славились всегда местные умельцы. Их изделия, сработанные с большим искусством и мастерством, пользовались у покупателей неизменным спросом. Так, будучи на Кавказе А.П. Ермолов писал своему другу В. Закревскому: «Посылаю тебе пистолет, вся оправа которого сделана в крепости Грозная человеком, который работает самоучкою, никогда в глаза не видел никакого инструмента и только пользуется долотом, шилом и иголками» (1).

Горские евреи, одними из первых поселившиеся у крепости Грозная, тоже занимались сугубо мирными делами: выделявали козьи шкуры, были прекрасными кузнецами. Все больше появлялось кирпичных заводов в окрестностях Грозной (кста-

ти, многие из них находились там же – на берегах р. Сунжа, у Петропавловского шоссе, – где и нынешние кирпичные заводы, только вот методы производства кирпича немного изменились). С каждым годом увеличивалась добыча нефти. Многие жители крепости и поселков продолжали заниматься земледелием, выращивали виноград, обрабатывали общественные фруктовые сады, а их вокруг Грозной было множество (2).

После объявления крепости Грозная городом в него устремились толпы обездоленных людей, прельщенных льготами, данными молодому городу и гонимых надеждой заработать на кусок хлеба. И стала ощущаться острая нехватка земли, да такая, что уже в 1875 году городские власти вынуждены были отказывать в земельных участках даже приписанным к городу Грозный старым кавказским солдатам, прослужившим в крепости по двадцать лет и более. Поэтому многие приезжие селились по окраинам города, на так называемых «самозахватах» в поселках-«нахаловках», что были больше похожи на собачьи конуры, курятники и землянки. Они и названия получали соответственныe: «собачевки», «индейшиновки», «сахалины» и т.д. И в большинстве своем находились в нынешних границах ул. им. Х. Нурадилова, П. Левандовского, трампарка, пос. им. Мичурина и на Старых промыслах. Сейчас это – город, а в 70-х годах XIX в. это были дальние окраины, даже не связанные с ним (3).

Много народу селилось у новой городской ярмарки. Люди жили очень скученно и поэтому, «когда случился пожар (1860 г.), он охватил почти всю крепость. При одном из них, случившемся в 1875 году, пострадали две трети всех домов уже молодого города. Полностью сгорела и слобода горских евреев. Они не захотели больше селиться на старом месте и одними из первых перенесли» свое поселение на правый берег р. Сунжа, где начальник левого фланга Кавказской линии генерал-лейтенант П.А. Евдокимов отвел им вдоль берега реки четыре тысячи десятин земли для расселения (4). Там они и начали формиро-

вать новую улицу, названную Лорис-Меликовской (с 1920 г. – Московская). На этой улице в тесных, как соты, застроенных хибарами дворах-лабиринтах горских евреи и жили до начала девяностых годов XX века и разъехались (большинство уехало в Израиль) только перед началом первой чеченской войны 1994–1996-х годов.

В конце 70-х годов XIX в. на правый берег р. Сунжа была перенесена и ярмарка со своими торговыми рядами, которые возникли параллельно реке. Они-то и сформировали улицу Барятинскую, названную в честь бывшего в 1856–1864 годах главнокомандующего Отдельного Кавказского корпуса и наместника Кавказа, генерала от (артиллерии) князя А.И. Барятинского. Именно он взяв штурмом аул Гуниб и пленив неуловимого Шамиля 26 августа 1859 года, завершил Кавказскую войну, которая шла четверть века, установив, таким образом, мир на многострадальной земле. В советское время, в 1930 году, она была переименована в улицу им. П.Я. Кренкеля, известного полярного исследователя, а в 1937 г. названа именем главного чекиста России – Ф.Э. Дзержинского. Имя его улица носит до сих пор, хотя после двух чеченских войн от нее почти ничего не осталось, кроме двух-трех полуразрушенных домов.

Торговые ряды новой ярмарки представляли собой одноэтажные лавочки, реже – двухэтажные домики, в которых размещались магазины, трактиры, духаны (столовые) и т.д. Многие из них дожили до наших дней и были полностью уничтожены в ходе второй чеченской войны.

Перенос ярмарки на правый берег р. Сунжа обернулся для горожан, живших в исторической части города, – в левобережье, непредвиденными жизненными и социальными испытаниями. Опять же из-за строительного и необузданного права горной реки: она часто разливалась, затопляла пологие в те времена берега и сносила непрочные временны деревянные мосты, и население города оказывалось надолго отрезанным от рынка. Естественно, резко подскакивали цены на продукты первой

необходимости, редкие в городе магазины были очень дорогими. Бывали дни, когда горожане просто голодали. Не хватало даже воды. А все потому, что в городе было всего (70-е годы XIX в.) два колодца, которые давали питьевую воду. Воды было мало, для нужд жители использовали сунженскую воду. При разливах она бывала такой мутной, что пить ее было опасно для жизни.

Чтобы устраниТЬ все это, нужно было построить прочный бетонный мост, потому что деревянные не могли противостоять стихии. И такой мост наконец-то был построен, но почти тридцать пять лет спустя – в 1914 году, и назван Романовским. Он прочно связал два берега реки, неоднократно реконструировался и дожил до наших дней, но разрушен в первую чеченскую войну.

От весенне-осенних разливов р. Сунжа страдали не только горожане, но и торговые люди. Так, при самом сильном наводнении 1883 года вода в реке поднялась на шесть с лишним метров и снесла все четыре пешеходных моста города, залило не только подвалы, но и сами строения магазинов, уничтожив большое количество товаров и продуктов. На укрепление берегов реки у городских властей не хватало денег, а торговцы не хотели расставаться со своими, несмотря на большие убытки от наводнения. То же самое повторилось и в 1910 году. Тогда городская дума пригрозила торговцам, что объявит распродажу примыкающих к их заведениям, земельных участков, которыми они пользовались бесплатно. Это возымело действие – купцы раскошелились и осенью 1911 года начали укреплять, наконец-то, берега и строить первые каменные набережные по обе стороны реки от ул. Дворянская до Графо-Евдокимовской (сейчас – ул. им. А. Шерипова) (6).

На рынке, на котором продавалось все как писал краевед А.А. Ваксман: «...и промышленные товары, и скот, и птицу, и фураж» все время был полон людьми – продавцами и покупателями разной национальности и обеспеченности. Там час-

то происходили жуткие трагедии на национальной почве. Вот как описывает одну из них писатель Сайдбей Арсанов в своем романе «Когда познается дружба»:

Несколько сельчан из Старых Атагов решили пойти на грозненский рынок и, продав шкурки, выручить немного денег. Прошагав двадцать верст пешком, они попали на базар. Но оказалось, что в не очень удачный день: по торговым рядам шла большая толпа чем-то обозленных пьяных казаков, которые сразу же придрались к чеченцам и начали их избивать. Один из чеченцев успел схватить за горло казака и задушить его. Черносотенцы в ответ убили сельчанина и тут же скрылись за Романовским мостом. На рынке – полный разгром: раздавленные куры, перевернутые арбы, визжащие пороссята, кучи всякого хлама и битой посуды. Оставшиеся в живых товарищи запрягли в брошенную арбу забытую кем-то лошадь, забрали сельчанина и помчались вон из города. Едва они успели уехать, как погромщики вернулись снова. Перебежав по мосту через р. Сунжа на ул. Дворянская они кинулись в бойкие торговые кварталы громить магазины и склады. Демонстративно оставляя в покое лавки владельцев с русскими фамилиями, погромщики орали: «Бей жидов! Бей нехристей гололобых!» И накидывались на все остальное с ломами, камнями, палками. Отлетали взломанные замки и запоры, звенели выбитые стекла, полки магазинов пустели в несколько минут. Озвевшие люди тащили тюки тканей под мышками, на спинах, обматывались их кусками и бежали, спотыкаясь – неуклюжие, жадные, злые. В разгромленных магазинах оставался полный хаос: осколки, грязь, кровь» (7). Так что, не только от стихии природы страдали торговые люди в те трудные 1870–1917 годы.

Так вот, у этого печально известного рынка – источника жизни для одних и гнездовья преступности для других – и брала свое начало ул. Дворянская и, постепенно застраиваясь, протянулась до ул. Белликовская (с 1920 года – Субботников), на которой кончалась городская черта, и дальше шли пустыри да

случайные застройки. И долгие годы оставалась она грязной, темной и немощеной, хотя на ней до 1917 года располагались все основные службы и власти города. Оставалась, как и другие улицы, которых в конце XIX в. было в городе всего девяносто, и носили они, в основном, имена главнокомандующих Кавказской линией, командующих левым флангом, генералов, полковников и различных армейских подразделений, дислоцированных на Кавказе. У ул. Дворянская начинались или ее пересекали улицы: Барятинская (им. Ф. Дзержинского), 1-я и 2-я Фрейтаговские (Партизанская и Пролетарская) и другие. Из всех девяноста улиц мошеной была только одна – Шоссейная (Комсомольская) – от вокзала до улицы Дундуковская: лицо города все-таки.

Об антисанитарном и пожароопасном состоянии ул. Дворянская газета «Терский край» писала в самом начале XX века: «В плохую погоду толщина грязи на ул. Дворянская достигала сорока-пятидесяти сантиметров. Ночью улица погружается во тьму, потому что на весь город для освещения имелось (1911 г.) всего сорок фонарей с керосиновыми лампами или стеариновыми свечами, от которых часто вспыхивали всепожирающие пожары. Так, только в 1911 году случилось двадцать восемь крупных пожаров, от которых сгорело множество жилых кварталов в городе и десятки магазинов и лавок на рынке» (8).

Ул. Дворянская была до начала XX века и даже до 1920 года небольшой, поэтому и памятных исторических мест на ней было сравнительно с другими, более старыми улицами, немного. Так, с правой стороны (если идти от р. Сунжа к пл. «Минутка»), на самом берегу реки стояло старинное приземистое здание из красного кирпича в стиле восточной архитектуры. До 1917 года в нем располагалась городская мечеть, известная тем, что именно ее мулла выдал отцу знаменитого чеченского писателя С. Бадуева Сайд-Селиму справку о том, что 24 августа 1903 года у него родился сын Сайд. В советские времена здание было передано Республиканскому музыкальному училищу, в котором в разные

годы шлифовались таланты известных чеченских композиторов и артистов, в числе которых были: талантливые композиторы – Аднан Шахбулатов, Умар Бексултанов, Саид, Али и Амарбек Димаевы – сыновья непревзойденного гармониста У. Димаева, артисты – Тамара Дадашева, Имран Усманов, Мовсар Минцаев (сейчас – солист Большого театра России), Мовлад Буркаев и многие другие.

Здание простояло только до первой чеченской войны. Теперь оно стерто с лица земли. К сожалению, по своему месторасположению ему привелось очутиться в эпицентре самых кровопролитных и разрушительных боев вокруг так называемого Президентского дворца, на месте которого тоже разбита сегодня одна из красивейших площадей города Грозный – оазис света среди руин.

Дальше через улицу им. Дзержинского (Барятинская) шел длинный ряд непрерывных одноэтажных строений, только в самой середине которых была небольшая (в два окна) постройка в два этажа. Это были торговые ряды, построенные еще в 1870–1890 годах при начале формирования ул. Дворянская. Почти без изменения они дожили до наших дней и выполняли те же функции магазинов, лавок, мастерских, что и столетие назад, пока в 1980 году не были снесены по плану реконструкции города – при строительстве огромного десятиэтажного блочного жилого дома с многочисленными магазинами, мастерскими и киосками на первом этаже и знаменитыми кассами аэрофлота. Дом этот тянулся от ул. им. Дзержинского до самой ул. Пролетарская и был полностью разрушен в ходе двух войн. Сейчас на месте его лишь кучи мусора и пустырь...

Этот длинный ряд одноэтажных строений заканчивался на улице Пролетарская (2-я Фрейтаговская) двухэтажным кирпичным особняком с обширным балконом – лоджией. Дом этот был построен в 1903 году купцом-мануфактурщиком А.М. Баталовым. На первом этаже он открыл свой магазин, на втором – жил. С большого балкона квартиры открывалась перспектива с

прекрасным обзором на Дворянскую улицу, Романовский мост и набережную р. Сунжа. Это-то и сыграло роковую роль в одном из эпизодов истории города Грозный – в знаменитом и губительном восстании заключенных в грозненской тюрьме в декабре 1919 года, когда в городе свирепствовали деникинские войска.

И было это так.

Узнав, что предстоят новые пытки и массовые расстрелы, доведенные до отчаяния заключенные грозненской тюрьмы (а было их около 600 человек – большевики, революционеры, военно-заключенные, рабочие, из числа которых каждую ночь казнили по 25–30 узников), передали через подпольщиков и надзирателей, которые тайно состояли в рядах революционного подполья, письмо в горы командующему повстанческими войсками Н.Ф. Гикало с просьбой освободить узников. Решено было поднять для этого восстание, а гикаловцы тут же придут на помощь. Освобожденные, рассеявшись группами и в одиночку проберутся к Новопромысловой горе (Сюйр-Корта), где их будет ждать основной отряд повстанцев. Была намечена дата восстания, намечены маршруты выхода из города.

Подпольщица-большевичка А.Т. Галенская вспоминала позже: «Отряд повстанцев из двухсот пятидесяти бойцов во главе с самим Гикало выступил из слободы (Воздвиженская – находилась недалеко от селения Старые-Атаги. А.К.) по направлению к Грозному. Около Новопромысловской горы отряд неожиданно встретил батальон деникинцев. Завязался бой, батальон был разбит, но подоспевшие свежие силы деникинцев заставили гикаловцев отступить: отряду стало к тому же известно, что восстание в Грозном не состоится. Причину срыва его отряд не знал, и ему пришлось возвратиться в слободу Воздвиженская» (9). Оказалось, что большой массой людей красивые рисковали напрасно.

Причина же оказалась простой: к назенненному сроку восстание просто не успели подготовить, и гикаловцам некого было

освобождать. Оно было перенесено на другое время – ночь с 22 на 23 декабря 1919 года. К тому времени все арестанты были разделены на 4 роты, назначены их командиры. Общее руководство восстанием осуществлял бывший деникинский офицер – некто Александр Нечволод, который, как выяснилось позже, хотя и пользовался полным доверием заключенных, оказался провокатором, внедренным в тюрьму. Был выработан маршрут ухода из нее: по выходе на свободу все должны были пройти по Бароновскому мосту (сейчас – разрушенный Бутыринский; тюрьма была рядом – на берегу р. Сунжа, где ул. им. Чехова) и через пос. Бароновка двигаться к Новопромысловской горе, где их должны были ждать партизаны, и дальше – в слободу Воздвиженская и с. Шатой, к месту дислокации повстанцев из отряда Н.Ф. Гикало. Но в действительности, все оказалось намного трагичнее. Описывая впоследствии ход восстания, бывшая в те дни узницей тюрьмы подпольщица-большевичка М.И. Гец-Соломатина писала: «Первой задачей восставших было освобождение заключенных из тюрьмы. В двенадцатом часу ночи подпольщики бесшумно ликвидировали охрану тюрьмы, сбили замки с дверей и вывели заключенных из камер». Начали расковывать кандалы, но погас свет, и многие вышли на свободу закованными в цепях.

«За воротами тюрьмы строились по ротам, – пишет далее очевидца и участница этих событий М.И. Гец-Соломатина. – Нельзя было бежать вразброда. Очень мешали уголовные элементы, сидевшие с нами в камерах: они создавали ненужный шум и хаос» (10).

А дальше началось вообще непредвиденное: освобожденные двинулись не к Бароновскому мосту, а по команде А. Нечволова – в центр города на главный Романовский мост (он тоже был, впрочем, недалеко). Из воспоминаний М.И. Гец – Соломатиной: «Товарищ Лозовацкий (Конон Лозовацкий – старый большевик, руководитель грозненских подпольщиков, был арестован в середине 1919 года), что-то говорил, жестикули-

ровал, но его никто не слушал, все шагали за А. Нечволодом. Двигаясь через Романовский мост на ул. Дворянская, не успели люди его пройти, когда на нас посыпался град пуль с балкона двухэтажного дома на Дворянской улице. (Это была пулеметная засада деникинцев на балконе дома Баталова: они точно знали, что провокатор приведет восставших под их пули. А.К.). Многих ранило и нам пришлось направиться на Лорис-Меликовскую улицу: мы поняли, что А. Нечволод – предатель» (11). «Восставшие сами начали пробиваться отдельными группами из города, – вспоминала подпольщица. – Некоторым из них удалось добраться до ближних окраин (район ул. 1-й Воронцовской, ныне – Обороны Кавказа и Поселянской, с 1960 г. – Пионерской). Здесь на окраине белогвардейцы начали отстреливать нас. Очень много было убито и ранено. Многих деникинцы взяли живыми: их вешали тут же на телеграфных столбах. На одном из них повесили и Конона Лозовацкого. В разных местах, в т.ч. и на ул. Дворянская, по несколько дней висели трупы восставших. Часть восставших все-таки сумела уйти из города и дойти до повстанческого отряда Н.Ф. Гикало. Из тюрьмы вырвалось более четырехсот человек, но до слободы Воздвиженская добралось только около ста из них» (12).

Дом А.М. Баталова пережил Октябрьскую революцию 1917 года, Гражданскую войну, бои при освобождении г. Грозный от деникинских банд в марте 1920 года. В том же году в нем разместился политический отдел Кавказской трудовой армии, передислоцированной в г. Грозный для восстановления разрушенной промышленности. Позже, перед началом Великой Отечественной войны, в том доме разместились: редакция республиканской газеты «Грозненский рабочий» и Республикансое книжное издательство, а в уютной небольшой пристройке к нему – Республиканская филармония. И работали они там до 1980 года, покуда дом не снесли со всеми другими строениями по плану реконструкции города. На этом месте и построили девятиэтажный жилой дом. К тому времени редакция

газеты «Грозненский рабочий» перешла вместе с другими в высокий, оригинальной архитектуры редакционно-издательский комплекс «Грозненский рабочий» («Дом печати» на ул. им. В. Маяковского), от которого остался один только скелет (сейчас восстановлен).

Я хорошо помню этот неброской архитектуры дом А.М. Баталова, потому что много раз бывал в нем: на концертах – в филармонии, в редакции «Грозненского рабочего», а в издательство приносил на суд редакторов свои стихи. Однажды, в начале шестидесятых годов XX века, даже участвовал в прослушивании и обсуждении первой «Вайнахской симфонии», написанной московским композитором А. Бирюковым.

Он мне дорог был и тем, что именно в нем по инициативе известного чеченского писателя Зайдина Муталибова, который в 1966–1970 годах работал директором книжного издательства, был издан мой первый поэтический сборник на чеченском языке «Амал» («Характер»). И почин наставника оказался щедрым: после него в разные годы я издал более шести книг стихов и поэм на чеченском и русском языках.

Перешагнув узенькую уличку Пролетарская, мы попадали в огромный ресторан «Дарьял» с большими, на всю стену, окнами, просторным светлым залом с роскошным оформлением, где были даже пальмы в огромных кадках. Просуществовал он до середины семидесятых годов прошлого века, когда по плану жилищного строительства Грозного был снесен. На этом месте был построен пятиэтажный жилой дом со знаменитым магазином «Спутник» на первом этаже. Старожилы города должны помнить эту популярнейшую торговую точку.

Дальше вплотную к этому дому, стоял сохраненный как памятник истории и архитектуры, старинный особняк на углу ул. Дворянская и Белика (Субботников). История его была такова.

Первый нефтеперегонный завод в г. Грозный возник в 1885 году в Соленой балке на Старых промыслах. Построил его нефтепромышленник И.М. Мирзоев. Был завод довольно примитивным

и вырабатывал только керосин из нефти, который просто черпали ведрами из колодцев в ста метрах от него. Для строительства завода стройподрядчик Джавад Меликов (азербайджанец) привез персов, как наиболее дешевую рабочую силу. По окончании строительства они остались работать на заводе, получая за изнурительный двенадцатичасовой рабочий день всего восемь рублей в месяц. Мирзоев деньги считать умел! (13).

В 1891 году на заводе возник пожар, который уничтожил полностью не только завод, но и бараки, где жили рабочие-персы. Их было сто двадцать человек. Брошенные на произвол судьбы, на чужбине, без работы, денег, жилья, они потихоньку перебирались в город, селились в землянках-лачугах на его окраинах и делали любую работу за кусок хлеба. В 1907 году персов в г. Грозный насчитывалось около шестисот человек при общем числе горожан 25,3 тысячи. Они стали заниматься мелкой торговлей персидскими сладостями. Получали они их в кредит из Ирана через бакинских купцов-посредников. Построив на всех людных перекрестках небольшие деревянные лавки, персы настолько успешно торговали миндалем, фисташками, рахат-лукумом, финиками и другими чудесами природы, что у них даже появились накопления. И, естественно, возрос интерес к духовному: их потянуло к истокам. Поэтому, вскоре в Грозного объявился и мулла – Али Гусейнов, сотрудник персидского консульства в г. Владикавказ (14).

Город наш понравился А. Гусейнову, он остался здесь и за счет пожертвований единоверных построил первую в г. Грозный мечеть, а рядом – жилой дом для себя (о нем-то мы и ведем речь) – чудо архитектуры в хитросплетении стилей: кирпичная кладка стен, замысловатая крыша с широким куполом и высоким шпилем, кирпичным парапетом вокруг. Внутренний интерьер дома был еще интереснее: зеркальный потолок в бывшей приемной муллы, обломы потолочного карниза и большая розетка для люстры в центре потолка, составленная из небольших зеркалец различной геометрической формы. Свобод-

ная часть потолка (видел сам) была разрисована цветочным орнаментом в персидском стиле, пышно и ярко. В доме было много окон, и над каждым из них — лепная человеческая голова. А резные двери украшали ажурные резные металлические на-весы (15).

Дом муллы Али Гусейнова был украшением ул. Дворянская (пр. им. В.И. Ленина). Ни годы, ни войны, бушевавшие в горо-де, ни природа не смогли причинить ему вреда до первой чеченской войны 1994–1995 годов, в ходе которой он был все-таки стерт с лица земли, как и пятиэтажка, что стояла рядом. Сейчас на их месте пустырь и трудно представить (да и вряд ли кто помнит), что такой удивительный памятник истории и архитектуры города был недавно в Грозном на ул. Дворянская (пр. им. В.И. Ленина).

Дальше ул. Субботников. Ул. Дворянская развивалась медленными темпами, пока к Октябрьской революции 1917 года не дотянулась до железной дороги. Здесь у самой дороги стояло двухэтажное частное здание. Оно не было ничем примечательно и осталось в истории г. Грозный только потому, что во время знаменитых Стодневных боев в 1918 году в нем дислоцировалась вторая боевая рабочая рота, которая занимала на Левом фронте участок обороны г. Грозный от ул. Дворянская до Беликовского моста (ныне мост на ул. Субботников).

Это здание, многократно перепланированное, перестроенное, приросшее двухэтажными пристройками, дожило до наших дней. С 50-х XX в. годов и до первой чеченской войны в нем размещалась средняя школа № 18, а сейчас в нем, полуразрушенном, подразделение федеральных войск.

С левой стороны ул. Дворянская (при движении от р. Сунжа к пл. «Минутка») тоже было несколько мест, оставивших заметный след в истории г. Грозный. Прежде всего, надо сказать, что здесь, у самого берега р. Сунжа, находились склады и хранилища торговых рядов. Их снесли при укреплении берега каменной набережной в 1911 году. Чугунные ажурные парапеты и шары, украшавшие четырехугольные орнаментирован-

ные столбики, были изготовлены на заводе «Красный молот» в 1903 году.

Торговые ряды в начале ул. Дворянская сохранились до 1970–1980 годов, когда часть из наиболее ветхих строений была снесена при строительстве гостиницы «Чайка» и современного, в форме аквариума, красивого стеклянного двухэтажного здания с рыбным магазином «Океан» на первом этаже и рестораном – на втором. Но через улицу стояло длинное двухэтажное здание, построенное в конце XIX века как универсальный магазин. Свою функцию оно выполняло до тридцатых годов XX века, пока в нем не стали размещаться различные советские учреждения. В 1957 году здание было передано Министерству культуры республики, и в нем заработало Республиканское культурно-просветительное училище. Здесь ковались кадры библиотекарей, режиссеров, художественных руководителей, танцов и т.д. до начала первой чеченской войны, в ходе которой здание было полностью разрушено, а после разобрано на кирпичи. Сейчас на его месте пустырь.

Дальше, через улицу Партизанская, занимая целый квартал до ул. Пролетарская, стояло поистине историческое, уникальное и овеянное легендами высокое трехэтажное здание – так называемый дом Абубакара (это имя сохранилось за ним и в советские годы), дом, который был самым высоким в г. Грозный в начале XX века. Его в те времена с гордостью называли «небоскребом» (16).

Этот прекрасной внешней архитектуры дом, со сплошными огромными стеклянными окнами первого этажа, угловой – на две улицы, с башенками со шпилями, венчающими крышу по углам, был построен в 1912 году богатыми торговцами, основателями нефтяного и торгового общества – братьями Мирзовыми. Когда он был достроен полностью, грозненские (и даже владикавказские!) газеты сообщили об этом факте под броскими заголовками: «Еще один небоскреб!» Здание действительно имело внушительные размеры для тех времен – первое трех-

этажное строение в г. Грозный. На первом этаже его размещался самый крупный в городе магазин по продаже бакалейных товаров, на втором – городская дума и управа со всеми своими службами, третий служил гостиницей. Городская дума была утверждена в Грозном только в мае 1895 года (двадцать пять лет спустя после того, как крепость Грозная была объявлена городом!), а первые выборы в нее, состоявшую из сорока гласных (депутатов), были проведены еще пять лет спустя – в 1900-м. С того времени городская дума, не имея своего пристанища, хотя было множество так и не осуществленных решений и планов его строительства, ютилась по разным углам, пока в 1912 году не был построен «небоскреб» Мирзоевых, в котором целиком второй этаж она взяла в аренду. И находилась дума там до конца 1917 года – до Великой Октябрьской социалистической революции (18).

Впрочем, есть и легенда, связанная с постройкой этого дома и которая отвечает на вопрос, почему он называется домом Абубакара. Легенда гласит, что, якобы, один из братьев Мирзоевых – Абубакар – влюбился в дочь богатого торговца и посватался к ней.

– За тебя отдать дочь? – сердито спросил надменный и высокомерный купец. – А где! она будет жить – в твоей лачуге? Это об огромном доме Мирзоевых на ул. Барятинская с презрением говорил отец невесты. Сильно оскорбил такой ответ жениха, и он сказал:

– Клянусь, я построю прямо напротив твоего такой высокий дом, что буду плевать через твою хибару. И тогда ты пожалеешь о своих словах, но будет поздно!

Он сдержал свое слово, и возник в г. Грозный первый «небоскреб». И будто бы пристыженный пришел отец невесты к Абубакару, извинился, и будто бы, позабыв обиду, женился Абубакар на любимой и прожил с ней долго и счастливо, пока по доносу не были арестованы НКВД и уничтожены в 1930-х годах все братья Мирзоевы и их семьи. В 1919 году на втором

этаже дома Абубакара была канцелярия правителя Чечни, чеченского генерала Эрисхана Алиева, назначенного А.И. Деникиным (18).

В 1920 году дом Мирзоевых был национализирован. На первом этаже так и продолжал работать смешанный магазин, а второй и третий этажи были перепланированы под коммунальные квартиры. В семидесятых – восьмидесятых годах XX века – новая перепланировка: магазин на первом этаже преобразуется в «Гастроном» № 2, который вскоре стал называться «чеченским» (ума не приложу, почему), на втором этаже расположилась редакция газеты «Ленинский путь», на третьем – редакция газеты «Сердало» и Грозненский райком партии. В 1972–1973 г. мне довелось именно в этом здании, на втором этаже, работать заведующим отделом культуры и быта газеты «Ленинский путь» под руководством публициста, журналиста от Бога Б.Г. Габисова. Поэтому этот дом был для меня особенно памятным.

В 1989-м году – снова смена декораций. Со сдачей в эксплуатацию Дома печати на ул. им. Маяковского редакции газет и райкома партии перешли туда, а в доме Абубакара разместились: на втором этаже – Республиканское книжное издательство, на третьем – Министерство лесного хозяйства и другие учреждения. И стоял этот дом, радуя и восхищая всех своей архитектурой, до начала первой чеченской войны, в ходе которой и после был полностью уничтожен и разобран на кирпичи, как и здание Краеведческого музея, находившееся рядом, как и все кварталы, по пр. им. В.И. Ленина, по улицам им. В. Николаевой-Терешковой, им. Дзержинского, Партизанская, Пролетарская, Субботников и других. И сегодня на этом огромном пустыре даже старожилам трудно представить контуры и вид этого удивительного дома – первого «небоскреба» г. Грозный (19).

Дальше, через ул. Пролетарская, стоял возведенный впервые в г. Грозный на месте снесенных старых построек начала XX века шестнадцатиэтажный красавец – жилой дом очень простой,

но запоминающейся архитектуры. Грозненцы любовно называли его «Лепестком» за легкость, изящность и устремленность ввысь, к солнцу. От него тоже не осталось после первой чеченской войны ничего, сохранились только видео- и фотокадры, как его расстреливают в упор вертолеты ракетами, пушки – снарядами, самолеты – бомбами.

Собственно, историческая часть ул. Дворянская на этом заканчивалась, но когда в 1920 году она была переименована в пр. им. В.И. Ленина и город начал бурными темпами раздаваться и ввысь и вширь (быстро развивалась нефтяная и перерабатывающая промышленность, в Грозный стекалось огромное количество рабочих и не хватало жилья, объектов торговли, сферы обслуживания), то он удлинился, вначале до железнодорожной дороги, а с постройкой в семидесятых годах XX века путепровода протянулся до самой окраины города, став одной из самых протяженных магистралей столицы. Поэтому мы продолжим описание исторических и памятных мест ул. Дворянская (пр. им. В.И. Ленина).

После «Лепестка», через ул. Субботников, на углу стоял простой архитектуры двухэтажный кирпичный дом с трех комнатной надстройкой на третьем этаже, которая больше была похожа на просторное орлиное гнездо. Несмотря на свой неброский вид, он имел интересную историю, известную немногим. Как известно, г. Грозный до 1929 года не входил в состав Чеченской Автономной области, а составлял отдельную административную единицу, подчиненную центру, т.е. Москве. Но известно и то, что все административные органы власти (хозяйственные, партийные, социальные и т.д.) Чеченской АО располагались в городе и все многочисленные чиновники то ли жили в общежитиях, то ли по вечерам разъезжались по домам в села, что в те годы было небезопасно.

Для обеспечения работников Чечоблисполкома жильем отдел коммунального хозяйства Грозненского горисполкома и приступил к проектированию и строительству благоустроенных крупномонтажных домов.

Двухэтажный дом на шестнадцать квартир с башенками-квартирками в торцах начали строить в 1925 году на углу улица им. В.И. Ленина и Субботников. Он был запроектирован главным архитектором г. Грозный А.Н. Приваловым. Сооружение объекта осуществляла только что созданная в городе строительная контора «Грозстрой»...

...Госплан выделил (для строительства дома. А.К.) строго ограниченное количество металла и цемента. Жилье возводилось, в основном, за счет местных материалов... Для оказания помощи строителям и контроля за ходом строительства была создана общественная комиссия. Ответственным в ней был первый секретарь обкома ВЛКСМ (20) Даша Мидаев (Даша Мидаев и С. Казалиев – организаторы первой комсомольской ячейки в Чечне. А.К.)

Все на строительстве делалось вручную: ставили наружные леса, поднимали материалы по наклонному настилу с перилаами, носили кирпичи на спине «козлами», растворы – на носилках с бортами, лесоматериалы – несколько рабочих на плечах. В конце 1926 года все основные работы по дому были закончены, покрыта крыша, оставалась внутренняя отделка квартир. Дом был сдан в эксплуатацию в день Первого мая 1927 года. В нем поселились семьи руководящих работников Чечоблисполкома и жили в ней до депортации чеченцев в 1944 году, когда дом был передан рабочим г. Грозный.

10 октября 1942 года при очередном налете фашистской авиации на город в дом угодила одна из бомб: правая часть его вместе с башенкой была разбита до основания. После победы над врагом дом был восстановлен в первозданном виде. Это же повторилось в 1994–1996 годах, в первую чеченскую войну: федеральная авиация и артиллерия разрушили дом, и долгое время на его месте стояли скелеты стен с пустыми, пугающими глазниками окон, пока их не разобрали на кирпичи. Восстанавливать его, как в первый раз, никто не собирался: не до того было – бряцали оружием. Сейчас редко кто может себе

представить это красивое строение – памятник истории архитектуры г. Грозный.

После строительства путепровода под железной дорогой пр. им. В.И. Ленина, шагнув дальше, пересек пл. «Минутка» почти посередине. Сейчас из жителей г. Грозный мало кто знает, почему эта площадь так названа, а тем более – ее историю. А она, между прочим, очень интересная и составляет одну из всех развития нашего города.

Началась история пл. «Минутка» в 1920-м году, когда по указанию председателя Совета Труда и Обороны РСФСР В.И. Ленина 8-я Красная Армия после того, как Северный Кавказ был уже полностью освобожден от деникинцев, была переформирована в Кавказскую трудовую армию и переброшена в г. Грозный с задачей быстрейшего восстановления нашей нефтяной промышленности. Командовал этой армией И.В. Косиор – известный организатор производства, инженер-нефтяник, большевик, впоследствии ставший начальником «Грознефти» и расстрелянный в 1937-м году, как враг народа. В составе Кавказской трудовой армии были технический и инженерный полки (командиры А.И. Овчинников и А.В. Заградин). Технический полк восстанавливал промыслы и нефтеперегонные заводы, инженерный – новые промыслы, дороги, мосты, путепроводы, дома и т.д. С этой целью на дальние от города промыслы надо было перебрасывать ежедневно большое количество строительных материалов. Так, только на восстановление Новых промыслов требовалось ежедневно доставлять туда сто сорок вагонов стройматериалов, еще больше – на Старые промыслы. Хуже того, рабочие Новых промыслов, жившие, в основном, в городе и поселках, вынуждены бывали ежедневно пешком проделывать дальний горный путь туда утром, обратно – вечером (21).

В те же годы «особое внимание уделялось Новым промыслам и борьбе с горящими там (с 1918 года. А.К.) фонтанами...»

И трудармейцы и рабочие промыслов трудились день и ночь. В то время в отряде Грозненских нефтяников насчитывалось

около тридцати тысяч человек, и среди них было немало чеченцев и ингушей. Рабочие вынуждены были добираться (до промыслов. А.К.) пешком. Выходили на пригород там, где сейчас расположена площадь Октябрьская (и тянется ул. им. А. Сайханова. А.К.) – здесь тогда кончался город, пересекали степь, обильно поросшую валерианой, и тяжело добирались до вышек. И так каждый день. Десятки километров вышагивали нефтяники, а вернувшись поздно вечером домой не чувствовали под собой ноги от усталости. И естественно, еще больше уставая после работы, не успевали отдохнуть, и на следующий день падала производительность труда. К тому же в городе не хватало транспорта – своего автопроизводства в России в те годы еще не было, автомашины закупались за границей, в основном, в США, и в г. Грозный из них попадали единицы, и главным транспортом в городе оставался долгое время железнодорожный и гужевой.

Вот тогда-то решили рабочие и построить ширококолейную пригородную железную дорогу на Старые промысла и узкоколейную – на Новые» (22). Быстро решили вопрос и со строительными материалами: рельсы взяли в городе из резерва, а шпалы заготовили сами – лес на Новых промыслах рос рядом (да и сейчас растет. А.К.).

К строительству ее приступили весной 1921 года. Зная о важности этой артерии, работали трудармейцы от зари до зари, в воскресные дни, организовывая субботники, им помогали жители и рабочие города. Выходили целыми семьями, как на праздник труда. Работы производились только вручную: кирки, лопаты, тяпки, носилки; они не прекращались ни в дождь, ни в холод, ни в грязь – строили для себя. Причем от площади (тогда еще безымянной) к 56-у участку, ввиду гористой местности строилась узкоколейка, которая дальше через сады (район ул. им. Жуковского), консервный завод, по ул. им. В. Маяковского доходила до станции «Грознефтяная». Оттуда ширококолейная дорога на 36-й участок была построена позже. К станции «Гроз-

нефтяная» составы подходили со станции Северо-Кавказской железной дороги (23).

В декабре 1921 года строительство железной дороги на Новые промысла была закончена, и по ней от станции «Грозненефтяная» двинулись железнодорожные составы со стройматериалами и рабочими. На площади же, названной вначале «Гикаловская», находилась четвертая остановка поезда, и были разъездные пути. Тут и происходила замена тепловоза на паровозик (его любовно называли «кукушкой»), который тащил состав дальше в горы и обратно. Здесь садились в вагоны рабочие, и выходили возвращавшиеся со смены. По графику все это – замена, посадка, высадка – длилось ровно одну минуту. И постепенно люди до того привыкли к этому, что имя Н.Ф. Гикало забылось, и площадь стала называться «Минутка» (24).

Называется она так и сейчас, хотя неоднократно пытались ее переименовать: называли то Октябрьской, то им. Н.С. Хрущева. Но народ не принял новые имена, а остался верен традиции, привычному, даже те, кто никогда и не слышал об истории рождения названия «Минутка».

Вот мы и решили напомнить об этом всем жителям, особенно тем, кому дорога история г. Грозный.

История г. Грозный в фондах Национального музея

I. Четвертое плenение Шамиля или сказ о трагической судьбе одной картины

С двадцатых до девяностых годов XX века в Чечено-Ингушском музее изобразительных искусств им. академика живописи, первого профессионального чеченского художника Петра Захаровича Захарова (1816–1846 годы) был уголок, мимо которого не проходил ни один из его многочисленных посетителей. Там, завораживая и притягивая всех, занимая почти всю стену, висела знаменитая картина Франца Рубо «Взятие аула Гуниб и плenение Шамиля 25 августа 1859 года», а рядом – «Смерть генерал-майора Слепцова», который был убит в одной из карательных экспедиций Кавказской войны – в сражении в Гехинском лесу. Перед ними (особенно – у картины «Пленение Шамиля», как ее коротко и просто называли люди) подолгу стояли и старые, и молодые, то разглядывая внимательно каждое лицо, каждый штрих, то задумчиво закрывая глаза, будто представляя себе виден-

ное наяву. Эти полотна каждого наполняли то гордостью за свой народ и его героическую историю, то раздумьями о бесперспективности и бессмысленности войны, то сожалением о бесчисленных жертвах ее.

Кавказская война начала XIX века, которая длилась, как до-тошно подсчитывали историки, ровно 24 года 11 месяцев и 7 дней, завершилась, как считается официально, плenением Шамиля. После падения последней цитадели своей обороны Шамиль, поняв, что это конец, несмотря на угрозы одних своих наibов, не слушая мольбы других, пришел сдаваться победителю в рощу в полутора километрах от аула Гуниб, где его

ждал терпеливо Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом князь А.И. Барятинский. Этот эпизод и изображен на полотне Ф. Рубо. Это и было первое пленение Шамиля (1).

Все последние годы Кавказской войны вели Шамилья к этой катастрофе – поражение следовало за поражением. В 1856 году, по прибытии на Кавказ, князь Барятинский проведение всех операций доверил генералу Н.М. Евдокимову, который выслужился из солдатских детей, отчаянному храбрецу и человеку – разрушителю по своему характеру.

«Всегда известный как хороший командир Евдокимов долго не выдвигался... Теперь он сразу рванулся к славе. Внезапно занял долину Мичика, ударил по Гудермесу. Шамиль выслал против него – всех трех сыновей... Евдокимов разбил их наголову и едва не пленил» (2).

«С 1857 года, повторяя метод Ермолова, Евдокимов начал рубить леса, сады, заросли, ставить мосты, дороги. Взял Аргунское ущелье и заложил крепость в самом сердце его – в с. Шатой (фрагменты толстых, прочных каменных стен сохранились по сей день. А.К.), загнав наиба Чечни Талгика в глубину гор. Мичиковский наиб Эски сдался русским с тремя мюридами... Евдокимов поджег леса. Теперь он не вырубал, а жег. Огонь настигал людей и уничтожал мирных вместе с немирными...» (3).

«Все валилось из рук в горах. Чечня – склад имама, хлеб его армии – Чечня – в руках русских... Разбит у Черного моря Магомет-Эмин (сын. А.К.), горит Чечня...

Шамиль быстро двинулся горами к Владикавказу, обложеному ингушскими отрядами (они наконец-то восстали по призыву Шамиля. А.К.). Евдокимов следом вгрызается во фланги, принуждает измученные переходом войска имама к пяти-шести сражениям в день, разрушает аулы, сравнивает с землей кладбища, вырубает сады, жжет леса и, наконец, рассеивает горцев вблизи Владикавказа. Чужие в этих местах, без языка, без друзей чеченцы и аварцы разбегаются в разные стороны. Их добивают прикладами, вырезают на ночевках местные жители и волокут в кровавых мешках их головы русским начальникам...» (4).

«Нет под рукой у имама ни Ахверды-Магомы, ни Шуаиба, ни Хаджи-Мурата (бывшие наибы Шамиля; они погибли в боях. А.К.). Переходит к русским Сабдулла, наих гехинский, умирает от чахотки Джамалдин (сын. А.К.) ... Имам устремился на запад в центр Кавказа, но вскоре войска имама двинулись назад в Дагестан, преследуемые Евдокимовым, который шел за имамом, не страшась ни холодов, ни гор, ни болезней» (5).

«...Сдался русским Даниэль-Бек (тесь сын имама. А.К.) ... Сдался наих Талгик ... Евдокимов обложил столицу имама Ведено, взяв в кольцо семь тысяч отборных бойцов. Бросив Ичкерию, Шамиль стал пробиваться в Андалялские аулы», приказав укрепить Гуниб. «Он тоже решил сражаться до последнего человека»... Гуниб – «при двух тысячах бойцов гора была неприступна. Но Шамиль прибыл всего лишь с четырьмя сотнями вооруженных и тремя пушками...»

«Ночью, вблизи Гуниба, на узкой тропе, люди праведника Кибит-Магомы (бывшего наиба Шамиля. А.К.) отбили тридцать выюков из обоза имама – все серебро, все книги, всю казну имамата» (6).

Такими были последние шаги имама Шамиля к трагическойвязке в Кавказской войне.

Говорят, что через переводчика имам обратился к князю А.И. Барятинскому с такими словами покаяния, сожаления и разочарования: «Я тридцать лет дрался за религию, но теперь народы мои изменили мне. Наибы мои разбежались, да и сам я утомился. Я стар – мне шестьдесят три года. Не гляди на мою черную бороду – я седой. Поздравляю Вас с владычеством над Дагестаном и от души желаю успеха в управлении горцами для блага их» (7).

Неизмеримо трудной и трагичной была судьба (она остается таковой и сегодня) этого великого творения Ф. Рубо – на долю не всякого живого существа выпадает столько страданий и испытаний. Этот великий художник-баталист не был (в отличие от живописца Ф.Ф. Горшельта, который первый с натуры на-

писал картину «Пленение Шамиля» – она находится в собраниях Дагестанского краеведческого музея) ни очевидцем, ни участником Кавказской войны – он родился только в 1856 году, за три года до окончания этой эпопеи. Однако Франц Рубо дотошно и скрупулезно изучил и хорошо знал историю этой войны, ее эпизоды и ее участников, которые были еще живы. Поэтому мастер с готовностью принял ответственное предложение – заказ Тифлисского военно-исторического музея создать серию картин, посвященных событиям и героям Кавказской войны для «Храма славы». Он обязался в течение четырех лет написать шестнадцать полотен – шесть больших и десять – средней величины (8).

Работая над задуманной серией, художник совершил многочисленные поездки по Кавказу (в том числе по местам памятных сражений в Чечне), написал большое количество этюдов, записал сотни свидетельств, воспоминаний очевидцев, участников войны, изучил тысячи архивных и официальных документов. При этом, для каждого произведения он был «обязан предварительно изготовить эскиз и представить его на рассмотрение комиссии и утверждение Главного начальника Кавказского края» (9). И только после этого художник получал право рисовать оригинал.

В результате такой требовательной, но плодотворной работы Франц Рубо даже перевыполнил заказ: вместо шестнадцати написал семнадцать (по другим свидетельствам – девятнадцать) картин. В числе их и были одни из лучших творений художника: «Взятие аула Гуниб и пленение Шамиля 25 августа 1959 года» и «Смерть генерал-майора Слепцова в Гехинском лесу». Основываясь на воспоминаниях очевидцев этих событий, мастер «с полной исторической достоверностью воспроизвел подробности и их детали» (10).

До Октябрьской революции 1917 года вся «Кавказская серия» картин Ф. Рубо находилась в Тифлисском военно-историческом музее. Но вскоре после установления Советской власти

«Храм славы» был закрыт как учреждение, прославляющее «старорежимную императорскую армию». Небольшая часть картин попала в Государственный музейный фонд, откуда их позже распределили по музеям Северного Кавказа, другая в частные руки и бесследно исчезла, третья была просто уничтожена. Вот тогда, в 1926 году, по просьбе Чеченского облисполкома из Тифлиса и были переданы в наш формировался Краеведческий музей картины Ф. Рубо «Пленение Шамиля» и «Смерть генерал-майора Слепцова в Гехинском лесу», написанные им в 1886–1888 годах (11).

В 30–40 годы XX века бесценное творение Ф. Рубо «Пленение Шамиля» почти не появлялось в экспозициях музея (Шамиль был объявлен английским шпионом), а пылилось в запасниках. Но «приключения» ее на этом не закончились. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда немецко-фашистские войска неудержимо приближались к Грозному и он был превращен в неприступную крепость, с картиной Ф. Рубо разыгралась новая трагедия. В 1942 году, когда музей был закрыт и в нем располагался один из самых охраняемых объектов города – штаб обороны Грозного – полотно непонятным образом пропало – одно единственное из многочисленных экспонатов музея. Так единственным образом неизвестными людьми второй раз был пленен – похищен Шамиль и упрятан, в отличие от первого пленения, неизвестно где.

Только после смерти И.В. Сталина, ареста и расстрела Л.П. Берия и наступления «хрущевской оттепели» в 1953–1954 годах, после долгих поисков выяснилась странная история «второго пленения Шамиля». Об этом так писал в своей книге «Страницы истории г. Грозного» журналист-краевед А. Казаков: «Еще в начале осени 1942 года по Грозному прошел слух, что в наш город приехал Нарком внутренних дел Л.П. Берия. По заданию Государственного Комитета Обороны он проводил инспекцию в воинских подразделениях госбезопасности и милиции, на которые была возложена задача обеспечить городу, являвшемуся

основным поставщиком горюче-смазочных материалов армии и стране, надежную защиту... (12).

В дни пребывания в г. Грозный Л.П. Берия, конечно же, доложили о предпринятой попытке фашистов провести в городе крупную диверсию. А было это так. «Был конец августа 1942 года. День клонился к вечеру, когда с одного из контрольных пунктов... в штаб (в музей. А.К.) доставили трос неизвестных. Один из них — в форме полковника, старший группы — доложил, что они являются членами комиссии, которую штаб Закавказского фронта командировал в г. Грозный, чтобы перевезти в безопасное место картину Ф. Рубо «Пленение Шамиля». Документы у них были в порядке. И далее:

«Осмотрев произведение, члены комиссии нашли его в хорошем состоянии, и, сославшись на то, что им надо связаться с Тбилиси, уточнить, куда следует везти картину, заторопились. Оставив (с разрешения командующего Особым Грозненским оборонительным районом генерал-майора Н. Никольского) в гардеробной штаба свои тугу набитые рюкзаки, незнакомцы покинули музей, не взяв с собой картину, за которой специально приехали» (13).

Что это была за комиссия, выяснилось ночью, когда уставший за день командующий решил отдохнуть, но вскоре был разбужен вспыхнувшей и все усиливающейся стрельбой. С группой офицеров он поспешил к недалекому мостику через противотанковый ров, залитый нефтью, и ему доложили, что в один из дзотов (14), построенных для огнеметчиков, подготовленных для поджигания нефти и техники, проникли неизвестные. Когда их обнаружили, они стали отчаянно отстреливаться. Огонь подавили, и генерал вошел в укрепление. «Каково же было его удивление, когда он увидел офицеров, недавно побывавших у него в штабе. Двое из них были убиты, третий — полковник — смертельно ранен. На вопрос командующего, он признался, что, хотя они и русские, но совсем не советские офицеры, а переодетые немецкие диверсанты... Они должны были

под любым предлогом проникнуть в штаб обороны и оставить в нем мины с часовым механизмом. Взорвавшись, они разнесли бы штаб в пух и прах. Минны находятся в рюкзаках, оставленных диверсантами в гардеробной штаба...» (15).

(Такие же мины заложены были диверсантами на железнодорожном вокзале и у одного из нефтехранилищ. А.К.) А предлогом оказалась несчастная картина «Пленение Шамиля». Ее, как невольную «пособницу» диверсантов, Л.П. Берия и приказал в те дни арестовать и доставить к нему на Лубянку. «Зная, какое большое значение придавал обороне Грозного И.В. Сталин, Берия решил выслужиться перед «хозяином» и приписать себе все заслуги предотвращения диверсии, а в качестве «вещественного доказательства» использовать эту картину (16).

Были слухи, что после войны, не зная, как избавиться от картины, Л. Берия предлагал знаменитой певице Л. Руслановой купить ее и, что якобы она отказалась от сделки, увидев на полотне штампы и пометки фондов Чечено-Ингушского краеведческого музея. И только в пятидесятые годы картина была обнаружена в подвалах Лубянки. «Но в каком виде – пишет далее А. Казаков. – Повешенная в темной проходной комнате без рамы и подрамника (они остались в музее), она была приколочена огромными гвоздями прямо к стене, будто распятая. Везли ее из родных мест, как видно, не по правилам (накрученной на каток), а наспех, сложенной в несколько пластов и втиснутой то ли в ящик, то ли прямо в багажник автомобиля. От этого на сгибах краска осыпалась, и по всему холсту проступили заломы квадратов. Казалось, что изображенный в центре композиции Шамиль был заключен теперь за решетку...» (17).

В таком виде, правда, теперь накрученной на каток, картина вернулась в родные стены. Но снова пылилась в запасниках музея, пока не была отреставрирована и выставлена на радость посетителям в отремонтированном и расширенном музее изобразительных искусств им. П.З. Захарова. И произошло это только двадцать с лишним лет спустя после освобождения из «второго пленя» – в семидесятые годы XX века.

Но и на этом не закончились испытания, выпавшие на долю многострадального творения великого Ф. Рубо. Перенесенная после слияния двух музеев – изобразительных искусств и краеведения – в один, объединенный, в конце девяностых годов XX века картина «Пленение Шамиля» вместе с другими экспонатами хранилась в подвалах нового обиталища музея – в здании бывшего Азово-Донского банка, в котором до этого многие годы размещался Чечено-Ингушский обком партии. Здание это в ходе боевых действий первой Чеченской войны (1994–1996 гг.), превращенное в один из главных пунктов защиты Президентского дворца – в долговременную огневую точку, – было полностью разрушено и сожжено. К счастью, некоторые экспонаты, находившиеся в подвалах, сохранились, хотя и многие были в плачевном состоянии. Например, пришедшим после вынесения боевых действий за пределы города на развалины музея его работникам и спасателям из МЧС удалось вынести из-под руин, толстых слоев грязи и пепла около шестисот картин известных западноевропейских, русских и чеченских художников. Около ста наиболее пострадавших полотен было решено отправить для восстановления во Всероссийский художественный и научно-реставрационный центр им. академика И.Э. Грабаря в г. Москва, а более сохранившиеся (около пятисот единиц, в т.ч. и «Пленение Шамиля») передать на хранение в тогдашнее Министерство культуры Чеченской Республики (апрель–май 1995 года).

И снова картина бесследно исчезла: произошло третье похищение злополучного «Шамиля». И опять не известно, кем пленен и где находится. Вместе с ней пропали бесценные полотна известных художников: Львова (кавказская серия), Кившенко, Лагорио, Клодта, Айвазовского и других. Пропало и пять из семи картин первого художника-чеченца великого П.З. Захарова, являвшиеся славой и национальной гордостью и достоянием чеченского народа. Видимо, они утеряны для чеченской и мировой культуры навсегда – ведь у воров-манкуров нет ни

сознания, ни национальной чести, ни совести и гордости! Но будем, в то же время, надеяться, что это не так!

Ведь повезло же снова – в который раз! – картине Ф. Рубо «Взятие аула Гуниб и пленение Шамиля 25 августа 1859 года»: она была изъята у похитителей в 2000 году при попытке вывоза за пределы Чечни для продажи за рубежом. И опять варварские методы обращения и хранения: грубо вырезанная из подрамника, кое-где изрезанная ножом, снова сложенная квадратами, она, по-видимому, хранилась в ужасающих условиях подвала или навеса. И, конечно же, снова пришла в полную негодность: кто и что сможет выдержать столько издевательств в жизни заложника и пленника. Разве допустимо такое обращение с национальным достоянием и гордостью народа – с картиной, которая еще в 1944 году экспертом из Государственной Третьяковской галереи оценена в сорок тысяч рублей золотом – сумма фантастическая по тем временам и которая вообще не имеет цены сегодня.

Сейчас многострадальный и истерзанный шедевр Ф. Рубо снова находится на восстановлении во Всероссийском художественном и научно-реставрационном центре. Над восстановлением и реабилитацией «трижды плененного и освобожденного Шамиля» работают лучшие мастера-реставраторы Центра А. Столяров, Н. Кошкина, Ю. Кузнецов, А. Гаврилов и другие, которые дали новую жизнь сотням, казалось бы, безнадежно испорченным картинам, в том числе и полотнам из бывшего музея изобразительных искусств, ныне Национального музея Чеченской Республики (18).

И мы верим, что усилиями реставраторов картина «Пленение Шамиля» (судьба же полотна «Смерть генерал-майора Слепцова в Гехинском лесу» неизвестна, к сожалению, до сих пор) снова станет национальной ценностью и займет свое почетное место в экспозициях Национального музея, чтобы снова привлекать к себе внимание и радовать глаза и души посетителей,

наполняя их сердца гордостью за героическое прошлое своего народа.

Но кто может гарантировать, что картина не будет опять похищена – уж больно она лакомый кусочек для коллекционеров, уж больно сильно привлекает она к себе алчные взгляды, – что не состоится четвертое «Пленение Шамиля»? Ведь полуразрушенное глубинной бомбой здание Национального музея само находится в критическом состоянии: в темных (нет освещения) и сырых (нет отопления), облезлых и сожженных, черных от копоти залах нет ни условий для работы сотрудников, ни для реставрации избитых и истерзанных войнами экспонатов, для хранения их (нет ни охраны, ни специальных помещений). А об экспозиционной (выставочной) работе и говорить не приходится. Нет финансирования, а значит, стоит закупочная работа нет пополнения, восстановления и расширения фондов, невозможно проводить экспедиции в районы. Из года в год откладывается ремонт и восстановление здания музея. (2005г.)

Одним словом, проблем немало. Они-то и создают все условия для четвертого «Пленения Шамиля», в случае его возвращения на Родину. Не дадим же этому случиться!

На заводе шел обычный рабочий день, когда по нему разнеслась радостная весть: «Ура! Металл есть! На вокзал прикатили вагоны с каким-то металлом для переплавки!..» Быстро поехали на вокзал, подкатили к вагонам автомашины... Но, открыв их, рабочие застыли в изумлении, глядя на этот «металлом» – старинные чугунные пушки, которые, судя по надписям на них, были изготовлены на российских заводах полторы сотни лет назад. И как бы тяжело не было в те годы с металлом в городе, как не нужен был он для военных заказов, ни у кого не поднялась рука отправить на переплавку эти старинные уникальные орудия.

Рабочие позвонили в Краеведческий музей, директором которого в те годы был историк (позже – известный журналист, редактор отдела писем и фельетонов газеты «Известия», талантливый поэт автор первой на русском языке поэмы о Ханпаше Нурадилове «Солнце в крови») Николай Штанько, благодаря которому тогда и продолжал существовать музей, хотя многие экспонаты были эвакуированы, а некоторые, причем ценнейшие, (например полотно Ф. Рубо «Штурм аула Гуниб 26 мая 1859 года и пленение Шамиля»), уже разграблены. В здании музея был размещён штаб обороны Грозного.

Н.И. Штанько немедленно пришел на вокзал и был поражен увиденным не меньше рабочих: в вагоне находилось 18 легендарных чугунных пушек, в числе которых – как он сразу определил опытным глазом историка – были редчайшие экземпляры – мортира¹ и шуваловский «единорог»². И сразу же воз-

---

¹ Мортира – старинное тяжелое артиллерийское орудие с коротким стволом и крутой траекторией снаряда (свыше 45 градусов), предназначено для стрельбы по врагу за укрытиями... («Военный энциклопедический словарь». М., 2002. С. 947).

² Единорог – старинное русское артиллерийское орудие типа гаубицы для стрельбы всеми видами снарядов, разработанное под руководством П.И. Шувалова в 1757 г. На стволе имело изображение мифического зверя – единорога (Там же. С. 551).

ник вопрос: «Откуда они, эти бесценные экспонаты? Да еще в таком большом количестве? Как они попали в Грозный?»

Стали выяснять, и с большим трудом в условиях военного времени установили, что эти старинные пушки — экспонаты из музея обороны Севастополя. Еще до ухода советских войск из этого города пушки были отправлены для хранения в Среднюю Азию.

Но по дороге документы на груз затерялись на многочисленных станциях и перегонах, вагон застрял на запасных путях на Кавказе, и в конце концов пушки попали не в Среднюю Азию, а в Грозный — как «бесхозный» груз, который один из работников транспорта посоветовал отправить в наш осажденный город для переплавки.

После того, как наконец-то была установлена ценность легендарных пушек, их решили передать на хранение в Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. С разрешения местных партийных и советских органов, представителей штаба обороны Грозного привезли их на территорию музея и разместили в его тесном дворике... (22).

Отгребела война. Пришла великкая Победа. Стала налаживаться мирная жизнь. Работники нашего Краеведческого музея сразу же сообщили своим коллегам из Севастополя радостную весть о чудесном спасении пушек, которые считались уже безвозвратно утерянными. В Грозный присхала делегация из

Севастополя, которой и были переданы ценнейшие экспонаты музея обороны города. Но из Грозного уехали не все восемнадцать, а только шестнадцать пушек: две из них — «мортира» и «единорог» — были переданы в подарок Чечено-Ингушскому краеведческому музею «в знак величайшей благодарности за спасение бесценных реликвий отечественной истории».

После разрушения и уничтожения Национального музея в 1995 году пушки эти были перевезены во двор бывшей дирекции Стадиона ручных игр (где в период с 1997 по 1999 год размещалось Министерство культуры республики) и свалены в кучу

вместе с другими ценнейшими экспонатами. Стоят и поныне – омываемые дождями, среди бурьяна, вызывая недоуменные взгляды прохожих, особенно молодежи, которая, к сожалению, не знает ничего ни об этих легендарных пушках, ни о многих других страницах истории своего народа, ни о его международных связях (2003 г.).

Неужели лишь этой жалкой участи достойны великие свидетели истории – редчайшие экспонаты Национального музея Чеченской Республики, гордость чеченского народа! Надеемся, что нет. Мы уверены, что легендарные пушки будут снова установлены у входа в новое здание возрожденного музея, а экскурсоводы будут рассказывать посетителям об их непростой «биографии»...

Библиотека им. А.П. Чехова: день первый, день последний

Улица Александровская (Первомайская) до 1920 года тянулась через весь исторический центр г. Грозный и ст. Грозненская от нынешней СШ № 7 до самого железнодорожного вокзала. И только в тридцатые-сороковые годы XX века, когда в центре города построили фундаментальные корпуса Нефтяного института (1929 г.), кинотеатра им. Челюскинцев (1934 г.), нового здания библиотеки им. А.П. Чехова (1950 г.) и драматического театра им. М.Ю. Лермонтова (1929–1930 гг.) и сформировалась площадь, которая стала своеобразным культурным центром города и которую после смерти выдающего революционера, наркома тяжелого машиностроения СССР С. Орджоникидзе в 1936 году назвали его именем, то продолжение ул. Александровская от этой площади до железнодорожного вокзала тоже называли его именем. И стала она красивейшим проспектом-бульваром города.

Так вот, на пересечении его с пр. Революции до первой чеченской войны стояли два двухэтажных дома, в одном из которых располагалась контора грозненских нефтепромышленников (о нем мы писали раньше), а во втором жили люди. Построен он был в 1881 году, и был по тем временам солидным строением с большим каменным подвалом, кирпичным первым и деревянным вторым этажами.

В октябре 1904 года жильцов со второго этажа переселили в другое место, и в нем разместилась первая общественная библиотека, в г. Грозный (да и во всей Чечне), которую чаще называли народной читальней. Организатором ее, душой и первым заведующим на общественных началах был учитель Грозненского Пушкинского училища (с 1951 года до уничтожения во время первой чеченской войны – средняя школа № 13) К.Н. Бакрадзе, первым библиотекарем – Капитолина Ивановна Петро-

ва, а одним из самых активных сборщиков книг и средств – Михаил Алафузов. Красивой архитектуры здание училища было построено в 1902 году на углу Графо-Евдокимовской улицы, переулка Безымянного (сейчас – ул. им. И.И. Сафонова, которой нет) и площади Дровяного базара и названа Пушкинским. Оно тоже оставило свой след в истории г. Грозный: его закончили Н.Ф. Гикало, будущий командующий Грозненской Красной и будущий командующий IX и XI армиями, герой Гражданской войны Михаил Карлович Левандовский (его имя присвоено одной из ул. г. Грозный), герои Стодневных боев В.С. Бутенко (его имя носит один из поселков города), И.М. Коршунов, крупный ленинградский архитектор М.И. Абрамович, хирург, лауреат Ленинской премии Ф.П. Хитров и др. Учащиеся его приняли посильное участие в борьбе участников первомайского митинга на Дровянной площади 1 мая 1907 года с полицией: они перебрасывали через забор училища поленья рабочим, которыми те отбивались от казаков. Во время Стодневных боев в училище находился городской Совет рабочих и военных депутатов (1).

Библиотечный книжный фонд собирался постепенно и в основном пополнялся за счет добровольных даров жителей города. Средства на приобретение текущей литературы (журналов и газет) и на содержание библиотеки набирались за счет сборов, получаемых от благотворительных вечеров и концертов для гуляющих в городском саду, в котором часто выступали в те времена российские звезды кино, театрального и циркового искусства: Чарский, Васильев-Вятский, Холодная, Лола, Дуров и другие.

Библиотека быстро приобрела широкую популярность среди жителей, особенно рабочих города. По праздничным и выходным дням многолюдно бывало в ней. Сюда добирались по бездорожью даже с самых отдаленных нефтепромысловых участков г. Грозный. Естественно, это стало беспокоить полицейское начальство города. В его документах тех лет (1905–1907 годы) появляются вот такие записи: «Полицейская охрана доносит, что

усилиями К.И. Бакрадзе библиотека превратилась в настоящий революционный клуб. Наши агенты доносят, что в библиотеке под видом читателей часто собираются рабочие активисты» (2).

И это действительно было так. В ней бывали крупные политические деятели начала XX века. Так, в 1904–1907 годах в библиотеке не раз бывал И.П. Фиолетов, прибывший в г. Грозный для создания и укрепления организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и. Он лично руководил декабрьской (1904 г.) и январско-февральской (1905 г.) забастовками грозненских рабочих. Позже И.П. Фиолетов был откомандирован в г. Баку, где в 1918 году вошел в число двадцати шести бакинских комиссаров и расстрелян англичанами в туркменской пустыне. Его имя носит сегодня одна из улиц г. Грозный в Октябрьском районе (2).

Бывал в библиотеке и видный революционер-большевик К.Б. Осипов, присланный сюда из г. Баку для налаживания партийной работы. В январе 1906 года Н.К. Бакрадзе скрывал в ней знаменитого революционного деятеля С.Я. (Ноя) Буачидзе, приговоренного заочно к смертной казни, и помогал ему в партийной работе. В июне-июле 1906 года именно в городской библиотеке проходили заседания стачечного комитета самой крупной забастовки грозненских рабочих, во главе которых стоял слесарь Старых промыслов В.В. Иванов. Она длилась ровно месяц и закончилась полной победой рабочих. С.Я. Буачидзе был негласным вдохновителем этой забастовки (4).

29 апреля 1920 года городская библиотека, как и все учреждения культуры и просвещения Терской Республики, была национализирована по приказу Терского областного революционного комитета и оставалась все еще единственной не только в городе, но и в Чечне. Но уже в 1922 году, когда Чеченская автономная область выделилась из Терской Республики, по решению облревкома началась, как и по всей стране, решительная борьба с безграмотностью. Для этого организовалась широкая сеть школ, пунктов ликвидации безграмотности (зна-

менитые «кликбезы»), избы-читальни, библиотеки. Уже в 1937 году в Чечне было организовано более тридцати библиотек, не считая изб-читален, и все они активно участвовали в культурно-воспитательной и политико-просветительской работе (5).

Ее они приостановили на короткое время в годы Великой Отечественной войны, когда г. Грозный был объявлен на осадном положении, и многие библиотеки и избы-читальни были заняты воинскими частями и госпиталями. В справке Чечено-Ингушского обкома ВКП (6) сообщалось: «Пострадали помещения, значительная часть оборудования была использована на оборонные нужды. Погибла большая часть фондов литературы». К счастью, не произошел штурм города, постепенно война отошла на запад, куда советские войска погнали врага от р. Тerek. И уже к сентябрю 1943 года в республике «работа подавляющего большинства свернутых культпросвет учреждений была восстановлена. Работало 289 культпросвет учреждений (музей – 1, Республиканская библиотека – 1, Домов культуры – 12, районных библиотек – 23, изб-читален – 211, сельских массовых библиотек – 31» (6).

Более того, как отмечалось в отчете Грозненского Горисполкома, в апреле 1949 года только в г. Грозный имелись: Дворцов культуры – 2, Домов культуры – 2, клубов – 26, красных уголков – 115, библиотек – 120, а также Дворец пионеров, парк культуры и музей краеведения. В библиотеках города насчитывается свыше миллиона экземпляров книг (7).

С 1957 года после восстановления ЧИАССР работа по строительству и формированию библиотечной системы в республике еще более активизировалась. К этому времени намного увеличилось количество культпросветучреждений, и улучшилась их работа. Как было отмечено в отчетном докладе обкома КПСС VI областной партконференции, в республике работали: театр русской драмы, театр кукол, филармония, Чечено-Ингушский ансамбль песни и танца, Дворцы культуры, 667 Домов культуры, клубов и изб-читален, 424 библиотеки с книжным фондом около двух миллионов томов... (8).

В 1981 году в Чечено-Ингушетии имелись 482 массовые библиотеки, книжный фонд их вырос со 110 тысяч в 1927 году до пяти миллионов восемисот тысяч экземпляров в 1981 г. В их числе были крупнейшие не только в республике, но и на всем Северном Кавказе библиотеки (научные, технические, массовые) объединений «Грознефть», «Гипрогрознефть», институтов «СевКавНИПИнефть», Чечено-Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук (бывшего НИИ истории, социологии, филологии), детская им. А.П. Гайдара и другие. (Первые из них истреблены недавними войнами и остались только в памяти старожилов, а последняя и сегодня влачит жалкое существование. А.К.) В 1985 году услугами библиотек республики пользовалось около 600 тысяч человек – жителей и гостей Чечни.

И все же старейшей и крупнейшей на Северном Кавказе осталась первая главная библиотека Чечено-Ингушетии. В 1944 году по решению исполкома Грозненского городского совета ей было присвоено имя А.П. Чехова в связи с сорокалетием со дня смерти писателя.

После Великой Отечественной войны для разросшейся главной библиотеки республики были построены новые помещения на площади им. Г.К. Орджоникидзе, а еще позднее – одно из красивейших зданий г. Грозный в сквере им. А.П. Чехова, куда библиотека и переехала в 1966 г. К этому времени она обрела статус научно-методической и имела в своем фонде более трех миллионов книг и журналов.

Я впервые робко вступил в читальный зал библиотеки имени А.П. Чехова в сентябре 1957 года, когда вместе с товарищами сдавал вступительные экзамены, а затем стал студентом Грозненского статистического техникума – первый из чеченцев. В те годы это одноэтажное и очень уютное здание стояло на площади им. Г.К. Орджоникидзе, замыкая своеобразный круг культурного центра города: слева от него, через ул. Первомайскую, находился кинотеатр им. Челюскинцев, любимейшее место

отдыха жителей и гостей Грозного, напротив, через площадь — главный корпус Нефтяного института и старинное здание СП № 2 (бывшее реальное училище А.К.), а справа — приземистое, очень скромной архитектуры строение республиканского русского драмтеатра им. М.Ю. Лермонтова.

С того времени и до последнего дня «Чеховки» в первой чеченской войне моя жизнь и жизнь моих детей была связана с ней. И в годы учебы, и в дальнейшей работе редко проходили день-два, чтобы я не побывал там, не посетил абонемент или читальный зал, или не заходил просто так — полистать подшивки газет, просмотреть новые поступления книг и журналов. В читальных залах библиотеки всегда было многолюдно, и окна ее горели с десяти утра до одиннадцати часов вечера! И сколько бывало в них различных творческих вечеров, читательских конференций, встреч с интересными и знатными людьми СССР, России и Чечни. Все было, было, было...

Меня хорошо знали многие работники «Чеховки» — эти замечательные люди. И я знал и уважал многих из них. Многих работников «Чеховки» вспоминаю с великой благодарностью. Спасибо им за терпеливость и вежливость, дружелюбие и тактичность. Я всегда с уважением вспоминаю и заместителя директора Тамару Габисову, и заведующих: читальным залом — Галину Зангаеву, обменно-резервным фондом — Кису Сулаеву, сектором государственной библиографии — Зарему Мусаеву, национальным отделом — Малику Айдаеву (Курбанову), их помощниц: Елену Шацкую, Аню Осипян, Людмилу Яндарову, Зуру Берсанову, Фаризу Алдамову, Лялю Ахмадову, Саждат Дибирову и многих-многих других.

Благодаря им, мы могли получать любую книгу или ксерокопию ее из любого уголка Советского Союза по межбиблиотечному абонементу, а там, в свою очередь, — получить наши издания. Помню, как однажды в 1969 году в просторном вестибюле библиотеки ко мне подошла Киса Абуевна Сулаева и сказала:

— Адиз, у тебя есть еще экземпляры твоей книги? — Она так и сказала: «книги», по привычке профессионала, хотя первая

книжка моих стихов «Характер», вышедшая в 1968 году, была то плюсенькой брошюркой в тридцать-тридцать пять страниц, вобравших в себя мои первые стихи и восьмишия.

— А зачем она Вам? — удивился я. — Ведь ничего выдающегося в ней нет. Но еще большим стало мое удивление и радость, когда Киса Абуевна (она была сестрой знаменитого чеченского поэта М.А. Сулаева. А.К.), улыбаясь, сказала:

— Ее затребовала Государственная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинград. Она понадобилась студенту-филологу из Англии, специализирующемуся на литературе народов Северного Кавказа. Так вот, он в каталоге нашел твою книжку, а на месте ее не оказалось — на руках была. И срочно потребовался другой экземпляр — завтра нужно отправить. Занеси, пожалуйста.

Я занес. Ее отправили. И сейчас мой первый поэтический сборник, как, наверное, и другие (надеюсь), хранится в этой библиотеке.

Дело в том, что в советские времена обязательные экземпляры всего, что издавалось в Чечено-Ингушетии, начиная от районной газеты, журнала и кончая научными монографиями, поступали во все библиотеки, республиканские и городские, и в Государственные — им. В.И. Ленина (г. Москва) и М.Е. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград), где их можно найти и в настоящее время.

Но особенно частыми гостями мы бывали в отделе национальной и краеведческой литературы, где нас всегда дружелюбно и приветливо встречали и заведующая отделом Малика Айдаева, и ее сотрудницы — Людмила Шадисва, Раиса Чербижева и другие. Их было много тогда — подвижницы библиотечного труда! К сожалению, было: красивейшее в г. Грозный здание библиотеки, как и чудный сквер, разрушены, люди разъехались по всей России.

Сейчас Национальная библиотека, как и детская им. А.П. Гайдара и Центральная городская, восстанавливается в третий раз в тех же тесных, сырых, неуютных комнатах под трибуналами быв-

шего стадиона ручных игр, приведенных в порядок усилиями энтузиастов многострадального библиотечного дела: директора Шайман Уциевой, ее заместителя Тамары Махмудовой, заведующих отделами: абонемента – Розы Гациевой, национально-краеведческого – Зуры Берсановой, государственной библиографии – Петимат Лабазановой, книгохранения – Наташи Магомадовой, главных библиотекарей – Виолы Азизян, Фаризы Алдамовой, Шарипат Тавсултановой и многих других (2003 г.) (9).

Закончить этот этюд мне хочется своим стихотворением «Библиотека – кладезь знаний...» (перевод с чеченского. А.К.):

Библиотека – кладезь знаний
Для всех людей, народов, стран,
Безбрежный, словно мирозданье,
Бездонный, будто океан.
Учителем был мудрым, щедрым
Библиотекарь каждый раз,
Когда в библиотеку ветром
Познанья заносило нас.
И в жизнь вплывали, словно бриги,
Вздувая паруса страниц,
Все открывающие книги,
Не признающие границ.

И, раскрывая тайны века,
Нас в океане мудрых слов
Всегда вела библиотека
В сиянье алых парусов.

Вместо послесловия

Мысль написать свое видение истории нашей столицы — столицы Чечни, любимого своего города Грозный — у меня возникла в самом начале шестидесятых годов прошлого столетия. Влюбился я в Грозный с первого шага, который сделал по его улицам в далеком 1957 году, когда прибыл из Киргизии с целью поступить в нефтяной институт, где тринадцать лет прожил в ссылке, как враг народа, став им в шесть лет — 23 февраля 1944 года, и которая стала за эти годы второй родиной для меня.

Вначале было задумано написать роман-трилогию «Город на Сунже». Был написан подробный план, и я начал читать все, что написано о Грозном (и Чечне) с первых дней возведения крепости Грозная и до нашего времени. Делал записки, выписывал старые книги через межбиблиотечный абонемент Республиканской библиотеки имени А.П. Чехова, записывал воспоминания старожилов и свои впечатления. Восстанавливал старые, дореволюционные (1917 года) названия улиц, скверов, площадей, биографии зданий — памятников истории, культуры, архитектуры и события, связанные с Грозным и Чечней. Материала накопилось много.

Поняв, что написание романа потребует много времени (а я не люблю писать кое-как, да и что я мог сказать нового после романов С. Арсанова, Х. Ошаева, М. Лукина, М. Сулаева, Н. Музаева и многих других классиков-писателей Чечни) (1), я решил по-своему написать документальную историю города, собрав воедино крупицы, разбросанные в многочисленных книгах и воспоминаниях. Очерки эти печатались в газетах, но для книги я их, естественно, расширил и усилил документальность и подробность. Работал над ними более десяти лет: вначале писал черновики, потом шлифовал и переделывал помногу раз, работая над ними и военными ночами.

И вот, дописав очередной очерк (продолжение еще будет, если Всевышний даст мне жизнь и силу, потому что еще оста-

лось немало мест в Грозном, о которых обязательно должны знать люди и о которых обязательно надо написать: они остали замечательный след в истории города и Чечни), я вздохнул чуть свободней и повторил с гордостью слова Пимена из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов».

Еще одно последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный.
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартии отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу... (2)

Но мое сказанье, надеюсь, не последнее. Продолжение, даст Бог, будет. И в ближайшее время.

Грозный
1995–2007 гг.

Использованная литература

I. Вместо предисловия

1. Информационный бюллетень Международного Совета музеев (ИКОМ), Вологда, 2003, № 1. С. 3.
2. Цит. по: Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Выпуск IX. Грозный, 1975. С. 6.
3. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920–июнь, 1941 гг.) Сборник документов и материалов. Грозный, 1979. Примечания. С. 230.
4. Там же. С. 70–71
5. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920–1940 гг.) Грозный, 1974. С. 180.
6. Там же. С. 180–181.
7. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1941–1980 гг.) Грозный, 1985. С. 207–208.
8. Вернем Грозному музей. М., 2002. С. 6–8
9. Газета «Комсомольское племя», 1983, июль.
10. Газета «Грозненский рабочий», 1982, 13 ноября.
11. Газета «Комсомольское племя», 1990, 13 декабря.
12. Вернем Грозному музей. С. 13.
13. Международный журнал «Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», М., МККК, 2004. С. 5.
14. Вернем Грозному музей. С. 13–16.
15. Информационный бюллетень, ИКОМ. С. 20
16. Там же. С. 21

II. «Построена для устрашения чеченцев»

17. Журнал «Вопросы истории», М., «Правда», 1990, № 5. С. 188–190
18. Ермолов А.П. Записки 1798–1826 гг. М., «Высшая школа», 1991. С. 303–304.

19. Там же. С. 304
20. Там же. С. 305
21. Там же. С. 305
22. Там же. С. 305
23. Там же. С. 305
24. Там же. С. 308
25. Там же. С. 308
26. Шамаев М. Из истории Грозного. Газета «Нийсо», 1991, 5 сентября.
27. Берже А.П. Чечня и чеченцы. СПБ 1859 С. 10–80.
28. Айдамиров А.А. Пленник из Калуги. Документальная повесть. Грозный, 1993. С. 242 (перевод с чеч. А.К.).
29. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 308
30. Там же. С. 309
31. Город Грозный. Популярные очерки истории. Сост. Казаков А.И. Грозный, 1984. С. 12.
32. Там же. С. 12–13.
33. Казаков А.И. Страницы истории города Грозный. Грозный, 1989. С. 3–4.
34. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров в 2-х томах. Т. 1. М., «Художественная литература», 1980. С. 201.
35. Там же. С. 201.
36. Город Грозный. Популярные очерки истории. Составитель Казаков А.И. Грозный, 1984. С. 11.
37. Там же. С. 11
38. Казаков А.И. Указ. соч. С. 21
39. Город Грозный. С. 12

III. Ул. Александровская – Первомайская

1. Казаков А.И. Страницы истории города Грозного. Грозный – 1989. С. 31; Шабаньянц Н.Ш. Город Грозный. Грозный 1972. С. 10.

2. Пономарева И.З., Севостьянов П.М., Памяти вечной достойны. Грозный, 1987. С. 25.
3. Там же. С. 25.
4. Киреев Е.П. Пролетариат Грозного в революции 1905–1907 гг. Грозный, 1975. С. 175.
5. Пономарева И.З., Севостьянов П.М., Указ. соч. С. 26.
6. Казаков А.И. Указ. соч. С. 33
7. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х томах. Т. 1. Грозный, 1967. С. 290.
8. Гриценко Й.П. Современники середины XIX века о Чечне и чеченцах. Археологический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 305.
9. Там же. С. 290.
10. Пономарева И.З., Севостьянов П.М., Указ. соч. С. 19–20
11. Самарин Ф.И. В мятежные годы. Грозный, 1961. С. 99.
12. Там же. С. 99.
13. Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный, 1984. С. 56.
14. Там же. С. 57.
15. Там же. С. 37.
16. Киреев Е.П. Это было в 1918 году. В книге «Стодневные бои в Грозном», Грозный, 1959. С. 13
17. Михайлик В. Блестящий разгром Волгского полка. Там же. С. 77
18. Там же. С. 78–79.
19. Там же. С. 79.
20. Там же. С. 79.
21. По Чечено-Ингушетии. Путеводитель. Под общей редакцией Рыжикова В.В. Грозный, 1980. С. 54.
22. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 36.
23. Казаков А.И. Указ. соч. С. 60.
24. Там же. С. 90.
25. Город Грозный. Составитель Казаков А.И. Грозный, 1984. С. 15.
26. Там же. С. 37.

27. Кусаев А.Д. Улицы моей юности. Газета «Вести республики», № 47, 2003 г., 17 июня.
28. Там же. Казаков А.И. Указ. соч. С. 21 и др.
29. Город Грозный. С. 54–55.
30. Ваксман А.А. Указ. соч. с. 15.
31. Там же. С. 16.
32. Кусаев А.Д. Указ. соч.
33. Там же.
34. Там же.
35. Л.Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Сборник статей. Составитель Итаев В. Грозный, 1978. С. 20.
36. Раины-пирамидальные тополя.
37. Татарин-здесь: чеченец. В XIX веке всех горцев Кавказа называли или черкесами, или татарами.
38. Л.Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. С. 21.
39. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 59–60
40. Там же. С. 60.
41. Там же. С. 60–61.

IV. Ул. Дундуковская – пр. Революции

1. Шабаньянц Н.Ш. Город Грозный. Грозный, 1972. С. 13.
2. Там же. С. 11–12.
3. Пономарева И.З. Севостьянов М.П. Памяти вечной достойны, Грозный, 1987. С. 21–22.
4. Там же. С. 22–23.
5. Вайсман А.Е. Растет наш Грозный. Грозный, 1957. С. 9
6. Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный, 1984. С. 19–20.
7. Казаков А.И. Страницы истории города Грозный. Грозный, 1989. С. 36–37.
8. Музав М.Н. Историко-революционные места в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1969. С. 17.
9. Там же. С. 17.
10. Газета «Грозненский рабочий», 1998 г., 20 августа.

11. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 18.
12. Там же. С. 21
13. Там же. С. 21
14. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 2..
М., «Художественная литература», 1974. С. 337.
15. Город Грозный. Популярные очерки истории. Составитель Казаков А.И. Грозный, 1984. С. 15.
16. Там же. С. 37.
17. Казаков А.И. Указ. соч. С. 21.
18. Цит по: Кусаев А.Д. Улицы моей юности. Газета «Вести республики», №№ 48, 49, 2003 г., июнь.
19. Город Грозный. С. 54–55.
20. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 15.
21. Там же. С. 16.
22. Кусаев А.Д. Указ. соч., «Вести республики».
23. Город Грозный. С. 26.
24. Шабаньянц Н.Ш. Указ. соч. С. 16.
25. Тымчук С.И. Борьба большевиков за победу социалистической революции. В кн. «В борьбе за советскую власть». Грозный, 1970. С. 15–22.
26. Толстой и Чечено-Ингушетия. Сборник статей. Составитель Итаев В. Грозный, 1978. С. 20.
27. Татарин. Здесь: чеченец. В России в XIX веке всех горцев Кавказа называли или черкесами или татарами.
28. Л.Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. С. 21.
29. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 59–60.
30. Там же. С. 60.
31. Там же. С. 60.

V. Ул. Окружная – ул. им. А.И. Полежаева

1. Вайсман А.Е. Растет наш Грозный. Грозный, 1957. С. 5.
2. Город Грозный... Составитель Казаков А.И., Грозный, 1984. С. 26.

3. Ваксман А.А. записки краеведа. Грозный, 1984. С. 40.
4. Там же. С. 42.
5. Там же. С. 40.
6. Там же. С. 40.
7. Казаков А.И. Указ. соч. С. 40–41.
8. Музаев М. Указ. соч. С. 5–6.
9. Пономарева И.З., Севостьянов М.П. Указ. соч. С. 33.
10. Музаев М.Н. Указ. соч. С. 6.
11. Казаков А.И. Указ. соч. С. 41–42.

VI. Ул. Граничная – пр. Победы

1. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. IV.. М., «Художественная литература», 1976. С. 33.
2. Город Грозный. Популярные очерки истории. Составитель Казаков А.И. Грозный, 1984. С. 39.
3. Там же. С. 40.
4. Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный, 1984. С. 5.
5. Город Грозный. С. 41.
6. Там же. С. 42.
7. Ваксман А.И. Указ. соч. С. 17–18.
8. Казаков А.И. Указ. соч. С. 25.
9. Шабаньянц. Н.Ш. Город Грозный, Грозный, 1972. С. 13.
10. Там же. С. 13.
11. Лукин М.Т. Грозненский фронт. Документальный роман. Грозный, 1983. С. 235.
12. Там же. С. 237–238.
13. Город Грозный. С. 8.
14. Там же. С. 80.
15. Там же. С. 81.
16. Комсомол Чечено-Ингушетии в революционных, трудовых и ратных подвигах. Сборник документов и материалов. Грозный, 1979. С. 21–22.
17. Пономарева И.З., Сайко В.Б. Их именами названы улицы. Грозный, 1983. С. 71.

18. Курылев И.В. Боевой путь милиции Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. С. 24.
19. Там же. С. 26.
20. Там же. С. 26.
21. Там же. С. 29.
22. Правенъкий Н.Я. Орден на знамени Грозненского про-летариата. Грозный, 1975. С. 5, 7.
23. Там же. С. 8.
24. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 70.
25. Лукин М.Т. Указ. соч. С. 243.
26. Там же. С. 245.
27. В борьбе за власть Советов. Вспоминания участников революционных боев в Чечено-Ингушетии (1917–1920 годы). Составитель Абазатов М.А. Грозный, 1970. С. 41.
28. Там же. С. 41.

VII. Ул. Михайловская – Красных Фронтовиков

1. Тарасов А.Н. Тимур на Кавказе. Историческая повесть. Ростов н/Д, 1938. С. 98.
2. Там же. С. 95–97.
3. Кусаев А.Д. Улицы моей юности. Газета «Столица плюс», 2004 г., 8 сентября.
4. Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный, 1984. С. 39.
5. Пономарева И.З., Севостьянов М.П. Памяти вечной до-стойны. Грозный, 1987. С. 69–70.
6. Город Грозный. Составитель Казаков А. И. С. 66.
7. Город Грозный. С. 96.
8. Грозненский государственный нефтяной институт имени академика М.Д. Миллионщика 1920–2005 гг. Ответ редактор Керимов И.А. Грозный, 2005 г. С. 9
9. Там же. С. 9
10. Газета «За нефтяные кадры» № 3, май, 2006 год.
11. Грозненский государственный нефтяной... С. 14.

12. Там же. С. 23.
13. Там же. С. 41–45.
14. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 33
15. Город Грозный. С. 50.
16. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 33.
17. Шерипов А.Д. Статьи и речи. Грозный, 1977. С. 82 (перевод с чеч. А.К.).
18. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 – июнь 1941 гг.) Сборник документов и материалов. Грозный, 1979. С. 172–173.
19. Газета «Грозненский рабочий». 1980 г., 26 февраля.
20. Там же.
21. Там же.
22. Казаков А.И. Страницы истории города Грозный. Грозный, 1984. С. 55.
23. Там же. С. 55–56.
24. Там же. С. 56.
25. Город Грозный. С. 15.
26. Там же. С. 15–16.
27. Там же. С. 16.
28. Газета «Грозненский рабочий». 1983 г., 17 августа.
29. Там же.
30. Там же.
31. Вайсман А.Е. Растет наш Грозный. Грозный, 1957. С. 54–55.
32. Там же. С. 55.

VIII. Ул. Дворянская – пр. им. В.И. Ленина

1. Город Грозный. С. 35.
2. Там же. С. 35.
3. Там же. С. 41–42.
4. Там же. С. 39.
5. Шабаньянц Н.Ш. Город Грозный. Грозный, 1972. С. 11; Казаков А.Н. Указ. соч. С. 18 и др.

6. Казаков А.И. Указ. соч. С. 18; Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный, 1984. С. 43 и др.
7. Арсанов С.А. Когда познается дружба. Роман. Грозный, 1979. С. 329–331.
8. Шабаньянц Н.Ш. Указ. соч. С. 13 и др.
9. В борьбе за власть Советов. Вспоминания... Составитель – Абазатов М.А. Грозный, 1970. С. 205–206.
10. Там же. С. 208.
11. Там же. С. 208–209.
12. Там же. С. 209.
13. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 44.
14. Там же. С. 44
15. Там же. С. 45.
16. Казаков А.И. Указ. соч. С. 32.
17. Там же. С. 32; Кусаев А.Д. Улицы моей юности. Газета «Молодежная смена», 2005 г., 12 октября.
18. Там же.
19. Там же.
20. ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Молодежная организация в СССР, созданная в 1918 году. Молодой резерв КПСС – Коммунистической партии.
21. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 73–74.
22. Там же. С. 48; Казаков А.И. Указ. соч. С. 49–50.
23. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 49.
24. Там же. С. 49–50.

IX. История г. Грозный в фондах национального музея

1. Вернем Грозному музей. М., 2002 г. С. 27–29.
2. Павленко П.А. Кавказская повесть. Махачкала, 1966. С. 236.
3. Там же. С. 236.
4. Там же. С. 236–237.
5. Там же. С. 237.

6. Там же. С. 237–239.
7. Вернем Грозному музей. С. 27.
8. Там же. С. 27–29.
9. Там же. С. 27–29.
10. Там же. С. 27–29.
11. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920–1940 годы) Грозный, 1974. С. 180.
12. Казаков А.И. Страницы истории города Грозного, Грозный, 1989. С. 84.
13. Там же. С. 79.
14. Дзот – долговременная земляная огневая точка. Дот – долговременная огневая точка. Их в 1942 году вокруг Грозного и в городе было построено много. Некоторые из них дошли до наших дней: у трампарка, 9-й горбольницы, на въезде в Грозный со стороны Старых Атагов и другие. Исчезли после первой чеченской войны.
15. Казаков А.И. Указ. соч. С. 80.
16. Там же. С. 84.
17. Там же. С. 83.
18. Вернем Грозному музей. С. 27–29.
19. Кусаев А.Д. Отрывок стихотворения «Все перепутав адреса». Рукопись. Перевод с чеч. А.К.
20. Л.Н. Толстой. собрание сочинений в 22-х томах. Т. 2. М., «Художественная литература», 1979. С. 296.
21. При написании этого этюда использованы фрагменты материала Казакова А.И. Газета «Грозненский рабочий», 1982 г. 25 сентября.

X. Библиотека им. А.П. Чехова...

1. Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный, 1984. С. 26, 28.
2. Город Грозный. Популярные очерки истории. Составитель Казаков А.И. Грозный, 1989. С. 59.
3. Ваксман А.А. Указ. соч. С. 20.

4. Там же. С. 20.
5. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 – июнь 1941 г.) Грозный, 1979. С. 27, 180.
6. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941–1980 г.г.). Грозный, 1985. С. 62.
7. Там ж. С. 88.
8. Там же. С. 108.
9. Это данные 2004 г. К выходу в свет книги дела библиотек намного улучшились: Национальная библиотека им. А.П. Чехова и детская им. А.П. Гайдара получили новые помещения (более просторные) в отремонтированном Центре культуры и искусства Чеченской республики (в бывшем знаменитом когда-то Доме актера, общежитии «Актер»). 2005 г.

XI. Вместо послесловия

1. Арсанов С.А. «Когда познается дружба», Ошаев Х.Д. «Пламенные годы», Лукин М.Т. «Грозненский фронт», М. Сулаев «Горы не забывают», Мамакаев М.А. «Зелимхан», «Мюрид революции», Музаев Н.Д. «Сила мечта», «Шаг в завтра» и другие.
2. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах Т. 4. М., «Художественная литература», 1975 г. С. 195.

Приложение первое

ЧА ЯН-ШИ ВКЛАД КИТАЙСКИХ ДРУЗЕЙ

В начале 1916 года, когда империалистическая война истощила людские резервы России, царское правительство приступило к вербовке рабочих в Китае. Нужда и голод заставили нас выехать в Россию на заработки.

Группу, в которой находился я, отправили в Оренбург на лесозаготовки. В апреле 1917 года подрядчики, у которых мы работали, перебросили нашу группу в Кишинев. Там мы заготавливали шпалы для узкоколейки.

В стране произошла Октябрьская социалистическая революция. Когда русские солдаты стали возвращаться с фронта, наши хозяева-подрядчики – сбежали, не заплатив нам причитавшую за два месяца зарплату. Потом появились румынские солдаты. Они окружили нас и повели через реку Днестр. Куда нас ведут, не знали. Трудно было нам объясняться с ними: по-румынски не говорил и наш переводчик.

Нас переправили через полуразрушенный мост на территорию России. Рабочие и солдаты встретили нас радушно, накормили и дали отдохнуть. Вскоре наша группа в 4000 человек без колебания стала на сторону красных и начала громить банды белых в Крыму. Позже наш отряд разбили на группы, которые были направлены на разные участки фронта.

В начале 1918 года группа в 150 человек, среди которых был и я, попала на Кубань, где влилась в четвертый Днепровский революционный полк, которым командовал Матвеев. Другие группы китайцев вступили в советские полки имени III Интернационала, первый Черноморский, Таврийский и другие. Находясь в этих полках, китайцы самоотверженно сражались с бандами белых генералов.

Летом 1918 года нас перебросили в Пятигорск против банд Шкуро. В начале августа наш отряд китайцев в составе 600 человек пробился через Прохладный во Владикавказ. Туда мы явились по приказу т. Левандовского.

Когда по указанию Серго Орджоникидзе Дьяков организовал отряд красных сунженских казаков и совместно с ротами грозненских красноармейцев двинулся на помощь Грозному, наш отряд китайцев принял участие в этом походе. Громя бичераховцев, засевших на станицах Слепцовская, Самашкинская, Романовская и Ермоловская, на рассвете 12 ноября 1918 года мы выступили в Заводской район Грозного.

В Грозном мы встретились со своими соотечественниками — китайцами из отряда Шапошникова. Этот отряд в составе около 100 человек был сформирован из грузчиков астраханского порта, послан на помощь Владикавказу, но остался в Грозном, так как здесь начались военные действия. Сто дней вместе с грозненцами сражались наши соотечественники против бичераховцев. Многие пали смертью храбрых.

Остатки бичераховской банды, выгнанной из станицы Грозненская, преследовали красные казаки отряда Дьякова, роты Красной Армии и наш отряд. Разгромив их общими силами в надтеречных станицах, мы все возвратились по своим местам: отряд Дьякова — на Сунженскую линию, красноармейцы — в Грозный, наш отряд — во Владикавказ.

Наступил 1919 год. Героическая XI армия, которой ужে командовал т. Левандовский, охваченная тифом, обливаясь кровью, отступала к Тереку. Ее преследовали полчища деникинцев, одетые в английские шинели, вооруженные английскими пушками, пулеметами. Под Владикавказом завязался неравный бой. В рядах XI армии китайцы самоотверженно сражались против деникинцев.

Большие трудности переживали, будучи голодными, раздетыми русские красноармейцы. Еще труднее было нам, китайцам, не знавшим местности, русского языка. Отступая на

Астрахань, шли по снежным полям, неся на руках раненых и больных тифом товарищей. Русские делились с нами последним сухарем. Но силы истощались. Один за другим заболевали тифом. В сугробах песка и снега были похоронены мои соратники по оружию – русские братья Василий, Алеша, китайцы То Чи-фу, Вэй Чань и др.

Оставшиеся в живых добрались до Астрахани на третий месяц. Там нас встретили как родных. Вскоре мы поднялись на ноги. Я попал во вторую бригаду дивизии, которой командовал Левандовский. По указанию комиссара XI армии С.М. Кирова наша бригада двинулась к станице Каменской, а вскоре я перешел в конницу Буденного, участвовал в боях под Харьковом, Воронежем, Лисками, в начале 1920 года с боями брал Ростов, Краснодар, Тихорецк.

После разгрома Деникина и Врангеля я сражался против белополяков. За годы гражданской войны подо мной было убито 7 лошадей, и только по счастливой случайности я остался живым и невредимым.

Теперь Советский Союз стал моей второй родиной. За нее я воевал, за нее положили головы мои земляки. Мы боролись за Советскую власть, и мы отстояли ее.

Приложение второе

Постепенно восстанавливается наша столица – город Грозный. Но никогда не будет иметь он прежний исторический вид, никогда не будут восстановлены в их историческом виде его памятные места. Отныне многие из них будут жить в наших воспоминаниях, пока не умрем мы, старожилы, и они с нами умрут навсегда; они будут жить и в моих реквиемах и плачах, часть из которых печатается ниже. Все они даются в моем переводе с чеченского языка.

РЕКВИЕМЫ И ПЛАЧИ

Плач по столице

I

Вместе с городом страдал я
В разрушаемых домах,
Над убитыми рыдал я,
Их в подвал снося впотьмах.
Страх и мне воздал сторицей
В гуле битв немало дней
В убиваемой столице, –
Той, которой нет родней.
Сколько Грозному досталось
В битвах, что не знают смен:
Вот от улицы остались
Лишь останки черных стен.
Трудно будет возродиться
В стрельбах, битвах много лет
Истязаемой столице, –
Той, которой ближе нет.
Но так будет. Верю твердо.
Выжил я в чаду кручин,
Видеть чтоб, как город гордо
Вознесется из руин.
Видеть, как зальет все лица,
Дым войны, развеяв свет,
В несогнувшейся столице, –
Той, которой лучшее нет.

II

Всю ночь освещается город,
Что грохотом взрывов расколот,
Пока не наступит рассвет,
Лишь светом сигнальных ракет.

Пугающи, как катакомбы
Кварталов развалины: бомбы
Их били. И годы пройдут,
Покуда следы их сойдут.

И в песнях, и в одах воспетый,
Был чуден он, в зелень одетый,
Теперь же войной потрясен.

Мой Грозный — нарядный, красивый —
Восстанет ли снова, как диво,
Из пепла, как сбывающийся сон?

Плач по Грозному

Я редко показывал слезы свои –
Да, в детстве далеком, конечно, бывало,
Да, в дни похорон, как родные мои
В могилу сходили,
Друзей убывало.

Сейчас же я болью пронизан сплошной,
Глаза покрываются горечью слезной,
Увидев, как страшно истерзан войной
Мой некогда гордый и солнечный Грозный.
Я строго заветы отцовские чтил:
Учил он, что слезы не красят мужчину.
И я, повзрослев, ими глаз не мочил,
Хотя и бывали порою причины.
Сегодня же плачу на старости лет.
Кто жар моей боли великой остынет?
Я плачу о Грозном,
Которого нет,
Который собой уже больше не будет!
Тонул он в газонах и скверах
Как луг.
Зеленым нарядом с дубравами споря.
Война же его распахала
Как плуг, –
В руинах лежит почерневший от горя.
Поэтому слезы и застят мне свет.
Кто стон мой беззвучный с презреньем осудит?
Я плачу о Грозном,
Которого нет,
Который вчерашним уж больше не будет.

Его возрожденную юность, красу
Мы вряд ли увидим,
Свой век доживая,
Но верность ему я в могилу снесу,
Себя ностальгических снов не лишая.
Сегодня, нарушив отцовский завет,
С Чечнею я плачу –
Меня не убудет...
Я плачу о Грозном,
Которого нет,
Который таким, каким был он,
Не будет!

Реквием библиотеке им. А.П. Чехова

Была почти сто с лишним лет назад
Заложена библиотека эта.
И расстилал весной вокруг сквер-сад,
Ковры газонов
И фонтаны света.
Спешил в библиотеку стар и млад –
Манили знаний и науки клады,
Изящество красивых колоннад,
Читальных залов тихая прохлада.

О, скольким поколеньям горожан
И жителям Чечни бывали двери
Открыты, словно щедрая душа,
В мир мудрости, и разума, и веры.
В метель, в жару –
Погоде вопреки
К ней никогда тропа не заастала:
Все шли испить живительной реки –
С глотками только жажды нарастала.
С волнением и трепетом всегда
В нее входили робко,
Как в святыню...
И храмом знаний долгие года
Была и мне,
И дочери, и сыну...
Но грянула жестокая война,
Годами убивала, разрушала,
Не признавала ни святынь она,
Ни красота ее не поражала!
Прошла война. Развалины одни
Остались от библиотеки, сада,
От бомб воронки, да бурьян, да пни,

Неповторимый праздник;
А сколько тех,
Что знания тропой
Пройдя, учить детишек стали тоже!
И за волной волну катил прибой
Неугомонной дерзкой молодежи...

Увы! Сегодня альма-матер их
Разрушена жестокою войною.
И сквер — приют, счастливых молодых —
Сметен, как будто штормовой волною.
Повсюду вандализма страшный след.
На месте светлых зданий —
Их останки:
Громили в гневе университет
Солдаты, пушки, вертолеты, танки.
И жалок университета вид:
Его руины —
В зарослях бурьяна...
Когда звонок в нем
Снова прозвенит
И ринутся студенты к знаньям ръяно?

Реквием парку им. С.М. Кирова

Каким красивым был наш парк
И жизнь какая в нем кипела,
Когда в раю влюбленных пар
Душа раскованнее пела!
Он увлекал, манил и звал,
Весенний, солнечный, зеленый,
Как притягательный причал,
В свое ухоженное лоно.
Не тронув пестрые ковры –
Скопленья звездные газонов,
Счастливо толпы детворы
Шли к городкам аттракционов.

То чаровал, то оглушал
Людей, в мир музыки влюбленных,
Как вечерами приглашал
Нас на концерт театр Зеленый.

В тени деревьев у реки,
Забыв заботы, боли, годы
Сидели тихо старики
В плену чарующей природы.
Декоративный шумный пруд,
Где лебеди, улыбки, лодки,
И небольшой зверинец тут,

И островочек посередке.
Что в праздники творилось здесь,
В воскресный день или субботний!
Сходился в парке город весь,
Да и Чечня вся беззаботно.
Был близок парк, как друг, для всех,

Война! Пальба, атака –
Умолкла в цирке жизнь –
Стал фильтропунктом страха,
Кроваво-смертных тризн.
Сейчас дожди в прорехи
Разбитой крыши лют.
Солдаты ради смеха
Пыгают, губят, бьют.
Следы бездумья всюду
И вид истерзан, сир,
И забывают люди
Любимый праздник – цирк.
В нем вместо трелей жизни
Сегодня – стон и вой,
Как символ вандализма,
Бесчеловечных войн!

Реквием нефтяному институту

Здесь, где сейчас лишь мусорная груда,
Еще в недавнем прошлом корпуса
Стояли Нефтяного института,
Студентов не смолкали голоса.

Он славен был не год, не два – столетье:
Во всех краях немереної земли
Его питомцы – лучшие на свете –
Честь альма-матерь высоко несли.

Их от Тюмен и до Алжира ждали,
В Багдаде, Сане и в другой дали,
За то, что непременно побеждали
Где б поиск нефти, газа не вели.

О почестях себе тревожась мало
И оставаясь скромными во всем,
Все славу института поднимали
Талантами своими и трудом.
Оставили везде его питомцы
След яркий – установок, вышек вязь...

И вырастало новое потомство
И поколений продолжалась связь.

Они умели клад найти сокрытый
И разгадать природной тайны суть...
А сколько было сделано открытий
Не уступавших мировым ничуть!

Но этого в учет не взяли «люди»,
Которые прошлись с войною тут:

Громили дни и ночи из орудий
И бомбами терзали институт.
Он оказался в эпицентре битвы,
Что грохотала не часы, а дни...

От корпусов остались стекол битых
И мусора холмы сейчас одни.
А дальше с рук манкуртов без сознанья
На кирпичи строенья разошлись...
Осталась только боль воспоминаний
От института Нефтяного лишь.

И там, где был источник мудрых знаний
Сейчас пустырь, да пыль, да в рост бурьян,
Да горестное, горькое сознанье
Одной из многих – из чеченских – ран!

Реквием кинотеатру им. Челюскинцев

Кинотеатр был города душой –
Его все люди и Чечня вся знала,
Зал, как ковчег, вместительный, большой,
Имелись в нем и маленьких три зала.
Построенный в годах сороковых,
Своей архитектурой был небросок.
Челюскинцев носил он имя, их
Восславив подвиг в северных торосах.
В фойе царили тишина, покой,
И каждый вечер в нем между сеансов

Играл оркестр негромко духовой,
Вводя нас в мир знакомых песен, танцев.

Потом спешили люди (каждый – в свой)
В заранее намеченные залы,
В которых непременно игровой
Или документальный фильмы ждали.

Он грусти одиночества не знал:
Делить с ним ровно и беду, и счастье
В кинотеатр спешили стар и мал,
И жизни их он становился частью.

Весенней ночью разгоняя тьму,
Огни его в созвездия вплетались.
Романтиков-любленые к нему,
Как мотыльки, доверчиво слетались.

Но надо же! В чиновничьих верхах
Кинотеатру приговор суровый
Был вынесен: его разрушить в прах,

Чтоб возвести другой по моде новой
До основанья он разрушен был
И вывезен на свалку словно мусор.
И сразу же чиновний мир забыл
Свои слова ... А там – развал Союза.
И стало всем не до него потом –
Повсюду смерчи смерти закружили...
Сейчас тот чудный уголок с трудом
Себе представлят даже старожилы!

Реквием республиканской больнице

Я с улицы, войною опаленный,
Гляжу на одичавший уголок,
Где был когда-то шумный и зеленый
Ухоженный больничный городок.

Он многолюдным в памяти храниться,
Как свет надежды, как приют святой,
Где проходила зыбкая граница
Меж жизнью — смертью и меж светом — тьмой.
Приветливо встречали тут в палатах
Людей медсестры, доброты полны,
Как ангелочки, в беленьких халатах,
Как топольки, изящны и стройны.

И забывали люди боли, страхи,
И оживали, как весной ручьи,
Когда тут колдовали, словно маги,
По клятве Гиппократовой врачи...

Но грянула война — вокруг больницы
Боев жестоких закружился смерч
И в окна, превращенные в бойницы,
Из множества стволов влетала смерть.
И жалости не ведали вандалы,
На штурм идя одетыми в броню:
Как сатанисты грубые влетали
В палаты, все сжигая на корню.
Сейчас бурьян там, где была больница,
Да вой собачий в зарослях густых:
Тут не увидишь человечьи лица —
Уже давненько голос жизни стих.

Мы заплатили страшною ценою
Жестокой и безжалостной войне.
И в памяти руины зданий ноют,
Как раны, нанесенные Чечне...

Плач по музею

В его заманчивые залы
Спешили мы, пока музей
Не уничтожили вандалы
В нелепой ярости своей.
Вступали в мир его степенно
Мы, времени смиряя бег, –
Вели нас стенды, как ступени
Истории, – из века в век.
Ожившей памятью народа
Был краснодарский музей,
Открыт в любое время года
Для любознательных друзей.
Там на витринах в тихих залах,
Вреда друг другу не чиня,
Вся флора, фауна стояла
Твоих равнин и гор, Чечня.
Там оживали в фото, камне
Тех возвышая, тех черня,
Страницы жизни стародавней,
Твоей истории, Чечня.
И, размывая грань столетий,
В нас гордость пробуждал музей,
И с каждым шагом в мире этом
Мы становились чуть мудрей...
Войны сжигающие грабли
И здесь прошлись –
Ужасен вид:
Разрушен он, сожжен, разграблен
В руинах горестных лежит.
Разрушенный не зверем диким,
А варварам, что все сметал,
Что уникальным фондом, книгам

Нес гибель. Только зря мечтал,
Чтоб стал беспамятною кликой
Народ с историей своей:
Он жив, хотя исходит криком,
Моля о помощи, музей!

Был впереди Франция. В
известие пришли с изумлением.
— Сей разум не хуже, чем
всегда, и не заслуживает наказания.
— Это французский Альбусид.
Альбусид — великий философ.
Давно он скончался, так
что письмом погибшей матери
Клеркенвальд напомнили ему
о том, что впереди него
ждет Альбусид, который знает
все, что впереди него.
Альбусид и не знал, что впереди
ждет Клеркенвальд.
Был впереди Испания. В
известие пришли с изумлением.
— Сей разум не хуже, чем
всегда, и не заслуживает наказания.
— Это испанский Альбусид.
Альбусид — великий философ.
Давно он скончался, так
что письмом погибшей матери

Плач по пр. Революции

Проспект Революции — словно прибой
Гудел день и ночь от зари до рассвета.
Казалось, что солнце, любуясь тобой,
Уйти не хотело: ночь — озеро света!
Проспект Революции — юность моя.
В какие б меня ни забросил края
Путь жизненный, всюду я помнил тебя,
Гордясь, восхищаясь и нежно любя.
Проспект Революции — яркий наряд:
Газонов созвездия пестро горят.
Чуть мутные окна домов-стариков
Глядят, как глаза, через груды веков.
Проспект Революции — солнечный мир
И старцев степенных, и юных задир...
Ах, где же влечение твоей красоты?
И станешь ли снова таким чудным ты?
Проспект Революции — юность моя...
В тебе возвращусь ли когда-нибудь я?..

Реквием потерянным адресам

Все перепутав адреса,
Лежит в руинах город стыло:
Безжалостно войны гроза
Его в пустоты превратила.
Знакомый адрес где найти,
Не понимая, люди бродят:
Кого спросить? Куда пойти?
Кварталы тут стояли вроде...
Они истерзаны войной,
В них не найти былой осанки:
Железной сметены волной –
Остались жалкие останки.
Растерзанных в боях былых
Проспектов, парков виды жалки:
Повыросли на месте их
Буряны, мусорные свалки.
И потому то тут, то там
Искать еще мы долго будем
Друзей по старым адресам
В домах, что сохранились чудом.

Реквием музыкальному училищу

Старинный особняк стоял
На берегу спокойной Сунжи.
Пример изящества являл
Собой, лишь старине присущий.
К нему спешили по утрам
Умытой улицей ребята,
В мир музыки вступая там –
Прелюды, попурри, сонаты...
Давалось все не по годам
Серьезным, собранным студентам,
Благодаря учителям
И терпеливым инструментам.
Был не один судьбою дан
Тогда талант им в педагоги:
Маг звездной музыки Аднан,
Умар – монументально-строгий.
В концертах развивали дар,
Который прорывался рано:
Романсом радовал Мовсар
И окрыляла песнь Имрана.
И в зал народ всегда валил,
Где вдохновенно и крылато
С оркестром выступал Али
И тенорок звучал Мовлада.
Внимали, каждый звук ловя,
Как пели солнечно, лучисто
Малх-Азни звонче соловья,
Тамара – родниково-чисто.
Известен был и знаменит
Наш музыкальный храм повсюду...
Где он сейчас?
В пыли лежит –

Он превращен в развалин груду.
Не созиная, а круша, —
Война раздумывать не любит, —
Как бездуховная душа,
Духовность первым делом губит.
Разрушен музыкальный дом —
Там пыль встает и опадает.
И мысль ужасная о том,
Что это кто-то оправдает!
Пустырь сейчас там, где стоял
Красивый дом у тихой Сунжи,
Что нам изящества являл
Пример, лишь старине присущий.

Примечание. Аднан – А.Шахбулатов, композитор чеченский; Умар – У. Бексултанов, композитор чеченский; Мовсар – М. Минцаев, певец, солист Большого театра России; Имран – И. Усманов, поэт, юморист, певец; Али – А. Димаев, композитор, певец; Мовлад – М. Буркаев, певец, безвременно угасший; Малх-Азни – М-А. Чакараева (Озиева), исполнительница народных песен, очень рано трагически умершая; Тамара – Т. Дадашева, всенародно любимая певица.

Реквием «Лепестку»

Величьем, статью славясь
По всей Чечне моей,
Вознесся дом-красавец
В шестнадцать этажей.
Когда он в рост поднялся
И жизни вспыхнул ток,
Его единогласно
Назвали «Лепесток».
Себе не зная равных,
Стоял степенно он,
Как нарт из сказок давних
Былинных времен.
Стоял он, как ракета,
Воздушен, строен, строг,
Дом, названный за это
С любовью «Лепесток».
Словно восьмому чуду
Ему дивились все,
Как, видный отовсюду,
Он стал во всей красе.
Изяществом деталей
Напоминал цветок.
За что и имя дали
Такое – «Лепесток».
Под голубым покровом
Небес Чечни моей
Был колыбелью, кровом
Для множества людей...
Все это было. Было...
Пока злодей-война
Высотку не разбила,

Безумия полна.
В него ракеты, мины
Впивались день за днем
И сотрясал домину
Бой яростным огнем.
И будто, не родился
Когда-то исполин,
Красавец превратился
В большой курган руин.
Он говорит всем людям,
Как человек жесток...
Нам не гордиться чудом –
Растоптан «Лепесток».

Реквием растрелянной улице

На этой улице гремели
Бои всего лишь год назад:
И танки грозные ревели,
И песню смерти пули пели,
И в пепел все сжигали «Шмели» —
Торжествовал кромешный ад.
На этой улице лежали
Металла труды год назад:
Дома от взрывов бомб дрожали,
Их на куски снаряды рвали,
Людей гранатами взрывали
В подвалах — бесновался ад.
На этой улице пылали
Деревья, судьбы год назад:
И убивали, и пытали,
Лжесводки без стыда писали,
И наперед солдаты знали,
Что им простится этот ад.
Не стало улицы цветущей
И полной жизни год назад:
Зеленые увяли кущи,
Услада стариков, старушек.
Руин скелеты, грязи — гуща, —
Страшнее вид, чем Дантов ад!

Уж улицы не будет в Грозном,
Красивой, шумной как год назад:
И беженцы к разбитым гнездам
Не возвратятся утром росным,
Как издали грачи по веснам,
Боясь, что повторится ад...

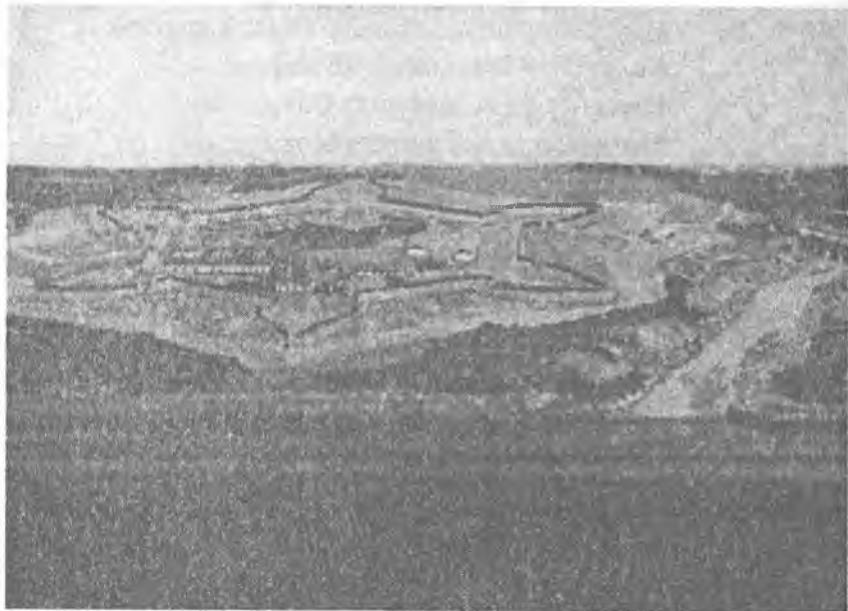
Реквием первой школе (Женской гимназии)

На месте, где была когда-то школа,
Где тяга к знаньям был детишек ръян,
Сейчас пустынно, горестно и голо,
Да только мусор, грязь, да в рост бурьян.
Сто с лишним лет назад у Сунжи самой
Гимназия та выросла, и в ней
Учились три чеченки – три Марьям, –
Что стали славой всей Чечни моей.
Она, к которой весело ребята
Спешили, заполняя двор с утра,
Жестоко на кресте войны распята,
Холмы руин смели бульдозера.
Когда вояк, громивших все, спросили:
«Чем помешал им школы мирный свет?»
«А тем, что здесь чеченцы в Грозном жили,
Но больше жить не будут!» – был ответ.

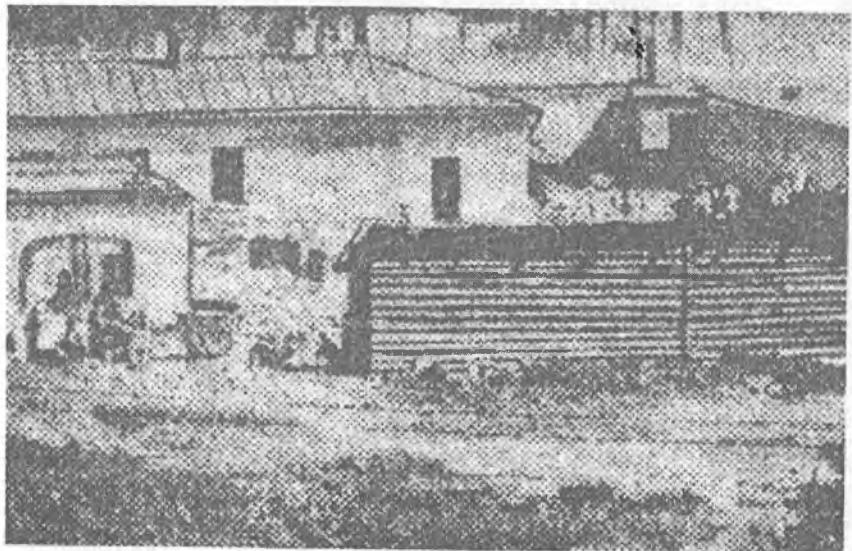
Солдаты все злорадно разрушали –
Прошлась Чечней трагедий полоса, –
Губили школу, чтобы не звучали
В ней больше озорные голоса;
Чтобы она, как бригантина, трассы
Не пролагала в море знаний и
Чтоб, как каюты, солнечные классы
Не открывали двери уж свои;
Чтоб больше паруса не поднимали
Романтики, мечтатели над ней,
Надежду у детишек отнимали
Вояки, школу руша много дней.

Нам не гордиться больше первой школой –
Ее смели – и в классы не войдут
Ни синеглазая девчушка Оля,
Ни черноглазый юноша Махмуд.
Но вопреки воинственным прогнозам,
И вопреки мечте вояк живут
В несломленном, непокоренном Грозном
Чеченцы, что живучими слывут!

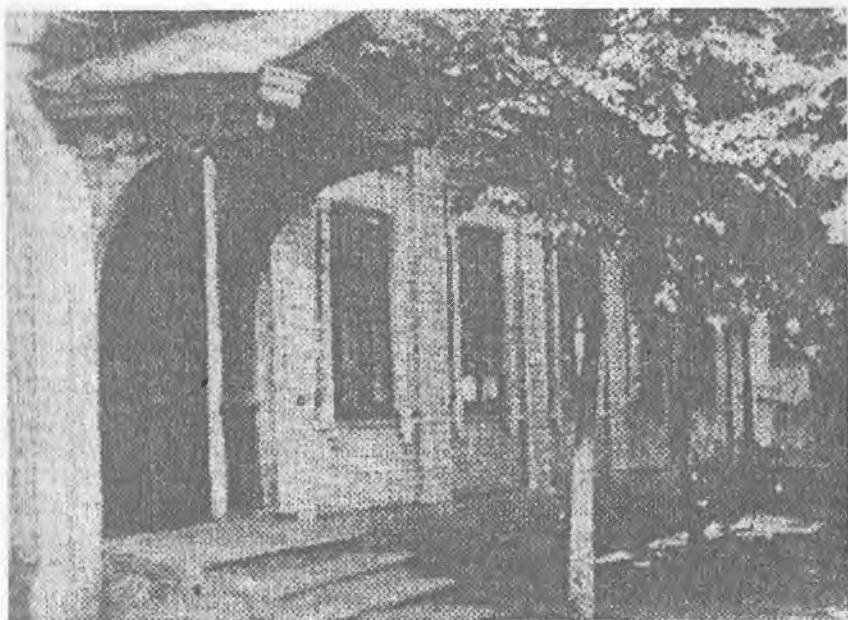
Примечание. «Три Марьям»: Марьям Исаева – первая чеченская писательница; Марьям Саракаева – первая чеченская журналистка (мать известного писателя Х. Саракаева), работала в первой чеченской газете «Серло» (двадцатые годы XX века); Марьям Чентиева – первая чеченская ученая-языковед, автор фундаментального труда «История чечено-ингушской письменности» (Грозный, 1958 г.) Расстреляна в возрасте 91 год российскими солдатами с дочерью в дни штурма Грозного в 2000 году на ул. Красных Фронтовиков у бывшего «Салона красоты» без всякой вины, просто так.

Макет крепости Грозная. 1820 г.

Крепостная, позже – городская тюрьма. Снесена в 1920 г. На этом месте было построено здание библиотеки им. А.П. Чехова.

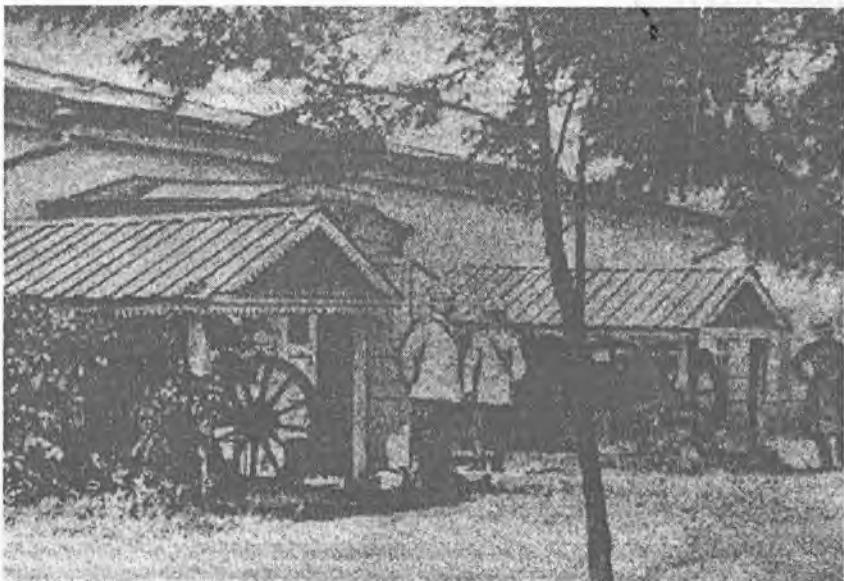
Первый дом, построенный на форштадте кр. Грозная в 1820–1822 гг.

Базар г. Грозный. Начало пр. им. Ленина у р. Сунжа. 1870 г.

Дом адвоката Мутушева. 1918 г. Дом окружного начальника.
С 1930 – Статистическое управление ЧИАССР.

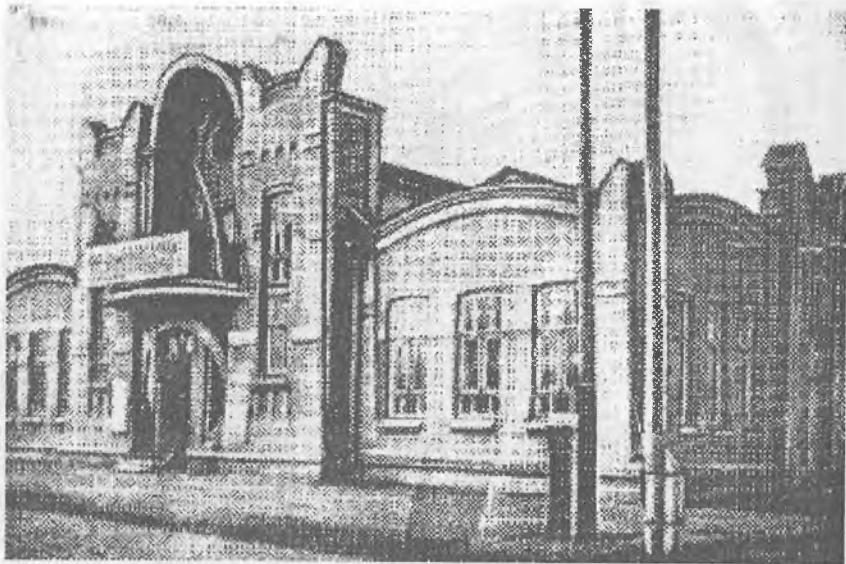
Клуб Офицерского собрания. 1830–1850 гг.

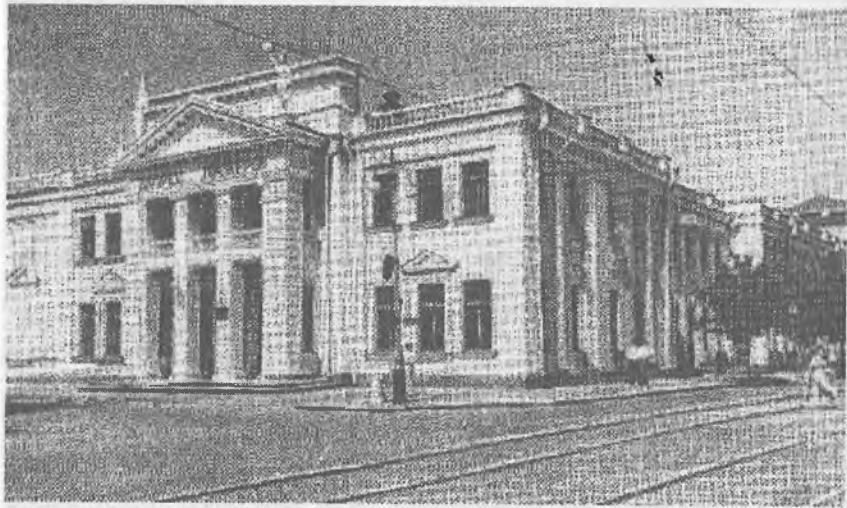
Почтово-телеграфная контора и стоянка междугородних
дилижансов. Пр. Революции. 1890 г.

Вход в городской сад. Пр. Революции. На этом месте стоял
памятник В.И. Ленину.

Здание общественного собрания. 1875 г.

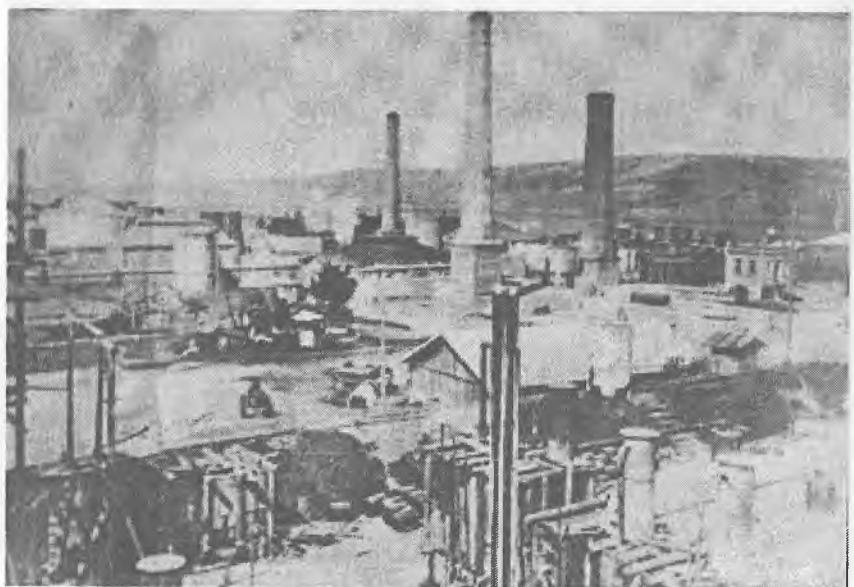
Это же здание перестроенное в 1930-х годах под дом пионеров и школьников.

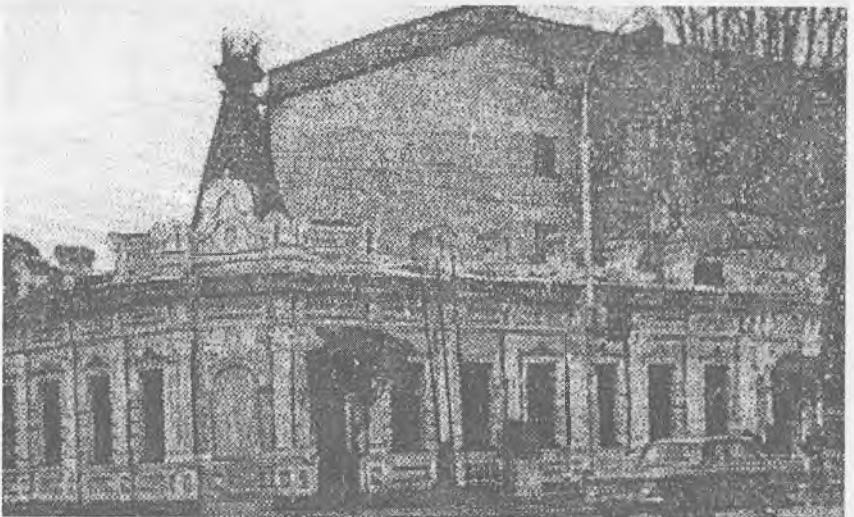
Ярмарка в крепости Грозная. 1850 г. На этом месте был разбит сквер им. М.Ю. Лермонтова.

Это же место в 1980 г. – Набережная р. Сунжа. За рекой гостиница «Чайка» и магазин «Океан».

Первый нефтеперегонный завод в г. Грозный. 1895 г. (фирма Ахвердова).

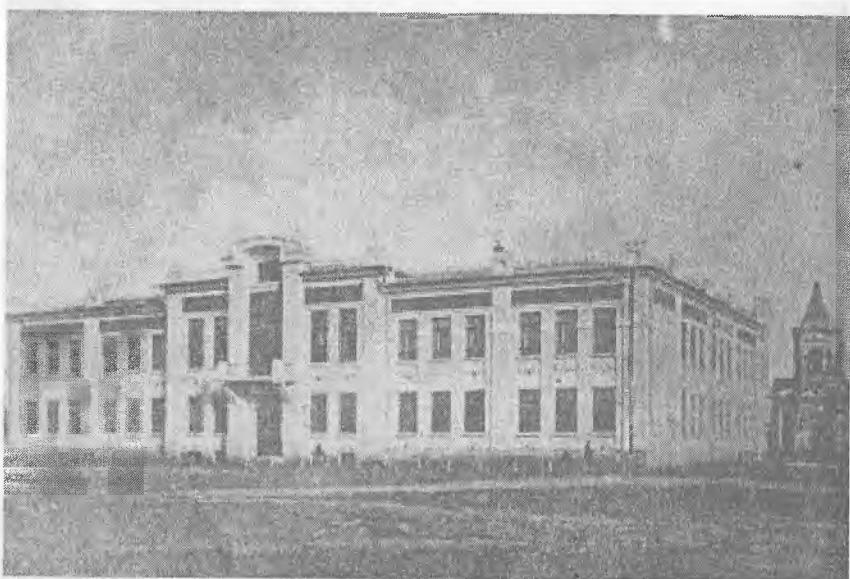

Дом муллы Али Гусейнова. Ул. Субботников – пр. Ленина.

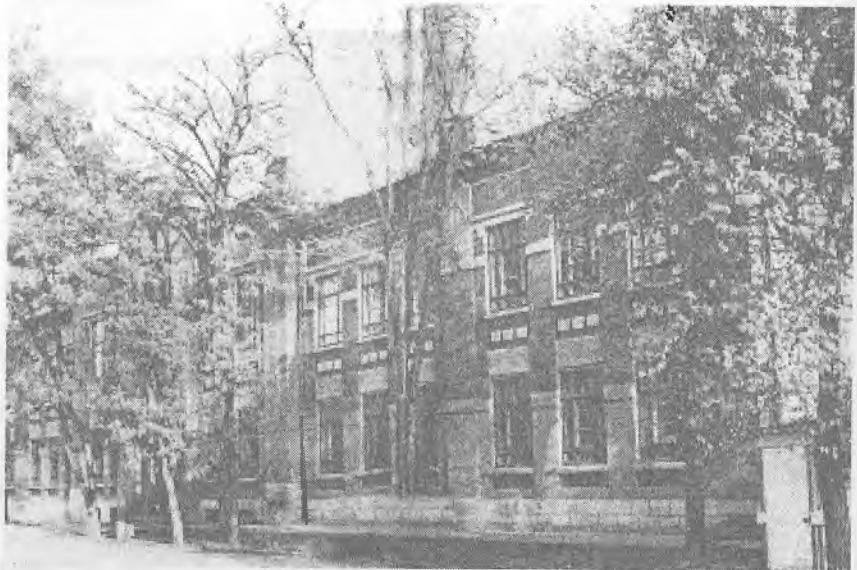

Российско-Азовский банк и первый кинотеатр в Грозном
«Арс». С 1930 г. госбанк ЧИАССР и кафе «Южное».

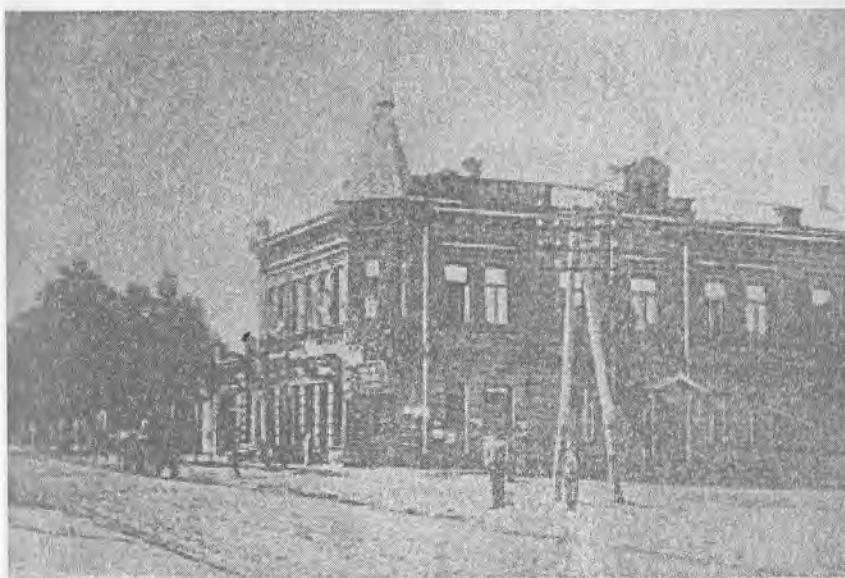

Женская гимназия и гарнизонная церковь. 1900 г. С 1930 СП. № 1.

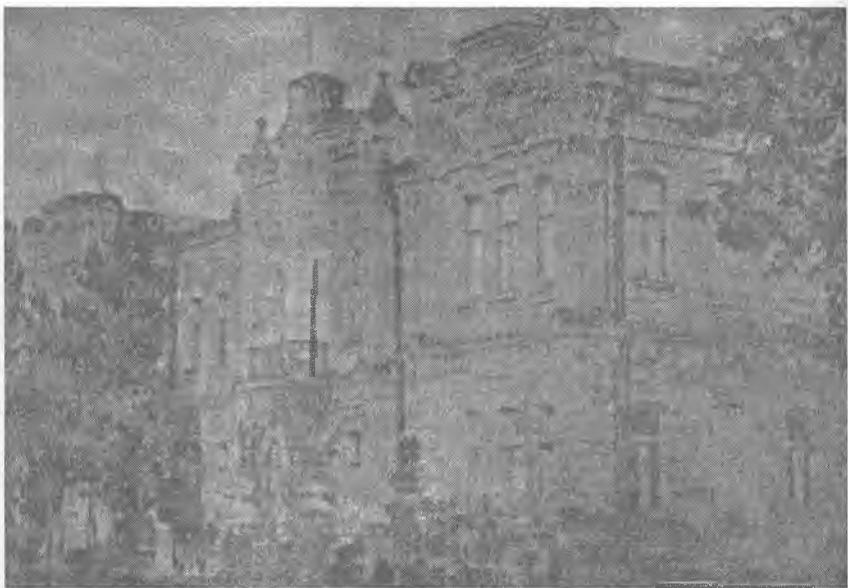
То же здание в 1980 г.

Гостиница «Франция». Пр. Революции. 1895 г.

Гостиница Астория. Ул. им. А. Шерипова – Партизанская.
Построена в 1905 г.

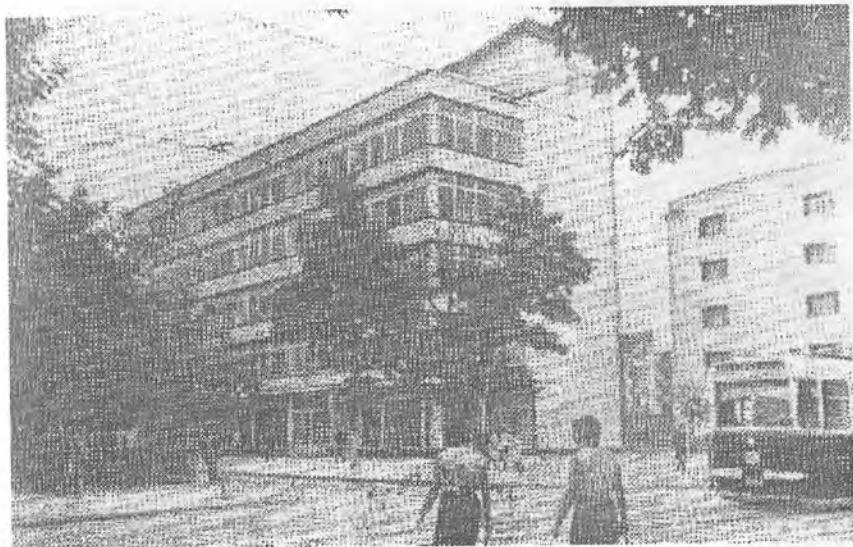
Пушкинское училище. 1985 г. С 1930 СШ № 13.

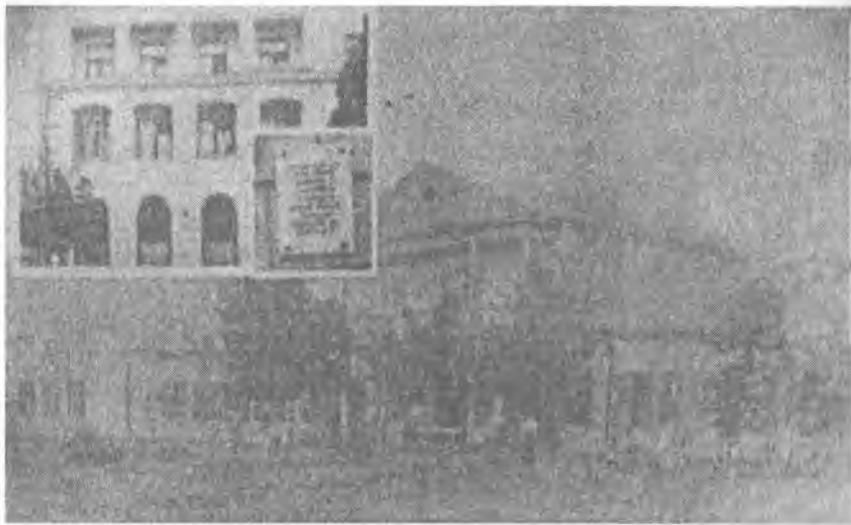
Ул. Мира (Тенгинская). Слева – самый большой дом города с гостиницей «Грознефть». За ним – главпочтамт и стадион «Динамо». 1935 г.

Дом казака Шерстобитова. 1918 г.

Дом «Моды», построенный после его сноса в 1972 г.

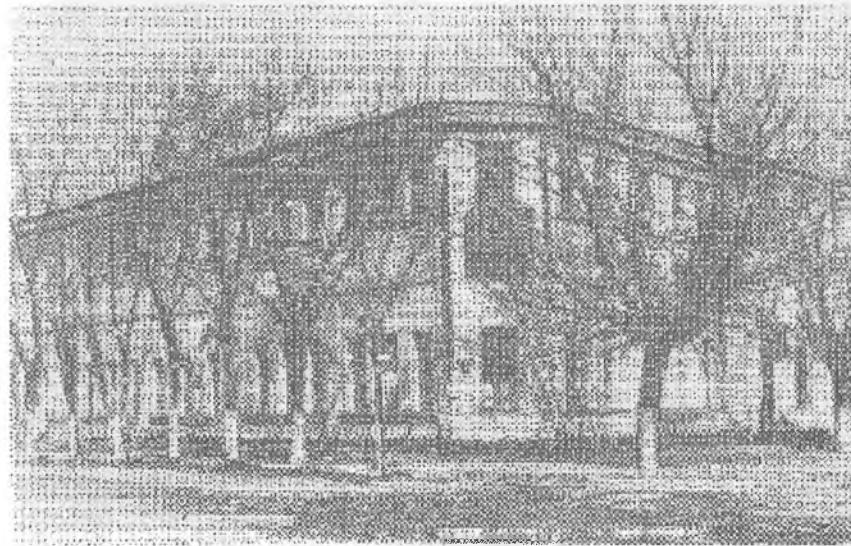
Дом князя А.И. Барятинского. 1850 г. Вверху фрагмент дома, построенного на этом месте. 1980 г.

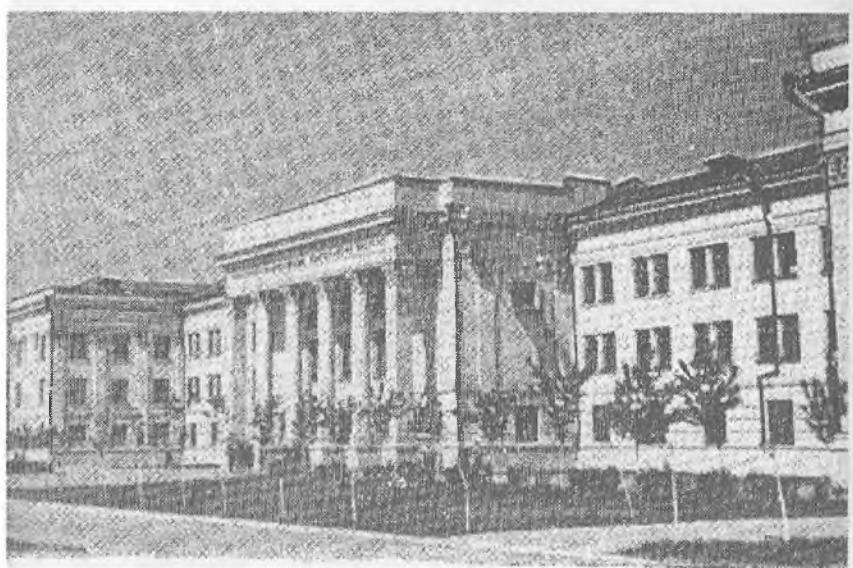
Гостиница «Гранд-Отель». 1900 г. На его месте было построено здание Совета министров ЧИАССР. 1950 г.

Дом Абубакара Мирзоева. 1910 г. Пр. В.И. Ленина. Первый «небоскреб» г. Грозный.

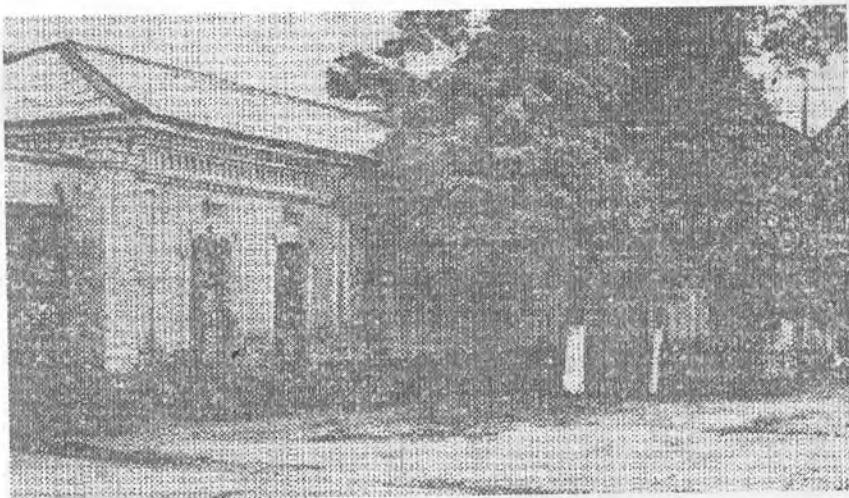
Гостиница «Европа». 1905 г. В 1918 – Штаб обороны города.
Начало ул.Московская у р. Сунжа.

Здание Чеченского госуниверситета. 1950 г. Построен на месте Дровянной площади. С 1920 – пл. Борьбы.

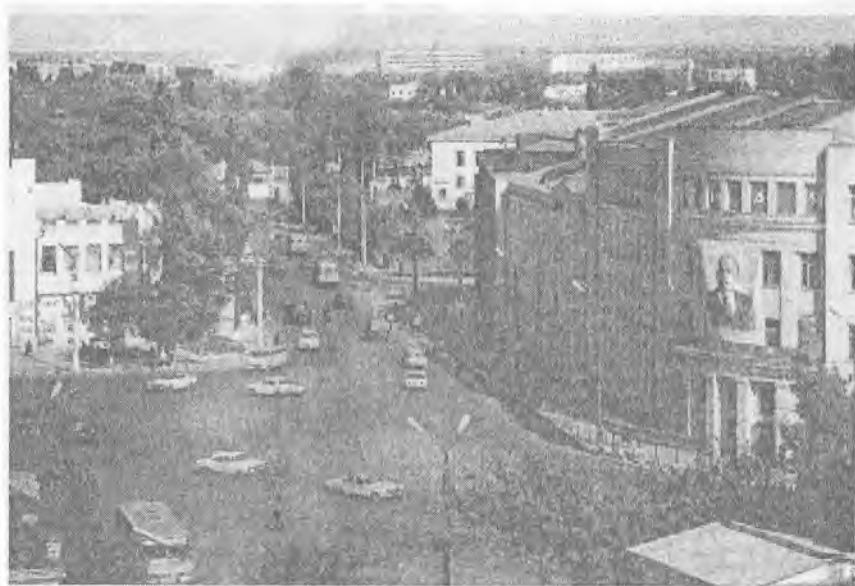
Пл. «Минутка». 1920 г.

Здание городского суда. 1905 г. Ул. Ильиновская. Сейчас нет ни улицы, ни дома.

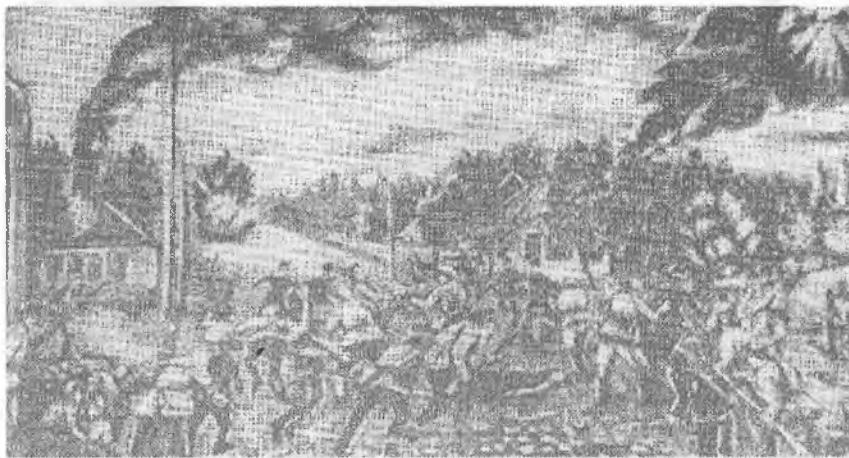
Первый четырехэтажный дом г. Грозный.

Пл. им. Г.К. Орджоникидзе. Справа – здание нефтяного института, слева – кинотеатр «Челюскинцев», начало ул. А.П. Чхова.

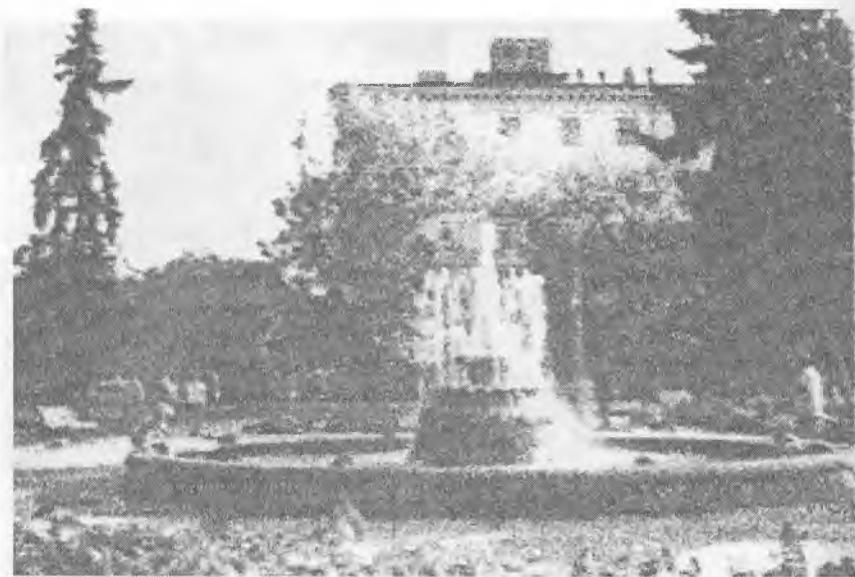
Так называемый дом Л. Нахимова. Ул. Красных Фронтовиков. С 1930 г. Областной Совет

Бой на ул. Границная. 1918 г.

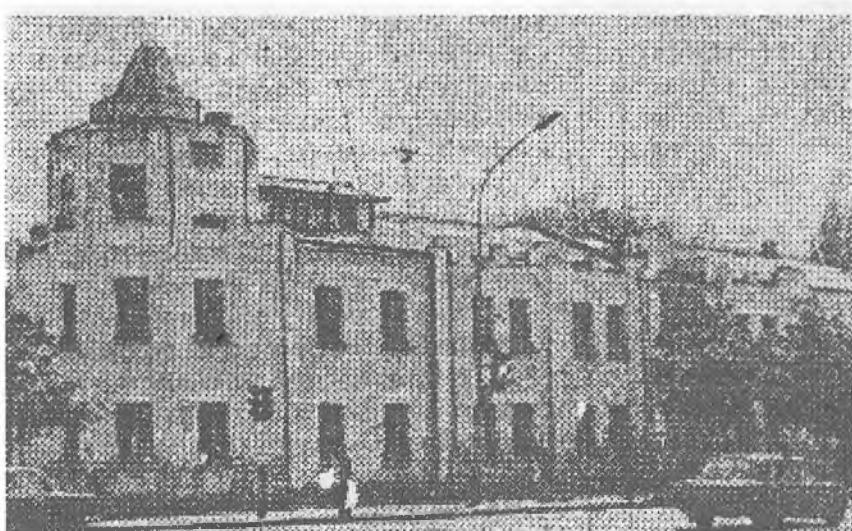
Ассиновский бой. Смерть Павла Мусорова (на переднем плане). 1919 г.

Комсомольский сквер. Фонтан «Золотые рыбки».

Заурбек Шерипов (братья А. Шерипова). В 1926–1929 гг.
директор Областного музея краеведения.

Дом, построенный для работников Чечоблисполкома. 1928 г.

Пр. Победы. Слева на переднем плане здание Совмина, за ним – гостиница «Кавказ».

Первое здание библиотеки А.П. Чехова. 1904 г.

Новое здание библиотеки А.П. Чехова. 1980 г.

Часть II

ГЕРОИ ТВОИ, ЧЕЧНЯ

ШАГНУВШАЯ В БЕССМЕРТИЕ!

Из семьи Арсановых из с. Старые-Атаги вышли два человека, оставившие яркий след в истории чеченского народа: писатель, автор известного романа «Когда познается дружба» Саид-бей и юная героиня памятных Стодневных боев в г. Грозный в 1918 году – медсестра Фатима. Когда она погибла на поле сражения, ей было всего двадцать лет.

Кто же была она, Фатима Арсанова? Нам кажется, молодому поколению небезынтересно будет узнать о ней, своей сверстнице, шагнувшей в бессмертие в одном из боев за г. Грозный, сражаясь, как истинный солдат. Строки из стихотворения знаменитого чеченского поэта М. Мамакаева напоминают о ней:

Да, в мире есть и бронза, и гранит,
Бессмертны в них герои боевые.
Но память лишь навеки сохранит
И повторит их голоса живые!

...Владикавказ конца XIX века. Красивый, ухоженный центр, грязные рабочие окраины. Здесь после многочисленных мятарств поселился молодой чеченец Арсанбек, уроженец с. Старые-Атаги. Тяжелой и трудной была судьба его, в молодости славившегося непомерной физической силой и храбростью: на охоте он не раз выходил с одним кинжалом на медведя, а однажды умудрился даже голыми руками победить матерую волчицу. Но случилось так, что он, пожалев старого многодетного односельчанина, взял на себя убийство человека и сполна испытал трагические последствия этого шага: неотступное пре-

следование кровников. В конце концов, Арсанбеку с молодой женой и ребенком на руках пришлось покинуть Чечню. Пробираясь в Ингушетию, у одной из казачьих станиц они попали в руки казаков. Приняв их за ингушей, с которыми у казаков происходили кровавые столкновения, Арсановых жестоко избили и полуживых доставили в станичную гаултвахту, а оттуда – прямиком во Владикавказскую тюрьму. Арсанбек, не зная русского языка, не мог объяснить, кто они. Их в скорости осудили, и совершенно безвинные, они провели в тюрьме около десяти лет. Так что будущий писатель Сайд-бей попал за решетку еще грудным ребенком, почти все детство провел в застенках: продолжала действовать теория генерала-палача Ермолова, сформулированная в самом начале XIX века, что каждый чеченец, независимо от возраста, – враг государства российского.

В тюрьме Арсанбек познакомился с революционерами, про никся их идеями борьбы за свободу обездоленных. По выходе на волю с помощью новых друзей он устроился работать на чугунолитейный завод и поселился на рабочей окраине Владикавказа. Здесь в 1898 году и родилась Фатима. С детства узнала она разящие контрасты сырой и роскошной жизни богатых и беспросветного нищенского существования бедноты. Втянувшегося в революционную борьбу Арсанбека часто арестовывали. После одного из очередных арестов он вернулся домой, когда Фатиме исполнилось уже десять лет. Но вскоре снова был арестован на глазах у дочери. «Много ночей не спала после этого Фатима, – пишет историк А. Кучин в книге очерков «Женщины в Гражданской войне». – Ей все казалось, что на нее все смотрят, поглаживая кудрявую головку, бледный, исхудавший отец. Больше она никогда не видела его и не узнала, какая его постигла участь. Если с отцом семья как-то сводила концы с концами, то без него жизнь стала неописуемо трудной».

Взрослея, Фатима стала переходить от внутренних протестов против жестокости властей, убивших ее отца, к сознанию необходимости борьбы с существующим строем. На этот путь

она стала с помощью брата, продолжившего дело отца. Саид-бей к тому времени окончил четырехклассное Владикавказское и Одесское электротехническое училища. Будучи студентом Петербургского политехнического института он был арестован за политическую деятельность, сослан в глухую Вятскую губернию, откуда бежал за границу и до самой февральской революции 1917 года работал на машиностроительных заводах Германии.

Грянула Октябрьская революция, разразилась Гражданская война. Фатима, в эти годы окончившая курсы медсестер, – в гуще исторических событий. Доверие к ней было столь высоко, что большевики Владикавказа именно ее послали через охваченные непримиримой войной казачьи станицы и чеченские, ингушские села с секретным пакетом в Грозный. И она прошла все опасности, с честью выполнила задание и вернулась во Владикавказ.

Когда начались знаменитые Стодневные бои против белоказачьих банд в г. Грозный, Фатима вместе с несколькими медсестрами-добровольцами отправляется в сражающийся город на подводе через охваченные войной станицы и села. На следующий же день по приезду, не отдохнув после многодневного, трудного и смертельно опасного пути, она приступила к работе. И стремилась всегда попасть на самые опасные участки передовой.

Участник Стодневных боев Афанасий Кучин вспоминал об этом впоследствии так: «Фатимат Арсанова появилась на позициях в белой косынке, в солдатских штанах, с винтовкой и санитарной сумкой. Черные глаза ее горели ненавистью к белым – к тем, кто сгноил в суровой Сибири на каторге ее отца-рабочего. Велика была ее ненависть к тем, кто погубил ее отца, кто избил ее старуху-мать, к тем, следы чьих плетей она носила на спине...» (Кучин А. Их имена бессмертны. В книге «Стодневные бои в Грозном». Грозный, 1959. С. 59.)

С первых же дней она прославилась своей отвагой, находчивостью и неутомимостью. Не однажды этой красивой, строй-

ной, черноволосой и чернобровой девушке приходилось брать в руки оружие и, заменяя раненых или убитых бойцов, разить врага. Вот как писал о ней в своем «Донесении Чрезвычайному комиссару Юга России С. Орджоникидзе» командующий грозненской Красной Армией Н. Гикало: «Считаю также нужным донести до Вашего сведения о беззаветной храбости девушки-чеченки Фатимы Арсановой. Упомянутая товарищ Арсанова, являясь сестрой милосердия, не только отважно выносит и выводит раненых с поля боя, но также при случае принимает личное участие в боях – ведет по противнику огонь из винтовки». (Лукин М.Т. Грозненский фронт. Грозный, 1983. С. 228).

Фатима была не только отличной сестрой милосердия, отважным бойцом, но и прекрасным дипломатом. В трудную и решительную минуту она всегда находила самое верное решение, самые нужные слова убеждения для достижения мира и согласия. Как, например, в эпизоде Стодневных боев, о котором вспоминал красный партизан А. Кучин. Он писал о решительности и мудрости юного дипломата:

«...Однажды, пользуясь коротким затишьем на фронте, Фатимат зашла в казарму. Прибыло подкрепление из двух селений – Гойт и Алхан-Юрта. Фатимат услышала гневные голоса, чью-то брань на чеченском языке. Оказалось, что два кровника, долгое время выслеживающие друг друга, неожиданно встретились на позициях. Фатимат подошла и, обращаясь к одному из них, заговорила на родном языке:

– Зачем вы пришли сюда?

– Воевать с офицерами, – ответил он.

– А разве один из вас офицер, что вы затеяли войну между собой? Вы пришли сюда помочь трудающимся, а не сводить личные счеты.

Другой горец, из Гойт, ответил презрительно:

– Давно ли ты надела брюки, чтобы стать судьей между мужчинами?

— Я надела брюки тогда, когда стала бойцом. Вам не место здесь. Если вы не хотите дружно защищать свободу, то вступайте в ущелья, куда вас загнал русский царь. Вспаривайте животы друг другу, но помните: революция этого терпеть не будет. Ступайте, не позорьте наш народ.

— Плотным кольцом окружили бойцы враждующих.

— Я никуда не пойду, — сказал гойтинец.

— Я тоже, — отозвался другой кровник.

В казарме стояла тишина.

Бойцы начали уговаривать кровников. Первым сдался алхан-юртовец:

— Магомед, — сказал он, — забудем старую вражду, хотя бы ради революции и ради нашего боевого товарища.

Гойтинец с прояснившимся лицом протянул руку бывшему своему кровному врагу... (Кучин А. Указ. соч. С. 59–60)

На боевых позициях Фатима появлялась иногда в темном мужском костюме с санитарной сумкой. «Красивая сестричка!» — восхищались ею все. Много раненых перевязала, вынесла с поля боя, вылечила, вырвала она из костлявых рук смерти. Много было в ее короткой жизни отчаянных минут, таких, как в бою за гостиницу «Север» на железнодорожном вокзале (здание сохранилось до сих пор), когда после отступления красных и гибели всех товарищей Фатима одна билась с окружившими ее белоказаками. Спасло ее тогда от гибели чудо: увидев отсутствие среди группы товарищей Фатимы и, поняв, что она обречена на гибель, отступившие красноармейцы снова бросились в атаку и отбили у врага гостиницу.

Но однажды не спасли-таки ее ни чудо, ни везение. Ее последний бой описан в книге очерков учесного-историка М. Музасева «В памяти народной»: «Фатима в пылу боя (за грозненский вокзал) вдруг заметила толстый темный провод, тянувшийся из-под шпал и присыпанный песком. Она указала на него бойцам, которые, перерезав его, вытащили мину. Фатима бросилась по следу шнура и подошла к маленькому обгоревшему

домику. Услышала приглушенные голоса. Завернув за угол, уви-
дела двух офицеров около непонятного механизма. Они ожи-
дала бронепоезда красных, чтобы взорвать его. Девушка вски-
нула винтовку, и один из белоказаков упал, покрыв телом
механизм. Другой успел убежать.

Красные части продвигались вперед. Белоказаки подожгли
резервуары с нефтью и керосином. Оказав помочь нескольким
раненым, Фатима вернулась в цепь наступающих, разворачи-
вающихся для последней атаки. Рванулась со всеми вперед,
ожваченная всеобщим порывом. Внезапно боец, бежавший ря-
дом, упал. Фатима бросилась к нему, но чудовищный толчок
рванул вдруг землю из-под ее ног. «Сестричку убили, Фатиму уби-
ли!» – разнеслось мигом по цепи бойцов. И рванулись они в ярос-
ти, и смяли белоказаков – не было сил удержать их!»

«Подбирая раненых, вместе с санитарами шли два чеченца –
недавних кровника, – вспоминал позже А. Кучин. – Они первые
увидели белую, зацепившуюся за сухой бурьян косынку, которую
колыхал ветер.

Когда санитары укладывали мертвое тело Фатимы на окро-
вавленные носилки, чеченцы угрюмо переглянулись:

– Это наша чеченка, – проговорил гойтинец.

– Она умерла за свободу. Она герой, – сказал алхан-юрто-
вец. И оба, не сговариваясь, бросились к водокачке, откуда раз-
давались последние выстрелы белогвардейцев». (Кучин А. Указ
соч. С. 61)

Так закончилась короткая жизнь бесстрашной медсестры,
юной героини-чеченки Фатимы Арсановой, и началось ее бес-
смертие в памяти народной, продолженное в годы русско-че-
ченской войны 1994–1996 гг. другой медсестрой – чеченкой
Мадиной Ельмурзаевой, также погибшей при оказании помо-
щи павшему на поле боя.

И, обращаясь к молодому поколению, сверстникам Фатимы
Арсановой, которые, к сожалению, в подавляющем большин-
стве своем и не слышали и не знают о ней, хочется сказать слова-
ми известного чеченского писателя М. Мамакаева:

И мысли человеческий полет,
И честь Чечни, что вечно торжествуя,
От дедов к правнукам передает
И силу их, и душу их живую.
Пусть смерть большую жатву собрала,
Но жизни всемогущество измерьте:
Живет народ, живут его дела,
А с ним и юность, что ушла в бессмертье!

Такой была она, Фатима Арсанова, бесстрашная дочь чеченского народа, честь и совесть его!

...КАК ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА, ИЛИ ЧЕТВЕРТОЕ РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Об Асланбеке Шерипове – герое гражданской войны 1918–1919-х годов, полководце, ораторе, политическом и государственном деятеле и исследователе народной мудрости, о создателе и первом командующем первой Чеченской Красной Армии, павшем в бою, как и положено настоящему воину, – написано и говорено столько, что и не счесть. И это естественно: ведь еще при жизни он стал легендарной личностью.

Трагически сложилась его короткая и яркая, как молния, жизнь. О необычности его судьбы и обреченности стать бессмертным говорит хотя бы то, что погибал он четыре раза, но снова и снова восставал из небытия и забвения, как мифическая птица Феникс.

Явился в этот мир и покинул его Асланбек Шерипов в одном и том же месяце: 18 сентября 1897 года он родился, а 11 сентября 1919 года погиб, ровно неделю не дожив до своего двадцатидвухлетия.

О дне рождения будущего героя в документальной повести Н. Шипулина «Юность боевая» читаем:

«Из Сержень-Юрта в Шали, припав к холке коня, несся всадник. Гонец вез радостную весть офицеру Шерипову: жена Арубика родила ему сына. Есть теперь у Джемалдина еще один наследник. В горах вырастет еще один джигит. Известие обрадовало Джемалдина, гостившего у Шалинского старшины. Он тепло обнял гонца, дал ему горсть серебряных монет и заспешил домой взглянуть на наследника».

Мальчик рос смышленым, рано научился читать и писать по-русски. В 1909 году Асланбек был определен в Полтавский кадетский корпус, где готовили детей офицеров для поступления в офицерские школы.

Началась Первая мировая война, в г. Полтаве резко ухудшилось отношение к инородцам. И по просьбе сына отец перевел

его в 1915 году в пятый класс Грозненского реального училища, которое Асланбек окончил в июле 1917 года. Свершилась Февральская буржуазно-демократическая революция, в стране (в том числе и Чечне) царили анархия и хаос, вспыхивали кровопролитные межнациональные стычки. Дело шло к Октябрьской социалистической революции.

В Грозном снова резко активизировались националистические вылазки, которые начались еще сразу же после Февральской буржуазно-демократической революции (9 февраль 1917 года). Бывший одноклассник А. Шерипова по Реальному училищу, ставший впоследствии одним из лучших языковедов Чечни, Ахмад Мацаев так вспоминал об этом:

«В начале Февральной революции учащиеся Реального училища собирались по национальным признакам и устраивали летучие митинги. В классах вывешивались лозунги: «Армения для армян!», «Чечня для чеченцев!», «Грузия для грузин!» и так далее. И вот однажды к нам в класс пришел Асланбек и заявил: «До тех пор, пока мы будем кричать «Армения для армян!», «Чечня для чеченцев!», у нас не будет ни Армении, ни Чечни. Задача состоит в том, чтобы вместе всем идти рука об руку!»

Уже тогда он оказался мудрее и прозорливее нас, потому что убедил всех, что только вместе мы добудем свободу и для чеченцев, и для армян, и для грузин – для всех народов Кавказа». (Грозный. Сб. популярных очерков. Составитель Казаков А.И. Грозный, 1984. С. 66)

Конечно же, Асланбек не мог остаться в стороне от этих бурных событий. После окончания училища он сразу же включился в общественно-политическую деятельность. Не зная отдыха и усталости, разъезжал он по селам, аулам, хуторам Чечни, разъясняя горцам суть и смысл новой власти, цели и задачи революции, которые вначале были, в общем-то, привлекательными для трудового народа.

И не было предела мужеству и вере не по годам мудрого, убедительного и целеустремленного Асланбека Шерипова. Об этом говорит и то, что он был единственным чеченским деле-

гатом Первой сессии Терского народного съезда, состоявшейся в Пятигорске в 1918 году.

«Горские и казачьи контрреволюционные верхи предприняли все, чтобы не допустить на сессию делегатов Чечни. Находившийся в то время в Чечне будущий самозваный имам Узун-Хаджи даже грозил отрубить голову Асланбеку Шерипову, если он осмелится поехать на большевистский съезд. Но для Асланбека не существовало никаких преград. С огромным риском для жизни он сквозь казачьи окопы пробрался через ингушские селения в г. Беслан и 23 февраля 1918 года прибыл в г. Пятигорск», — пишет известный чеченский историк М. Музаев. Таким отчаянным и упрямым Асланбек Шерипов оставался всю свою жизнь. И с этого дня он принимал участие во всех сессиях Терского народного съезда, по несколько раз выступая на каждом из них.

В 1918 году Асланбек Шерипов создал первую Чеченскую Красную Армию и стал ее командующим. Много ратных подвигов было на счету отважных конников. Когда начались в г. Грозный знаменитые Стодневные бои с белоказаками Г. Бичерахова и возникла опасность окружения города, Чеченская Красная Армия первая пришла на помощь защитникам его и, заняв линию обороны от кирпичных заводов на берегу реки Сунжа (район нынешнего моста на ул. им. Жуковского. А.К.) до Ханкальского ущелья, не дала сомкнуться гибельному кольцу вокруг Грозного, обеспечила коридор, по которому рабочие отряды беспрерывно снабжались всем необходимым: оружием, боеприпасами и продовольствием. Об этом комиссар военного отдела Совдепа Грозного И. Сафонов писал чрезвычайному комиссару Юга России С. Орджоникидзе: «На помощь защитникам города пришла Чеченская Красная Армия под командованием Асланбека Шерипова. Она рассредоточилась в районе городских садов (ныне район пос. им. Калинина. А.К.) и несколько южнее, прикрывая собой расстояние незамкнутого белоказаками кольца. Пополнение данной армии и защитников города

продолжается за счет аульной бедноты». (Лукин М.Т. «Грозненский фронт». Исторический роман. Грозный, 1983. С. 228)

В городских боях конница А. Шерипова появляется то тут, то там в самую критическую минуту и спасает положение. Вот как описывает одну из ее атак М. Лукин в романе «Грозненский фронт»: «Нет покоя красным бойцам, обороныющим Грозный. Тяжело им. Атака следует за атакой. Особенно тяжелым был бой на Граничной улице, положение критическое. Но вдруг в разгаре схватки – дробь копыт и «вур-р-а!». Всадник в каракулевой папахе и белой рубахе с пятном пота на спине птицей листит впереди. Не отстают от него конники в лохматых папахах.

– Конница Асланбека! – передается по рядам красных. Шерипов догоняет бичераховцев, поддавшись вперед, крестит направо-налево: рубит, рубит, рубит. Свистят клинки. Вскрикивают умирающие. Ржут, храпят кони. Несутся, как перекличка, боевые возгласы: «Гей-гей, нохчий!», «Маржа дутье!», «Хайт, хайт-вайт!». Вовремя подоспел Асланбек. Дал вздохнуть смертельно уставшим красным бойцам. Стоят насмерть, крепятся, не сдаются, сдерживают врага герои на Граничной улице...» (Лукин М.Т. Указ соч. С. 238)

Участвовала Чеченская Красная Армия и в последних решающих боях за г. Грозный в ноябре 1918 года. Город был освобожден полностью, а бичераховцы были отброшены за Терек.

Но недолго длилась радость победы. Уже в январе 1919 года в Чечню вошла деникинская армада, очень скоро «прославившаяся» своей жестокостью. Красным пришлось оставить город, и Асланбек Шерипов, не зная ни сна, ни отдыха, размещал красноармейцев по селам и аулам Чечни. Уже в конце года в Шатое собралась сильная, хорошо вооруженная грозненская группа терских повстанческих войск под командованием Н. Гикало и начались бои за освобождение Чечни от деникинских оккупантов. В одном из них у бывшей крепости Воздвиженской (недалеко от с. Старые-Атаги. А.К.) и погиб славный сын чеченского народа Асланбек Шерипов. Об этом его последнем

бое так писал М. Мамакаев в своем романе «Мюрид революции»: «Перестроившись и получив подкрепление, деникинцы снова шаг за шагом стали приближаться к окопам красных. Положение партизан становилось отчаянным: патроны были на исходе. Вдруг заклубилась пыль на дороге. Это мчались всадники Шерипова с обнаженными клинками. На ветру, словно крылья, разевались полы их черкесок и разноцветные башлыки. Вся степь оглохла от протяженного и неистового «вур-р-а!». От неожиданности белогвардейцы повернули назад, оставляя на поле раненых.

И тут вперед вырвался всадник в серой папахе на горячем коне. Размахивая в воздухе высоко поднятым над головою мазулером, он опередил знаменосца. «Асланбек! Асланбек!» – закричали горцы. Стремительно мчавшийся конь Шерипова внезапно вздыбился, преграждая путь отступающим белогвардейцам…

– Солдаты! – крикнул юноша, во весь рост, поднимаясь на стременах. – Сдавайтесь, и вы будете свободны! Я – Асланбек! – и вдруг резко смолк, сраженный выстрелом из зарослей кукурузы…

С этого рокового дня остался жить Асланбек Шерипов в памяти народной как национальный герой – в стихах и песнях, романах и картинах, фильмах и воспоминаниях… И была это не первая смерть его – человека, шагнувшего из юности прямо в бессмертие.

Во второй раз Асланбек Шерипов стал медленно «умирать» в конце тридцатых – середине сороковых годов XX века. Имя его стали все реже произносить, все меньше о нем стали писать. Это случилось, когда безвинно был репрессирован брат героя Заурбек – красный партизан из отряда Н. Гикало, стойкий революционер, один из участников освобождения г. Грозный и Чечни от белогвардейцев в марте 1920 года, директор чеченского краеведческого музея в 1926–1929 годах.

Еще быстрее стала гаснуть слава Асланбека после того, как в 1942 году в горах Шатоя, где он жил, другой его брат – Майрбек –

поднял восстание против произвола, чинимого Советской властью над горцами. При этом Майрбек любил, говорят, повторять: «Мой брат погиб, устанавливая Советскую власть, я же погибну в борьбе с ней». И уж окончательно Асланбек был «убит», когда, обвиненный во всех смертных грехах и преступлениях, весь чеченский народ был 23 февраля 1944 года депортирован в морозные степи Казахстана и Киргизии.

На целые 13 лет вместе со всем народом имя А. Шерипова было предано забвению. Но справедливость, благодаря Все-вышнему, все же восторжествовала: вайнахов реабилитировали, народ снова обрел историческую родину, и Асланбек Шерипов снова занял свой заслуженный пьедестал славы, почтания и поклонения. Это и стало вторым рождением героя из небытия.

И совсем удивительны третья «смерть» и третье «рождение» героя. Случилось это так. Помню самый конец семидесятых годов XX века, когда 60 лет спустя после гибели А. Шерипова, наконец-то было решено установить в г. Грозный памятник герою. Был объявлен Всесоюзный конкурс на лучший проект памятника (до этого был установлен А. Шерипову лишь небольшой бюст на центральной площади с. Шатой. А.К.). Помню, как десятки проектов, присланных на конкурс из разных уголков Советского Союза, были выставлены для всенародного просмотра и оценки в залах Дома народного творчества. Помню, как много народа бывало там ежедневно, как посетители придиричivo оценивали каждую композицию. Лучшей была признана прекрасная скульптура грозненского монументалиста И. Софонова. Асланбек предстал как живой – яростный, уверенный в правоте своего дела, на вздыбленном коне, с поднятой рукой... Всех пленил этот проект своей динамикой и экспрессией. Эскиз был отлит позже из бронзы почти в натуральную величину и снова выставлен в Доме народного творчества. Но до воплощения его в жизнь так дело и не дошло: в те годы была сделана идеологическая установка на нивелирование от-

личительных особенностей народов СССР, переписывалась их история. Дело велось к тому, чтобы как можно скорее явить миру безликую массу под названием «советский народ». Памятники национальным героям не вписывались в эту доктрину. Видимо, поэтому о выставке проектов памятника А. Шерипову даже не упоминается в хронике культурной жизни республики «Культурное строительство Чечено-Ингушетии (июнь 1941–1980 гг.)». Почти четверть векаостояла скульптура И. Софонова во дворе краеведческого музея под открытым небом, пока не наступили смутные времена 90-х годов прошлого века. После первой чеченской войны (1994–1996 гг.) бронзовый Асланбек был похищен макуртами из чеченцев, продан за бесценок скупщикам цветного металла. Работники Национального музея установили, было, даже местонахождение его, встречались со скупщиком, который вроде и согласился вернуть скульптуру, но началась еще более жестокая и бесчеловечная вторая чеченская война, и памятник пропал навсегда. Асланбек Шерипов «погиб» в третий раз – уже от рук своих же чеченцев.

Правда, и он возродился снова, но уже в скульптурной композиции: 31 апреля 1973 года, как сказано в хронике «Культурное строительство в Чечено-Ингушетии», «в городе Грозный состоялось торжественное открытие памятника героям гражданской войны Николаю Гикало, Асланбеку Шерипову и Гапуру Ахриеву (скульптор – И. Бекичев, архитектор – З. Беркович)». Открыли его на площади Дружбы народов, откуда начинается проспект Победы. Я помню эти торжества, помню восхищение и гордость людей за своих великих сыновей. Площадь была любимейшим местом горожан и гостей Грозного, на ней всегда было многолюдно, а на постаменте памятника всегда лежали живые цветы...

И опять все изменилось в 90-х XX в. И стоял памятник заброшенный, забытый, щедро награжденный оскорбительными прозвищами теми, кому была безразлична история Чечни и чеченского народа, – новоиспечеными макуртами, для кото-

рых он ничего не значил. Стоял до второй чеченской весенней кампании, то ли в результате обстрела, то ли просто недоумками от нечего делать (рядом был сооружен огромный городок – блокпост) были снесены головы героям, а гранитные плиты с надписями – разбиты. И стояли обезглавленные герои, на которых «федералы» марали свои художества. Болью и горечью отзывалось все это в сердцах граждан Чечни...

Так, в четвертый раз был казнен великий сын чеченского народа Асланбек Шерипов. Но справедливость снова восторжествовала: благодарные потомки вновь вернули героя к жизни. Асланбек снова воспрял, снова радует и восхищает всех его гордый облик.

Не дадим же ему погибнуть в пятый раз – уже в памяти народной. Эта опасность существует. Вспоминается диалог, который как-то состоялся у меня с главным редактором одной из республиканских газет:

– Скоро стопятилетие со дня рождения Асланбека Шерипова. Я написал очерк о нем, занесу его вам... – предложил я.

– Да стоит ли? – пренебрежительно ответил он и многозначительно усмехнулся...

Думаю, что стоит: имя Асланбека Шерипова из истории чеченского народа, как слово из песни, не выкинешь. Он и есть одна из лучших песен народа. Недаром ведь народный писатель Чечено-Ингушетии Абузар Айдамиров на вопрос, кого он может назвать самым выдающимся чеченцем XX века, ответил, не раздумывая: «Асланбека Шерипова».

И действительно, выдающихся людей у нас много, но Асланбек Шерипов – один!..

личительных особенностей народов СССР, переписывалась их история. Дело велось к тому, чтобы как можно скорее явить миру безликую массу под названием «советский народ». Памятники национальным героям не вписывались в эту доктрину. Видимо, поэтому о выставке проектов памятника А. Шерипову даже не упоминается в хронике культурной жизни республики «Культурное строительство Чечено-Ингушетии (июнь 1941–1980 гг.)». Почти четверть века простояла скульптура И. Софронова во дворе краеведческого музея под открытым небом, пока не наступили смутные времена 90-х годов прошлого века. После первой чеченской войны (1994–1996 гг.) бронзовый Асланбек был похищен манкуортами из чеченцев, продан за бесценок скупщикам цветного металла. Работники Национального музея установили, было, даже местонахождение его, встречались со скупщиком, который вроде и согласился вернуть скульптуру, но началась еще более жестокая и бесчеловечная вторая чеченская война, и памятник пропал навсегда. Асланбек Шерипов «погиб» в третий раз – уже от рук своих же чеченцев.

Правда, и он возродился снова, но уже в скульптурной композиции: 31 апреля 1973 года, как сказано в хронике «Культурное строительство в Чечено-Ингушетии», «в городе Грозный состоялось торжественное открытие памятника героям гражданской войны Николаю Гикало, Асланбеку Шерипову и Гапуру Ахриеву (скульптор – И. Бекичев, архитектор – З. Беркович)». Открыли его на площади Дружбы народов, откуда начинается проспект Победы. Я помню эти торжества, помню восхищение и гордость людей за своих великих сыновей. Площадь была любимейшим местом горожан и гостей Грозного, на ней всегда было многолюдно, а на постаменте памятника всегда лежали живые цветы...

И опять все изменилось в 90-х XX в. И стоял памятник заброшенный, забытый, щедро награжденный оскорбительными прозвищами теми, кому была безразлична история Чечни и чеченского народа, – новоиспечеными манкуортами, для кото-

рых он ничего не значил. Стоял до второй чеченской военной кампании, то ли в результате обстрела, то ли просто недоумками от нечего делать (рядом был сооружен огромный городок – блокпост) были снесены головы героям, а гранитные плиты с надписями – разбиты. И стояли обезглавленные герои, на которых «федералы» марали свои художества. Болью и горечью отзывалось все это в сердцах граждан Чечни...

Так, в четвертый раз был казнен великий сын чеченского народа Асланбек Шерипов. Но справедливость снова восторжествовала: благодарные потомки вновь вернули героя к жизни. Асланбек снова воспрял, снова радует и восхищает всех его гордый облик.

Не дадим же ему погибнуть в пятый раз – уже в памяти народной. Эта опасность существует. Вспоминается диалог, который как-то состоялся у меня с главным редактором одной из республиканских газет:

– Скоро стопятилетие со дня рождения Асланбека Шерипова. Я написал очерк о нем, занесу его вам... – предложил я.

– Да стоит ли? – пренебрежительно ответил он и многозначительно усмехнулся...

Думаю, что стоит: имя Асланбека Шерипова из истории чеченского народа, как слово из песни, не выкинешь. Он и есть одна из лучших песен народа. Недаром ведь народный писатель Чечено-Ингушетии Абузар Айдамиров на вопрос, кого он может назвать самым выдающимся чеченцем XX века, ответил, не раздумывая: «Асланбека Шерипова».

И действительно, выдающихся людей у нас много, но Асланбек Шерипов – один!..

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

В апреле 1943 года Ханпаше Нурадилову – первому из чеченцев – было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Ратный путь его продолжался недолго – всего десять месяцев, но за это короткое время он успел совершить столько подвигов, что иному хватило бы на две-три жизни и войны. В боях воин проявлял такую смелость и отвагу, смекалку и находчивость, выдержку и хладнокровие, что он уже при жизни стал легендой.

О нем слагали стихи и рассказы, писали очерки и листовки, пели песни и оды на всех фронтах Великой Отечественной войны и во всех уголках необъятного Советского Союза. И во всех в них лейтмотивом звучали гордые слова-призывы: «Быть отважным, как Ханпаша!», «Бить врага умело, как Ханпаша!», «Защищать Родину, как Ханпаша!» Это о нем писалось в специальной листовке Политического управления Донского фронта, посвященной легендарному пулеметчику: «Взгляни, боец, на богатырский образ героя, горного орла Ханпашу Нурадилова! Пусть ратные подвиги героя Кавказа, сына чеченского народа, станут для тебя и твоих товарищей примером доблести в бою!» (см. в кн. «Ханпаша Нурадилов». Документы, стихи, очерки. Грозный, 1965. С. 20)

О нем написано много: его подвиги и недолгий жизненный путь запечатлены в документах, книгах, которых о нем написано немало, в воспоминаниях его родственников, односельчан и боевых товарищей. Мы в своем очерке с благодарностью используем данные из них и цитаты, потому что, как говорится, о герое, сколько ни пиши, много не будет. Тем более, о таком, как Ханпаша Нурадилов.

Кем же и каким же был он, этот человек из легенды, еще при жизни овеянный славой? Человек, о котором в стихотворении «Солдатская честь», белорусский поэт Б. Палейчук писал (газета «Красная Армия», 21 октября 1942 г.):

И как мы о своей хатенке,
Что глядит на сосновый бор,
Думал он о родимой сакле,
О вершинах Кавказских гор.
Он любил свои темные горы
И старинные песни любил...
Он был воином, он был джигитом,
Настоящим солдатом был!

(Ханпаша Нурадилов... С. 59)

Человек, о котором украинский журналист и поэт Д. Павлычко писал в 1942 году: «Юноши Украины и Подмосковья будут мечтать вырасти такими, как Ханпаша. Девушки Белоруссии и Поволжья будут петь песни о герое. Счастливая судьба. Счастливая жизнь. Слава, поистине достойная героя. А все молодые люди нашей эпохи будут гордиться тем, что они из одного с ним поколения».

Газета «Известия» писала в октябре 1942 года: «Наш Ханпаша – орел. А орлу законом жизни положено быть выше других птиц в полете. Ни одна тачанка полка не была так заботливо пригнана, прилажена, смазана и быстра на ходу, как Нурадиловская. Пожары и смерть, кровь и ужасы воспламенили пылкие слова – он от природы немногословен, а делал все так, как делали герои-богатыри из героических песен родного народа».

Опоэтизовал строки одной из этих песен, окрыливших Ханпашу, уроженец г. Грозный, много лет проработавший директором Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея (1943–1958 гг.), позже ставший известным журналистом-корреспондентом знаменитой газеты «Известия» Николай Штанько (псевдоним – Н. Сергеев) в поэме «Солнце в крови», написанной еще в 1943 году, посвященной Х. Нурадилову и названной в прессе «наиболее удачной поэмой, в которой нарисован героический образ бессмертного сына Отчизны» (Газдиев А. Бессмертный сын Чечено-Ингушского народа. В кн. Н. Сергеева «Солнце в крови». Грозный, 1959).

«Еще не родился такой смельчак,
Чтоб землю стоптал на подошвах салог,
Чтоб небо, как бурку, носил на плечах,
Чтоб солнце папахой надвинул на лоб.
Еще не родился такой богатырь,
Чтоб бешеным ветром наполнил кудал,
Чтоб звезды с неба засунул в газырь,
Чтоб светлой луною коня подковал.

Еще не родился храбрец такой,
Чтоб горы уставил гробами,
Чтоб сдвинул Казбек дерзновенной рукой,
Чтоб сделал чеченцев рабами!» –

Так пел он и каждое слово – родное,
Светилось, как будто при солнце лоза:
«А если погибнуть, так на поле боя
И смерти смеяться в глаза!
На битву любимого благослови,
Что смертны герои, не верь!
Коль жаркое солнце клокочет в крови,
Бессильна холодная смерть!»

На этих песнях и воспитывался Ханпаша. Был же он простым деревенским парнем с трудным детством, полной труда и лишений юностью. Родился Х. Нурадилов в 1922 году (указанная в официальных изданиях дата – 1920 г. – неверна: по воспоминаниям односельчан и боевых товарищей, многих из которых я узнал лично, подтверждали, что в год героической гибели ему было не более 19–20 лет. А.К.) в небольшом горном ауле Гачалке на берегу реки Яман-Су в Новолакском районе Дагестана. Отец Ханпаши Нурадил и мать Гизару были людьми работящими и настойчивыми. Особенно известна и уважаема была Гизару – женщина твердого и отважного характера. Односельча-

не из уст в уста передавали рассказы о героизме ее, проявленном в борьбе с белогвардейцами и знаменитые слова, брошенные ею в лицо мужчинам, уходившим из села и предлагавшим Гизару идти с ними: «Только трус бежит от врага, бросая село, где жили и где похоронены его отцы и деды!»

В таком же духе растила она и своих сыновей – Хункарпашу, Мухтарпашу и Ханпашу, которые впоследствии все воевали с фашистами: работящими, храбрыми, настойчивыми. В школе Ханпаша учился прилежно, рос любознательным и упрямым. Но вскоре пришла беда: заболел, умер отец. Мать все заботы взяла на себя, но через год не стало и ее: сломал мужественную женщину непосильный труд. Сыновей Нурадила взяла на воспитание семья его двоюродного брата Бетарсолты и увезла в с. Минай-Тугай на берегу р. Яман-су в Хасав-Юртовском районе Дагестана. (С тех пор почему-то все историки и биографы Ханпаши считают, что он родился в этом селе, хотя мы видим, что это не так).

В Минай-Тугае Ханпаша продолжил учебу в школе и с успехом окончил семилетку. Дальше учиться, к сожалению, не получилось, и он стал помогать старшим братьям: они трудились на нефтекачке недалеко от Хасав-Юрта, а Ханпаша пас скот рядом. Занимался самообразованием: много читал, был понятливым и умным, все запоминал быстро. Когда в 1938 году старшего брата Хункарпашу призвали в Красную Армию, Ханпаша, уговорив родственника из сельсовета дать ему справку, что он на два года старше (1920 года рождения), поступает работать смазчиком нефтекачки «Грознефтекомбината». (С тех пор ошибочно этот год и считают датой его рождения). Там, в рабочей среде, в общении со старыми, опытными нефтяниками еще сильнее закалился непреклонный и упрямый характер юноши, который начал складываться еще в детстве...

Старейший чеченский писатель Х. Ошаев писал в очерке «Рыцарь Отчизны», посвященном герою: «Однажды – это было два года спустя после окончания школы – Ханпаше довелось

увидеть фильм «Чапаев». На мальчика картина произвела потрясающее впечатление. Смотрел он ее дважды. И, как позже говорил сам, в его судьбе фильм «Чапаев» сыграл переломную роль.

В 1940 году Х. Нурадилова призывают в Красную Армию. Его солдатская жизнь началась в 34-м полку 3-й Краснознаменной Бессарабской им. Г.И. Котовского¹ кавалерийской дивизии.

Был ездовым пулеметной тачанки, но всегда, с завистью глядя на пулеметчиков, страстно хотел научиться стрелять из пулемета. Об этом он и сказал однажды командиру полка П.П. Брикелю при очередном смотре пулеметных тачанок, где экипаж Ханпаши был признан лучшим. Бывший комиссар 3-й кавдивизии Д. Добрушин пишет в своей книге «От Волги до Эльбы» (г. Киев, 1984 г.):

«Оружием горца не удивишь. Но такой сложной машины паренек из горного села еще не знал. Ханпаша сделал свой выбор. Он стоял перед Брикелем смущенный и растерянный.

– Значит, пулеметчиком хочешь стать, Ханпаша? – спросил командир.

– Хочу! Хочу! Очень хочу, товарищ командир!

– А почему же ты хочешь стать именно пулеметчиком?

– Пулемет – самый главный тамада у всех ружей.

– Тамада, говоришь, – Брикель громко рассмеялся: его обезоружил этот бесхитростный паренек. – Сдаюсь. Иди, учись… Ну, что, дружок, быть тебе пулеметчиком. Да еще каким!». (С. 30–31)

И стал Ханпаша пулеметчиком. Да не простым, а легендарным! Первое боевое крещение Х. Нурадилов получил у с. Захаровка, что на Украине, 6 декабря 1941 года. Конникам 34-го полка

¹ Котовский Григорий Иванович – советский полководец, герой Гражданской войны. Борьбу с богатыми вел еще с 1902 года, сколотив отряд крестьян-бунтарей на Украине. (см. Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 771)

была поставлена задача: выбить немцев из села и наступать дальше. Завязалась ночная схватка, победа в которой досталась нелегко: треть эскадрона Ханпаша осталась лежать на поле боя. Но и фашисты не смогли вырваться из кольца: на их пути встал Ханпаша, разивший врага метким огнем и не покинувший поле брани даже после ранения. В официальном донесении помощника начальника штаба Донского фронта по комсомольской работе было сказано коротко: «В бою за село Захаровка X. Нурадилов уничтожил до 120 фашистов и привел в штаб семерых пленных».

Газета «Грозненский рабочий» писала об этом бое в феврале 1942 года: «И видел Ханпаша, как падают под огнем его пулемета враги, видел и торжествовал от счастья, не обращая внимания на рану. Вечером ему товарищи пожимали руки, а командир эскадрона сказал: «Ханпаша, на твой счет записано сегодня 120 фашистов. Ты молодец!». За этот подвиг герой был отмечен первой боевой наградой – орденом Красной Звезды.

Продолжались кровопролитные бои, погибали боевые товарищи. Все более суровым и сосредоточенным становилось лицо Ханпаша, характер – волевым, движения – продуманными, расчетливыми. Все меньше он улыбался, все больше задумывался, мрачнел. Умножались его подвиги, разрасталась его слава.

«В январе 1942 года, – писала газета «Грозненский рабочий», – выполняя приказ командования, конники-гвардейцы под покровом ночи подошли к с. Толстое. Враг забросал их минами и снарядами. Под этим огнем X. Нурадилов выдвинулся вперед, прямо в расположение врага. В этом бою он уничтожил более пятидесяти фашистов и четыре огневые точки». А газета «Известия» писала в октябре 1942 года: «Нурадилов – любимец части. Из уст в уста передаются рассказы о его подвигах. На примере Ханпаши воспитываются молодые гвардейцы...»

На всех фронтах и в глубоком тылу распевалась песня о герое, слова которой написал поэт Е. Долматовский, и в которой были такие строки:

Крутится, вертится, бьет пулемет.
Крутится, вертится, песню поет.
Лег Нурадилов с «Максимом» своим,
Гадов-фашистов разит смело им.
Сколько отваги и сколько огня
В сердце героя вложила Чечня.
Бьется за Терек на синем Дону¹
Наш Ханпаша, защищая страну¹.

От боя к бою росло число подвигов Х. Нурадилова и количество врагов, уничтоженных им. Так, в феврале 1942 года в бою у деревни Щигры Ханпаша снова был ранен, но, оставшись у пулемета, истребил двести фашистов, в марте – огнем своего пулемета сорвал наступление неприятеля и в одной схватке убил триста врагов. За эти подвиги он был награжден орденом Красного Знамени и ему, гвардии старшему сержанту, было доверено командовать взводом пулеметчиков.

Памятным для всех стал и знаменитый бой у с. Байрак, что в Харьковской области. Его так описал бывший комиссар политотдела 3-й кавалерийской дивизии, преобразованной за ратные подвиги в 5-ю гвардейскую, полковник А. Олейник в донесении в штаб фронта: «17-ый полк наступал на с. Байрак. Противник сильно огрызлся. Когда пулеметное отделение почти добралось до села, по нему ударили вражеский пулемет из сильно укрепленного дзота. Нурадилов хорошо понимал, что из «максима» его не подавишь. Он послал бойца с гранатами, но тот не дошел – погиб. Был убит и второй боец. Тогда Ханпаша пополз сам. Он ужом пробрался к дзоту с обратной стороны, и, выбрав удачный момент, метнул в амбразуру одну за другой две гранаты. Вскоре к высоте, где находилось отделение с Ханпашой, направилась вражеская пехота. Он подпустил немцев на

---

¹ Горлов. А.Г. Огненный, огненный конь. Роман-хроника. Грозный 1978. С. 121

сто метров и в упор расстрелял их почти полностью». (Ханпаша Нурадилов... С. 27)

Взвод Х. Нурадилова бросали на самые трудные, опасные и ответственные участки боя, когда надо было или проложить путь вперед, или заслонить отходящие части, или провести скрытую операцию. Так было у населенных пунктов Ольховатка, Валуйки, Каменка, на реке Дон. Один из этих боев так описывал военный корреспондент в газете «Известия» (30 октября 1942 г.): «Когда подразделения полка отходили, надо было хотя бы на время задержать врагов. Это поручили Х. Нурадилову, и он один с пулеметом сдерживал напирающих фашистов. У него было всего шесть лент, поэтому расходовал он патроны экономно — был только наверняка, очень близко подпуская наступающих. Когда патроны все же кончились, Ханпаша стал отбиваться гранатами, потом — разить врага из трофейного автомата. Стрелял одной рукой — в другую был ранен. Но фашистов задержал и в часть вернулся с пулеметом».

О подвиге Х. Нурадилова бывший фронтовик, писатель Л. Горлов в книге «Огненный, огненный конь», посвященной боевому пути героя, писал: «Расчет Х. Нурадилова попал в окружение, но не сдавался. Командир полка П. Брикель бросил на его освобождение лучшие эскадроны. Бой кончился только к вечеру. На командном пункте Брикеля собрались командиры эскадронов. Выслушав доклады, он сказал:

— Пулеметчики молодцы. Но как это вы чуть Нурадилова не потеряли? Где он сейчас, наш герой дня?

— Здесь он, товарищ командир!

— Зови! — Крепко, по-солдатски командир полка обнял вошедшего пулеметчика, как сына. — Спасибо тебе! От лица службы спасибо! Как, комиссар, представим его к награде? — Павел Порфириевич хитровато посмотрел на комиссара, потом взгляд его остановился на командире эскадрона Нагибине. — Вижу, мое предложение принимается единогласно!» (С. 309–310)

Ханпаша стоял растерянный, но счастливый. Но жить и радоваться ему оставалось, к сожалению, совсем недолго...

Еще больше прославил Х. Нурадилова бой у с. Каменка в начале лета 1942 года. Он был непродолжительным, но очень тяжелым. Гитлеровцев было много, и шли они в атаку с решимостью обреченных. От взвода Ханпаши осталось всего четыре бойца вместе с ним, и фашисты шли вперед, уверенные в победе. Как на смотре – в колонну по четыре. И было их не меньше четырехсот. Второй расчет командира нервничал: врачи почти рядом. Но пулемет Ханпаши молчал: он был спокоен, сосредоточен и уверен в победе, как всегда. Даже в эту критическую минуту он не изменил свою тактику ведения боя: близко подпустив врага, вести огонь, как говорят пулеметчики, «по пупкам». «Ну, кажется, они свое отжили», – хриплым голосом, наконец, проговорил Ханпаша, а к пулемету обратился, как к живому существу, верному другу: «Ну, друг, не подведи!» Его пальцы сжали гашетку... (Добрушин Д.С. Указ. соч. С. 92–125)

Имя Х. Нурадилова стало к тому времени символом отваги и бесстрашения в бою. Газета «Грозненский рабочий» выходила часто в те дни с шапкой-лозунгом на первой полосе над логотипом: «Бессмертная слава сыну чечено-ингушского народа Ханпаше Нурадилову!». А в шпигеле говорилось: «Героические подвиги Ханпаши Нурадилова вдохновляют трудящихся Чечено-Ингушетии на героический труд. Во славу родины, на помощь Красной Армии, на разгром ненавистного врага!»

А газета «Красная Армия» в статье «Быть бесстрашным в бою, как Ханпаша» 21 октября 1942 года писала: «Этот призыв переходит из уст в уста. С этим кличем идут бойцы в бой и побеждают. Заслужить такую славу, такую любовь и уважение в сердцах фронтовиков – великое дело. Для этого нужно быть храбрейшим из храбрых, отважнейшим из отважных. И Ханпаша Нурадилов был таким. Это был горный орел, доблестный рыцарь Отчизны. Это был достойный сын Чечено-Ингушетии, России, воплотивший в себе все лучшие черты чеченского народа – его храбрость и орлиную удаль, его свободолюбие и неугасимую ненависть к поработителям».

Еще больше прославил Х. Нурадилова бой у с. Каменка в начале лета 1942 года. Он был непродолжительным, но очень тяжелым. Гитлеровцев было много, и шли они в атаку с решимостью обреченных. От взвода Ханпаши осталось всего четыре бойца вместе с ним, и фашисты шли вперед, уверенные в победе. Как на смотре – в колонну по четыре. И было их не меньше четырехсот. Второй расчет командира нервничал: врачи почти рядом. Но пулемет Ханпаши молчал: он был спокоен, сосредоточен и уверен в победе, как всегда. Даже в эту критическую минуту он не изменил свою тактику ведения боя: близко подпустив врага, вести огонь, как говорят пулеметчики, «по пупкам». «Ну, кажется, они свое отжили», – хриплым голосом, наконец, проговорил Ханпаша, а к пулемету обратился, как к живому существу, верному другу: «Ну, друг, не подведи!» Его пальцы сжали гашетку... (Добрушин Д.С. Указ. соч. С. 92–125)

Имя Х. Нурадилова стало к тому времени символом отваги и бесстрашения в бою. Газета «Грозненский рабочий» выходила часто в те дни с шапкой-лозунгом на первой полосе над логотипом: «Бессмертная слава сыну чечено-ингушского народа Ханпаше Нурадилову!». А в шпигеле говорилось: «Героические подвиги Ханпаши Нурадилова вдохновляют трудящихся Чечено-Ингушетии на героический труд. Во славу родины, на помощь Красной Армии, на разгром ненавистного врага!»

А газета «Красная Армия» в статье «Быть бесстрашным в бою, как Ханпаша» 21 октября 1942 года писала: «Этот призыв переходит из уст в уста. С этим кличем идут бойцы в бой и побеждают. Заслужить такую славу, такую любовь и уважение в сердцах фронтовиков – великое дело. Для этого нужно быть храбрейшим из храбрых, отважнейшим из отважных. И Ханпаша Нурадилов был таким. Это был горный орел, доблестный рыцарь Отчизны. Это был достойный сын Чечено-Ингушетии, России, воплотивший в себе все лучшие черты чеченского народа – его храбрость и орлиную удаль, его свободолюбие и неугасимую ненависть к поработителям».

Да, Ханпаша был именно таким. Он наносил такой урон неприятелю, что его имя стало хорошо известно и врагам: оно было занесено в черный список личных врагов рейха. По свидетельству Д. Добрушина, фашистские снайперы начали настоящую охоту за героем. Об этом говорили плененные офицеры. Ханпашу предупреждали об этом, просили беречься, быть осторожней. Но он и не собирался менять тактику ведения боя – он презирал смерть, для него не существовало таких понятий, как осторожность и страх.

Ханпаша Нурадилов еще раз доказал это в своем последнем бою на высоте 220, на левом берегу Дона, в районе г. Серафимович, на дальних подступах к Сталинграду 12 сентября 1942 года. Мне посчастливилось побывать и на этой высоте, где был смертельно ранен Ханпаша, и на его могиле, на центральной площади ст. Букановская (Подтепловский район, Волгоградская область), встречаться с ветеранами войны, хорошо знавшими героя. Разные исследователи многочисленных произведений вспоминают о нем по-разному – одни более эмоционально, другие более документально описывают последний бой прославленного пулеметчика. Но мне более достоверными кажутся свидетельства непосредственного очевидца этого боя Д. Добрушина, который в книге «От Волги до Эльбы» описывает его так: «Наши бойцы победили у высоты 220. Но радость победы не смогла смягчить потери замечательных воинов, героически отдавших жизни во имя Отчизны. Выследили-таки фашистские снайперы ненавистного им знаменитого пулеметчика Ханпашу Нурадилова. Дважды настигала его пуля, но славный сын гор не покинул свою позицию. Он и мертвый лежал, не выпуская гашетку пулемета из рук, уронив голову на замок своего «максима». А перед его окопом лежали сотни мертвых фашистов».

Когда о гибели Нурадилова доложили командиру дивизии, гвардии генералу Н.С. Чепуркину, он приказал срочно подготовить документы для присвоения ему звания Героя Советского

Союза. При этом он сказал с горечью: «Очень жаль Нурадилова, хороший был пулеметчик, просто талантливый пулеметчик. Нам всем теперь будет не хватать его. Надо сделать все возможное, чтобы подвиг Нурадилова сделался достоянием всей Армии, всего фронта, чтобы он стал для всех примером выполнения воинского долга, отваги и умения бить врага». (Добрушин Д-С. Указ. соч. С. 92–125)

В представлении Х. Нурадилова к званию Героя Советского Союза командующий войсками Центрального фронта генерал-полковник К. Рокоссовский и член Военного совета генерал-майор Н. Телегин 6 апреля 1943 года, перечислив все ратные подвиги отважного воина, особо остановились на последнем: «Сентябрь 1942 года. Во время боев в районе г. Серафимович Х. Нурадилов командовал пулеметным взводом. Когда он перевязывал раненую ногу, немцы предприняли контратаку. Тогда он сам ложится за пулемет и косит фашистов, уничтожает 250 человек и два пулемета. В общей сложности Нурадилов уничтожил 920 фашистов, захватил семь пулеметов и лично взял в плен двенадцать вражеских солдат». (Ханпаша Нурадилов… С. 16–17)

Хотя есть предположение – об этом мне говорили сотрудники музеяного комплекса на знаменитом Мамаевом Кургане, с которыми мне довелось говорить во время поездки по местам боевой славы героя в Волгоградской области летом 1986 года, – имеются неофициальные данные, что в действительности Ханпаша Нурадилов истребил врагов более тысячи двухсот.

В плакате, выпущенном Политическим управлением Донского фронта сразу же после гибели Х. Нурадилова, говорилось: «Богатырь был дважды ранен, он истекал кровью, но стоял неотступно. До последнего патрона работал его пулемет, посыпая пули в наседавших фашистов. Герой погиб как доблестный рыцарь Отчизны, но подвиги его бессмертны. Имя Ханпаши Нурадилова с гордостью будет произносить вся страна и весь советский народ. Слава о нем будет жить в веках».

С великой гордостью и ликованием встретили весть о присвоении звания Героя Советского Союза Х. Нурадилову в Чечено-Ингушетии. Еще в декабре 1942 года на заседании Обкома ВКП(б) были утверждены «Мероприятия по увековечению памяти Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова», в которых, в частности, намечалось: «Отделу пропаганды и агитации обкома ВКП(б) подготовить листовки о Ханпаше 8000 экземпляров на русском, чеченском и ингушском языках, плакатов – 300 и 1000 экземпляров портретов... Поручить Совнаркому ЧИАССР присвоить Чечено-Ингушскому государственному театру имя Ханпаши Нурадилова. Поручить горисполку переименовать Автобусную улицу в г. Грозный в улицу имени Ханпаши Нурадилова...» (см. «Культурное строительство в Чечено-Ингушетии. 1941–1980 г.»)

Так шагнул в бессмертие славный сын чеченского народа Х. Нурадилов, о котором русский журналист и поэт Н. Сергеев писал в поэме «Солнце в крови», посвященной герою:

Короткая жизнь человеку дана –
Мельканье минут и дней скоротечность
Но если народу она отдана,
Но если горенье и подвиг она,
Удел человека – вечность.

Это о Ханпаше Нурадилове – человеке из легенды. А легенды живут вечно.

КАВАЛЕР ОРДЕНА «ЛЕГИОН ЧЕСТИ»

Бывают герои, к которым благоволит власть, судьба, время. Их почитание и признание с годами не только не меркнут, но и становятся шире и ярче, потому что покладисты и правильны. Таким иногда еще при жизни ставят памятники.

Но бывают герои другого рода, для которых власть становится отчимом, судьба – мачехой, а память – обузой. У них по чьей-то прихоти отнимают славу, завоеванную кровью, замалчивают их боевые заслуги, не признают подвиги, унижают достоинство и честь. Но, к счастью, настоящие герои не ломаются от этой несправедливости, а остаются самими собой.

Одним из таких настоящих героев до конца дней своих оставался Мовлид Алироевич Висаитов, который не ко двору пришелся вершителям судеб Чечено-Ингушской республики в 60–90 годы XX века за независимость мышления, самостоятельность решений, прямой характер, смелость высказываний, непримиримый нрав. Он и на гражданке оставался, по свидетельству знавших его, тем мужественным, неудержимым, молодым и отчаянным офицером, вступившим в Великую Отечественную войну на рассвете 22 июня 1941 года и завершившим ее на берегу Эльбы в победном мае 1945-го.

О нем много пишет восхищенных и восторженных слов бывший непосредственный начальник М. Висаитова – командир 6-й гвардейской Краснознаменной Гродненской им. А. Я. Пархоменко¹ кавалерийской дивизии, генерал-майор, Герой Советского Союза П.П. Брикель. Например, он писал: «М. Висаитова я знаю с тридцать восьмого года. 2 июня 1941 года мы вместе участвовали в первом бою с фашистами на западной границе. Он тогда командовал вторым эскадроном и с первого же дня

---

¹ Пархоменко А.Я. – советский полководец, герой Гражданской войны (1918–1920 г.)

показал себя храбрым и умным офицером. В нем была какая-то вдохновляющая сила, которая оказывала решающее влияние на солдат и офицеров в бою... Лично я доволен не только М. Висаитовым, но и всеми воинами из Чечено-Ингушетии. Я видел, как они воюют». (Брикель П.П. Повесть о последнем рейде. Грозный, 1984. С. 34)

За подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, Мовлид Висаитов – один из немногих советских офицеров, кавалер высшего воинского ордена Соединенных Штатов Америки «Легион чести» – был представлен к званию Героя Советского Союза, но так и не получил своей заслуженной награды сразу потому, что он чеченец – враг народа, потом – из-за козней и дискредитации руководителями республики. Справедливость была восстановлена только после смерти легендарного воина – в 1990 году, когда его родственникам наконец-то была вручена Золотая звезда Героя Советского Союза. Почти полвека ждал этого чеченский народ!

И мы сегодня тоже постараемся восстановить эту попранную справедливость, рассказав хотя бы о части его ратных дел потому что помнить о таких славных сыновьях народа сегодня – наш долг. Еще потому, что «пример для подражания – лучшее, что остается после нас для поколений», как говорили древние. И потому еще, что память эта «нужна не мертвым, она нужна живым». Для подражания. Для примера. Для продолжения.

Мовлид Висаитов родился 29 мая 1913 года в с. Лаха-Неврс (Надгеречное), там, где «Терек вольно и плавно катит свои воды к седому Каспию», где «слева на север тянутся необозримые гряды Карапогайских степей, а по правому берегу цепью расположились чеченские аулы». (Висаитов М. От Терека до Эльбы. Грозный). В 1932 году после окончания школы в числе молодых призывников из Чечни был направлен на учбу в Краснодарскую трехгодичную кавалерийскую школу. По окончанию ее «на отлично» молодого лейтенанта направили служить в 34-й кавалерийский полк 9-й кавдивизии, дислоцировавшейся на Украине, командиром взвода.

В 1940 году М. Висаитов, уже в звании старшего лейтенанта, командует эскадроном, который на смотре, проведенном Народным Комиссаром обороны СССР маршалом С.К. Тимошенко, получил отличную оценку, а командир – досрочно – звание капитана и направление на курсы усовершенствования командного состава в Москву.

Война для М. Висаитова началась в шесть часов утра 22 июня 1941 года в трех километрах от западной границы, где подразделение 9-й кавалерийской дивизии отразили первый яростный налёт противника, открывшего сильнейший артиллерийский огонь по коннице. «Но бешеный огонь ни на минуту не остановил движения, – вспоминал Висаитов в своей книге об этом первом бое. – Смелым броском конники вышли из зоны огня. Переданный эскадрону взвод станковых пулеметов развернулся в боевой порядок и открыл истребительный огонь по наступающим немцам. Под ее прикрытием эскадрон изготовился к бою и с криком «Ура!» понесся на вражескую пехоту. Не ожидавшие такого флангового удара фашисты дрогнули, – наши кавалеристы обратили их в бегство». (Висаитов М. Указ. соч.)

Но все же противник превосходил по силе и вооружению, и это диктовало свои законы войны. Дивизия отступала, давая встречные бои. Немало было у М. Висаитова в эти тяжелые дни отчаянных минут. Например, у с. Болькуны, южнее г. Киев, когда его эскадрону было приказано выбить фашистов с занятых ими позиций. Тогда ему пришлось под огнем близкого врага подняться в полный рост, чтобы видели все бойцы, и увлечь их в атаку. Конники выбили немцев и, еще не успев закрепиться, отразили несколько решительных атак, в одном из которых Мовлид был ранен, но позицию покинул только по настоянию командира дивизии. За мужество и находчивость, проявленные в этом бою, он был награжден орденом Красного Знамени. После возвращения в строй М. Висаитов командовал отдельным разведывательным батальоном стрелковой дивизии. Оборонял г. Киев, города Донецкого бассейна, воевал на

берегах Азовского моря, где в одном из ожесточенных боев был ранен вторично. После выздоровления направлен в отдельную 114-ю Чечено-Ингушскую кавалерийскую дивизию, сформированную в г. Грозный в 1942 году. Но вскоре она была расформирована и на ее базе созданы добровольческий 255-й Чечено-Ингушский кавалерийский полк и отдельный дивизион. Начальником штаба полка и был назначен Мовлид Алироевич. Спустя два месяца он стал его командиром.

Первое боевое крещение полк получил на линии фронта в 120 километрах от Сталинграда в районе станицы Котельниково и станции Чилеково. Разведчики донесли, что из Котельниково в Чилеково двумя колоннами движется до пятидесяти танков с десантом. Три эскадрона полка ушли вперед, и перед противником оказался только один — четвертый. Чтобы не погубить ничего не подозревающих товарищ, кавалеристам пришлось принять бой со стальной броней в очень тяжелых условиях.

Молча и сурово лежали бойцы в ожидании противника.

— Кентий, — обратился к ним по-чеченски Мовлид. — В крепкий кулак сожмите свои сердца и нервы! Не посрамите наш народ и наш полк. Бейте по десанту.

— Не подведем, Мовлид. Не оставим место для упрека, — ответили ему конники.

«Показались танки, — пишет М. Висаитов в своей книге воспоминаний «От Терека до Эльбы». — Первой группе дали пройти, а затем разом ударили по десанту. Фашисты посыпались с танков, но подоспевшие из второй группы танки открыли огонь. Наши смельчаки подползли и бросили под них связки гранат. Недолго продолжался бой: был дан приказ отходить назад. Многих бойцов потерял в это августовское утро 1942 года славный четвертый эскадрон, но боевой экзамен выдержал и чести 255-го полка не посрамил». В это время ушедшие вперед эскадроны вели неравный бой с другой танковой колонной противника на ст. Чилеково.

Еще одно боевое испытание прошли остатки четвертого эскадрона 255-го полка у х. Набыкова: стремительной и неожи-

В 1940 году М. Висаитов, уже в звании старшего лейтенанта, командует эскадроном, который на смотре, проведенном Народным Комиссаром обороны СССР маршалом С.К. Тимошенко, получил отличную оценку, а командир – досрочно – звание капитана и направление на курсы усовершенствования командного состава в Москву.

Война для М. Висаитова началась в шесть часов утра 22 июня 1941 года в трех километрах от западной границы, где подразделение 9-й кавалерийской дивизии отразили первый яростный налёт противника, открывшего сильнейший артиллерийский огонь по коннице. «Но бешеный огонь ни на минуту не остановил движения, – вспоминал Висаитов в своей книге об этом первом бое. – Смелым броском конники вышли из зоны огня. Переданный эскадрону взвод станковых пулеметов развернулся в боевой порядок и открыл истребительный огонь по наступающим немцам. Под ее прикрытием эскадрон изготовился к бою и с криком «Ура!» понесся на вражескую пехоту. Не ожидавшие такого флангового удара фашисты дрогнули, – наши кавалеристы обратили их в бегство». (Висаитов М. Указ. соч.)

Но все же противник превосходил по силе и вооружению, и это диктовало свои законы войны. Дивизия отступала, давая встречные бои. Немало было у М. Висаитова в эти тяжелые дни отчаянных минут. Например, у с. Болькуны, южнее г. Киев, когда его эскадрону было приказано выбить фашистов с занятых ими позиций. Тогда ему пришлось под огнем близкого врага подняться в полный рост, чтобы видели все бойцы, и увлечь их в атаку. Конники выбили немцев и, еще не успев закрепиться, отразили несколько решительных атак, в одном из которых Мовлид был ранен, но позицию покинул только по настоянию командира дивизии. За мужество и находчивость, проявленные в этом бою, он был награжден орденом Красного Знамени. После возвращения в строй М. Висаитов командовал отдельным разведывательным батальоном стрелковой дивизии. Оборонял г. Киев, города Донецкого бассейна, воевал на

берегах Азовского моря, где в одном из ожесточенных боев был ранен вторично. После выздоровления направлен в отдельную 114-ю Чечено-Ингушскую кавалерийскую дивизию, сформированную в г. Грозный в 1942 году. Но вскоре она была расформирована и на ее базе созданы добровольческий 255-й Чечено-Ингушский кавалерийский полк и отдельный дивизион. Начальником штаба полка и был назначен Мовлид Алироевич. Спустя два месяца он стал его командиром.

Первое боевое крещение полк получил на линии фронта в 120 километрах от Сталинграда в районе станицы Котельниково и станции Чилеково. Разведчики донесли, что из Котельниково в Чилеково двумя колоннами движется до пятидесяти танков с десантом. Три эскадрона полка ушли вперед, и перед противником оказался только один – четвертый. Чтобы не погубить ничего не подозревающих товарищ, кавалеристам пришлось принять бой со стальной броней в очень тяжелых условиях.

Молча и сурово лежали бойцы в ожидании противника.

– Кентай, – обратился к ним по-чеченски Мовлид. – В крепкий кулак сожмите свои сердца и нервы! Не посрамите наш народ и наш полк. Бейте по десанту.

– Не подведем, Мовлид. Не оставим место для упрека, – ответили ему конники.

«Показались танки, – пишет М. Висаитов в своей книге воспоминаний «От Терека до Эльбы». – Первой группе дали пройти, а затем разом ударили по десанту. Фашисты посыпались с танков, но подоспевшие из второй группы танки открыли огонь. Наши смельчаки подползли и бросили под них связки гранат. Недолго продолжался бой: был дан приказ отходить назад. Многих бойцов потерял в это августовское утро 1942 года славный четвертый эскадрон, но боевой экзамен выдержал и чести 255-го полка не посрамил». В это время ушедшие вперед эскадроны вели неравный бой с другой танковой колонной противника на ст. Чилеково.

Еще одно боевое испытание прошли остатки четвертого эскадрона 255-го полка у х. Набыкова: стремительной и неожи-

данной атакой кавалеристы истребили группу фашистов, спокойно отдыхавших в избах хутора, не подозревая о маневре висаитовцев. В результате скоротечного боя конники захватили семь танков, пленили трех солдат и двух офицеров. Вместо коней бойцы оседлали трофейные танки и форсированным маршем двинулись на соединение со своими. Да, бывали на долгом боевом пути полка М. Висаитова и такие несовместимые вещи, как – клинки против танков и танки вместо коней!

После этого были тяжелые бои в степях Калмыкии (у озер Цаца и Сарпа), оборона Сталинграда. Потом были и сокрушительный разгром немцев под легендарным Сталинградом, и стремительное наступление на Запад, где у с. Обильное воины из Чечено-Ингушетии в который раз проявили чудеса героизма и отваги, отражая контратаки фашистов, оказывавших сопротивление с отчаянием обреченных. Два эскадрона галопом выдвинулись на окраину села, конники спешились, устроили засаду: надо было подпустить врага на расстояние прямого выстрела. Когда немцы приблизились, конники сразу же подбили два броневика, открыли плотный огонь. Фашисты опешили, растерялись и панически побежали, оставив на поле боя сотни трупов. Многое погибло в этом бою и славных посланцев Чечено-Ингушетии. На надгробной плите их братской могилы однополчане написали: «В этой могиле лежат верные сыны Родины, отдавшие жизнь в борьбе за свободу ее – большие герои маленького чеченско-ингушского народа». (Висаитов М. Указ. соч.)

В одном из боев М. Висаитова ранило в третий раз. После выздоровления он был начальником кавалерийских курсов, помощником инспектора кавалерии 4-го Украинского фронта, командовал уже в звании подполковника в начале 25-м, а позже – 28-м гвардейским кавалерийским полком, входившем в 6-ю кавдивизию (командир – П.П. Бережнов) 3-го кавкорпуса (командующий – Н.С. Осликовский). И были бои за Крым, освобождение Украины, взятие Кенигсберга, поход по Восточной Пруссии, рывок к Эльбе. Когда на одном из совещаний ответственных офицеров 6-й дивизии в апреле 1945 года (а ей

после форсирования Одера была поставлена задача двигаться к реке Эльба на соединение с союзными войсками) встал вопрос, какому подразделению доверить выполнение этой ответственной задачи, командир сказал: «Для выполнения этой задачи наиболее подходят 28-й кавалерийский полк подполковника Висайлова и 25-й подполковника Лялина. Но я более склонен остановиться на первом. Подполковник Висайлова – храбрый, решительный офицер, отличающийся быстрой реакцией в сложной обстановке». Когда же некоторые офицеры засомневались в дипломатических способностях Мовлида, П.П. Бережнов ответил коротко: «Я согласен, что дипломат из Висайлова неважный, а вот командир полка – боевой, решительный. Для ведения дипломатических переговоров с союзниками мы найдем других, а дорогу прокладывать этим дипломатам мы поручим Висайловой». И поручили. (Брикель П.П. Указ. соч. С. 32)

Много было трудных минут на этом пути к Эльбе. М. Висайлому особенно запомнился один бой за город Рейсберг. Вот как описывает его в своей книге «Повесть о последнем рейде» П.П. Брикель: «Безостановочно продвигающийся вперед авангардный 28-й полк М. Висайлова неожиданно был остановлен плотным пулеметно-ружейным огнем с железнодорожной насыпи, проходившей по лесу: там оборонялись моторизованные части фашистов. Спешенные эскадроны вступили в перестрелку с противником. В этот момент мимо проезжал в сопровождении броневика командир Бережнов.

– Где командир полка? – спросил он у подбежавшего лейтенанта. Но не успел он ответить, как подбежал М. Висайлова и начал докладывать. – Подожди с докладом, я и сам вижу. Я думал, ты уже подходишь к Эльбе, а ты ведешь перестрелку с фальксштурмовцами. Вижу, что мне здесь делать нечего...

Эти слова полоснули по самолюбию комполка. Разъяренный Висайлова выхватил маузер и, размахивая им, направился в эскадроны, чтобы поднять их в атаку. Били пулеметы, строчили

автоматы, рвались мины. Но для Висаитова наступил момент, когда не видишь ни земли, ни облаков, не слышишь выстрелов.

— Вперед, гвардейцы! — закричал он, приказывая начальнику головного отряда посадить эскадрон на коней и атаковать противника в конном строю. Стремительным броском конники опрокинули фашистов и обратили их в паническое бегство. В числе трофеев был захвачен железнодорожный эшелон.

«Было двадцать часов 29 апреля 1945 года, — пишет далее П.П. Брикель, — наступала темнота, но, используя замешательство фашистов, подполковник Висаитов не снижал темпа продвижения. В 21.00, уничтожая живую силу и технику врага, 28-й гвардейский кавалерийский полк десятикилометровым броском вышел к городу Рейсберг. Еще один час боя — и два батальона вражеской моторизованной пехоты были разбиты наголову. Рейсберг взят, захвачены большие трофеи». (Брикель П.П. Указ. соч. С. 47–48)

Одним словом, была долгая, трудная дорога войны, пройденная в начале войны от западной границы Украины до р. Терек и от Терека — до далекой немецкой реки Эльба, на которой гвардейский 28-й полк М. Висаитова первым из советских воинских подразделений встретился с американцами в победном мае 1945 года. Выйдя к реке, Мовлид первым делом напоил коня и, черпая пригоршнями, выпил воды сам. На недоуменный взгляд адъютанта, не солидно, мол, прославленному командиру, да еще перед американцами, ответил: «Вы не понимаете всей прелести напоить коня в реке врага. Гитлеровцы поили коней в моем родном Тереке, теперь я пою своего коня в их Эльбе!»

На счету полка М. Висаитова было много славных дел. Так, только за два месяца боев, весной 1945 года его бойцы уничтожили, вывели из строя и пленили 2500 солдат и офицеров противника, подбили и уничтожили семь танков, шесть бронетранспортеров, шесть самоходных установок и другой техники. Боевые трофеи их составляли целый арсенал стрелково-

го полка. За эти подвиги полк был награжден орденом Красного знамени, а командир его — орденом Ленина и высшим боевым орденом Америки «Легион чести». Был представлен к званию Героя Советского Союза, но получил его только 1990 году — сорок пять лет спустя после представления.

Демобилизовавшись, М. Висаитов поехал в Среднюю Азию, где проживала его семья, работал в райпотребсоюзе, твердо устраиваясь на гражданке, окончил школу партийных работников при ЦК КПСС. В 1957 году приехал на Родину, — спустя четверть века, как покинул ее в 1932 году. Работал инструктором Чечено-Ингушского обкома КПСС и на других партийных, советских и хозяйственных должностях.

И где бы ни был Висаитов, что бы ни делал, что бы ни случалось с ним, как бы к нему ни относились, он всегда до конца дней своих оставался верным и преданным сыном своего народа. Таким и помнят, и будут помнить его все, кто знал. И рассказывают, и будут рассказывать о нем своим детям и внукам, потому что без памяти нет народа. И потому, что это «нужно не мертвым, это надо живым».

«ОТВАЖЕН И ГОРЯЧ, НО РАССУДКА НЕ ТЕРЯЕТ...»

В 1944 году в наступательных операциях Красной Армии за мужество и героизм, проявленные при форсировании реки Днепр – сильно укрепленного бастиона немецкой обороны, высоким званием Героя Советского Союза были отмечены сразу два представителя чеченского народа – Хаваджи Магомед-Мирзоев и Хансултан Дашиев. Сам Хаваджи узнал об этом, находясь в госпитале после тяжелого ранения, а его жена Екатерина Васильевна – из письма майора Н. Горлатова, командира части, в которой служил ее муж – гвардии старший сержант Х. Магомед-Мирзоев.

Майор Н. Горлатов писал: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года Вашему мужу, славному представителю чеченского народа, гвардии старшему сержанту Магомед-Мирзоеву Хаваджи присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Ваш муж в боях с немецко-фашистскими захватчиками показал высокие образцы воинского умения и мастерства, проявив при этом отвагу и геройство в борьбе за честь, свободу и независимость Родины. Мы гордимся Вашим мужем, доблестным воином героической Красной Армии, который не жалеет ни своей крови, ни своей жизни во имя победы над заклятым врагом».

Кто он, Хаваджи Магомед-Мирзоев, кому писатели посвящают стихи и повести, композиторы – песни, художники – живописные полотна, именем которого названы улицы в селах и городах нашей республики и даже в далеком таджикском г. Ленинабаде (современный Ходжент). В стихотворении М. Сулаева «Песня о герое», посвященном ему, есть такие строки:

Когда война пришла, под крови запах
Сцепились тьма и свет за полдень наш,
Стрелою солнца полетел на запад

Отважный сын моей Чечни -- Хаваж.
За волю там вскипало пламя битвы,
С родной земли, сметая палачей.
И пал Хаваж наш, пламенем повитый,
День сделав ярче гибелью своей.

Хаваджи Магомед-Мирзоев родился в 1910 году в с. Алхазурово Урус-Мартановского района и рос в семье, где все мужчины были воинами, людьми исключительной отваги, чести и достоинства. Достаточно сказать, что отец Хаваджи Магомед-Мирза и его дяди Сулим, Яса и Ахмад, да и другие родственники по мужской линии, считались в селе людьми не только отчаянной храбрости и лихости, но были уважаемы за ум, рассудительность и справедливость. Они воевали на фронтах Первой мировой и многие за воинскую доблесть и отвагу были награждены Георгиевскими крестами. После Октябрьской революции 1917 года они, бойцы чеченской Красной Армии под предводительством легендарного Асланбека Шерипова, участвовали в знаменитых Стодневных боях в Грозном, прошли всю гражданскую войну. Однако эти боевые заслуги не спасли их от репрессий. По ложному доносу обвиненные в измене Родине Магомед-Мирза и Сулим были арестованы, заключены в грозненскую тюрьму. К счастью (редкий по тем временам случай!), все закончилось для Берсановых благополучно: документы и свидетели показали, что они -- честные и преданные родине люди, проявившие смелость и отвагу в борьбе с армиями Г. Бичерахова и А.И. Деникина.

Хаваджи уже в детстве приобщился к ратным делам взрослых: ему едва исполнилось восемь лет, когда он по поручению отца носил продукты и патроны для красных партизан и рабочих-повстанцев, укрывавшихся в горах Шатоя. Сознание участия в большом и важном деле воспитывало в нем мужество и ответственность.

Храбрыми воинами, под стать отцу и дядям, выросли и четыре брата Хаваджи. Когда началась Великая Отечественная

война, все они ушли на фронт добровольцами и сражались с фашистами на разных направлениях: Усам – на ленинградском, под командованием легендарного Сакки Висаитова, Арби – на Украине в армии маршала И. Конева, Альви – на карело-финском, Алавди – на московском. Из пяти братьев живыми после войны вернулись только двое.

После окончания гражданской войны сам Хаваджи учился в школе в селе Алхан-Кала, в городке для детей красных партизан. По окончании ее сразу же стал студентом Грозненского педагогического училища (о чем и сегодня сообщает надпись на стеле у главного входа в его здание: «Здесь учились Герой Советского Союза Хаваджи Магомед-Мирзоев и народная поэтесса Чечено-Ингушетии Раиса Ахматова»). По окончании его учительствовал в родном Алхазурофе, а затем стал директором школы (сейчас она носит имя героя). Вскоре он знакомится с Екатериной Васильевной, учительницей из Грозного, женится на ней и переезжает в Грозный, где поступает на службу в пожарную охрану предприятий объединения «Грознефть».

В 1938 году Хаваджи был призван в ряды Красной Армии. А в 1939 году он получает первое боевое крещение: участвует в знаменитых боях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол в Монголии под командованием Г. Жукова. После тяжелого ранения его демобилизуют.

По демобилизации Х. Магомед-Мирзоев поступает и в 1940 году оканчивает Ташкентскую школу среднего начальствующего состава Народного Комиссариата внутренних дел. Работает по направлению инспектором пожарной охраны в г. Ленинабад Таджикская ССР.

Когда началась Великая Отечественная война, Хаваджи, имея броню, стал рваться на фронт. Как это было, рассказывал сын героя Хусейн, с которым довелось мне беседовать в конце 60-х годов прошлого века, когда он приезжал в Грозный из Ленинабада (я брал у него интервью для радио, где тогда работал): «Помню, было лето, воскресенье. Мы сидели за завтраком, когда по радио сообщили о начале войны. Отец посупорвал и сразу

же сказал: «Простите меня, но я должен быть там». Оставил недопитый стакан чая, спешно направился в военкомат, но вернулся злой, только выдохнул: «Проклятая броня!». Вскоре пришло письмо из родного села, в котором сестра его писала, что все братья уже на фронте, и просила брата вернуться домой. «Тем более не смогу сидеть в тылу!» – воскликнул отец. Еще дважды ходил он в военкомат и, наконец, вернулся довольный: «Завтра – на фронт!»

Боевая жизнь Хаваджи началась со Сталинградской битвы в составе 16-й гвардейской кавалерийской дивизии 7-го кавкорпуса. Много было незабываемых эпизодов в его фронтовой жизни. Один из них – бой за районный центр Березны в Черниговской области. О нем фронтовые сводки писали: «Прорвавшись на окраину села, конники Х. Магомед-Мирзоева своими пулеметными атаками помогли фланговому удару соседнего эскадрона. Передав коня солдату, Хаваджи в ходе боя заскочил во двор дома, из которого выходили немецкие офицеры. Не растерявшись, он дал по ним длинную очередь из автомата и спрятался за углом сарая. Фашисты бросили в него несколько гранат, но, к счастью, обошлось. Так, благодаря смелой атаке конников Магомед-Мирзоева, село Березны было взято с минимальными потерями».

Но самым запомнившимся эпизодом было, конечно же, форсирование Днепра. Когда перед командиром 60-го гвардейского кавалерийского полка майором Н. Горлатовым встал вопрос, кому первым доверить форсирование реки, он сказал решительно: «Доверим Магомед-Мирзоеву. Он, как кавказец, отважен и горяч. Но в горячке рассудок не теряет никогда. Я уверен, что он справится с задачей». На операцию Хаваджи взял с собой только четверых самых проверенных товарищей.

Весь взвод вязал плот для четверки смельчаков. Получился он надежным и прочным. Хаваджи и его товарищи взяли лучшие автоматы и пулеметы с проверенными дисками и с большим запасом патронов и ручные гранаты. Бесшумно отплыли во тьму. Вскоре плот уткнулся в высокий берег Днепра.

Недалеко слышалась немецкая речь. Быстро разгрузив плот, двинулись в тыл противника. Вдруг ночную тьму взорвала длинная пулеметная очередь. На противоположном берегу поняли – переправа удалась. Напористая атака наших четверых бойцов поселяла панику среди немцев: в夜里 им показалось, что на них наступает целая дивизия. Тем временем через реку без потерь переправился весь полк. Фашисты бросили против них танки, но ничего исправить уже не могли. Плацдарм был взят. За этот подвиг Хаваджи Магомед-Мирзоев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Во многих боях участвовал наш земляк, несколько раз был ранен. Но бой на окраине села Левковичи (Западная Украина) оказался для героя последним. О нем так писала фронтовая газета: «Немцы катятся на запад, но яростно огрызаются. Преследуя врага в одном из наступлений, эскадрон Хаваджи Магомед-Мирзоева попал в засаду. Фашисты рассчитывали быстро расправиться с красными бойцами, но на помощь им подоспел еще эскадрон. Зажатые в лощине гитлеровцы пошли в отчаянную атаку. «Не выйдет!» – кричал им Хаваджи, воодушевляя товарищей и яростно строча из пулемета. Но вскоре умолкли пулеметы его друзей: Сосанашвили – грузина из Тбилиси, Кузнецова – украинца из Донецка, Юнусова – узбека из Ферганы. Тяжело раненный Хаваджи продолжал удерживать врага, пока не подоспели свежие силы. Его, истекающего кровью, повезли в медсанбат, где он скончался день спустя...

«Перед смертью, – вспоминал позже житель села Левковичи Иван Назаренко, – Х. Магомед-Мирзоев успел сообщить одной из медсестер свою национальность и адрес и попросил написать родным, чтобы похоронили его по чеченским обычаям». Но не суждено было этому осуществиться: в это время народ героя вымирал от голода, холода, болезней в казахских степях и в киргизских горах.

Имя героя на долгие годы было предано забвению. Да и сейчас не все знают героя, хотя и названы его именем школы и улицы. Фактов этого пренебрежения к памяти героя множество.

Посмотрите, как написано название улицы в Грозном в его честь: не «ул. им. Х. Магомед-Мирзоева», а «ул. М. Мирзоева». И ни слова о нем самом...

Да и как знать о нем молодому поколению, если даже в школах, техникумах, ВУЗах – главных кузницах патриотов – на стенах, рассказывающих о ратных делах сынов Чечни, фамилию Хаваджи искажают, то ли из-за лени проверять, то ли из-за убежденности в своих познаниях, то ли, что вернес всего, из-за пренебрежения и равнодушия к истории своего народа. За примерами такого безразличия и ходить далеко не надо. В самом центре г. Грозный, в одной из главных школ города – гимназии № 41, где учатся тысячи детей, при входе сразу же бросается в глаза стенд об участии чеченцев в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) и на нем – галерея Героев. И что же мы видим? А видим снова оскорбительно искаженную фамилию Хаваджи: «Герой Советского Союза М. Мирзоев». И это в школе, где, наверное, изучают родную историю. Только чему она детей учит, интересно.

Еще факт. В фундаментальном двухтомном справочнике «Герои Советского Союза» (г. Москва, 1987 г.) среди более чем 12 тысяч других не нашлось почему-то места Х. Магомед-Мирзоеву! И публикаций о нем очень и очень мало. (В этом и наша, журналистской братии-вина). К счастью, все это ничуть не умаляет подвиги Героя Советского Союза Хаваджи Магомед-Мирзоева, который будет жить в памяти народа вечно.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ – ПОДВИГ

До начала чеченских войн, в ходе которых почти полностью уничтожены исторические, духовные и культурные ценности нашего народа, в фондах Национального музея Чеченской Республики хранились документы и личные вещи снайпера, Героя Советского Союза Абухажи Идрисова. При их экспозиции посетителей музея особенно восхищала его снайперская винтовка и воинская книжка, в которой записывались боевые счета героя, показавшего в годы Великой Отечественной войны мужество и смекалку, стойкость и терпение. Так, 10 марта 1943 года в книжке сделана запись: «Имеет на своем счету истребленных фашистов триста девять»). С гордостью читали они и вырезку из газеты «Вечерняя Москва», хранящуюся в фонде героя, в которой 23 апреля 1943 года было написано: «Триста девять фашистов сразил сын свободной Чечни коммунист А. Идрисов. Бьет он их в обороне и в наступлении, днем и ночью не дает он передышки врагу. Равняйтесь на отважного снайпера!» В папке хранился и подлинник письма его жене от командира части, в которой служил Абухажи. В нем были такие строки: «А. Идрисов беспощаден к врагу, он мстит за страдания своих братьев – русских, украинцев, белорусов и других, временно попавших в немецкую неволю».

Мне же посчастливилось быть лично знакомым с Абухажи Идрисовым, встречаться и говорить с ним, человеком удивительно скромным, избегавшим славословия, восхищения и шума вокруг себя. Было это в восьмидесятые годы прошлого века, когда я работал на Грозненской студии телевидения и готовил передачи о ветеранах Великой Отечественной войны. Особое внимание было уделено подготовке телевизионного очерка о жизненном и боевом пути А. Идрисова, единственного тогда живого чеченца – Героя Советского Союза. Много было сделано аудиозаписей и снято кинопленки о нем, но все, к сожалению, сгорело в огне первой чеченской войны. По черновикам этих записей, по памяти и по некоторым публикациям о нем, я и

постарался сегодня восстановить жизненный и боевой путь героя.

Но сначала – один из эпизодов фронтовых будней Абухаджи Идрисова, пожалуй, самый памятный для него. Однажды в одной из засад он выследил и сразил одним выстрелом важного, как потом оказалось, немецкого генерала. Это переполнило чашу терпения фашистов, которым снайпер и до этого наносил огромный вред, и они привезли на этот участок фронта самого лучшего снайпера Германии специально для уничтожения А. Идрисова. Что он шутить не собирается, фашист показал с первого же дня, убив одного за другим четырех снайперов из десяти, которых лично отбирал в свою команду и обучал Абухажи: неопытные еще, они попадались на хитрые уловки немца. После этого и началось тяжелое противостояние двух снайперов, испытание нервов, выдержки, смекалки и отваги.

Фашист был хитер, умен, находчив: часто менял позиции, умело маскировался, стрелял наверняка. Но и наш земляк тоже не лыком был шит. Четыре дня он охотился за немецким снайпером, незаметно выходя на позицию, укрываясь в разных окопчиках, выискивая его днем и ночью. Выжидал, хитрил, готовил «куклы». Но фашист каждый раз уходил невредимым. Только на пятые сутки охоты, когда Абухажи еще затемно ушел в засаду, где, по его предположению, должен был появиться противник, ему повезло. Только он приподнял голову, раздался выстрел. А. Идрисов ответил, но промахнулся, а врага все же засек. До вечера целый день сидел он без движения, и не выдержали нервы у фашиста: он сделал одно только движение – и один выстрел решил судьбу его. Снайпер А. Идрисов победил и в этой смертельной дуэли, и за свой подвиг был награжден орденом Красного Знамени.

Родился Абухажи Идрисов в с. Бердыкель 17 мая 1918 года. Учился в школе, но не долго: рано пришлось идти работать – был чабаном в родном колхозе «Советская Россия». В октябре 1939 года призван в Красную Армию. Служил в одном из ба-

тальонов 550-го полка 125-й стрелковой дивизии, которая, будто чувствуя неизбежность войны, усиленно строила оборонительные укрепления вдоль западной границы. В дни службы выучился на пулеметчика.

Великая Отечественная война для Абухажи Идрисова началась в пять часов утра 22 июня 1941 года, когда их батальон был поднят по боевой тревоге и совершил марш-бросок к границе, где уже шел бой с наступающими фашистами. Этот его первый бой продолжался целый день, полк понес большие потери, но не отступил ни на один шаг. И весь день был по врагу пулемет Абухажи. Ночью по приказу командования корпуса дивизия начала отходить, ведя встречные бои. Отступала почти месяц, пока в июле 1941 года не закрепилась на линии Псков-Великие Луки, отражая ежедневные непрерывные атаки немцев, рвущихся к Ленинграду. Полк, в котором служил Абухажи Идрисов, держал оборону между озерами Ильмень и Селигер, где было множества болот, которых очень боялись гитлеровцы. Начались долгие позиционные бои, которые продолжались с начала осени 1941-го до середины декабря 1943-го года. Здесь впервые и стал наш земляк снайпером.

— Случилось это так, — вспоминал А. Идрисов. — С разрешения командира полка, я устроил для пулемета особое гнездо, относительно удобный дом, оставив в сторону врага узенькую прорезь, но с широким обзором. Когда начинались зимние морозы, немцы, не привыкшие к холодам, редко выходили из укрытий. И я нашел себе интересное занятие: целый день сидел в своей долговременной огневой точке, наблюдая за фашистами и, как только кто-нибудь из них появлялся в поле зрения, снимал его одиночным выстрелом из пулемета. Эти мои упражнения заметил мой взводный командир, на вопрос которого: «Сколько фрицев убито тобой подобным образом?» — я ответил: «Двадцать два за месяц». Он сообщил об этом комбату, тот — командиру полка, который вызвал меня к себе и сказал:

— Твой командир сообщил мне, что ты за месяц вывел из строя двадцать два фашиста. Это замечательно. Мы решили

направить тебя в Москву на курсы снайперов на несколько месяцев. Вернешься и организуешь в полку снайперскую группу. Согласен?

— Разрешите подумать, товарищ командир.

— Да что тут думать? Ты знаешь, кто такой снайпер? Он может действовать по своему усмотрению на любом участке фронта. И от всех ему почет к тому же. Да и вдали от войны, три-четыре месяца — в Москве!

— Разрешите, товарищ командир. Я подумал и прошу оставить меня в полку: я к нему привык. Трудно мне с товарищами расставаться. А там после курсов вдруг в другой полк назначат. А снайперскому делу я и здесь выучусь — невелика мудрость.

И меня оставили в полку. Через два-три дня в наш блиндаж зашел комроты с очень хорошо одетым красноармейцем и говорит:

— Абухажи, по приказу командира ты назначаешься снайпером батальона. Вот тебе винтовка с оптическим прицелом. Береги ее, как свой глаз. А этот красноармеец вызван из дивизии. Он — снайпер, научит тебя обращаться с винтовкой и пользоваться оптическим прицелом. Начните сегодня же. Пойдите в лесок, постреляйте по мишени. Отныне каждый снятый фашист будет записан на твой личный снайперский счет. И начнется он с двадцати двух.

Так стал снайпером Абухажи Идрисов, которому вскоре было присвоено звание сержанта. А мастерство снайперской стрельбы он освоил быстро, потому что метко стрелять научился еще до призыва в армию в школе «Осоавиахима», где был признан лучшим среди «Ворошиловских стрелков». А для уничтожения фашистов и увеличения своего счета Абухажи придумывал все новые и новые хитрости: рыл по несколько окопов и выставлял в них муляжи, а сам сидел в одном, зорко следя за передним краем; вопреки запрету, уходил в заранее вырытые по нейтральной полосе ночью окопчики и т.д. Это приносило свои резуль-

таты. Помогали снайперу и упрямый характер, выдержка, находчивость и природная смекалка.

— Однажды, сидя в одном из окопчиков на «нейтральной земле», которых я вырыл в большом количестве, — вспоминал Абухажи Идрисов, — я заметил, как из командного пункта противника выскоцил солдат и побежал куда-то. Я мог бы его легко снять, но подумал, что неспроста он так спешит, пренебрегая даже безопасным ходом сообщения. Вскоре в оптическую трубу я заметил, что тот же солдат идет назад, сопровождая офицера. За ним к командному пункту стали стекаться другие офицеры. Значит, решил я, важная птица прилетела, может быть, даже генерал, и будет совещание. И значит, он обязательно захочет в бинокль осмотреть наши позиции. Я на всякий случай навел винтовку на вход в КП и не ошибся: вскоре над бруствером показалась голова, руки поднимали бинокль. Я выстрелил, и голова исчезла. Еще два выстрела — и офицера с солдатом тоже не стало. Я быстро-быстро покинул свой окопчик. Позже от пленного немца мы узнали, что убил я генерала, инспектировавшего наш участок фронта. За него я был награжден орденом Красной Звезды.

И постепенно стал Абухажи Идрисов знаменитым, его имя гремело по всему Северо-Западному и соседним фронтам. Он стал настолько популярным, что снайперов из его группы стали приглашать на помочь другим участкам фронта для уничтожения живой силы противника. Так, в октябре 1942 года он был приглашен на один из труднейших участков фронта, где ожидалось наступление врага. Об этом в газете «Причулымская правда» (Томская область) так вспоминал в 1983 году (в год смерти снайпера) однополчанин Абухажи, свидетель его подвигов А. Деряев: «Бой был тяжелый. От разрывов бомб и снарядов мы не могли даже головы поднять. Немецкие танки и пехота показались из кустов и оврагов. Но А. Идрисов с товарищами-снайперами из своей группы не дрогнул а, напротив, обрадованно подумал: «Теперь не надо выслеживать цели — они

сами идут на меткие выстрелы». Когда фашисты подошли близко, сержант скомандовал своим снайперам: «По врагу — огонь!». И они дружно открыли огонь, особо выискивая офицеров. Ряды гитлеровцев быстро редели, и они залегли, а танки в нерешительности остановились и дали задний ход. Вражеская атака была отбита. За ней последовали вторая, третья, четвертая — и все безуспешные, потому что на пути фашистов встал чеченский парень, герой-снайпер А. Идрисов. В этих ожесточенных боях, продолжавшихся десять дней, он один уничтожил более ста неприятелей».

В политдонесении командира 370-й дивизии, в которой восвал тогда наш земляк, от 3 апреля 1943 года было подтверждено, что к этому времени за А. Идрисовым числятся более трехсот уничтоженных фашистов.

После прорыва блокады Ленинграда А. Идрисов вместе с боевыми товарищами участвовал в освобождении городов и сел Псковской области, республик Прибалтики, Польши, уже старшим сержантом, как сказано в кратком биографическом словаре «Герои Советского союза» (г. Москва, 1987 г.), воевал в составе 1232 стрелкового полка 370-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии Прибалтийского фронта, и уничтожил к марта 1944 года триста сорок девять фашистов: целый батальон! За эти подвиги Указом Президиума Верховного Совета СССР — через четыре месяца после невинной депортации чеченского народа — 6 июня 1944 года Абухажи Идрисову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В сентябре 1944 года в г. Мозовец (Польша) была открыта выставка, рассказывающая о боевом пути Первого Белорусского и Прибалтийского фронтов и лучших бойцов их. В одном из залов ее нашему земляку был отведен специальный стенд с его фотографией, снайперской винтовкой и надписью: «Славный сын чеченского народа — Герой Советского Союза Абухажи Идрисов уничтожил около трехсот пятидесяти фашистов». К сожалению, ему не довелось увеличить свой личный счет: в

одном из боев осколком разорвавшейся рядом мины он был ранен и засыпан землей. Товарищи раскопали Абухажи Идрисова и отправили в госпиталь. Четыре месяца провел он в госпитале г. Горький и после выздоровления и демобилизации поехал наш герой-снайпер не в родную Чечню, а в Казахстан, где жила его семья, как спецпереселенец. Жил в г. Алма-Ата, потом – в Талды-Курганской области. Работал в сельском хозяйстве: чабанствовал, как до призыва в Красную Армию в далеком 1939 году. Занимался этим и после возвращения на Родину в 1957 году. Правда, в последние годы выполнял и другие работы в г. Грозный, где жил с семьей до последних дней. До сегодняшних дней живы его сыновья и дочери.

Благодарные потомки не забывают героя, хотя уже более двадцати лет (он умер в 1983 году), как его нет с нами: его имя золотыми буквами выбито в музеях Великой Отечественной войны на Поклонной горе в г. Москва и г. Новосибирск. Отдельный уголок был у Абухажи Идрисова в Национальном музее Чеченской Республики, который почти полностью, к сожалению, уничтожен в ходе боевых действий первой и второй чеченских войн. Именем героя-снайпера названа одна из улиц г. Грозный в районе железнодорожного вокзала (бывшая 2-я Советская). Славный сын чеченского народа Герой Советского Союза Абухажи Идрисов по праву заслужил это право – жить в памяти людской вечно.

А помнить о таких великих, но очень скромных тружениках Великой Отечественной войны, гордиться подвигами их, брать пример с них – долг каждого чеченца, ибо сказано мудрыми: «Если мы выстрелим в прошлое из пистолета, то будущее выстрелит в нас из пушки». Будем надеяться, что этого с нами не случится.

«ЗВАНИЯ ГЕРОЯ ДОСТОИН...»

Жизнь во все времена жестоко несправедлива к чеченскому народу, и продолжает оставаться предвзято несправедливою до сих пор к одному из славных сыновей его – Герою Советского Союза Ирбайхану Бейбулатову. Даже сегодня, когда можно говорить правду об истории чеченского народа и подвигах его исторических личностей, когда все герои восстанавливаются в своих добрых именах и национальной принадлежности, недоразумение в отношении Ирбайхана Бейбулатова не устранено: он до сих пор остается отлученным от своего народа, называется представителем чужой национальности. Так, в биографическом словаре «Герои Советского Союза» (г. Москва, в 2 томах, Т. 1, 1987 г.), выпущенном военным издательством, черным по белому написано: «Бейбулатов Ирбайхан Адылханович родился в с. Осман-Юрт, ныне Хасавюртовского района Дагестанской АССР, в семье крестьянина. Кумык».

Да, здесь все правда, кроме национальности. И. Бейбулатов действительно родился в с. Осман-Юрт Новолакского (ныне Хасавюртовского) района Дагестана в семье крестьянина-бедняка в 1912 году. С 1944 года, когда насильственно была уничтожена Чечено-Ингушская Республика и пересмотрена ее история, до 1957 года, когда она снова была восстановлена, И. Бейбулатов, как и легендарный пулеметчик, Герой Советского Союза Х. Нурадилов, считались Героями Дагестана (и это справедливо, потому что они уроженцы его). Но они – сыны чеченского народа. В Чечне они жили и учились, а значит, лучшие годы своей жизни провели в Чечне. До 1957 года они считались кумыками, потому что слово «чеченец» было под запретом. Но с 1957 года национальность Х. Нурадилова была восстановлена, а И. Бейбулатову все еще отказано в ней, хотя уже прошло более шестидесяти лет со дня его гибели и пятидесяти лет со дня восстановления республики.

В этом году ему исполнилось бы девяносто пять лет, но не исполнится, потому что погиб он в бою, как настоящий воин, в тридцать один год.

Вот как это случилось.

На рассвете советские танки ворвались на окраину Мелитополя. Под их прикрытием, без потерь, шел батальон, которым командовал старший лейтенант И. Бейбулатов. По приказу генерала Крейзера, он создал штурмовые группы для уличных боев. Вот уже четверо суток шли бои за каждый дом, подвал, этаж. Девятнадцать атак танков противника и пехоты отбили бейбулатовцы. День и ночь слились воедино. Было уничтожено более тысячи гитлеровцев. И всегда там, где было трудно, где усиливалось сопротивление врага, впереди штурмовых групп вырастала знакомая для всех бойцов крепкая фигура командира батальона И. Бейбулатова.

На пятые сутки Иrbайхан повел своих бойцов в решительную атаку на врага. Из-за дома неожиданно вывернулся немецкий танк. «Бить по смотровым щелям!» – приказал Иrbайхан пулеметчикам и автоматчикам, а сам ловко, как кошка, бросился в обход танка. После боя Иrbайхан тяжелой походкой возвращался к своим бойцам. Высунувшись из полуразрушенного подвала, старушка протянула ему ковш с водой и, участливо глядя на его закопченное пороховым дымом лицо, спросила:

– А издалека ли ты будешь, сынок? Не здешний ли? Уж очень похож...

– Издалека, – устало ответил Иrbайхан. – Кавказ знаешь? Оттуда я, чеченец. До Мелитополя дошли, теперь дальше пойдем. До победы.

Но не пришлось ему идти дальше Мелитополя: на шестые сутки уличных боев, подняв своих бойцов в очередную атаку, бросившись на врага, Иrbайхан смертельно раненый упал, чтоб больше не подняться никогда. В письме, адресованном в с. Осман-Юрт матери Героя Есимат, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Всесоюзный староста Михаил Ивано-

вич Калинин писал: «Ваш сын погиб за Родину, до конца выполнив свой воинский долг. Он звания Героя достоин и удостоен. Утешаю вас тем, что Герои не умирают. Они будут жить в веках!»*

Думал ли мальчик из большой крестьянской семьи, родившийся и росший в неприметном селе, что станет когда-то гордостью и славой родного народа? Кто знает и кто скажет? Но ясно одно, что всей своей жизнью он готовился к этому. Был смелым, шустрым, любознательным, все схватывал на лету. Успешно окончил сельскую школу и в 1938 году – Грозненское педагогическое училище.

По окончании училища Иrbайхан вернулся в родное село, в родную школу, работал в ней учителем, директором (сегодня она по праву носит имя Героя). В 1941 году был призван в ряды Красной Армии и направлен на учебу в Буйнакское военно-пехотное училище, которое в составе 690-го стрелкового полка сразу же после начала Великой Отечественной войны было передислоцировано на фронт и заняло оборону под местечком Зимовники. По пути на «фронт Бейбулатов успел побывать дома, попрощаться с матерью, родственниками, односельчанами».

Трудно было Есимат отпускать на фронт Иrbайхана. Уже трое ее сыновей, братьев Иrbайхана, – Бейсолт, Магомет и Махмуд – уехали на Запад, надев военную форму, – писала газета «Грозненский рабочий» 25 июня 1941 года. – Прощаясь с матерью, Иrbайхан сказал: «Мать, в нашем доме не остается мужчин. Но имею ли я право оставаться с тобою в час, когда на Родину обрушилась беда? Посмотри мне в глаза, нана, и скажи: будешь ли ты любить сына, который в час опасности домашний очаг поставит выше чести народа? Я знаю мать, что скорее согласишься видеть меня мертвым на поле боя, чем живым, спря-

---

*«Герои Советского Союза». Краткий биографический словарь в 2-х томах. Т. 1. Москва, Военное Издательство, 1987 г. С. 105–106.

тавшимся от сражений», – закончил Ирбайхан. И мать в ответ сказала: «Ты уходишь, сын, на войну, оставляешь мне гордость, а не слезы».

Воевал И. Бейбулатов отважно, служа примером не только бойцам своего взвода, но и батальона, которым командовал позже. Случаев отличиться было множество на этой жестокой войне.

... Перед рассветом полк должен был идти в наступление. Бой предстоял горячий: было приказано освободить высоты, где немцы закопали в землю танки. Ирбайхан под покровом ночи со своим пулеметным взводом полз к позициям врага. Солдаты катили за собой «максимы», волоком тащили патронные ящики, рвали проволочные заграждения. С рассветом откуда-то сзади загрохотал залп «катюш», заработала артиллерия. Передний край немцев заволокло разрывами снарядов и мин. Взвод Ирбайхана со всем полком бросился вперед. Немцы быстро пришли в себя, заработала их артиллерия. Падали солдаты, дрожала земля...

Ирбайхан в разорванной гимнастерке, с автоматом на плече бежал впереди своего взвода. Вместе с комиссаром, земляком, он первым прыгнул в траншею врага. Огромный немец бросился со штыком на комиссара, но Ирбайхан опередил его, в воздухе блеснул кинжал, который командир всегда носил с собой. Высота была взята, и бойцы стали готовиться к отражению контратаки.

... Морозный январский день 1943 года. Тяжелый бой на подступах к станции Пролетарская. Зажатый в кольцо враг яростно сопротивляется. За короткий зимний день батальон, в который входит рота И. Бейбулатова, отбивает десятую контратаку фрицев. От пулемета к пулемету перебегал Ирбайхан, помогая своим бойцам точно вести огонь, подбадривая дружеским словом, улыбкой. На один из флангов прорвалась группа фашистов. Еще миг – и за ними устремятся тысячи. Бейбулатов сам схватил пулемет, и вражеские тела завалили проход. Противник откатился назад. «Ура!» – вскочил Ирбайхан и бросил

ся вперед, увлекая за собой роту. — «Наша берет! Смерть врагу!» Вдруг что-то сильно ударило ему в грудь. Во рту стало солено, свет померк. Солдаты бросились к командиру, но немцы бросились в новую контратаку, и бейбулатовцы, оставив его, встречным огнем отбросили фрицев. В далеский Осман-юорт матери Ирбайхана Есимат было отправлено письмо о геройской гибели сына. Но он очнулся на госпитальной койке после операции. Спустя месяц, он письмом успокоил мать, что жив еще, что хоронить его еще рано. И еще он узнал, что за отвагу награжден орденом Красной Звезды.

В родной полк Ирбайхан Бейбулатов вернулся уже старшим лейтенантом и командиром батальона. Он не имел права не вернуться, потому что писал в одном из писем матери: «В одном из боев я был тяжело ранен, так тяжело, что и сам себя считал убитым. Если люди сообщили о моей смерти, их винить в этом нельзя. И выходит по приметам, что долго буду жить, что с врагом мы еще повоюем!»

Но жить и воевать ему оставалось, оказывается, совсем недолго, всего десять месяцев. Он погиб в октябре 1943 года, освобождая от врагов г. Мелитополь. В представлении его к званию Героя было сказано: «В боях за город Мелитополь стрелковый пулеметный батальон под командованием старшего лейтенанта Ирбайхана Адылхановича Бейбулатова выбил врага из центральной части города, подавив свыше ста огневых точек, отразив девятнадцать контратак танков и пехоты, уничтожив более 10 танков и свыше тысячи фашистов. И. Бейбулатов лично уничтожил два танка и более двадцати немцев...». Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды присвоено Ирбайхану Бейбулатову 1 ноября 1943 года.

Погиб же он 26 октября 1943 года. Похоронен с воинскими почестями в парке им. С.М. Кирова г. Мелитополя. И поконится он там до сих пор как кумыкский герой, а не как славный сын чеченского народа. УстраниТЬ же эту несправедливость — долг историков и патриотов Чечни. УстраниТЬ во имя памяти отважного героя Ирбайхана Бейбулатова, обретшего бессмертие в бою.

Примечания. В двухтомном словаре «Герои Советского Союза» – неточность. В нем сказано, что И. Бейбулатов окончил два курса Хасавюртовского педагогического техникума, чего в действительности не было.

В словаре еще одна неточность: говорится, что И. Бейбулатов работал перед призывом в Красную Армию заготовителем, что тоже не соответствует действительности. Цель – признать его биографию, приземлить.

В военно-пехотном училище г. Буйнакска (Дагестан) И. Бейбулатов учился до конца 1942 года. С января 1943 года – в действующей армии, на фронте. 69-й стрелковый полк входил в 126-ю Горловскую стрелковую дивизию (командир соединения генерал-майор Казарцев, который и представил И. Бейбулатова к званию Героя Советского Союза) 51-й армии (командующий генерал-лейтенант Крейзер, который поддержал представление и ускорил Указ Президиума Верховного Совета СССР) 4-го Украинского фронта.

«СТРАХА ОН НЕ ЗНАЛ...»

В марте 1943 года смертью героя на земле Новгородчины погиб чеченец – партизан Зяудин Ахматханов, прошедший с боями леса Ярославской, Калининской, Псковской и Новгородской областей. Там он и похоронен в братской могиле, там и стоит памятник ему...

Это все о нем. Командир Ярославского партизанского отряда Б.Л. Соколов: «Ахматханов был одним из первых добровольцев нашего отряда. Несмотря на тяжелые зимние условия и на то, что отряд базировался в лесах, которые немцы и полициаи часто прочесывали, партизаны держались бодро, не падали духом. Особенно отличался своим веселым, неунывающим нравом Ахматханов. Часто шутками и танцами он подбадривал бойцов».

Бывший командир партизанской группы М. Волков: «Всех, кто находился в отряде, в целях конспирации называли только по именам и кличкам. Ахматханова я знал по партизанской кличке – Захар. Он храбро сражался с врагом, был находчивым и сметливым, участвовал во всех операциях, которые мы проводили в тылу противника».

Бывший командир подрывников отряда М. Шатов: «В подразделении плечом к плечу с русскими, украинцами, татарами героически сражался сын чеченского народа Зяудин Ахматханов. Страха он не знал».

Примеров этому множество. У Карповского разъезда, что на Ярославской железной дороге, партизанам предстояло приступить под откос немецкий поезд с боеприпасами и на несколько дней остановить движение на важном участке. Но и фашисты не дремали: контролировали все, подойти скрытно к стальным ниткам было непросто. Поэтому командир отряда не стал приказывать, а только спросил негромко:

- Кто хочет фрицам подложить гостинец?
- Разрешите мне.

Не отрывая глаз от железной дороги, не поворачивая головы, командир сразу узнал говорящего по легкому кавказскому акценту и сказал коротко:

— Давай, Захар, но будь, пожалуйста, осторожен.

Зяудин взял мину и пополз к рельсам. Командир видел, как ловко он закладывал мину. «Молодец, парень, действует умело», — только успел подумать он, как неожиданно показался немецкий патруль на дрезине. Ахматханов мог еще успеть отойти в укрытие, и его друг Козуб делает ему отчаянный знак: «Отходи!» Зяудин же, заметив дрезину, бросился снимать установленную мину, затем быстро замаскировал следы!.. Он успел проделать все это и, не разгибаясь, скатился в укрытие — в кювет. Патруль, ничего не заметив, проскаакивает мимо. Партизан какое-то время лежит, выжидает. Снова спешит к полотну, бережно укладывает мину и дополнительный заряд и только тогда отходит к своим. Показывается немецкий эшелон, раздается оглушительный взрыв, паровоз заваливается набок, увлекая за собой вагоны...

— Вот и приехали, господа хорошие, — скорее самому себе, чем товарищам, говорит командир М. Шатов, до этого волком смотревший на Зяудина, не отошедшего по сигналу. И, довольный, положив руку на плечо Захара, сказал скучо: «Молодец, отлично сработал!» Николай Козуб — отважный партизан, с которым Зяудин сдружился с первой же встречи и который стал ему роднее брата, — просто подошел к другу и хлопнул его по плечу...

Долгим был путь Зяудина Ахматханова в Ярославский партизанский отряд. Родился он в далеком горном чеченском селе — гнездище орлов — в Итум-Кали. Из него вышло немало известных не только в Чечне, но и во всей России мужественных сынов чеченской земли, в числе которых один из защитников легендарной Брестской крепости, Герой Советского Союза М. Узев, брат Зяудина, ветеран Великой Отечественной войны Зака Ахматханов и многие другие.

пока видят мои глаза, а руки держат оружие. Буду мстить фашистскому зверю за каждую каплю крови моих братьев, сестер, детей. Вот мой ответ Гитлеру!» Подумав, он добавил: «Доверие командования и товарищей оправдаю с честью. Если горец сказал: «сделаю!», значит, это будет сделано!»

И это было действительно так. В операциях партизан Зяудин показывал чудеса храбрости. Однажды партизаны отряда Шатова получили из центра приказ уничтожить большой железнодорожный мост, который усиленно охранялся фашистами. Подступиться к нему было невозможно. Командир посоветовался с разведчиками, и Зяудин предложил дерзкий план: подплыть по течению реки, прячась за бревна, дыша под водой через трубку, и – взорвать! Сам же и вызвался выполнить свой план. И мост был взорван, благодаря смелости, смекалке и находчивости Зяудина, без жертв со стороны партизан.

… Еще в древности замечено, что такие безоглядно храбрые люди не живут долго, тем более – на войне. Недолго прожил и Зяудин Ахматханов: ему не было и тридцати, когда он угас, мелькнув, как яркая комета на черном небе войны. Случилось это так.

В одном из боев тяжело ранило Козуба. Решено было срочно отправить его в больницу на санях. Сопровождать друга взялся Зяудин. У деревни Владимирцы, что в Новгородской области, они попали в немецкую засаду. Застрочил вражеский пулемет. Зяудин с большим трудом развернул сани, но немцы, угадав его замысел, расстреляли лошадей.

– Захар, друг, я не смогу, а ты беги в лес, – прошептал Николай.

– Я постараюсь их задержать.

Вместо ответа Зяудин схватил друга и бросился в кусты. Немцы были совсем рядом, когда Зяудин, раненный в бедро, присел на снегу. Он прилег и дал очередь из автомата по бегущим к ним из деревни фрицам. Впереди бежал офицер, партизан уложил его. Стали рваться мины. Когда прекратились их

разрывы, Зяудин, подняв голову, увидел, что немцы окружили их и подошли на расстояние броска гранаты. Козуб снова был ранен осколком в бок, стрелять уже не мог. Выхода не было. Оба поняли, что обречены. Но – только не плен!..

Зяудин увидел на ремне Николая ребристую гранату. Мысль созрела мгновенно: он жестом показал Козубу, что собирается сделать. Тот одобрил его план: «Понял тебя, Захар. Действуй!»

Гитлеровцы уже протягивали руки, чтобы схватить их, когда Зяудин выдернул из гранаты предохранительную чеку и в следующий миг отпустил рычаг запала!.. Взрыва, опалившего их и разметавшего немцев, друзья уже не услышали...

Услышав горькую весть, партизаны на следующий день одним броском освободили с. Владимирцы и отомстили за смерть боевых товарищей, перебив весь гарнизон врага. И в тот же день с почестями похоронили друзей. Положили их в одну могилу. «Чтобы неразлучны были, как при жизни», – решили партизаны.

Так и лежат до сих пор в братской могиле два друга. На надгробной плите выбиты простые слова: «Герои-партизаны – русский Николай Козуб и чеченец Захар (Зяудин) Ахматханов».

Всю Великую Отечественную войну прошел и во многих боях участвовал и брат Зяудина Зака Ахматханов. Вернулся живым, увешанный наградами. Прошел ад депортации. В 1957 годуступил на родную землю, многие годы проработал начальником Управления профтехобразования республики, был председателем Совета ветеранов войны... Нашел могилу брата, навещал ее.

Итумкалинцы очень гордятся своими именитыми односельчанами. Но время берет свое... Спустя шестьдесят лет после смерти брата перестало биться и сердце Заки Ахматханова.

Но братья-герои живут и будут жить в памяти народа чеченского как достойные сыны его. Да будет так. Аминь!

УСТРЕМЛЕННАЯ В НЕБО

Однажды, беседуя с молодыми людьми, — стройными и красивыми, умными и любознательными и, как все они считают себя в юные годы, гениальными, талантливыми и всезнающими, — я спросил: «А вы знаете, кто такая Ляля и какой след оставила она в истории чеченского народа?»

Все дипломатично и загадочно промолчали, пожимая плечами и выразительной мимикой давая понять, что или не знают о чем разговор, или знают, но еще сомневаются. И только один шустрый парнишка сказал убежденно и гордо: «Да, я знаю!» Я обрадовался, и с целью похвалить его и поставить в пример всем за знание истории, уточнил: «Так, кто же она?» Он со свойственной юности категоричностью, наивностью и безапелляционностью ответил: «Да она же — председатель жюри на передаче нашего телевидения «Телеседарчий» (была такая передача на ГТРК «Вайнах» в 2003–2005 гг. А.К.). Итоговые оценки обычно объявляет».

Я на время потерял дар речи, но, придя в себя, дипломатично, стараясь не обидеть в своих лучших чувствах юношу, не травмировать его упреком в незнании истории, мягко пояснил, что я имел в виду совсем другую Лялю — Насуханову, первую чеченскую летчицу, которая была славой и величием, примером мужества, целеустремленности и мудрости для многих поколений чеченской молодежи. Она была кумиром и знаменем молодежи, романтиков и мечтателей, которых, к счастью, было немало в семидесятие-восьмидесятие годы XX века. Ей поклонялись, ею гордились, с нею советовались, ее засыпали письмами. Ее прославляли поэты и композиторы, художники и публицисты, о ней снимали кинофильмы.

Это о ней писала газета «Правда» в 1963 году: «Вот Ляля Насуханова — первая летчица-чеченка... Она лстает над морями и над горами. Летает и в ветер, когда даже орлы не осмеливаются подниматься в воздух».

Это о ней говорил космонавт, дважды Герой Советского Союза Г. Береговой в газете «Советская Россия» в 1979 году: «Многих пилотов повидал я на своем веку, но, признаюсь, редко кого можно сравнить с Лялей по трудолюбию, настойчивости, любви к небу, к авиации. Она отлично знает теорию. Тренироваться готова бесконечно, будет отрабатывать фигуру высшего пилотажа до тех пор, пока не получится безукоризненно».

Это о ней писала другая, не менее знаменитая чеченка, народная поэтесса Чечено-Ингушетии Раиса Ахматова:

Раз Лялю к звездам позвала природа,
Путь показал к высотам взлет орла,
Она пошла.
Нелегкий путь прошла –
Такая уж была ее порода!

Родилась Ляля Насуханова в старинном чеченском селе Старые Атаги, являющимся колыбелью многих знаменитых людей, известных широко не только в Чечне, но и далеко за ее пределами, в 1939 году. Пяти лет от роду была депортирована как враг народа в неведомый Казахстан, где сполна познала тяжелую долю спецпереселенки. Она училась в школе, когда однажды, увидев летящий самолет, «заболела» небом, замечтала о звездных высотах и втайне от родителей записалась в кружок парашютистов Алма-Атинского аэроклуба. Правда, тайна открылась очень быстро: однажды, когда мать в отсутствие дочери делала уборку на ее столе, из одной книжки вдруг выпали «секретные документы» Ляли. Мать прочитала их, и ее чуть не хватил удар: ее дочь – парашютистка!

– Не женское это дело. Да и опасное... – начала было, мать разговор с дочерью, но, увидев решительное лицо Ляли, упрямый блеск в ее глазах, только рукой махнула. – Ну, да ладно уж. Делай, как считаешь правильным.

Знала она характер дочери: переубедить ее было невозможно. О том, что это дело не женское Ляля слышала и позже много раз и от многих. Это было в 1961 году, когда курсантка Саранского авиационного училища Ляля Насуханова после полета Юрия Гагарина в космос замечтала впервые о рейде в космос. Она писала, ходила упрямо по разным инстанциям. Ее выслушивали, к ней присматривались, ей обещали, но окончательного решения не принимали. Не отказывали, но и не утверждали. И тогда, надеясь на понимание и поддержку земляков, обратилась ко второму секретарю Чечено-Ингушского обкома КПСС. Но тот, вместо того, чтобы помочь первой чеченке-летчице, то ли из зависти черной, то ли из ревности к ее взлету, нагрубил Ляле: «Женщина должна рожать детей, а не лезть в реактивный самолет, и тем более в космос!» Но Ляля своим мастерством доказала, что авиация не менее женское дело, чем мужское.

В 1957 году Л. Насуханова вернулась на Родину и, так как в Чечне негде было учиться летному делу, поступила в Махачкалинский аэроклуб. Окончила успешно, продолжила учебу в Центральной летной школе ДОСААФ, затем – в Саранском летном училище и стала профессиональным летчиком-инструктором. Работала с курсантами и молодыми летчиками вначале в Махачкалинском аэроклубе, затем до самого ухода на гражданскую работу по выслуге лет в конце восьмидесятых годов XX века – в Центре подготовки летчиков ДОСААФ в Грозном, позже – в ст. Калиновская Наурского района. Несмотря на загруженность работой и трудную жизнь почти в полевых условиях, успешно закончила филологический факультет Чечено-Ингушского госуниверситета.

Совершенствуя свое летное мастерство и умножая добрую славу о созидательных талантах и возможностях родного народа, Ляля участвовала в различных международных, всесоюзных, всероссийских и зональных соревнованиях по самолетному спорту и высшему пилотажу. Летала на любых типах самоле-

тов и выполняла мастерски все фигуры высшего пилотажа, в том числе – на реактивных истребителях «МиГах», летать на которых разрешалось даже не всем мужчинам.

Публицист Р. Нашхоев так писал об этом эпизоде из жизни Ляли Насухановой в очерке «Орлиный взлет» (Сб. «На крыльях мечты», 1964 г.): «Генерал, Герой Советского Союза А.К. Пахомов – начальник авиационной учебной и спортивной подготовки ДОСААФ СССР – в течение четырех месяцев пробивал в ЦК КПСС решение о подготовке женщин-лётчиц на реактивных самолетах. В начале 1964 года оно все же было подписано. Под Калугой, в Воротынском учебном авиационном центре, из двадцати лётчиц СССР испытание на профессионализм выдержали семеро, в том числе – Л. Насуханова. И ей было доверено работать лётчиком-инструктором на самом совершенном в те годы реактивном истребителе «МиГ – 17».

Первые спортивные успехи пришли к Л. Насухановой в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого века: в г. Ростов-на-Дону на первенстве Южной зоны России по самолетному спорту она стала победительницей и получила диплом первой степени. Вскоре она приняла участие в мужских соревнованиях по высшему пилотажу, прошедших в г. Куйбышеве. В них Ляля снова заняла первое место, оставив позади 16 мужчин-пилотов, мастеров высшего пилотажа – лучшие из лучших. В августе 1963 года прошло одиннадцатое первенство СССР по самолетному спорту. В нем участвовали всего четыре женщины, а остальные – мужчины. И снова радость: Ляля завоевала серебряный приз, оставив позади тридцать шесть маститых именитых летчиков – мастеров спорта.

Но самым запомнившимся для Л. Насухановой был проведенный в октябре 1963 года впервые в истории отечественной авиации чемпионат СССР среди женщин по программе для мужчин. На нем Ляля заняла третье место, и отрыв от первого места составил обидных 0,7 балла! О ее спортивном подвиге газета «Грозненский рабочий» писала в ноябре 1963 года: «Наша

землячка блеснула выдающимся мастерством и оказалась в числе призеров по достоинству. От нее совсем недалеко ушла обладательница золотой медали – авиационный инженер москвичка Розалия Шухина. Она набрала 1127,8 очка, а Ляля – 1127,1. Только на 0,7 очка сильнейшая летчица страны опередила славную дочь нашей Чечено-Ингушетии. Но Шухина летает уже 12 лет, провела в воздухе более 700 часов и ей – 42 года. У нее колossalный опыт. А Ляле – всего 24 года и она делает первые шаги в авиации, но – какие!»

Главный судья соревнований Герой Советского Союза Анохин (заслуженный испытатель), генерал Пахомов, почетный гость, летчик-космонавт, Герой Советского Союза Николаев и другие от души поздравили Лялю с успехом. Генерал А.К. Пахомов, знавший о мечте Ляли слетать в космос, попросил Андрияна Николаева: «Оцените полет, достоин ли он космонавтики?» Тот, не задумываясь, ответил: «Да, достоин!» После этого он дружески побеседовал с Лялей, посидел в кабине ее самолета, дал дельные советы. После соревнований, восхищенный мастерством, мужеством и самообладанием летчицы, А. Николаев вместе со знаменитой Валентиной Терешковой (в г. Грозный была ее именем названа улица на берегу Сунжи – ее сегодня, к сожалению, не существует) написал письмо в газету «Грозненский рабочий». «Мы с большой радостью следим за успехами первой летчицы-чеченки Ляли Насухановой и гордимся ею. Мы много слышали рассказов о мужестве и отваге чеченской молодежи. А недавно, увидев на соревнованиях по высшему пилотажу Лялю, мы воочию убедились в правдивости тех рассказов».

Ляля Насуханова летала и воспитывала молодых летчиков до ухода на пенсию и на гражданскую работу. Двадцать два года и восемь месяцев работала она в авиации, последние четыре года была командиром звена реактивных истребителей «МиГ – 17». Она – одна из немногих летчиц, имевших налет 2560 часов, т.е. провела в воздухе более 17 суток; совершила

около ста прыжков с парашютом, обучила летному делу более двухсот летчиков, которые с любовью называли ее «мамочкой», или уважительно – Лялей Андарбековной, своей счастливой судьбой. Ее уважали, с ней дружили многие асы авиации и космонавтики: А. Николаев, В. Терешкова, В. Комаров, Г. Береговой и многие другие. Одни из них были нашими земляками, другие – друзьями чеченского народа. Бывая в гостях в Чечне, они первый визит наносили Ляле Насухановой и говорили о ней самые высокие слова. Вот что написано, например, в книге «Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1941–1980 гг.)» в хронике за 1979 г.: «В столицу Чечено-Ингушетии г. Грозный прибыл начальник Центра подготовки космонавтов, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Г.Г. Береговой. Вместе с ним прилетел ответственный секретарь комиссии спортивно-технических проблем в космонавтике Федерации авиационного спорта СССР И.Г. Борисенко. Сразу же по прилету они поехали к Л. Насухановой и стали ее почетными гостями. Г.Г. Береговой вручил ей Диплом Федерации авиационного спорта СССР за большие заслуги в авиационном спорте и личное участие в подготовке авиационных спортсменов и летчиков в системе ДОСААФ СССР.

Хорошую память оставила Ляля Насуханова и в годы гражданской работы: много лет трудилась вначале секретарем Грозненского сельского райкома КПСС, а затем – руководителем областного комитета профсоюза работников культуры. Пережила в г. Грозный первую чеченскую кампанию, стала беженкой в начале второй войны. Жила на родине мужа летчика – инструктора Н. Битарова в осетинском селе, недалеко от г. Владикавказ, и умерла там в 2000 году…

Я хорошо знал Лялю Насуханову, даже обслуживал (готовил к полетам) «МиГ», на котором она учила летному мастерству курсантов, бывал на сборах на учебном аэродроме ДОСААФ в ст. Калиновская. И как все восхищался и гордился ею. И конечно же посвятил ей стихотворение (перевод с чеч. А.К.):

Верность небу

(Ляле Насухановой)

Летят стрелою к солнцу самолеты —
Стройны, неудержимы и быстры.
На них мои товарищи-пилоты
Откроют неизвестные миры.

Один из них ведет чеченка Ляля
Уверенно, как будто бы всю жизнь
Она изящно птицей управляет
Стремительной и скорой, словно мысль.
И небо любит, небо ждет пилотов,
И широтою гулких трасс своих,
И высотой приворожив в полете,
К себе навек привязывает их.

На самолете Ляля мир объемлет,
Синь неба исходя за пядью пядь,
И возвратится на родную землю,
Чтоб сил набраться
И взлететь опять!

И имя ее и слава будут с нами всегда, потому что Ляля Насуханова была настоящей дочерью чеченского народа, честью и величием его.

ЖЕНЩИНА, СТАВШАЯ ЛЕГЕНДОЙ

10 февраля 1995 г. погибла на улице Первомайская г. Грозный Мадина Ельмурзаева, смелая медицинская сестра, всю себя отдавшая служению людям, служению добру. Она и умерла на посту, при исполнении своего нелегкого добровольного долга. Наш же долг – помнить о ней, об отважной женщине Мадине Ельмурзаевой.

Вот что рассказал о ней по моей просьбе человек, который был рядом с Мадиной в самые трудные в ее жизни дни войны января – февраля 1995 года, Руслан Исаев.

31 декабря 1994 года я совсем случайно оказался в Грозном, откуда должен был уехать в село. Войну встретил на ул. Первомайская, в подвале, куда попал, убегая от бомбардировки и артобстрела. 31 декабря по ул. Первомайская по обеим полосам движения начали входить войска – большие колонны танков, БТРов, солдат. Параллельно шли такие же колонны по ул. им. Лермонтова. Они сошлись в районе 1-й горбольницы и, не узнав друг друга, завязали между собой настояще танковое сражение. Не имея связи друг с другом, они с испугу видели в каждом движущемся объекте только врага, которого надо уничтожить. Поэтому сами федералы своих уничтожили в десятки раз больше, чем чеченские бойцы и ополченцы.

От бомбардировок, артобстрелов, боев федералов загорелись дома в районе 1-й горбольницы. Они горели с первого по четвертый этаж, напоминая пылающие корабли.

2 января 1995 года загорелся и дом, в подвале которого нас собралось свыше шестидесяти человек – старики, женщины, дети и все русские, кроме меня. В девятом часу вечера мы, буквально схватив детей и подхватив под руки стариков, под беспрерывным артобстрелом и бомбардировкой побежали по ул. им. Лумумбы и очутились в подвале детского сада № 25¹.

¹ Этот двухэтажный детский сад принадлежал заводу «Красный молот». Сейчас на его месте – пустырь и бурьян, как дикий лес.

Находившиеся там люди приняли нас с состраданием и благодаря запасу продуктов, оказавшихся в детском саду, мы продержались еще несколько дней.

В этом подвале я и встретил впервые врача Ельмурзаеву Мадину. Оказалось, что в ночь штурма Грозного она дежурила в первой горбольнице, где работала, и с большим трудом вышла из оцепления. Первое, что она сказала: «Нам хотя бы вокруг детского сада надо убрать трупы». И попросила помочь ей. Откликнулись пять-шесть человек. Я тоже. Но она не хотела, чтобы я выходил. «Ты, в отличие от других, большая мишень. И солдаты подстрелят тебя с радостью», — сказала Мадина. Но, тем не менее, я вышел с ней. Мы вначале подобрали несколько трупов и закопали тут же рядом на улице. Одновременно мы собирали документы или характерные вещи погибших.

Когда мы в очередной раз вышли из подвала хоронить трупы, жители многоэтажных домов улиц Первомайская, Бакинская, Татарская что с нами есть врачи и стали приходить за помощью. Эти измученные и оглушенные боями люди, просили нас приходить к тяжелым больным и раненым. И мы сталиходить все дальше и дальше от детского сада. Так как мы не могли и шага сделать, чтоб нас не остановили и не поставили к стенке озлобленные на все и вся федеральные солдаты, мы вынуждены были сшить из белых простыней халаты и нашить на них красные кресты, выдавая себя за сотрудников комитета Красного Креста республики.

7 января 1995 года мы узнали, что из района консервного завода отправляют беженцев в Моздок, Нальчик и другие города России. Когда мы вывели первые 20–25 человек, то поняли, что никакой организации и порядка там нет. Просто страшно передать, что там творилось — это надо было видеть! Военные привозили боеприпасы, выгружали, и тут же люди атаковали машины, чтобы уехать с ними. Паника была страшная. Люди давили друг друга. Ведь на «УРАЛы» и молодым взобраться трудно, а тут дети, женщины, старики, инвалиды. К тому же

военные отпихивали, не брали с собой. «Нам нельзя вывозить людей, не приказано», – кричали они.

Каждый раз, когда солдаты подзывали нас к себе, начинали проверять документы, мы не знали, чем это может закончиться, потому что для них мы были никто. Нашитый красный крест не означал, что они нас отпустят, или тут же не поставят к стенке, или не упекут в подвал до отправки в фильтропункт, если отправят, а не забыют тут же. Когда нас ставили к стенке и передергивали автоматы, то злобно ухмылялись: «Вам всем хана, вы отвоевались. Все вы моджахеды, все вы дудаевцы, все вы, проклятые чеченцы, помогаете им, собирая разведданные». Мы никогда не знали, чем это закончится.

Только благодаря Мадине мы не только осмеливались подходить к трупам (собирать их была наша главная задача), но и брать и класть их на носилки, производить опознание, описание каждого. Этого требовала Мадина – она оказалась мудрее нас, мужчин. Сейчас убеждаюсь, что она была права. Она занималась этим скрупулезно: кто, откуда, какой национальности и т.д. Мадина говорила: «Это нужно будет его родным. Может, с нашей помощью найдут рано или поздно этот труп и предадут земле как положено. В этом наша работа. Это угодно Все-вышнему. А мы что? Минутой раньше умрем, минутой позже, если суждено, какая разница? Зато мы поможем им». В этом она была непреклонна всегда. Дух вайнахов в ней был очень силен. И она делала все неторопливо, обстоятельно.

Мадина была настоящий врач, пусть не по образованию, но по призванию и умению. И то, что делала она, не смогли бы сделать многие; да многие и не пошли бы на это! Ее дела каждую минуту подтверждали, что, она врач волей Божьей. Мадина понимала в те дни, что если она не поможет раненым, то некому это сделать, ведь рядом не было медиков.

Она очень маленького роста была, хрупкая такая. Но как она эти тяжелые трупы поднимала, вытаскивала из-под развалин, как загружала в машины! Всех удивляла сила ее характера, настойчивость, решимость. Все Мадина делала без суеты, ос-

новательно. В поселке им. Калинина и сейчас ее должны помнить. Когда там 14 января 1995 года готовили к захоронению трупы, она подходила, очень легко и быстро клала их на носилки. Все, особенно старики, были удивлены и поражены, как эта хрупкая, маленькая женщина – Пола (Бабочка), как они сразу окрестили ее – так умело, четко делала все. Я считаю, что был у Мадины Божий дар – во всех ситуациях оставаться человеком.

Мадина очень любила поэзию. Сама писала стихи. Вела дневник. В свободные минуты всегда читала нам стихи чеченских поэтов. Читала так задушевно, что в эти минуты мы забывали обо всем. Собирала книги, журналы. При первой же возможности пробраться в Дом Печати она собрала изданные, но не дошедшие из-за войны до читателей журналы «Орга», принесла их нам и читала. Я просто поражался тому, когда после кошмарной работы, прия домой, все мечтали быстрее заснуть, чтоб забыть все дневные кошмары, Мадина садилась и писала стихи или дневник.

Погибла она трагически. В тот день Мадина не должна была работать, но не могла отказать в просьбе родственникам погибшего, хотя и знала, что солдаты часто минируют трупы.

Оказался заминированным и тот труп, который подбирала Мадина – под ним оказалась граната с выдернутой чекой. Когда его положили на носилки, Мадина только успела накрыть белой простыней – и прогремел взрыв прямо перед ней. Она погибла сразу, не было, слава Богу, мучений.

Мадина всегда говорила (рядом с ней погибло много людей, она много видела смертей и знала, что и с ней рано или поздно это случится): «Обидно будет, если я погибну случайно, идя по улице, от осколка или пули. Хотелось бы принять смерть, когда я буду оказывать помощь». Может быть, поэтому Мадина и относилась всегда ко всему философски, не оберегаясь, не пугаясь ничего.

Я уверен, что Мадина – одна из тех людей, которые достойны увековечивания памяти. Мадина – претендент номер один на звание героя народа или республики.

Из дневника Мадины: «Сегодня нас остановил офицер – меня и моего водителя Валеру. Он передернул автомат и направил на нас, со словами: «Я убью вас. Это из-за вас я потерял здесь вчера в бою 60 человек».

«Ну и воюйте с солдатами, если такие храбрые, а не с безоружными. Не мы же убили твоих солдат, как раз едем забирать трупы», – сказала я. Видя, что мы не испугались – страх давно умер – офицер отпустил нас.

Сегодня нашли нашу машину. Ее взорвали, кто – неизвестно. Погиб наш работник, водитель Красного Креста, 23-летний парень.

Скольких еще постигнет эта участь? Не ждет ли и меня смерть, не долго ли я хожу по краю ее?

(10 февраля 1995 год)

Постигла ее эта участь...

Эта последняя запись, сделанная рукой Мадины. Она предугадала свою судьбу: во второй половине дня Мадина погибла. Как она и мечтала, мгновенно, на боевом посту.

Хочется верить, что имя Мадины будет жить в сердцах благодарных людей и что наше руководство и народ найдут возможность увековечить ее имя для поколений. Она достойна этого.

Но, к сожалению, до сих пор ничего не сделано для этого. Видимо, никому этого не надо: не умеем мы чтить своих героев – все заняты другими делами...

ДЕВУШКА-ДЖИГИТ

Ей было восемь лет, когда случайно услышала она разговор отца со стариками, которые пришли в тот день в их бедный дом. Лица их Кужу не понравились, и она почуяла недобroе.

– Не отдавай девчонку в школу, Кака! Чему ее там научат? Не забывай своих обычaев. Аллах покарает тебя, – говорили гости.

Сердце Кужу гулко билось. Душа в ней замерла. Она ждала, что ответит отец. Кужу любила свой дом, отца, мать. Жилось им трудно и бедно. И если не сытно, не вдоволь. И одеждой пощеголять не могли. Но все в доме трудились от мала до велика, жили открыто, дружно и верили в завтрашний день. Айшат была солнцем этого дома. Целый день хлопотала по хозяйству: стирала, стряпала, штопала. Накормить, одеть девятерых детей – и в достатке хлопотное дело. А при бедности во сто крат трудней. И при этом для всех берегла мать в своем добром, мудром сердце слова привета и одобрения, каждого умела озарить, согреть и светом, и теплом своей ласки. Отец был сдержаным мужчиной. Но никогда не стремился казаться нарочито суровым. Дети знали: их любят, не дадут в обиду. И от этого росли уверенными, с чувством рано осознанного достоинства.

Но сейчас... Сейчас и Кужу ждала, затаив дыхание, что ответит отец этим сердитым старикам.

– Почему Аллах должен карать меня, если сам говорит, что люди должны учиться с первого дня жизни и до могилы? – услышала она его голос. Он был суров и решителен. – Пусть девочка строит свою жизнь, как велит ей сердце. А сердце ее тянется к знаниям. Кужу будетходить в школу.

И счастливая Кужу училась. Учились хорошо. Но сказать о ней «ходила в школу» было неверно. Она бегала в школу. И вообще жила стремительно, вприпрыжку. В крестьянской семье приходится делать всякую работу. Она любила ходить за лошадьми. И нередко по сельской улице, взметая облака пыли, про-

носилась верхом эта отважная девчонка, заставляя одних улыбаться, других хмуриться и недовольно качать головой.

Звонкая юность Кужу Баталовой пришла на то тревожное, смятенное время, когда в ее горном крае утверждалась новая жизнь. Она знала по себе, по своей семье, что новой власти бедняк-горец обязан всем, о чем веками прежде мы могли только мечтать: землей, волей, радостью выбирать свою судьбу и строить ее согласно своим понятиям, без оглядки на угрозы противников новой власти. Кужу хотелось быть полезной новому делу. Служить ему, как служил ее дядя Дами. В 1924 году он организовал в селе Товарищество по обработке земли и четыре года был бессменным его председателем. Ей хотелось служить этому делу, как ее отец – один из организаторов и первых председателей местного колхоза имени Пятого полка НКВД.

В тот колхоз и пришла она, окончив семилетку. Создала бригаду из таких же проворных девчат, какой была сама. Ее избрали звеньевой.

Работали они одержимо и весело, окрыленные молодостью, доверием, верой в безграничность своих сил и возможностей. Скоро о девичьем звене заговорили. Их называли ударниками, ставили в пример: по 40 центнеров кукурузы на круг с 15-гектарного поля собрало звено, работая вручную. Радовались успеху девчат друзья. Недруги цедили сквозь зубы: случай. И следующий год обещал им такой же урожай. И тогда, преодолев волнение, Кужу написала на листке из школьной тетради: «Заявление. Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола».

Четыре паренъка – вот и вся комсомольская организация колхоза того времени – отнеслись к заявлению серьезно. Собрание шло по всей форме.

Попросили рассказать биографию. Она рассказала.

– А ты знаешь, что будет трудно?

– Знаю.

– Может быть, придется платить за свои убеждения жизнью?

Стали приводить примеры:

— От Туты Исмаилова, одного из первых секретарей комсомольской ячейки, отказались родители. Это было в 1921 г. А вот недавно, пять лет назад, в 1930-м, погиб от вражеской пули секретарь Бачи-Юртовской комсомольской ячейки, директор школы Идрис Сулейманов.

— Знаю все, — отвечала Кужу. — Не передумаю.

Ее приняли. И она с головой окунулась в новую, желанную для нее деятельность. Ей поручили вести разъяснительную работу среди женщин-колхозниц. Она не жалела времени и сил.

Вообще этот 1935-й год был для нее счастливым и полным знаменательных событий.

— Кужу, к тебе приехали, — услышала она голоса подруг и, выйдя из зарослей кукурузы, увидела Гези-Махму Адсаламова, секретаря Шалинского райкома комсомола

— Ты любишь небо? — спросил он, без предисловий, улыбаясь.

Сколько раз завистливым взглядом она провожала в солнечной синей вышине серебристую стальную птицу. Но Гези-Махма ждал ответа, и она сказала:

— Люблю.

— Высоты не побоишься?

— Не побоюсь.

— Тогда поехали.

Дорогой он объяснил ей, что в Грозном организованы курсы парашютисток, и райком рекомендует Кужу на эти курсы.

Быстро промелькнули две недели теории. Пятьдесят девушки готовились к прыжкам. И вот пришло время. Они стояли, все пятьдесят курсанток, у вышки.

— Что, — спросил инструктор, — никто не решится?

— Почему никто? — вопросом на вопрос ответила Кужу и начала подниматься.

Кужу прыгнула. Не успев пережить ни страха, ни чувства опасности, она парила в синеве под нарядным шелковым куполом парашюта. Она прыгала еще и еще. Всего шесть раз. А потом вернулась домой. Поле ждало ее проворных рук.

Но жизнь не давала возможности тихим привычным делам взять верх над человеком. Райком комсомола задумал организовать в районе женский конный агитпробег.

Старожилы шалинские, наверно, еще помнят день, когда большой живописный отряд отправился в путь. В седлах — девчата в бешметах, черкесках. В середине колонны на тачанке — знаменитый гармонист Дуду, виртуоз и весельчак. Над колонной — транспаранты, лозунги. Отряд проделал путь из с. Шали до Ведено, а наутро отправился в Махкеты. Всюду встречали их восторженно. К ним присоединялась молодежь, пели, плясали.

Прошло немного времени, и девчата снова сели в седла. Теперь путь отряда девушек из четырех районов лежал в г. Грозный. Во главе отряда в триста человек была Кужу Баталова. Они прогарцевали через весь город, посетили места, где проходили Стодневные бои.

В первых числах октября 1936 года в Грозном начал работу первый областной съезд горянок. Кужу не была его делегатом. Но она тоже ехала в Грозный. Ей опять предстояло прыгнуть с парашютом, но не с вышки, как тогда, на тренировках, а с самолета. На аэродроме она увидела праздничную толпу, серебристую птицу, за которой с детства следила в небе с восхищением. И вот самолет в воздухе. От него отделяется крошечная точка и стремительно летит вниз. На поле все замерли: неужели что-то с парашютом? Он раскрылся почти у самой земли. И когда счастливую, радостную Кужу, тиская в своих объятиях, поздравляя, шутливо отчитывали, что, мол, это за шутки ты себе позволяешь, она весело ответила: «Хотела скорей встретиться с вами».

Ее посадили в президиум съезда. Она была героиней дня.

Такой была заря ее жизни. Вся остальная жизнь Кужу Баталовой была достойным продолжением этого начала. Она работала в райкоме и обкоме комсомола. В самый суровый 1941 год она стала коммунистом. Работала заместителем директора

МТС¹, на других должностях. Пережила годы депортации, где все время работала в колхозе.

Она давно уже на пенсии. Живет скромно, по-спартански, верная духу своей молодости. Почти всегда в пути. Ее зовут в школы, пионерлагеря. И она приходит к молодым — живая страница истории родной республики, ее молодежи. (1986 г.)

---

¹МТС — Машинно-тракторные станции. Они были созданы в 30-х годах и просуществовали до 70-х годов XX в., когда стали РТСами — ремонтно-техническими станциями. В МТС сосредотачивалась вся сельхозтехника и по заявкам колхозов и совхозов выполняла их сельхозработы.

ГВАРДЕЕЦ – ГЕРОЙ

Я познакомился с Канты Абдурахмановым в начале восьмидесятых годов прошлого столетия, когда, будучи старшим редактором Грозненской студии телевидения, готовил передачи о ветеранах Великой Отечественной войны. В те годы он работал директором рынка в Заводском поселке г. Аргун, рядом с городским профтехучилищем № 29. Когда я приехал к нему для предварительной беседы и приглашения в студию на запись передачи, меня встретил удивительно обаятельный, крепко сбитый человек невысокого роста с чисто горской внешностью, одетый в чеченскую национальную одежду. На груди его было тесно орденам и медалям – просто иконостас какой-то.

Мы познакомились и долго беседовали о его жизни, фронтовых дорогах, горестях и радостях – на его долю много чего выпало. Расскажу обо всем этом тезисно, как говорят, ибо, если подробно описывать всю жизнь Канты Абдурахманова, надо будет написать документальный роман, как минимум.

Родился в 1916 году в с. Устрада-Эвла (ныне – г. Аргун). Окончил школу, работал в местном колхозе. Мирный труд прервала начавшаяся в 1941 году Великая Отечественная война. С первых же дней просился добровольцем на фронт. Лишь в сентябре 1941 года Абдурахманова признали годным к строевой службе, а 10 октября он принял военную присягу.

В сентябре 1941 года Канты стал курсантом-артиллеристом школы младших командиров в Ташкенте. К. Абдурахманов выделялся среди курсантов своей старательностью и трудолюбием. В совершенстве изучал разные виды артиллерийских орудий. Его за это любили и уважали и боевые товарищи, и командиры.

После окончания школы младших командиров в июне 1942 года Канты служил в 174-м запасном стрелковом полку Средне-Азиатского военного округа. В феврале 1943-го его определяют помощником командира взвода 16-й отдельной запасной противотанковой дивизии. Рвался на фронт. Долго его рапорты

оставались без ответа. Поэтому в действующую армию Канты Абдурахманов попал только в начале 1943 года. И с этого времени безотлучно находился он в 156-м гвардейском стрелковом полку 51-й гвардейской стрелковой Витебской ордена Ленина Краснознаменной дивизии имени К.Е. Ворошилова 1-го Прибалтийского фронта. Командовал фронтом Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян.

Много было памятных и незабываемых эпизодов в военной биографии К. Абдурахманова, когда надо было проявить все бесстрашие и волю к победе. Но особенно памятны эпизоды боев в Белоруссии, когда в июне 1943 года началась знаменная операция советских войск по освобождению Белоруссии от фашистских оккупантов под кодовым названием «Багратион».

... 156-й гвардейский стрелковый отдельный Полоцкий полк стоял у Западной Двины. Однажды командир полка вызывает к себе гвардии старшину Абдурахманова и говорит:

— Нашему полку предстоит форсировать реку. Но мы не знаем, каковы силы противника, как он нас встретит. Необходимо провести разведку боем. Задача трудная и опасная. Ее мы поручаем вам, товарищ старшина. От умелого проведения этой разведки зависит успех всей операции. Возьмите с собой группу воинов по своему выбору и действуйте.

Командир крепко обнял и по-русски трижды поцеловал старшину.

Канты понимал, как нелегко будет пройти этот короткий путь с одного берега Двины на другой. Но ему выпала честь первому форсировать реку, проложить дорогу всей дивизии. Он гордился этим.

Погрузив на насухе сколоченный плот 76-миллиметровую пушку и станковый пулемет, Канты с пятеркой добровольцев отплыл от берега. Стояла тишина, о которой обычно говорят: затишье перед бурей. Так оно и было. Едва доплыли смельчаки до середины реки, как шквал огня обрушился на них. Воздух задрожал от разрывов снарядов, треска пулеметов. Заговорила

и наша артиллерия. Невыносимо трудно было удержать плот в нужном направлении и вести прицельный огонь, но они упорно продвигались вперед.

Вот и берег. Батарейцы закидали гранатами огневые береговые точки противника и установив пушку и пулемет, открыли огонь, отвлекая врага от основных наших сил.

В это время под мощной завесой артиллерийского огня сначала полк, а потом и вся дивизия начала форсировать реку.

И вот мощное «ура» прокатилось по вражескому берегу. Сотни трупов фашистов, десятки танков, орудий, пулеметов и много другой военной техники врага осталось на поле боя. За этот бой Канты и получил свой первый орден «Славы».

И такой случай из своей фронтовой жизни («О нем я никогда не забываю», признался, – герой) вспоминал Канты Абдурахманов.

«...Это было в июле 1944 года. Наш полк (360-й галубично-артиллерийский. А.К.) вел ожесточенные бои в районе города Западная Двина. Однажды меня вызвал к себе командир нашего полка и приказал:

– Вы должны пойти в разведку и установить расположение вражеских частей. Возьмите с собой десять бойцов и отправляйтесь на выполнение задания. Вас назначаю в этой группе старшим. Вам необходимо пройти по лесным дорогам и, производя на них завалы, минировать их. С наступлением ночи надо вернуться назад в часть.

– Есть, – ответил я и, отдав честь, вышел.

Отобрав 10 бойцов, я отправился на выполнение задания. Шли мы почти целый день по лесу, возводя по дорогам завалы и закладывая мины. Заодно выявляли и заносили на карту местонахождение воинских частей противника. Выполнив поставленную перед нами задачу, мы вышли из леса и стали ждать наступления темноты. Собирались ночью выйти на шоссе и вернуться в расположение нашего полка. И вдруг, неожиданно для нас, увидели движущуюся навстречу фашистскую конную разведку. По своей численности она была больше взвода,

в четыре раза больше нас. Вначале у меня возникла мысль: не скрыться ли в лесу. Но, увидев, с какой беспечностью они двигались, я изменил свое намерение. Ехали они словно по улице города в Германии, даже не выставив впереди дозорного. «Вот гады! – вырвалось у меня. – Едут и ничего не боятся».

Разделив разведчиков на две группы, я расставил их по обеим сторонам дороги и приказал не стрелять без моей команды. Возглавлял конный отряд немецкий офицер с трубкой во рту. Рядом с ним ехали два ефрейтора. Остальные же двигались обычным порядком: по троем в строю. Как только колонна поравнялась с нами, я дал команду: «Огонь!»

И сейчас же занялся ураганный огонь из автоматов и пулеметов. В первые секунды были убиты все офицеры, среди фашистов поднялась паника. Они стали беспорядочно отступать, оставляя на месте своих убитых и раненых: видно, противник принял нашу небольшую группу за многочисленный отряд. В этом коротком бою нашими разведчиками были убиты около 20 фашистов и взяты первые трофеи: три пулемета – два ручных и один станковый, много винтовок. Однако, главным трофеем для нас в этом бою оказался планшет немецкого офицера с документами, с пометками на карте местонахождения гитлеровских воинских частей. Эта карта потом сыграла большую роль для нашего командования при проведении операции по уничтожению противника.

После этой успешно проведенной операции мы вернулись в расположение нашего полка. Потерь с нашей стороны в этот день не было: только слегка были ранены три бойца. За эту операцию командир полка поблагодарил нашу группу.

Немало вот таких эпизодов было во фронтовой жизни Канты Абдурахманова. Он участвовал в битвах за Полоцк, Витебск, Вильнюс, Шауляй, Ригу, Виндаву, Либаву и другие города Прибалтики, Белоруссии и Польши. И были такие случаи в его фронтовой жизни, когда ему приходилось вызывать огонь своей артиллерии на себя, и решался вопрос его жизни и смерти.

Но К. Абдурахманов ни разу не струсил, не дрогнул, принимая это страшное решение. Был момент, когда нужно было выманить немцев из укрепленного лагеря в лесу. В нескольких сотнях метров от вражеской стороны стояло одинокое здание. Стены крепкие, под зданием – подвал. Туда и нужно было проникнуть нашим бойцам. И снова сложную операцию возглавить поручили гвардии старшине Канты Абдурахманову.

С десятком воинов, вооруженных автоматами, одной пушкой и станковым пулеметом, Канты продвигался к зданию. Со стороны неприятеля – ни единого выстрела. Немцы пропускают горстку храбрецов. Они, вероятно, надеялись захватить их живыми. Наконец, уставшие (пушку толкали вручную, а ящики со снарядами и патронами несли на плечах) воины заняли огневые позиции. Но не успели расположиться, как наблюдатель доложил, что здание со всех сторон окружают фрицы.

Немцы шли густой цепью, низко пригибаясь к земле, используя каждую ложбинку и воронку. Но не стреляли. «Хотят взять живыми», – догадался Канты. Воины припали к автоматам и пулемету, установленному на чердаке, с нетерпением ждали команды «огонь». Но Канты пристально следил за продвижением фашистов, не спешил, подпускал их все ближе и ближе. С каждой секундой расстояние между ними сокращалось: сто метров, девяносто…

Ударил свинцом пулемет с чердака, затрещали автоматы, посыпая длинные очереди в сторону неприятеля. Враги падали один за другим, но продолжали наступать. Бойцы взялись за гранаты. Они рвались в самой гуще фашистских шеренг. Немцы, не выдержав, в беспорядке отступили. Залегли. Но через некоторое время атака повторилась. Из лесу показались четыре танка, и Канты мгновенно принял решение. Он спустился в подвал, к радио. Здесь находился корректировщик полка.

– Передайте в штаб, – сказал Канты, – что я вызываю огонь на себя.

– Вас поняли, – передали из штаба.

Канты приказал солдатам спуститься в укрытие. И вот, словно град, посыпались советские мины и снаряды на место сражения. Стоял сплошной гул. Казалось, раскалывается земля.

...Наконец, обстрел прекратился, бойцы быстро заняли свои места. Вокруг они увидели изрытую и обожженную землю. Воронки одна больше другой. То здесь, то там валялись автоматы, каски, трупы фашистов. Вдали, у леса, горела «пантера».

За этот бой на груди старшины Канты Абдурахманова появился второй орден «Славы».

...И снова, ломая яростное сопротивление врага, движутся вперед советские войска. И в их рядах Канты Абдурахманов. Он не раз еще успешно выполнял задание командования. И был удостоен третьего ордена «За отвагу», а 9 мая 1945 года — медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Канты Абдурахманов день Победы встретил в Польше.

Демобилизовался Канты в 1946 году. В кармане гвардейца была служебная характеристика, данная командиром батареи, майором Пузиковым в мае 1946 года. В ней говорилось, что «старшина батареи 76мм пушек 156-го гвардейского стрелкового Полоцкого полка 51-й гвардейской Витебской ордена Ленина Краснознаменной дивизии имени К. Ворошилова Канты Абдурахманов находился в полку и батарее с октября месяца 1943 года. За время пребывания проявил себя дисциплинированным, инициативным, волевым, требовательным к себе и подчиненным. В боях за Советскую Родину против немецко-фашистских захватчиков проявил себя смелым и мужественным воином. Будучи командиром орудия, метким артиллерийским огнем крошил врага, уничтожая точки и живую силу. За смелость и мужество в боях удостоен 3-х Правительственных наград». За геройизм и самоотверженность, проявленные на фронтах Великой Отечественной, Канты еще во время войны представлялся к присвоению высокого звания Героя Советского Союза. Справедливость восторжествовала только через пять-

десят лет. Указ Президента РФ о присвоении Канты Абдурахманову звания Героя Российской Федерации вышел 16 мая 1996 года за № 0271. За мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне ему вручили знак особого отличия – медаль «Золотая Звезда». (В тот же день, наконец-то, шестьдесят лет спустя после представления к награде, родственникам Героя Брестской крепости Магомеда Узуева была вручена заслуженная награда – Звезда Героя России. А.К.).

И в мирное время Канты показывал пример коммунистического отношения к труду, пользовался безупречным авторитетом среди коллектива. Он работал шофером, комбайнером, рабочим на заводе «Пищемаш», Аргунского комбината стройматериалов и стройиндустрий, в геологоразведке. 12 лет работал на рынке поселка в г. Аргун. Во время работы в геологоразведке разъезжал по республике, ремонтируя буровую технику.

В 1982 году в Аргуне гостил бывший командир взвода, боевой товарищ Канты – Роман Елисеевич Гузинко, проживавший в Москве. А в 1984 году Канты вместе со своим сыном Юсупом ездил в Белоруссию на встречу с однополчанами, где совершили экскурсию по местам боевых сражений.

Канты Абдурахманов умер в 2000-м году (родился в 1916 г.). В последние годы много болел. Болезнь особенно обострилась после долгих месяцев, проведенных в сыром подвале, спасаясь от артобстрелов и бомбардировок Аргуна в 1994–2000 годах. Но в благодарной памяти нашей будут жить героические подвиги нашего земляка на фронтах Великой Отечественной войны, которые он совершил во имя Чечни, во славу чеченского народа.

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ НЕФТЯНИКОВ-ЧЕЧЕНЦЕВ

Разбирая по долгу службы сохранившиеся после многолетнего уничтожения фонды Национального музея Чеченской Республики, я наткнулся на дело одного из первых чеченцев-нефтяников, заслуженных стахановцев движения в Чечне Нажмутдина Ампукаева. Изучив жизненный путь этого удивительной судьбы человека, я посчитал своим долгом рассказать о нем, напомнить о том, каких прекрасных сынов выдвигал и воспитывал чеченский народ.

Слава этого чеченца-нефтепереработчика гремела в 1936–1944 годы не только в Чечено-Ингушетии, но и по всей огромной Советской стране. Об успехах смены сгонщиков (так в те годы назывались операторы установок) Н. Ампукаева только в октябре 1936 года газета нефтяников Чечни «Техника нефти» писала шесть раз, а «Грозненский рабочий» в декабре 1937 года – пять.

Газета «Грозненский рабочий» 8 декабря 1937 года опубликовала информацию «Новый рекорд смены сгонщика тов. Ампукаева», в которой говорилось: «Смена сгонщика-стахановца установки «АЛКО» Нажи Ампукаева в дни Сталинской декады установила новый рекорд по выработке нефтепродуктов. Взяв на переработку нефти свыше плановой нормы, образцовой регулировкой температурного режима, внимательным наблюдением за работой оборудования углубила потенциальный отбор. Это дало возможность стахановцам выдать сверх технической нормы 15 тонн бензина и 25 тонн светлых нефтепродуктов». А 22 декабря 1937 года эта газета в информации «Результаты четкого технологического процесса» писала: «На установке «АЛКО» отличных стахановцам удалось выдать сверх технической нормы 15 тонн бензина и 25 тонн светлых нефтепродуктов». А 22 декабря 1937 года эта газета в информации «Результаты

четкого технологического процесса» писала: «На установке «АЛКО» отличных показателей по переработке нефти добилась смена сгонщика-стахановца тов. Ампукаева. Она четко вела температурный режим установки, плавно регулировала выходы нефти, углубила отбор площади нагрева печи до 7 килограммов светлых нефтепродуктов больше нормы. В течение вахты смена отобрала сверх нормы 5 тонн бензина и 8 тонн светлых нефтепродуктов».

Кто же такой был этот рабочий-новатор, один из первых нефтяников-чеченцев? Ответ на этот вопрос дает биография Н. Ампукаева, сохранившаяся в его деле в фондах Национального музея Чеченской Республики. Она записана в 1985 году.

Родился Нажмутдин Ампукаев в старинном чеченском селе Старые Атаги в 1917 году в семье крестьянина, и казалось, что ему тоже уготована судьба земледельца. Но жизнь и сам мальчик, росший пытливым и любознательным, решили по-другому. В 1929 году Н. Ампукаев стал учеником начальной сельской школы, которую окончил в 1933 году. С выбором дальнейшего пути проблем не было. Юноша, однажды познакомившись на экскурсии с работой грозненских нефтепереработчиков, навсегда влюбился в нее. Поэтому сразу же по окончании школы поступил в знаменитое в те годы училище «Нефтеуч» – кузницу кадров нефтяников.

В 1935 году по окончании училища по специальности сгонщика Н. Ампукаев был направлен на работу, на установку «АЛКО» Грозненского нефтеперерабатывающего завода (сейчас ГНПЗ им. Ленина). Начинал работать кочегаром. После тщательного изучения установки стал сгонщиком (оператором). Тогда же судьба свела его с первым нефтяником-чеченцем, признанным мастером переработки нефти Махмудом Мурдаевым, который стал наставником Н. Ампукаева и помог ему всесторонне освоить технику и технологию переработки нефти.

Нажмутдин словно рожден был нефтяником. Отлично зная технологию установки «АЛКО», Н. Ампукаев все время искал

и находил резервы и возможности совершенствования процессов и увеличения выхода нефтепродуктов. И успехи тоже не заставили себя долго ждать. Вот как писалось об этом в бюллетене передового опыта «На стахановском пути. Итоги участия грозненских нефтепереработчиков во втором Всесоюзном соревновании 1936 года», изданном в Грозном в 1937 году: «Поражает ростом мастерства Нажа Ампукаев. Теперь он, знатный человек, показавший образцы высокой производительности труда, один из зачинателей наряду с М. Мурдаевым и С. Руденко, стахановского движения нефтепереработчиков республики. Новые условия работы выдвинули из среды коллектива «АЛКО» новых стахановцев, показывающих новые рекорды, перекрывающие показания лучших нефтепереработчиков-инициаторов стахановского движения. К таким относится тов. Ампукаев – сгонщик «АЛКО № 1». За первую декаду стахановского месячника тов. Ампукаев перекрыл технические нормы по всем показателям».

Такие высокие успехи получали должную оценку не только в руководстве «Грознефти» и республики, но и всесоюзное признание. Так, 1 февраля 1937 года Н. Ампукаев участвовал в числе лучших нефтепереработчиков страны во Всесоюзном совещании стахановцев-новаторов и передовиков производства. По окончании его для участников был устроен прием в Народном комиссариате тяжелой промышленности (Наркомтяжпроме). Нарком Г.К. Орджоникидзе особо отметил успехи грозненских стахановцев и наградил лучших операторов – М. Мурдаева и Н. Бондаренко – автомашинами М-1, а Н. Ампукаева – большой денежной премией. Там же, в Москве, они встретились и с самим Алексеем Стахановым¹, который был поражен не только успехами, но и молодостью ударников – им ведь было тогда всего-то по 19–20 лет!

---

¹ Стаханов Алексей – шахтер, выработавший за одну смену сто пять тонн угля при плане пятнадцать и положивший начало стахановскому движению в СССР в 30-е годы XX в.

Шли годы, росла индустрия, усложнялись технологические процессы. Недостаточными стали полученные ранее знания.

В апреле 1936 года Н. Ампукаев поступает в трехгодичную школу мастеров нефтепереработки, которую с отличием закончил в 1939 году, получив звание «Мастер труда». Ему уже на втором году обучения было доверено возглавить установку «АЛКО». Но Нажмутдин не успокоился на этом: в 1939 году как лучший стахановец приказом Наркома тяжелой промышленности он был направлен на учебу в Бакинскую промышленную академию. Но закончить ее не удалось – началась Великая Отечественная война. Н. Ампукаев вернулся на свою установку и стал работать для фронта, иногда неделями не покидая свой пост. В 1942 году был призван в действующую армию, но воевал недолго – через год с небольшим был отозван на производство, где его золотые руки и опыт были нужнее.

Однако эти заслуги не спасли Н. Ампукаева и его семью от страшной трагедии, обрушившейся на чеченский народ 23 февраля 1944 года. В воспоминаниях, имеющихся в фонде Национального музея Чеченской Республики, он так пишет о горестной судьбе своей семьи: «Случилось так, что в дни выселения я – самый старший в семье – был в командировке в Москве, а мама – в гостях у родственников в Старых Атагах, так что мои сестры и брат были депортированы одни, с чужими людьми. Я выехал в Казахстан через Грозный, из которого меня быстро выдворили работники НКВД: оказывается они, зная, что я в командировке, караулили меня какого-то преступника.

В Казахстане я с трудом установил, что семья моя находится в глухи, в 250 километрах от г. Джамбул. Я нашел сестер 13-ти и 9-ти лет и брата 11-ти лет в семье казаха-животновода. Они были страшно истощены от недоедания, жили в сарае вместе со скотом, спали на соломе. Я, немедленно забрав их, выехал из этой глухи и верной смерти в с. Гродеково Джамбульской области, где нас вначале приютила семья стариков-казахов. Там, несмотря на все противодействия и угрозы, мы устроились на

временное жительство, вскоре нам выделили земельный участок, я устроился на работу. Через полгода отыскали маму в г. Актюбे и перевезли ее к себе».

В 1946 году Н. Ампукаев переезжает в г. Джамбул, где работает вначале начальником отдела снабжения и сбыта (снабсбыта) областного кооперативного союза (коопсоюза) – были тогда такие учреждения торговли на селе, а с 1947 года и до самого возвращения на родину 1957 год – председателем правления артели инвалидов им. И. Панфилова¹. Работал, как и всегда, добросовестно, с полной отдачей, о чем говорят строчки из характеристики, данной ему председателем исполкома Меркенского райсовета Кажантаевым: «По инициативе тов. Ампукаева за время его работы артель расширилась в 8–10 раз, в ней открыты многие новые виды производства и среди промышленности района занимает одно из первых мест».

Жажда знаний не убывала в Н. Ампукаеве с прожитыми годами. Поэтому по возвращении на родину он без отрыва от производства окончил Московский технологический институт по специальности «Инженер-экономист». С 1957 года и до самого ухода на пенсию (хотя и на пенсии не переставал трудиться) в 1985 году Нажмутдин Юнусович работал на различных руководящих должностях: был директором Грозненской швейной фабрики и консервного завода, управляющим республиканской базой «Рослесстройторга», начальником управления «Медтехника», заместителем начальника объединения «Чечено-Ингушстройматериалы».

Поставил на ноги большую семью: сыновей, дочерей, внуков. И где бы они ни были, и что бы они ни делали, мы искрен-

¹ Панфилов Иван Васильевич – генерал-майор, Герой Советского Союза, командир знаменитой 8-й гвардейской дивизии. При обороне г. Москва 28 панфиловцев стали Героями Советского Союза. Их комиссар Ключков и произнес знаменитые слова: «Велика Россия, а отступать некуда, за нами – Москва». Генерал погиб в боях за Москву. (см. Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 1112).

не верим, что они делают свое дело так же добросовестно и успешно, как их отец. Надеемся, что они откликнутся на нашу публикацию и дополнят ее новыми, недоступными нам по известным причинам данными из жизни этого замечательного человека – Нажмутдина Ампукаева.

Читая материалы из дела его, хранящегося в Национальном музее Чеченской Республики, мне неожиданно пришли в голову строки великого М. Ломоносова, которые убедили меня в том, что, да, «...может истинных Ньютонов и быстрых разумом Платонов» Чеченская земля рождать!

ПЕРВЫЙ НЕФТЕПЕРЕРАБОТЧИК-ЧЕЧЕНЕЦ

Было это в 1957 году. Среди нас, абитуриентов Грозненского нефтяного института, приехавших на родину из Казахстана, Сибири, Средней Азии, был один по имени Хамзат – скромный, умный, дружелюбный юноша. Однажды, после очередного вступительного экзамена, он пригласил нас к себе домой. Жил он с родителями в самом центре Грозного по ул. им. 11 августа (ныне – пр. Победы) в квартире, которую первым из чеченцев, вернувшихся с чужбины, получил его отец. Был воскресный день, и у двери нас приветливо встретила мать Хамзата, а в комнате – отец, человек среднего роста, с умными проницательными глазами, молодцеватый, подвижный. Правда, Хамзат не сказал нам тогда, какой знаменитой личностью был его отец. Узнал я об этом значительно позже, когда как каждый уважающий себя человек заинтересовался историей своего народа.

А был Махмуд Мурдаев действительно человеком удивительной и завидной судьбы, человеком, отдавшим свою жизнь раз и навсегда избранному делу, достойным не только уважения, но и восхищения и подражания. Был первым чеченцем-нефтепереработчиком, прогремевшим в сороковые годы XX века на весь Советский Союз.

Родился М. Мурдаев в 1916 году в с. Старые-Атаги в семье крестьянина. Ему не было еще и шестнадцати лет, когда он по зову сердца поступил в Грозненское училище «Нефтеуч» – первый чеченец в его стенах в истории Чечни. Махмуд был его первым выпускником-чеченцем, ставшим первым чеченцем-оператором установки «АЛКО» Нефтеперерабатывающего завода № 1. И работал всегда добросовестно, ударно, по-новаторски, был инициатором многих движений и соревнований, добрым и умным наставником. Так, своим примером Махмуд привлек в нефтепереработку своего односельчанина Н. Ампукеева,

который, окончив училище «Нефтеуч», пришел на завод, работал рядом с Махмудом и, благодаря его помощи и советам стал одним из лучших операторов-нефтепереработчиков республики.

Примеров и свидетельств о трудовых подвигах М. Мурдаева в те годы немало. Вот как писалось об одном из них в книге «На стахановском пути. Итоги участия грозненских нефтепереработчиков во втором Всесоюзном соревновании» (г. Грозный, 1936 год): «Когда осенью 1935 года газеты и радио разнесли весть о выдающемся рекорде Алексея Стаханова, М. Мурдаев первым выступил инициатором перенесения его опыта на нефтепереработку. Научная литература утверждала, что повышение температуры установки до 8000 градусов С может увеличить производительность труда, но приведет к коксованию в трубах. М. Мурдаев решил опровергнуть это утверждение. Он встал на стахановскую вахту. Значительно увеличил скорость прохождения жидкости в трубах, взяв на себя всю ответственность за результаты эксперимента. А результат был ошеломляющим: коксуемость уменьшилась, производительность труда резко увеличилась».

Махмуд Мурдаев стал знаменитостью. Старейший нефтепереработчик республики Н. Бондаренко писал о нем в газете «Грозненский рабочий» (31 августа 1987 года): «Установка «АЛКО», на котором работал инициатор стахановского движения на грозненских нефтеперерабатывающих заводах М. Мурдаев, заняла в 1935 году первое место во Всесоюзном конкурсе, объявленном Наркомом тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе. Коллектив получил премию в 25 тысяч рублей и очень ценные по тем временам подарки – пять велосипедов, две швейные машинки и пять патефонов. А Махмуд Мурдаев, имевший самые лучшие показатели среди операторов, был вызван в Москву на совещание Наркомтяжпрома по подведению итогов соревнования самим Г.К. Орджоникидзе. Он очень волновался перед встречей с легендарным Наркомом. И вот встреча состоялась. Григорий Константинович был по-

ражен молодостью грозненского стахановца, прогремевшего на весь Союз, – ведь Махмуду было всего 19 лет. За выдающиеся успехи Нарком премировал его – первого из чеченцев – легковой автомашиной М-1. На том совещании он был первым из грозненцев избран в Совет Наркомтяжпрома».

Жизнь стремительно двигалась вперед. Усложнялись и совершенствовались технологические процессы переработки нефти, требовались новые знания. В 1937 году М. Мурдаев в числе лучших производственников был направлен на учебу в Бакинскую академию нефти, где проучился около трех лет, пока ее не закрыли. Продолжил учебу в Грозненском нефтяном институте, который и окончил в 1942 году. После учебы продолжал ударно трудиться на родном заводе.

Но ни его заслуги, ни громкое имя не спасли М. Мурдаева от депортации. Жил в Джамбуле. В 1944–48 годах работал главным инженером на Джамбульском спиртозаводе, пока по настоянию родственников не переехал в Киргизию. Не имея возможности работать по специальности, до возвращения на родину в 1957 году занимал различные хозяйствственные должности. Приехав в г. Грозный, сразу же пришел на родное предприятие, которое теперь называлось Грозненский нефтеперерабатывающий завод им. В.И. Ленина. Более десяти лет работал на нем инженером, пока в 1968 году не ушел, как говорят, на заслуженный отдых.

Одним из трех главных обязанностей человека, как утверждают, является необходимость вырастить сына. Махмуд Мурдаев вырастил трех сыновей, передав им свою жажду знаний, ум, любовь к труду, воспитал их настоящими людьми. Старший – Хамзат – блестяще закончил физико-математический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института и при нем же аспирантуру; написал кандидатскую диссертацию, готовился к защите ее, но внезапно и безвременно скончался в расцвете сил, не дожив и до сорока лет. Второй – Рамзан – закончил глазное отделение Орджоникидзевского (ныне – Владикавказ) государственного медицинского инсти-

тута, двухгодичную ординатуру в г. Ленинграде. Сейчас он – один из ведущих офтальмологов республики, работает в труднейших условиях военного времени в четвертой городской больнице. Третий сын – Руслан – закончил самый престижный в семидесятые годы XX века факультет электроники и автоматизации производственных процессов Грозненского нефтяного института, аспирантуру в Москве, защитил вначале кандидатскую, затем и докторскую диссертации. Стал первым из чеченцев доктором технических наук. В самые трудные (1990–2000) годы работал ректором ГНИ. Сейчас живет и работает в г. Москва, куда вынужден был уехать от войны.

Легендарный стахановец, первый нефтепереработчик из чеченцев Махмуд Мурдаев скончался в 1979 году. Он был гордостью и честью чеченского народа и, будем надеяться, что на всегда останется таковым. Ибо он заслужил это.

ПЕРВЫЙ ИНЖЕНЕР-ЧЕЧЕНЕЦ

Об этом удивительной судьбы человеке – Якубе Езиеве – известно немного и, к сожалению, портрет его нарисовать и жизнь его описать можно только штрихами, по отрывочным сведениям и воспоминаниям о нем.

Жизнерадостным, упорным, любознательным и сильным был он человеком. Эти черты проявились в нем с детства и развивались и крепли всю его недолгую жизнь. Родился Якуб Езиев в с. Дойкур-Эвла, примерно, в 1910 году. Окончил не- полную среднюю школу, во время учебы в которой и родилась впервые главная мечта его – стать инженером. В 1924 году вступил в Коммунистический Союз Молодежи (комсомол). Учился в ст. Горячеводская на курсах по подготовке в рабфак. Потом – в рабфаке в Ростове-на-Дону, затем – в Новочеркасском политехническом институте. Стал, осуществив свою мечту, инженером.

«Уже будучи инженером Якуб Абдуллаевич не расставался с книгами», – писала о первом чеченце-инженере газета «Грозненский рабочий» 9 мая 1963 года. А работавший с ним рядом в предвоенные годы житель с. Шали (теперь – г. Шали) вспоминал, что вместе с Я. Езиевым в 1938 году работал в ремонтно-механическом цехе завода «Красный молот». Он был начальником цеха, а я контрольным мастером. Бывало, входишь к нему в кабинет, как в библиотеку. В шкафу – книги, на столе – стопки книг и журналов. У него, рассказывали, и дома было так же – книги, книги...

Очень хотел Якуб Езиев, чтобы чеченцы и ингуши смелее и больше вливались в ряды рабочего класса. «Рабочий класс – любил он повторять, – это настоящая кузница новой жизни!» В нашем цехе было немало чеченцев, поэтому его в шутку называли «чеченским».

Якуб Абдуллаевич был вдумчивым и требовательным коман- диром производства.

— Помню, в 1936–1939 годах я работал в планово-производственном отделе завода «Красный молот», и мне приходилось сталкиваться по работе с Езиевым, — вспоминал начальник планово-экономического отдела Шалинского сахарного завода Х. Насуханов. — Это был деловой товарищ с большим кругозором. На производственных совещаниях его часто ставили в пример. Я хорошо его запомнил еще и потому, что он был автором напечатанной в «Грозненском рабочем» статьи: «Я первый инженер-чеченец». Иногда мне приходилось с ним бывать и не в производственной обстановке, и всегда впечатление, которое он производил, было неизменным — славный, хороший человек, на которого во всем можно положиться» (Газета «Грозненский рабочий» 1963 год, 9 мая).

Но все перевернула Великая Отечественная война, с первых дней которой Я. Езиев просился добровольцем на фронт. Но у него, как у человека самой востребованной профессии, была «броня» — освобождение от фронта.

И все же уже в августе 1941 года он добился призыва в армию, но на фронт сразу не попал, а как человек широко образованный был командирован в школу военных мостостроителей, блестяще освоил строительство понтонных мостов и стал командиром одной из понтонно-мостовых частей 44 отдельного понтонно-мостового батальона.

Воевал Якуб Езиев всего-то год с небольшим. Но подвигов за это время успел свершить немало. И самый главный из них он совершил в дни Сталинградской битвы в октябре 1942 года.

...Битва на Волге. Она занимает особое место среди многих крупных сражений Великой Отечественной войны. Эта битва положила начало массовому изгнанию гитлеровских оккупантов из пределов Советского Союза, явилась поворотным пунктом в освободительной борьбе всего прогрессивного человечества против фашистских поработителей. Битва на Волге была, по мнению Н. С. Хрущева, бывшего в то время представителем ставки Верховного Главнокомандующего на Сталинград-

ском фронте, явилась и символом нашей великой победы над фашизмом.

Об этой великой битве и первой встрече с капитаном Я. Езиевым бывший его фронтовой товарищ Миса Гордалаев, вспоминая двадцать с лишним лет спустя, (в 1963 году) писал: ... Среди тех, кто ковал победу на берегах великой русской реки имя нашего земляка Якуба Абдуллаевича Езиева. Спустя два с половиной месяца после начала войны он ушел из Грозного на фронт, и в дни обороны Волгограда командовал одной из pontонно-мостовых частей, которые обеспечивали переправу через Волгу. 6 октября 1942 года перестало биться сердце героя...

«Я никогда не забуду тех огненных дней и ночей, — писал в своих воспоминаниях М. Гордалаев. Кругом бушевало пламя, стоял неумолчный грохот. Кажется, горела даже сама Волга. Но люди стояли наперекор всему, грудью защищали город.

5 сентября 1942 года я попал на волжские берега — в 44-й отдельный pontонно-мостовой батальон, обслуживавший причалы. Когда я узнал, что командиром батальона является мой земляк, чеченец, искренне обрадовался, поспешил быстрее его увидеть. И мы встретились — два горца, вчерашние жители Чечено-Ингушетии. Сколько было разговоров и воспоминаний!

Чеченская пословица гласит: человек быстрее всего узнается вдали от дома. И я увидел, каким замечательным человеком, отважным командиром был капитан Якуб Езиев. Его очень уважали все солдаты и офицеры. Многие из них до войны жили и работали в старинном русском городе Ярославле. Но, кажется, они давно знали жителя гор Езиева, считали его своим побратимом. В свою очередь, капитан горячо любил и ценил своих бойцов. Он по-отцовски заботился о них, всегда находился там, где было труднее всего. Любил шутки и никогда не унывал.

44-й pontонно-мостовой батальон обслуживал причалы так называемой «Переправы 62». Это была главная переправа нашей армии. На правом берегу Волги она располагала группой причалов у Сталинградских заводов «Красный Октябрь» и

«Баррикады». На эти причалы принимались грузы с левого берега – боеприпасы, вооружение, продукты питания.

«Трудно, очень трудно приходилось pontонерам, – вспоминает Миса Мусаевич. – Почти беспрестанно на берег налетала вражеская авиация, подвергала бомбардировке причалы. На позиции батальона то и дело обрушивался шквал артиллерийского и минометного огня. Трагическим для капитана Езиева оказался день 6 октября, когда особенно яростными были атаки гитлеровцев на защитников города». (Газета «Грозненский рабочий», 1963 г., 9 мая).

Как всегда, Езиев находился в это раннее утро у причалов. К ним один за другим подходили с левого берега катера, речные трамвайчики, обыкновенные рыбачьи лодки. Солдаты быстро разгружали их, унося прямо на руках на передовые позиции тяжелые ящики со снарядами, минами и патронами. По штормовому мостику, перекинутому через реку, бежали в направлении города люди – шла переправа только что прибывшей новой воинской части.

«Вдруг земля содрогнулась: начался сильнейший артиллерийско-минометный огонь. Снаряды и мины посыпались на причалы. Пламя огня взметнулось на одном из катеров.

Я бросился к блиндажу, – вспоминает далее М.М. Гордалаев. – Но сильной взрывной волной меня ударило о деревянную стенку. В глазах сразу потемнело, я потерял сознание.

Когда пришел в себя, товарищи сообщили: тяжело ранен командир батальона, солдаты вынесли его из-под обстрела, отправили в медсанчасть. А потом, уже к вечеру, я узнал, что Якуб Езиев скончался от ран...»

Один из известнейших русских писателей Советской эпохи Василий Гроссман так писал о Якубе Езиеве в своей документальной повести «Годы войны»: «...Когда-нибудь здесь (на Сталинградской земле. А.К.) будет стоять суровый и темный обелиск, памятник героям Сталинградской переправы. И люди прочтут на нем имя комбата Смерчинского, основателя переправы, прочтут имя его преемника-чеченца капитана Езиева». (Цит. по кн.: Ибрагимов М., Хатуев И. Вклад чеченского народа

в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г.г.», Грозный, 2005. С. 61–62).

О Якубе Езиеве – первом инженере-чеченце и бесстрашном офицере-фронтовике с гордостью вспоминали многие его боевые товарищи. Вот как писал о нем бывший участник Сталинградской битвы Якуб Эльмураевич Эльмураев в письме в газету «Грозненский рабочий»: «Я знал Якуба Абдуллаевича с детских лет. Он был смелым мальчиком. Эти качества у него никогда не терялись. Таким же я видел его, когда встретился с ним в последний раз.

Это было неподалеку от Дона, где наш полк занимал оборонительные позиции. Точно не помню – в конце июля или начале августа – направил меня командир за продуктами в один хуторок, где разместился полковой склад. Возвращаюсь обратно, вижу: движется какое-то подразделение. Остановился, всматриваюсь в запыленные, усталые лица. И вдруг – какая радость! – передо мной Якуб Езиев. Он тоже меня увидел, громко закричал: «Тезка! Салам аллейкум!» Мы крепко, по-мужски обнялись. «Ну, как здоровье?» – спросил я. Он засмеялся: «На отлично!» «А как служба?» «Тоже на отлично!» Чего нам унывать». Долго нам разговаривать не пришлось. Помню, на прощанье Якуб, весело улыбаясь черными глазами, сказал: «Желаю тебе, тезка, удачи. Уверен, что встретимся в Берлине. Мы еще поймаем этого косоглазого Гитлера, запряжем его в двуколку, и будем показывать белому свету двуногого зверя!»

«Как жалко, что не дождался наш дорогой Якуб светлого Дня Победы!»

Да, действительно жалко, что Я. Езиев не увидел Салюта Победы. Но еще больше жаль, что об этом прекрасном человеке, инженере, боевом офицере, о его жизненном и фронтовом пути так мало данных.

Может быть, живы его потомки, односельчане, боевые товарищи? Будем рады, если откликнутся они и расскажут о Якубе Езиеве, достойном сыне чеченского народа, подробнее. Родина должна знать своих героев хорошо.

Фатима Арсанова

Павел Мусоров

Асланбек Шерипов

Ханпаша Нурадилов

Абухажи Идрисов

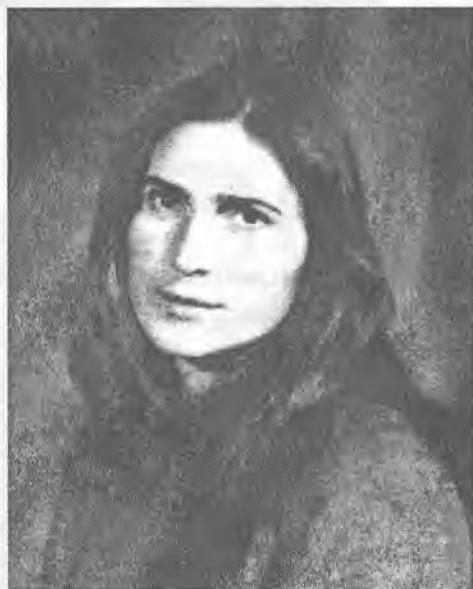
Мовлид Висаитов

Ляля Насуханова

Мадина Ельмурзаева

Ножа Амбукаев

Махмуд Мурдаев

Часть III

ТАЛАНТЫ ТВОИ, ЧЕЧНЯ ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ

Очень верно сказано поэтом: лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии. Чем больше времени отделяет нас от эпохи, когда жил и творил Петр Захарович Захаров, тем более четко выделяются контуры художественного мира и грани таланта этого непревзойденного и выдающегося художника, справедливо названного одним из величайших портретистов своего времени. Его мастерство нашло заслуженное признание не только у историков изобразительного искусства и художественных критиков, но и у величайших художников, истинных ценителей и поклонников живописи.

Известный дореволюционный (до 1917 года) историк живописи Ф.М. Уманец писал: «Несомненно, что в лице П.З. Захарова русская живописная школа имела большую художественную силу, а его биография, так тесно связанная с выдающимися людьми и событиями того времени, остается малоизвестной даже в общих чертах – «чеченец» и ничего более». Совсем не случайно великий и непревзойденный Карл Брюллов, по воспоминаниям современников, называл художника П. Захарова «лучшим после себя портретистом». Такими же оценками, как известно, без веской причины не разбрасываются.

Историк и прекрасный знаток изоискусства А.Н. Андреев в своей книге «Живопись и живописцы» отмечал в 1857 году, что, говоря о выдающихся художниках, нельзя «умолчать о некоторых замечательных отечественных талантах в истории живописи России, в которой, несомненно, должно остаться имя П. Захарова-чеченца. Находящийся в Москве портрет доктора Иноземцова и множество других портретов обличают в нем славного художника».

Приведем для убедительности в этом еще два высказывания, подтверждающих огромный талант и высочайшую оценку творчества П.З. Захарова. Историк русской живописи А.В. Лебедев в своей книге «Русская живопись первой половины XIX века», изданной в Ленинграде в 1929 году, совершенно справедливо вводя в число величайших портретистов О. Кипренского, А. Тропинина, К. Брюллова, П. Федотова нашего имениного земляка, писал: «Очень талантливым портретистом предстает чеченец Захаров, рекомендуемый венецианским «Портретом детей Ермоловых» (1839 г.), единственным «Автопортретом» (в бурке, 1843 г.), «Портретом историка Грановского» (1845 г.) и «Портретом Плотниковой» (1845 г.).

А вот что писал о первом чеченском художнике в 1976 году доктор искусствоведения профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина Академии художеств России А.Н. Савинов: «При сопоставлении более поздних и зрелых портретов работы Захарова с произведениями русских художников отчетливо выступают особенности его творческого метода. П.З. Захаров предстает перед нами талантливым портретистом, избегающим как внешних эффектов, так и однообразности приемов. Его портретные работы, как выдающиеся творения живописи, хранятся в сокровищницах русского искусства – в Третьяковской галерее и в других музеях страны. В этом – величайшее признание и высшая оценка его яркого и необыкновенного таланта».

Слава лучшего портретиста России еще прочнее закрепилась за П. Захаровым после написания в 1844 году портрета известной певицы, московской красавицы А.В. Алябьевой. Он приобрел «такую популярность, о которой художник и думать не мог. О нем заговорила вся Москва» (Шабаньянц Н.Ш., Льянов Б. «Портрет неизвестного». Грозный, 1977 г. Здесь и далее, кроме специально оговоренных, цитаты приводятся по этой книге и по кн. Шабаньянц Н.Ш. «Художник П.З. Захаров». Грозный.)

А через некоторое время П. Захаров получил еще одну возможность утвердиться в звании лучшего живописца России

В начале 1844 г. А.И. Герцен и его друзья решили для очередной московской выставки заказать портрет знаменитого в те годы историка, профессора Московского университета Т.Н. Грановского. Спросили, кому из художников поручить заказ. Долго спорили, перебирали имена многих художников, пока известный писатель и переводчик Н.Х. Кетчер не вскрикнул:

— Друзья мои! Да что же мы не вспомнили о Захарове?!

— Это о ком же? — спросил Герцен.

— Как, ты не знаешь Захарова? Чеченца, который написал портрет Алябьевой, о которой в Москве только и говорят?

— Ладно, ладно, — перебили его. — Так и сказал бы — чеченец. А то каждый второй художник — Захаров...

— Итак, предлагаю Тимофея Николаевича заказать чеченцу Захарову.

Все согласились с Кетчером» (Там же).

Таких восторженных отзывов еще при жизни (к сожалению, очень короткой: Петр Захарович умер всего-то тридцати лет от роду, яркой кометой мелькнув на звездном небе живописной истории России) и тем более после смерти удостаивались не многие художники, потому что историки искусств и художественные критики, как правило, очень требовательны к настоящим талантам и не слишком щедры на похвалу в их адрес.

Родился Петр Захаров в старинном чеченском селе Дади-Юрт, стоявшем до своей гибели в 1819 году после ожесточенного и кровавого штурма русскими войсками под предводительством палача чеченского народа генерала Ермолова, на берегу Терека. В возрасте еще неполных трех лет он попал в руки солдата, участвовавшего в уничтожении селения Дади-Юрт, Захара Не-доносова. Вот как описано это в повести Б. Льяннова и Н. Шабаньянц «Портрет неизвестного»: «Вечером солдаты обходили после боя. Подбирали убитых и раненых. Едва группа двинулась вперед, как раздался крик ребенка, совсем рядом. Захар двинул-

ся к большому камню. За ним, на краю обрыва, он увидел убитую женщину, рядом с ней лежал ребенок... Он был ранен. Захар осторожно взял мальчика на руки, внимательно осмотрел рану. Кровь текла из глубокой раны на спине. Видно, осколком снаряда задело...». Захар бережно перевязал рану и взял мальчика с собой. Позже ему и его сверстнику, лезгинскому мальчику, доставленному в крепость Грозная после одного из боев в Дагестане, при крещении дали имена Петр и Павел, а фамилию – Захаров, по имени их приемного отца. К сожалению, ни настоящего имени, ни фамилии, ни родителей этого чеченского мальчика ученым-исследователям до сих пор установить не удалось.

Мальчик подрастал. В Тифлисе, куда Петр и Павел переехали вскоре вместе с Захаром Недоносовым, полковой писарь обучал их грамоте. Юный Петруша и арифметику любил, но все же большее удовольствие доставляли ему уроки рисования: в нем неожиданно и очень рано пробудился природный дар художника. Рисунки юного художника сразу же обратили на себя внимание взрослых, особенно тех, кто понимал толк в изобразительном искусстве. Природа наделила его поистине щедрым даром: умением и талантом проникать в самое существо изображаемого предмета. И порою один меткий штрих говорил яснее и красноречивее, чем полная картина.

Был в восторге от рисунков юного дарования и генерал Петр Николаевич Ермолов, двоюродный брат палача Дади-Юрга, при дворе которого жил в Тифлисе вместе с Захаром Петр. Он интуитивно почувствовал и поверил, что перед ним будущий незаурядный художник. Будучи сам неплохим рисовальщиком, Петр Николаевич начал заниматься с Петром, который уже никогда не расставался с бумагой и карандашами. Но этого было мало, мальчику надо было серьезно учиться живописи. Для определения дальнейшей судьбы одаренного мальчика Петр Николаевич решил взять его на воспитание. Это было узаконено Свидетельством, в котором говорилось: «Дано сие командиру

3-й бригады 21-й пехотной дивизии генерал-майору Ермолову в том, что при истреблении селения Дадан-Юрт и деревни Катехи взяты в плен два мальчика, наименованные при крещении: первый из чеченцев – Петр, а второй из лезгин – Павел Захаров, отданы мною ему, генерал-майору, на воспитание». Подписал Свидетельство Главнокомандующий Кавказским корпусом полный генерал от инfanterии А.П. Ермолов.

Спустя несколько месяцев после этого П.Н. Ермолов отправил Петрушу с обозом к себе домой, в Москву. Вскоре он и сам вернулся в Москву и вышел в отставку, чтобы полностью заняться воспитанием приемного сына, в котором он видел уже художника, и не плохого. Он же делал такие успехи в рисовании, которые поражали и удивляли всех. Люди советовали (да и сам Петр Николаевич давно думал об этом) определить мальчика, которого восхищенно называли «художником с пеленок», на учебу в Академию художеств. П.Н. Ермолов просил помочь ему в этом всех своих влиятельных и вельможных друзей, родственников, сослуживцев по армии.

И пока неповоротливо скрипела телега бюрократии (молодежи незнатного происхождения путь в Академию художеств был заказан), Петр Николаевич по совету тех же друзей отдал мальчика, быстро мужающего, на обучение к художнику князю Волкову, который славился как замечательный педагог.

Два года занимался Петруша в классе Волкова, которого удивлял своим мастерством. «Его способности бесспорны, – говорил он с гордостью за своего ученика П.Н. Ермолову. – Многие ученики, которых я готовил в Академию художеств, не знали и доли того, чем в совершенстве владеет это юное дарование. Способности его раскрываются быстрее, чем цветочные бутоны. Немедля отправляйте его в Академию!»

Понимая, что дальнейшее пребывание в Москве может положить конец надежде на поступление Петра в Академию, Петр Николаевич все настойчивее убеждает своих влиятельных друзей в необходимости этого. И, в конце концов, добивается своего:

в 1830 году Петруша едет в Петербург для поступления в Академию художеств. Но пройдет еще долгих три года, в течение которых юноша самостоятельно совершенствовал технику рисования, следя урокам и наставлениям Волкова, и готовился к вступительным экзаменам в Академию художеств.

И день экзамена, который проводился как выставка картин абитуриентов, наконец-то настал. Петр выставил несколько рисунков, неизвестных ныне и несохранившихся. Работы юного художника были замечены. На выставке вокруг его картин всегда толпилось много народа — обстоятельство, которое не могло не воодушевлять его. Одна картина Петра с видами окраин Петербурга была даже куплена неизвестным меценатом в день закрытия выставки; такого признания не удостоился ни один из живописцев, выставившихся на ней. Имя Захарова запомнили и строгие экзаменаторы, что открыло ему двери Академии художеств, куда он был принят в качестве постороннего ученика. Случилось это в сентябре 1833 года — юноше было семнадцать лет.

Петр занимался самозабвенно, старательно, с упорством, удивляющим всех знавших его, но в то же время легко и радостно. На каждое занятие он шел, как на праздник. И успехи не преминули сказаться: не прошло и полугода учебы, как Петр Захаров стал одним из лучших учеников Академии. Свидетельств этому много, но скажем о двух из них. Так, самых способных студентов Академии художеств зачисляли в пенсионеры его только через три года изнурительных трудов, а Захаров добивается этого права уже через полгода занятий. И еще: для наиболее способных и старательных академистов существовала мера поощрения: предоставление права писать виды в Эрмитаже. Это была высокая честь, потому что дирекция Эрмитажа давала такое право только двум лучшим ученикам Академии в год, и многие ждали его годами. В 1833 году — на первом году обучения! — статс-секретарь Академии В.И. Григорович вызвал к себе Захарова и Алексеева.

«Вы удостоились в этом году права рисовать перспективные виды комнат в Эрмитаже, – торжественно объявил он. – Берите билеты, берите. Вы заслужили их. В Эрмитаже вы будете копировать картины великих мастеров. Мне бы хотелось, чтобы со временем новые ученики Академии ходили в Эрмитаж и другие музеи копировать уже ваши работы». Провидцем оказался статс-секретарь Академии Григорович: ученики выполнили его напутствие – многие ученики Академии в последующие годы действительно ходили в музеи и копировали работы «художника с пеленок» Петра Захарова!

И еще. Раз в три года в Академии художеств устраиваются обширные выставки. Цель – помочь ученикам постараться утвердиться в звании художника. На одной из таких выставок Петр Захаров показывал в числе других своих работ и копию с картины выдающегося фламандского живописца Антона Ван Дейка «Молодой принц». И она была сразу же замечена («Прекрасное исполнение! От оригинала не отличить!» – реплики знатоков живописи) и по достоинству очень высоко оценена. По окончании выставки статс-секретарь Академии художеств В.И. Григорович, докладывая членам комитета Общества поощрения художников об итогах ее, сказал: «Я обращаюсь к вам, уважаемые господа, с предложением приобрести у Захарова его работу для Общества. – Услышав фамилию Захарова, влиятельные своего времени люди графы – Мусин-Пушкин и Виельгорский – одобрительно закивали. – Тем самым, – продолжал В.И. Григорович, – мы не только одобрим сделанное юношей в самом начале его пути, но и окажем ему помощь в средствах, в коих молодой художник весьма нуждается. Я бы назвал сумму 150 рублей (сумма по тем временам огромная!). Нет слов, это много, но награда молодым художником вполне заслужена!»

«Совершенно с вами согласен, – сказал М.Ю. Виельгорский, прекрасный виолончелист и знаток живописи. – Юноша, о котором вы так тепло говорили, заслуживает всяческого поощрения».

Писарь, фиксировавший все обсуждения, сделал запись: «Комитет Общества поощрения художников должен упомянуть, что воспитанник Захаров сделал с Вандика копию, по всей справедливости заслуживающую похвалу. Граф М.Ю. Виельгорский одобрил юношу к дальнейшим трудам, взяв к себе копию и вознаградив за нее Захарова».

И еще. Ученикам Академии, впервые отступая от правила рисовать только на библейские темы, было предложено написать картины на самую непрятательную бытовую тему – «Старуха, гадающая на картах». А героиня была тут же, рядом с Академией: старушка с утра до вечера сидела и гадала неподалеку, на углу улиц. Петр по несколько раз в день проходил мимо нее, хорошо изучил ее, и написать картину с натуры не составило для него большого труда. Поэтому в 1835 году – на втором году обучения! – удостаивается Серебряной медали Академии «за экспрессию в живописи» в картине «Старуха, гадающая на картах», а в 1836 году – двадцати лет от роду! – заслуживает признания Совета Академии за «Голову портрета».

В том же году молодой талант, становящийся уже знаменитостью, обращается в Совет Академии с просьбой, в которой говорит, что желает «иметь звание свободного художника», для чего, «представляя акт о своем происхождении, покорнейше прошу Совет Императорской Академии художеств удостоить меня сего звания». Совет, приняв во внимание многочисленные заслуги и успехи Петра Захарова в живописном искусстве, принимает решение о возведении его в звание свободного (не классного) художника, выдав ему надлежащий аттестат. Совет Академии не ошибся, давая Петру Захарову это звание: у него необычайно богатое воображение, отмечали современники, что стоит ему захотеть – и оживает любая картина. Подтверждением этому служит такой факт: на очередной выставке воспитанников Академии, где Захаров показывал в числе других картины «Старуха, гадающая на картах» и «Велисарий», было выдано Советом всего две серебряные медали. Одну из них – Захарову за первую картину!

Петр Захаров понемногу знакомится с известными людьми своего времени. Так, через знаменитого А.А. Столыпина, родственника М.Ю. Лермонтова, художник знакомится с великим поэтом и в 1837 году пишет его портрет, о котором современники отзывались с восторгом, говоря, что писанный художником Захаровым портрет «очень похож и один может дать истинное понятие о лице Лермонтова».

Через президента Академии художеств А.Н. Оленина художник знакомится с писателем А.Н. Muравьевым и историком М.О. Семеновым и пишет их портреты. Он был знаком с знаменитыми писателями – Гоголем, Некрасовым, учеными – Иноземцевым, Грановским, композитором Булаховым, певицей Алябьевой и многими другими, которых тоже запечатлев на своих бессмертных холстах и которые именно только Петру Захарову доверяли писать свои портреты.

Идут годы. Успехи и радости в жизни и творчестве Петра Захарова перемежевываются с трудностями и бедами: то заказов так много, что он едва справляется с ними, то они так редки, что художник почти нищенствует. И к тому же с каждым годом ухудшается его здоровье: продолжает развиваться чахотка, подхваченная им еще в юные годы. Но мастер не поддается унынию и отчаянию, а забывается в работе, в творчестве. И даже задумывается над тем, чтобы испросить через своего воспитателя П.Н. Ермолова у Академии художеств программу на золотую медаль и звание Академика живописи. Он собирается писать с этой целью портрет А.П. Ермолова. Просьба была отправлена в 1840 году, а программу Академии художник получает только в 1843 году.

В том же году он создает свой шедевр – портрет А.П. Ермолова, который заканчивает в г. Москва, куда он вернулся из Петербурга 16 августа, и впервые подписывает: «Петр Захаров из чеченцев». 20 августа отправляет его в Академию, а 30 августа 1843 года Совет Академии художеств определил, «что художник с заданной программой успешно справился» и вынес ре-

шение: «Удостоить Захарова звания Академика». Это было заслуженное признание необычайного таланта лучшего портретиста России. Уже в звании академика он создает ряд своих шедевров-портретов, в том числе портрет знаменитой красавицы А.В. Алябьевой, принесший Захарову такую славу, что о нем заговорила вся Москва и весь Петербург. О живописце-чеченце говорили теперь не как о самородке-диковинке, а всерьез, как о крупнейшем мастере живописи. Петр Захаров по праву завоевал славу одного из лучших художников России.

С 40-х годов XIX в. П. Захаров подписывал свои картины: «П.З. Захаров из чеченцев», «П.З. Захаров из Дады-Юрта», «Чеченец из Дады-Юрта», потому что всегда помнил, кто он и откуда, помнил, что корни его в Чечне. Помнил, хотя много «времени прошло с тех пор, когда повозка, оставив за поворотом крутой горной дороги на Тифлис Чечню, ушла в Москву, увозя мальчика-чеченца! Но мысли о родине никогда не покидали Петра. Особо остро он ощущает свое одиночество в часы болезни... Так тянет на родину! Наверно, все умирающие испытывают пронзительную тягу к местам, где прошло их детство...

Какими бы тяжелыми ни были болезни, сколько бы сил они ни отнимали, художник никогда надолго не выпускал кисти из рук... И на этот раз (в Петербурге Петр заболел чахоткой, которая свела его в могилу в 30 лет. Описываемое происходило в 1843 году, за три года до смерти гения живописи. А.К.). Едва полегчало, встал с постели... И взялся за автопортрет. «Пройдут годы. Увидят его глаза и поймут, как тосковал он по Родине. Как хотел ее увидеть. Да не довелось...» (Шабаньянц Н.Ш., Льянов Б. Указ. соч.)

Авторитет и известность Петра Захарова были столь высоки, что самые вельможные, влиятельные и знаменитые люди России считали за честь быть запечатленными именно его кистью, которая в руках великого мастера делалась волшебной. И он ничуть не удивился, когда из Петербурга пришло письмо от конференц-секретаря Академии художеств, в котором сооб-

щалось о решении Совета: просить его, Захарова, написать портрет нового президента Академии герцога Лейхтенбергского – зятя самого великого императора России. Художник выполнил просьбу Совета Академии и создал свой очередной шедевр, каким был и портрет Н.А. Постниковой, написанный в том же 1845 году.

А жить ему оставалось не больше года: Петр Захаров умер от чахотки в мае 1846 года, прожив на свете всего лишь тридцать лет.

Что это именно так, подтверждает то, что «в газете «Северная пчела» № 105 от 13 мая 1847 года книгопродавец Н. Теряев в своей статье «Некролог 1846 года» в разделе «Художники и музыканты» упоминает о смерти художника Захарова в 1846 году (чеченца по происхождению).

Но сколько он успел сделать: остались жить после гения его картины, многие из которых были собраны в Чечено-Ингушском республиканском музее изобразительных искусств, с гордостью носившем имя великого сына чеченского народа. Но в хаосе первой чеченской войны судьба его шедевров стала трагической: они расхищены (или уничтожены?) и потеряны, вероятно, навсегда.

И последнее. Изданный в Германии, в Лейпциге «Словарь художников всех времен и всех народов» отводит достойное место П.З. Захарову как одному из виднейших дореволюционных (1917 г.) художников, чьи произведения заслужили всеобщее внимание.

ВОЛШЕБНИК ТАНЦА

Имя Махмуда Эсамбаева – великого артиста-танцора, мастерство которого виртуозно, самобытно, неповторимо и бессмертно, как само искусство, – всегда произносится с восхищением и гордостью. Его называли волшебником танца, чародеем танца, поэтом танца, Шаляпиным в танце... А в конце семидесятых годов XX века к этим восторженным отзывам добавился еще один, пожалуй, самый почетный и благодарный: маг, исцеляющий танцами своими, волшебным искусством своим неизлечимые недуги. Однажды на концерте М. Эсамбаева в одном из городов Украины вдруг заговорил немой от рождения. Об этом в свое время много писалось, были даже стихотворения. Написал и я такие строки:

«...И потрясенный танцем огневым,
И восхищенье выразить желая,
Заговорил вдруг парень, что немым
Был от рождения,
Счастья слов не зная.
И крикнул он: «Махмуд, я
говорю!»
И зарыдал, не сдерживая чувства,
Шепча: «Век буду доброту твою
Я помнить и волшебное
искусство...»

Еще при жизни Махмуд был приписан к плеяде великих, и его по праву называли «легендой XX века», «чудом XX века», «человеком, которого облюбовал сам Господь». Ему не было равных в искусстве танца, и таким непревзойденным мастером, чародеем, магом, волшебником он и покинул нас.

Это о нем писала великкая русская (и непревзойденная!) балерина Галина Уланова: «Такие люди, как Махмуд Эсамбаев

встречаются, раз не знаю даже во сколько лет. Он по существу так пластичен, так музыкален и так выразителен в танце, в каждом жесте, что все, что он исполняет, никто другой не смог бы...» А однажды после его концерта восхищенная мастерством танцора Галина Уланова воскликнула искренне и простодушно: «Махмуд, как хорошо, что ты не учился балетному искусству, а то стал бы просто одним из всех!»

Это о нем писал журнал «Театр» в 1984 году: «Танцы Махмуда Эсамбаева – это театр переживания, а не представления. На его афишах пишут: «Танцы народов мира», а надо бы писать: «Народы мира в танце». Рекомендуем всем: непременно посмотрите великолепного Махмуда Эсамбаева!».

Это о нем писал признанный во всем мире режиссер и балетмейстер Юрий Григорович: «Каждое выступление Махмуда Эсамбаева на эстраде, каждая миниатюра его – это, я бы сказал, маленький законченный балет. Искусство его неповторимо, дарование его от Бога, и второго такого не будет в искусстве танца. Во всяком случае, в обозримом будущем».

Это о нем народная поэтесса Чечни Раиса Ахматова писала:

*«Но кто сказал, что сказка умерла?
...Живой волшебник в круг, скользя, выходит
И раскрывает руки, два крыла,
Нас в прежний мир лезгинкою уводит.
Танцуй, Махмуд! Мелодия, продлись!
Былое, встань, пройди перед глазами!
В коротком танце вся проходит жизнь –
Такой он маг. Вы убедитесь сами!»*

С именем Махмуда Эсамбаева связано многое в истории развития чеченского танцевального и театрального искусства, что обозначается словом «первый»: он стал в 1938 году (в четырнадцать лет!) первым самым юным чеченским артистом Русского драматического театра им. М.Ю. Лермонтова и Чечено-Ингушского государственного ансамбля песни и танца; он

был первым из чеченцев, ставшим артистом балета Театра музыкальной комедии г. Пятигорск Ставропольского края (1944 год).

Махмуд Эсамбаев первым из чеченских артистов завоевал звание лауреата Всесоюзного конкурса народного танца (1957 год); в том же году он стал участником Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве и был дважды удостоен звания лауреата Международного конкурса по народным и классическим танцам.

М. Эсамбаев первым из чеченских артистов совершил в составе труппы «Звезды советского балета» турне по Европе, Африке, Латинской Америке, где каждое его выступление вызывало фурор. В своей анкете, отвечая на вопрос: «Был ли за границей (когда, где)?», он писал в 1984 году: «Да, был: в 1959 году – Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Уругвай, Мексика, Куба; в 1967 году – Чили, Франция, Канада, Чехословакия; в 1977-м – Германская Демократическая Республика, Польская Народная Республика, Монгольская Народная Республика и т.д.». Кстати, после гастролей по Монголии М. Эсамбаев был награжден орденом Дружбы МНР, как сказано в Указе Великого Хурала «За выдающиеся достижения в пропаганде танцев народов мира и огромный вклад в развитие дружбы народов планеты и сближение их через искусство».

Махмуд Эсамбаев первым из чеченских артистов удостоен высокого звания народного артиста СССР. Это случилось в день его пятидесятилетия (1974 г). Я помню этот юбилейный вечер в переполненном театрально-концертном зале. Помню, с каким воодушевлением встретили собравшиеся известие о том, что Махмуд теперь – народный артист страны. Помню, какое ликование царило во всей Чечне – большая гордость поселилась в сердце маленького народа.

Как была всенародной и другая награда – Звезда Героя Социалистического Труда, врученная Махмуду Эсамбаеву, первому из чеченских артистов, в 1984 году на юбилейном вечере, посвященном шестидесятилетию танцора. Это было поистине

ды М. Эсамбаев выступает то на передовой линии фронта, то на строительстве оборонительных сооружений, то в военных госпиталях, то в воинских частях. Всего он дал в те дни триста шестьдесят концертов и был награжден Почетной грамотой Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР и ЦК профсоюза работников искусств СССР».

Но все эти заслуги не спасли его от высылки. М. Эсамбаев был депортирован прямо из г. Пятигорск. Правда, и на новом месте талант его очень скоро оказался востребован – Махмуд стал солистом Киргизского государственного театра оперы и балета. Вскоре он становится ведущим артистом коллектива и исполняет главные партии в балетах «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Спящая красавица» и других постановках, потому что был исполнителем уникальным и разноплановым: Махмуд Эсамбаев в совершенстве владел характерными и народными танцами и основами профессионального балета.

В 1957 году Махмуд возвращается на Родину, и с тех пор и до конца жизни в трудовой книжке у него одна единственная запись: «Солист Чечено-Ингушской государственной филармонии». И в каких бы уголках Советского Союза, в каких бы странах Европы, Азии, Африки, Америки не гастролировал Махмуд, он представлял нашу филармонию, нашу Чечню, которая, благодаря его таланту, прославилась во всем мире. С того же времени, оставив академическую сцену, он полностью переключился на народное танцевальное творчество и стал создавать танцы-новеллы, посвященные культуре разных народов планеты. Из каждой поездки в какую-нибудь страну он привозил характерный национальный танец, досконально изучал его и на утомительных ежедневных репетициях под руководством мастеров танцевального искусства той национальности, чей танец создавался, артист доводил его исполнение до совершенства. До такого совершенства, что консультанты-танцовщицы вынуждены бывали признать, что Махмуд Эсамбаев исполняет их народный танец лучше, чем они сами. Поэтому в его репертуаре

были и всегда вызывали бурю восторга и оваций танцы: индийский ритуальный «Золотой бог», испанский «Лякоррида», таджикский «Танец с ножами», бразильский ритуальный «Макумба» и многие другие. Но самым главным и самым любимым танцем, который он исполнял всегда с особым вдохновением и непередаваемым чувством, был танец-лезгинка «Возвращение». По сути дела, это была одноактная драма со счастливым концом, гимн всепобеждающей жизни. Таких жемчужин-танцев разных народов было в репертуаре Махмуда Эсамбаева много, почему и называлась его программа «Танцы народов мира».

Несмотря на напряженные дни репетиций, расписанный по дням график выступлений и гастролей, Махмуд Эсамбаев умудрялся находить время и для общественной работы: он много раз избирался депутатом высшего органа власти Чечено-Ингушской АССР, Российской Федерации и дважды депутатом Верховного Совета СССР. На этих постах он делал немало для развития образования, культуры и искусства республики: при активном содействии М. Эсамбаева были построены новые здания цирка, театрального концертного зала, школы в Грозном и в селе Старые Атаги и т.д. Одним словом, общественную работу он выполнял так же ответственно и добросовестно, как и свою основную.

Дар Махмуда Эсамбаева был уникальным, но все его величие было результатом подвижнического труда. Именно благодаря трудолюбию и упорству он мог совершать чудеса в танцевальном искусстве: только М. Эсамбаев мог при поездке в неизвестную страну за одну ночь поставить увиденный впервые танец, только он мог уже в зрелом возрасте за двадцать дней в совершенстве отработать индийский ритуальный танец «Золотой бог», которому на родине учат с детских лет... Таким вот был феномен таланта этого великого танцора.

И при всем величии своем он оставался человеком простым и доступным, добродушным и мечтательным, веселым и островумным, добрым и доверчивым. И, конечно же, беззаботно и

беспрецедентно преданным искусству. «Бывают люди, что гармонией своих характеров и действий открывают добро в наших душах, зажигая в них яркий свет и сами излучая его, — писал о таланте М. Эсамбаева его почитатель, доктор философских наук Владимир Усов. — Именно такой личностью, облагораживающей своим искусством души людей, и является Махмуд Эсамбаев».

«Прекрасен духовный мир народа, давшего миру этого человека, который своим великим искусством способствует братству и единению людей, — писал о танцоре народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР К. Сергеев. — Я горжусь тем, что живу в одно время с ним, что могу наслаждаться его искусством. Это действительно великий человек и великий артист».

По-моему, лучше не скажешь. Да и стоит ли говорить? Все равно всех тех чувств, что испытываешь к нему, — не выскажешь...

БЕСЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕВЦА

Баудин Сулейманов был голосом народа и певцом его. Он был любимцем народа. Он был страстным пропагандистом народной мудрости, в создании и исполнении песен нашедший главную цель своей жизни и призвание свое. Он был человеком трагической и в то же время героической судьбы. Он мог бы сказать о себе словами из своей песни «Мужчина из мужчин», посвященной славному сыну чеченского народа, легендарному пулеметчику, Герою Советского Союза Ханпаше Нурадилову (ни одна из его песен не была переведена на русский язык, поэтому привожу отрывки из них в своем поэтическом переложении):

*Счастлив, кто был от природы
Смел, доказывал без слов
Верность мудрому народу
И сыновнюю любовь.
Славен будет вечно в жизни
И посмертно тот герой,
Кто опорой был Отчизне,
За народ стоял горой.*

Родился Баудин Сулейманов в 1902 году в с. Давлетгирин-Эвла (ныне – Дойкур-Эвла).

Родители его – отец Сулима и мать Батти – были хотя и бедными, но уважаемыми и хлебосольными людьми в селе. Несмотря на это, судьба не жаловала мальчика, складывалась трагически: когда ему едва исполнилось семь лет, умерла мать, вскоре, заболев оспой, он полностью ослеп. Но эти тяжелые и жестокие удары не сломили не по годам сильную волю Баудина. Помогало ему и то, что отец отдавал ему больше любви, проявлял больше заботы и внимания, чем братьям Юсупу, Дауду и сестре Таибат, помогала и поддержка односельчан.

У отца Баудина было множество друзей и знакомых в разных селах Чечни, в которые Сулим часто выезжал в поисках

заработка. Поэтому в их доме часто звучали голоса гостей, которые рассказывали детям завораживающие чеченские сказки, исполняли в сопровождении дечиг-пондара илли о народных героях, борцах за справедливость и счастье простых людей. И юный Баудин зачарованно слушал их, впитывая в себя и запоминая эти удивительные сказания. И пытался петь сам, что очень радовало отца, радовало, что любовь к пению отвлекает мальчика от грустных мыслей, что он старается найти свое место в жизни.

Первым его учителем игры на дечиг-пондаре был односельчанин Асхаб, а первым, кто учил его пению, – друг отца из с. Гални Така Дубаев. Он научил юного певца исполнять песни о народных героях: Бейбулате Таймиеве, Сурхо, сыне Ади, Ахмаде Автуринском, Казалгане из Мержоя и других. Постепенно росло мастерство юного певца, расширялся круг песен и слушателей: отец начал брать его в поездки по селам в поисках хлеба наущенного. В этих поездках Баудин знакомился с известными в те времена музыкантами, исполнителями. Так, ему покровительствовали и стали его наставниками-учителями чеченские народные илланчи-сказатели Эдди Уциев из Гехов, Ахмад Язиев из с. Гални, Зага из с. Беной-Юрт. С их слов он запомнил и запел героические илли «Старого Дади», «Жаммирзы Мадиева», «Шихмирзы Зайтиева», «Сестры семи братьев» и другие.

Но судьба продолжала испытывать волю и талант Баудина на прочность. Грязнула Октябрьская революция 1917 года. Начались кровопролитные бои Гражданской войны. Разъяренные сопротивлением сельчан, белогвардейцы разрушили и сожгли крупнейшее в Чечне родное село Баудина Дойкур-Эвла. Защищая его, в боях погибли оба его брата – Юсуп и Дауд. Семья покинула пепелище родного очага и стала кочевать с места на место.

Но это не сломило подростка: даже в этих страшных условиях он продолжал петь, даря людям надежду, укрепляя веру в них.

В 1922 году Баудин лишился и отца, но к этому времени он уже возмужал, закалился в испытаниях, нашел прочное место и дело в жизни: стал давать концерты в избах-читальнях, различных учебных заведениях, клубах. А с 1928 года он солист только что созданного чеченского областного радиокомитета, чуть позже – и Чеченского ансамбля песни и танца. Отныне его голосом и песнями могли наслаждаться слушатели во всех уголках Чечни.

Как пишет доктор филологических наук Х. Туркаев в своей книге «Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей»: «С годами мастерство певца раскрывается очень ярко. Его художественный вкус становится утонченным; исполняя песни, он подходит к ним творчески. Вскоре имя Баудина Сулейманова становится известным по всей Чечне, он по праву занимает достойное место среди певцов-импровизаторов».

В тридцатые годы XX века в группе артистов национального драматического театра и радиокомитета Баудин участвовал в проведении дней культуры чеченского народа в городах Пятигорск, Ростов-на-Дону, Москва, где его песни были записаны на Всесоюзном радио и прозвучали на весь Советский Союз. И всюду его песни и исполнительское мастерство получали высочайшую оценку, потому что в нем слышали голос самобытного края, через него знакомились с мудростью трудолюбивого чеченского народа и национальными героями его. Потому, что истоком таланта Баудина – и музыкального, и поэтического – было устное народное творчество чеченцев, по мотивам которого он уже в тридцатые годы стал сам сочинять музыку и писать тексты для песен. В них оживали традиционные народные образы и известные герои (например, легендарный вождь чеченского народа юный Асланбек Шерипов), широко использовались устойчивые фразеологические обороты, сравнения, символы народной поэтики. Как, например, в шуточной песне «О Юнусе, храбром сердце» (перевод. А.К.):

*Невезучий ты, Юнус, в судьбе
Так, что даже при разделе Терека,
Не достался б ковш воды тебе,
Не скажу уже – о пяди берега.
Невезучий, хоть сильнее льва,
Так, что на дороге гладко каменной,
Там, где даже не росла трава,
Быть колючкой острою пораненным.*

Об этих особенностях творчества сказителя Х. Туркаев так писал в книге «Путь к художественной правде»: «Стремясь художественно воплотить подвиги героев из народа, Б. Сулейманов находился в постоянных поисках новых изобразительно-выразительных средств. Певец уже не довольствуется исполнением народных песен. Он становится создателем своих собственных. Произведения народных певцов-поэтов, их образы становятся связующим звеном между фольклором и поэтическим творчеством, способствуют дальнейшему развитию художественной мысли чеченцев, формируют новую эстетическую систему».

Рождению в нем поэта способствовало и знакомство в годы работы на радио и ансамбле песни и танца с известными тогда уже всей Чечне писателями: Саидом Бадуевым, Ахмадом Ножаевым, Шамсуддином Айсхановым, Арби Мамакаевым, Магометом Мамакаевым, с прославленным уже в те времена гармонистом-виртуозом Умаром Димаевым и другими.

Еще немало испытаний приготовила жизнь этому мужественному человеку, который, казалось бы, с избытком пережил все удары судьбы: истребительная Великая Отечественная война; гибель на фронте двух племянников – сыновей Таибат, – Джабраила и Якуба; полуголодное существование; изгнание с родной земли со страшным клеймом «враг народа». Но и при этих трудностях Баудин не сломался, не поддался отчаянию, а упорно делал главное дело своей жизни: сочинял и пел песни.

Он пел в Казахстане для шахтеров Караганды, хлопкоробов Чимкента, животноводов Джамбула, полеводов Акмолинска, земледельцев Фрунзенской и Джелал-Абадской областей Киргизии.

В эти трудные годы и послал ему безжалостный рок новую беду. Однажды зимней ночью, возвращаясь домой пешком после одного концерта в колхозе (в Карагандинской области), Баудин заблудился в разыгравшейся в степи метели и без сил упал в снег. Утром бросившиеся на поиски односельчане напали его сдва подающим признаки жизни. Он выжил, но потерял, отморозив, все пальцы рук и ног. И это не сломило его: он оказался сильней испытания – научился играть на кехат-пондаре и продолжал петь уже в его сопровождении.

Радостным, как и для всех чеченцев, для Баудина Сулейманова стал 1957 год – год возвращения на землю отцов. Здесь он стал трудиться с удвоенной энергией, неутомимо и вдохновенно, словно обрел вторую молодость. И опять в Чечено-Ингушском радиокомитете и в Государственной филармонии. Опять многочисленные выступления перед тружениками полей и ферм, рабочими и студентами. Его песни, записанные журналистами радио и сотрудниками Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, стали благодатным материалом для ученых при изучении устного творчества чеченцев.

«Мелодии и стихи Баудина Сулейманова вбирали в себя всю красоту и самобытность чеченской народной музыки и песен, – писал о творчестве сказителя известный исследователь фольклора Сирахдин Эльмурзаев в предисловии к единственной выпущенной на чеченском языке книжке поэта-песенника «Стихи и илли». – Обаяние и привлекательность его песни – в бережном сохранении чистоты звучания народных илли, в умении создать зrimый и осязаемый образ героя, явления природы, человеческих чувств. Он был большим мастером одушевления образов, делая их понятными и близкими всем». Вот, как, например, в «Песне о Тамаре» (перевод. А.К.):

*Лед, что Терек весь заносит,
Стопит солнце – луч горяч;
Рану, что кинжал наносит,
Исцеляет умный врач.
Лед стопить в душе любимой
Сила лишь любви дана;
С раной, сердцу наносимой,
Справившись лишь ты одна!*

Слушая самобытный голос и песни Баудина Сулейманова, казалось, что над ним не властно время. Но смерть, к сожалению, одинаково беспощадна и к простолюдину, и к таланту. Его не стало в 1961 году, и только в 1962 году был издан единственный сборник его стихов и песен. К сожалению, они не были переведены, повторюсь, на русский язык и поэтому Б. Сулейманов не представлен даже в фундаментальной «Антологии Чечено-Ингушской поэзии», изданной в Грозном в 1981 году, хотя почти все другие сказители нашли в ней свое место. В сборнике «Поэзия Чечено-Ингушетии», выпущенном в Москве в 1959 году, тоже не нашлось ему места, хотя опять-таки для других, менее значительных, сказителей оно нашлось. Да и сейчас его песни почти позабыты – не звучат ни по радио, ни на аудиокассетах. И молодые люди, одурманенные модной и шумной западной музыкой, да и те, кто постарше, вряд ли помнят удивительные песни его, знают о Баудине Сулейманове хотя бы что-нибудь. Вряд ли знают, что он был, что прожил героическую и трагическую жизнь, создал множество песенных шедевров, славящих Чечню и мудрый, трудолюбивый чеченский народ, прославляющих его национальных героев.

Х. Туркаев писал: «Народ не забывает своих героев, живших и павших во имя него. О них он создает свои песни, которые живут и будут жить всегда».

Будем надеяться, что это сказано и о Баудине Сулейманове и справедливость восторжествует: о нем снова вспомнит и будет гордиться чеченский народ, которому он оставил бесценное и бессмертное наследство – песни.

ГОЛОС ОКРЫЛЕННЫЙ И ОКРЫЛЯЮЩИЙ

В начале шестидесятых годов прошлого века имя и голос Султана Магомедова, звонкий, как весенний ручей, чистый, как горный родник, привольный и богатый оттенками как альпийский луг, был широко известен и горячо любим в Чечено-Ингушетии всеми — от мала до велика. Я же впервые познакомился с ним в 1967 году, когда стал редактором музыкальных программ республиканского радио. А дружба наша крепла в различных поездках по городам и селам не только Чечено-Ингушетии, но и всего Северного Кавказа с Чечено-Ингушским государственным ансамблем песни и танца, солистом которого певец работал в те годы. Много было таких поездок: 60–70-е годы XX века были годами высочайшего взлета профессионального и самодеятельного танцевально-песенного искусства Чечни, были поистине звездными годами его. Не было ни одного Всесоюзного, Всероссийского, Международного и регионального музыкально-исполнительского фестиваля, смотра, конкурса, праздника искусств, где бы и солисты, и целые коллективы Чечни не производили бы своими выступлениями фурор, не изумляли бы и не потрясали бы всех своим мастерством, задором, увлеченностью, не занимали бы первые места, получая высочайшие оценки. Их знали, уважали и охотно приглашали на гастроли в Европу, Азию, на Ближний Восток и Африку, Индию и Америку, где выступления наших артистов проходили всегда с триумфом.

Мне особенно памятна моя первая поездка с ансамблем в далекий Советский район (нынешние Шатойский и Итум-Калинский районы). В автобусе нашем сидели артисты хоровой группы ансамбля: В. Дагаев, С. Цугаев, Ш. Эдисултанов и другие. Ехали весело: то и дело возникали песни, мелодии, разговоры о новых задумках, планах, обсуждались слова и мелодии будущих песен.

Мне довелось сидеть рядом с Султаном Магомедовым, говорить с ним всю дорогу, слушать его смешные шутки-при-

баутки – он был острословом, человеком непоседливым, веселым, общительным. Он был прекрасным рассказчиком, фантазером, неистощимым на выдумки. Мне посчастливилось видеть, как он репетировал прямо в пути: к каждому концерту, выходу на сцену, исполнению Султан относился очень серьезно, ответственно, тщательно готовился к встрече со слушателем. Поэтому все у него и получалось безупречно; поэтому и любили его все и всюду.

В тот раз ансамбль разделили на две части: танцевальная группа осталась в Шатое, а хоровая поехала дальше – в Итум-Кали. Сделано это было, чтобы не обидеть ни шатойцев, которые требовали всех к себе, ни итумкалинцев, приехавших встречать нас и не желавших уезжать без артистов. Каждый приезд для жителей высокогорного труднодоступного села становился незабываемым праздником. И, несмотря на усталость и утомленность после поездки по опасной дороге (кто ездил от Шатоя до Итум-Кали, знает, какая она) артисты дали великолепный концерт, закончившийся после полуночи: жители долго не отпускали артистов. И особенно блистал Султан Магомедов. На обратном пути, когда многие дремали или делились впечатлениями, неугомонные и неутомимые Султан и Валид Дагаев до самого Шатоя пели назмы, которых знали во множестве...

После этого мы часто встречались с Султаном и на концертах, и на записях радиопрограмм, и на различных праздничных и молодежных вечерах, и просто так. Сдружились, даже начали вместе писать песни: я стихи, он мелодию. Так, первая созданная нами и записанная им в сопровождении мужской вокальной группы песня «Крылья любви» звучит до сих пор по телевидению, радио и на аудиокассетах. Я, как и все его поклонники, боготворил его окрыленный и окрыляющий слушателей голос, преклонялся перед его талантом. Вскоре я знал о С. Магомедове все.

Родился он в 1937 году в с. Курчалой Курчалойского района ЧИАССР в семье простых тружеников. Правда, один природ-

ный дар выделял отца Султана Дугу среди односельчан: у него, у сельского муллы, был сильный и красивый голос, и поэтому он славился исполнением назмов, зикров и мовлидов. Видимо, голос этот передался сыну по наследству. Правда, происхождение отца всю жизнь негативно отражалось в советское время на судьбе Султана: его попрекали отцом, затирали, травили, обрезали крылья, не давая в полную силу раскрыться его дару, обделяли признанием и званиями. Это обижало, но певец не поддавался унынию и пессимизму, не придавал этому значения, а упрямо делал главное дело своей жизни – радовал песнями людей, добиваясь своего упорным трудом. Был депортирован в 1944 году, жил и рос в совхозе им. Ленина Ворошиловского района Фрунзенской области Киргизской ССР. Только в 1948 году – одиннадцати лет – пошел в первый класс, но учиться пришлось недолго: после четвертого класса необходимо стало трудоустраиваться. Работал чабаном, водил отары по степям Киргизии. И там, на просторе, в одиночестве пел: любил петь с детства. «Кажется, в те времена голосу Султана отдавали свою нежность – полевые цветы, мелодичность – шелест степных трав, силу – весенние ветры, чистоту – горные родники. Из сплава всего этого и получился волшебный голос Султана: нежный и искренний, когда он поет о любви, мужественный и строгий, когда он исполняет народные героические или и песни о Родине», – писал один из яростных поклонников и соавторов певца известный чеченский поэт М. Дикаев.

Но путь С. Магомедова на сцену был нелегким и долгим. «Петь я любил с детства, – говорил Султан. – Голос прорезался, как говорится, очень рано, но долгое время я не мог дать ему полную волю, чтобы пение стало главным смыслом моей жизни».

Да, это так и было: до первого выхода на сцену Султану пришлось после чабанства поработать бетонщиком на стройке, одновременно учась в вечерней школе, а после возвращения на Родину, в с. Курчалой, – ремонтником дорог. Все эти

годы он пел на самодеятельной сцене. И только по настоянию друзей, в 1957 году, волнуясь, перешел-таки порог Чечено-Ингушской государственной филармонии. И с первого же выступления очаровал и пленил всех и стал всеобщим любимцем: стоило только ему спеть какую-нибудь песню, как она сразу же становилась всенародной, ее сразу же подхватывали все, особенно самодеятельные исполнители. Его песни «Ты голос гор» (Я. Хасбулатов), «Утро Кавказа» (М. Дикаев), «Милый Кавказ» (Х. Мехтиев), «Горный цветок» (Ш. Рашидов), «Солнечная Чечня» (Х. Сатуев), «Крылья любви» (А. Кусаев) и многие другие звучали повсюду, были на устах у всех. Мелодии к стихам он или подбирал из сокровищницы народного музыкального искусства, или писал сам: Султан был многогранно одаренным человеком.

Хотя всеобщее признание пришло к нему рано и прочно, но трудным был хлеб артиста. В городе у него не было ни кола ни двора, ни концертного костюма, ночевал в филармонии. Попрекали религиозностью отца, не продвигали по работе. Видя это, азербайджанские деятели искусства стали сманивать Султана в Баку, обещая место в консерватории, квартиру, высокую зарплату, быстрое продвижение. Но он ответил решительным нет! Он хотел петь только для своего народа. В отчаянии не раз приходила мысль бросить все, уехать в родное село, заняться привычным крестьянским трудом. Но желание петь каждый раз брало верх, и Султан оставался.

И все же понемногу устроились и жизнь, и быт: получил квартиру, рядом была добрая и щедрая супруга Асма (солистка ансамбля песни и танца), подрастали дети – сыновья Тимур и Заур, дочь Зара. Немало радостей приносили многочисленные гастрольные поездки ансамбля по городам Советского Союза, Европы, Ближнего Востока, Америки.

В 1964 году в нашей республике проходил первый Всесоюзный музыкальный фестиваль. В Грозный съехались известнейшие музыкальные коллективы, композиторы, артисты: Ленин-

градский концертный ансамбль им. М. Глинки, Большой симфонический оркестр из Москвы, Государственный эстрадный оркестр Азербайджана, Волжский народный хор, солисты Большого театра П. Лисициан, А. Ведерников, певцы И. Кобзон, И. Брежевская, О. Анофриев, композиторы М. Кажлаев, О. Фельцман, А. Юрлов и многие другие. В этом великолепном созвездии звучал голос Султана Магомедова! Поэтому он по праву был удостоен почетного звания «Заслуженный артист ЧИАССР» по итогам фестиваля «За участие в первом республиканском фестивале музыки» и «За достигнутые творческие успехи в художественном обслуживании трудящихся Чечено-Ингушетии».

В 1965 году Государственный ансамбль песни и танца под руководством известного писателя-драматурга, народного артиста ЧИАССР А.-Х. Хамирова совершил трехмесячную гастрольную поездку по двадцати городам России (Ленинград, Архангельск, Йошкар-Ола, Казань и другие), в каждом из которых давал по 2–3 концерта, которые всегда проходили с аншлагом. Только в г. Москва ансамбль выступал девять раз, в т.ч. и по Всесоюзному телевидению и радио. После поездки А.-Х. Хамиров писал в газете «Грозненский рабочий»: «Всегда и везде с неизменным успехом выступала мужская вокальная группа, солистом которой был несравненный Султан Магомедов. Его песни, воспевающие Чечено-Ингушетию, ее гостеприимный и трудолюбивый народ слушатели встречали овацией. И всегда особо отмечали чарующий, чистый и сильный голос певца-солиста». Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить.

Но дожить до звания народного артиста республики Султану Магомедову, к сожалению, не довелось: он умер молодым около тридцати лет назад, поистине обеднив исполнительское искусство чеченского народа. Я свидетельствую, что до конца дней своих он оставался обаятельным, чистым и жизнерадостным человеком, выдающегося таланта певцом.

Сегодня с нами нет Султана Магомедова, но продолжает звучать и радовать нас его изумительный голос и песни, конку-

рируя на равных, а порой и превосходя многочисленных модных исполнителей, как российских, так и европейских. Очень точно сказал о нем не менее известный Ш. Эдисултанов:

«Певца с таким голосом, как у Султана, не было и нет другого в Чечне. Чтобы по достоинству оценить, его голос надо было слушать в горах, когда он, повторяемый эхом гор и долин, разливался особенно широко и вольно: он был голосом наших гор, нашего народа. И он не умрет, покуда народ не утратит желания петь, творить песни и радоваться жизни».

Да будет так.

«КОГДА ГАРМОНЬ РАСТЯГИВАЛ УМАР, ОНА ВЕСЕННЕЙ РАДУГОЙ КАЗАЛАСЬ...»

Чеченцы никогда не были обделены ни славными героями, ни умными, одаренными людьми, которых признавали и почитали все – от мала до велика. У нас всегда были святыне для всех, пережившие тысячулетия духовные башни. Не разрушаем ли мы их сегодня до основания? Непреходящие, бесценные, бессмертные, как огонь в очаге горца, духовные ценности, о которых великий Лев Толстой писал, восхищаясь смекалкой и талантливостью чеченского народа: «...предания и поэзия горцев – сокровища поэтические, необычайные».

Одной из этих духовных башен из сокровищ поэтических, необычайных был, остается поныне и будет всегда неповторимый, неизреченный, неподражаемый гармонист Умар Димаев, пленявший своей волшебной игрой, незаурядной памятью и музыкальностью, доведший игру на гармони до недосягаемого совершенства.

Об этом удивительном человеке, импровизаторе, исполнителе можно говорить много и не сказать почти ничего, написать десятки монографий, исследований, комментариев, но не выразить всего, что он сотворил, заслужил, не осознавая своего величия. А можно сказать и коротко: Талант, Виртуоз, Мастер. Талант, наделенный особым даром Творцом и Природой. Виртуоз, равных которому не было и нет. Мастер, который довел игру на гармони до немыслимого изящества, до высшего искусства, граничащего с чудом. Я, хорошо знавший самого У. Димаева и с ним друживший (как и сегодня не прерываю дружеских связей с его сыновьями – композиторами и исполнителями Сайдом, Али и Амарбеком, преемниками отца), так в своем стихотворении, посвященном гармонисту, выразил свое восхищение им (перевод с чеченского. А.К.):

Когда гармонь растягивал Умар,
Она весенней радугой казалась.
И пальцы, что метались,
Как пожар,
Не клавишей,
А струн души касались.
Мелодии то грустно плыли, то
Носились вихрем, в пляску подымая...
Играл Умар, как не умел никто,
А только он один и мог – Димаев.

Умар Димаев заслуженно и по праву пользовался всенародной любовью и признанием. Каждая его мелодия становилась событием, окрыляла, очищала и возвышала души, пробуждая самые сокровенные чувства и мысли. Каждая мелодия, сыгранная им и услышанная однажды, запоминалась на всю жизнь. Каждая новая мелодия, сочиненная им, становилась гордостью и достоянием всего народа. Ну, скажите, разве можно забыть щемяще-тревожную, но полную оптимизма и надежды мелодию: «Высокие горы»; яркие, задушевные, романтикой любви наполненные струи «Вальса Димаева»; чеканные, уверенные, торжественные звуки «Марша Красной Армии»; зажигательные, задорные, искрометные, как и сам народный праздник, танцы Илеса, Шамсуддина; шутливый, искрящийся легким, лукавым юмором наигрыш «Ханбетир ушел в Анды»; лиричный, по-весеннему светлый, нежный, мечтательный девичий перепляс «Асет»; звонкий, пронизанный солнцем, прекрасный, как сама Чечня, «Чеченский вальс»; тонкий, пластичный, призывающе-увлекательный этюд, посвященный Махмуду Эсанбаеву?.. Сколько было их, искорок народной мудрости, ставших частицей жизни и творчества гармониста! Сколько было их, жемчужин его фантазии, ставших народными! Немало – более четырехсот! Как провести грань между ними? Да и надо ли делать это: Умар Димаев был голосом народа, душой его, сутью и хранителем музыкального искусства чечен-

цев. Он черпал свое вдохновение из мудрости народной, она же, в свою очередь, пополнялась димаевскими импровизациями и песнями.

Родился Умар Димаев в октябре 1908 года в с. Урус-Мартан в необычной для чеченцев многодетной семье. Необычность же заключалась в том, что многие дети в ней были музыкально одаренными. Так, старшие – сестра Аружма (которой Умар впоследствии посвятит мелодию одного из лучших своих танцев) и брат Абдул-Хамид хорошо играли на гармони. Поэтому его дар оказался не случайным: музыка окружала будущего виртуоза с детства всегда и всюду. Первые уроки игры на гармони Умар получил у Аружи, которую всегда слушал с восхищением, упоением и завистью.

Занимался он музыкой тайно от отца, который запрещал сыну играть на гармони, считая это не мужским делом. Чтобы отвлечь сына от его пристрастия и не оставить ему свободного времени, отец забирал Умара с собой на все виды сельхозработ: сажать кукурузу, полоть, косить траву, отвозить ее домой. Словом, дело для него находилось всегда. Но и Умар был упрям: при каждом удобном случае сбегал с поля домой, доставал из-под пола, куда прягал ее от отца, гармонь и начинал самозабвенно учиться. И часто не на шутку перепадало ему, если отец заставал его за любимым делом. Но, видя серьезность увлечения, необыкновенные успехи и упрямство сына, мать уговарила-таки отца купить Умару гармонь и всячески опекала, защищала и поощряла его.

Шло время, росло мастерство. Кроме сестры и брата, игре на гармони Умар учил своего односельчанина, известного всей Чечне музыканта-исполнителя Илеса, которому тоже посвятит впоследствии мелодию искрометного танца. К шестнадцати годам Умар стал уже известен как гармонист. Его все чаще стали приглашать на вечеринки, посиделки, свадьбы, сходы и бензхи. Часто вместе с Илесом. Когда же сам уставал играть, Умар уверенно передавал эстафету Илесу, и ученик достойно про-

должал начатос учительс. Росла популярность, пришло признание слушателей. Умар вырос в прекрасного гармониста, исполнителя народной музыки.

Конец двадцатых годов XX века. В Урус-Мартане впервые открывается радиоузел. Умара Димасева сразу же приглашают туда на должность музыканта; частые выступления у микрофона, участие в различных концертах, в соревнованиях-конкурсах с лучшими музыкантами района и Чечнинской области выдвигают Умара в число признанных мастеров-гармонистов, его имя становится широко популярным и известным всюду и всем. Подтверждение тому — приглашение в 1929 году в Национальный драматический театр солистом оркестра, дирижером которого работал известный в те годы композитор Александр Александров (впоследствии автор знаменитой музыки Гимна СССР, лучше которой не написалась даже для Гимна новой России). Многому научился У. Димасев у этого талантливого музыканта, его уроки помогли гармонисту разглядеть и раскрыть новые возможности своего необыкновенного дара. Умар участвует в создании музыкальных образов в таких спектаклях, как «Торгуем на базаре», «Мекхаш-Мирза», «Красная крепость», «Храбрый Кикила», «Бэла» и многих других.

С 1934 года по день депортации в 1944 году У. Димасев работает солистом оркестра Чечено-Ингушского радиокомитета под руководством композитора Георгия Мепурнова, много сделавшего для развития и популяризации вайнахского музыкального искусства.

В 1939 году Умар Димасев принимает участие в первом Всесоюзном конкурсе исполнителей на народных инструментах, проходившем в г. Москва. Он занял второе место, стал лауреатом, уступив только известному Джамбулу Джабасеву, казахскому певцу-акыну¹. Отец народов И. Сталин лично вручил У. Ди-

¹ Акын (казахск.) — народный исполнитель-имипровизатор, сродни чеченскому сказателю-илиланчу.

масву именныи часы с дарственной надписью и сто рублей за мастерское исполнение кавказских мелодий.

Этот подарок, кстати, сыграл однажды в жизни Димасева судьбоносную роль – спас от неминуемого расстрела. Случилось это в 1944 году, когда вместе со всеми чеченцами взяли гармониста в неизвестность. Раз на станции «Эмба» Умар с товарищем выскочили на базарную площадь купить табак, что-нибудь съестное и молоко для больного соседа. Но на беду напоролись на патруль, который немедленно задержал их как беглецов со спецпосыпкой. Этапировали их в г. Джамбул, поместив в вагон-холодильник для трупов, одеждой которых, друзья и укрывались от адского холода (Умар все же отморозил пальцы ног). Военно-полевой суд приговорил к расстрелу. И тут Умар вспомнил о подарке И. Сталина и конкурсе. Следователь оказался милосердным (большая редкость в те времена!). Попросил запрос в Москву, утвердительный ответ пришел через месяц, Умара освободили. Устроился на работу в Джамбульскую филармонию и более года искал семью, пока не соединился с ней в августе 1945 года.

После конкурса в Москве имя У. Димасева стало известно во всем бывшем Советском Союзе. Его игрой – великолепной и проникновенной – восхищались знаменитые композиторы и музыканты: Вано Мурадели, который назвал Умара «доктором кавказской музыки», Анатолий Новиков, Андрей Эшпай и многие другие. Все они с уважением называли У. Димасева «Чеченским Орфеем». Выше признания и быть не может!

Во время Великой Отечественной войны Умар активно концертирует в фронтовых бригадах – в госпиталях и на передовой. Не молчала Димасевская гармонь и в выселении: его игра напоминала чеченцам о далеской родине, связывала их с ней, дарила надежду на возвращение. А с 1956 года начались его ежедневные концерты для чеченцев и ингушей на казахском республиканском радио.

В мае 1957 года У. Димасев возвращается в Чечню. Начинается новая жизнь, да и творчество, по существу, возрождается

заново: работа в Государственном ансамбле песни и танца «Вайнах» и в филармонии; выступления и записи на радио; почти ежедневные выездные концерты; участие в съемках кинофильмов, различных декадах, днях литературы и искусства (Северный Кавказ, Москва, Украина, Молдавия и т.д. Сколько их было!) И, конечно же, создание новых мелодий танцев, песен (в том числе, и знаменитая песня «Хадижат», записанная не менее знаменитым С. Магомедовым и звучащая до сих пор!)

Умар Димаев работал самозабвенно, вдохновенно, неутомимо. Зная, что все это нужно людям, родине, народу. Работал до самой кончины после тяжелой болезни в 1972 году.

Но труды У. Димаева не пропали даром. Он живет сегодня в своем талантливом ученике, гармонисте Р. Паскаеве, в сыновьях, которым завещал продолжать, развивать и обогащать музыкальную культуру народа: Сайду – члену Союза композиторов России (умер после продолжительной болезни в 2004 году); Али – композитору, певцу который более двадцати лет руководил популярнейшим на Северном Кавказе ансамблем «Зама»; Амарбеку – виртуозно играющему на гармони отца (сейчас с семьей живет в Германии). По стопам деда пошли и его внуки. Как видим, не прерывается связь поколений, продолжает славить чеченский народ музыкальная династия Димаевых.

Да будет так всегда! Потому что талант, виртуоз, мастер-гармонист Умар Димаев – слава, величие и гордость нашего народа – достоин этой памяти, восхищения и поклонения – Всех и каждого. Потому, что:

*«Играл Умар,
Как не умел никто,
А только он один умел –
Димаев!»*

ОН ВОПЛОТИЛ В СЕБЕ ЭПОХУ

Есть люди, которые олицетворяют собой совесть, честь и достоинство народа; которым дано высокое призвание умножать своими делами мудрость и славу народа. Есть люди, наделенные природой даром возвышать, очищать и окрылять все, с чем они соприкасаются. В жизни они благожелательны, потому что их дара и таланта у них ни отнять, ни купить невозможно. Они не завистливы, потому что сильные всегда великолепны. Они высоты берут, иуважение завоевывают не интригами, а мастерством, отточенным за годы работы до филигранности. Они дружелюбны и очень общительны, потому что их дар предназначен не единицам, а массам; потому что их талант расцветает лишь в гуще людей, но чахнет в одиночестве. Есть люди, которые являются символом трудолюбия и силы народа, а он, в свою очередь, их высшим судьей и целителем. Одним из них является Валид Дагаев.

Песенное творчество и исполнительское мастерство этого виртуоза – это большой и еще как следует неисследованный пласт развития чеченского музыкального песенного искусства. Оно сильно своим повсесердным (как любил говорить поэт И. Северянин)¹ признанием, своими корнями, уходящими в древние народные традиции; оно сильно своей необычностью и, в то же время, обычностью, потому что черпается из мудрого источника – народного фольклора, питаются им. Недаром каждая песня (то ли фольклорная, то ли им самим написанная),

---

¹ Северянин Игорь – русский поэт начала XX века. Имеется ввиду его знаменитые строки из стихотворения «Эпилог»:

Я гений – Игорь Северянин –
Свosoю славой упоен
Я повсегдядно озкранен
И новсесердно утвержден.

исполненная В. Дагасым, становится сразу же народной, подхватывается всеми – от профессионала до любителя, от мала до велика...

Каждый, кто встречается с ним (а он всегда в гуще народа, одиночество не переносит, потому что любое его произведение создается для людей и оно, пусть даже сверхталантливое, не услышанное и непризнанное людьми, мертвое), удивляется глубоко человеческим чертам характера Валида – плоть от плоти сына своего народа – это, прежде всего, высокочтимые им честь и достоинство. Я убежден, что такие высоконравственные, воспевающие мужество, долг и честь песни, как «Заветы Родины», «Камни говорят», «Сокол», «Кто такой къопах?», «Огонь негасимый» и другие, исполненные человеком, не имеющим ни совести, ни достоинства, прозвучали бы фальшиво и не были бы приняты народом.

Валид всегда скромен и приветлив, дружелюбен и общителен. Он строг и требователен во всем: и в творчестве, и в одежде, и в проявлении чувств. Искренен – не знает ни зависти, ни козней, точен и исполнителен до щепетильности (вот уж к кому поистине подходят слова: «Точность – вежливость королей») Верен словам и делам: не было еще в его жизни случая, чтобы он не явился по приглашению, чтобы он не пришел на концерт, как бы далека ни была дорога, в каких бы тяжелых условиях ни приходилось выступать. Его главное кредо: «Слушатель не виноват в нашей нерасторопности, капризах, а мы не красные девицы, чтобы работать в тепличных условиях!»

В жизненном пути В. Дагасева нет ничего необычного, что бы отличало его от сверстников, от людей его поколения. Трудностей было много, но и радостей – тоже немало. Его главная гордость и счастье в том, что любая его песня, мелодия, а также неповторимый, родниково-чистый, звонкий голос узнается всеми по первым же аккордам его знаменитого дечиг-пондара, по первым же произнесенным словам и запоминается на всю жизнь.

Впервые я услышал его волшебный голос и чудесные песни сорок с лишним лет назад, вернувшись в Грозный после долго-

го отсутствия на родине. Я как-то зашел к друзьям, студентам нефтяного института, жившим в первом его общежитии по проспекту им. В.И. Ленина. Только расселись, когда по радио зазвучала песня «Родник» (шел концерт по заявкам), которую исполнял Валид Дагаев. До конца песни мы не проронили ни слова, слушали ее завороженно. А потом, перебивая друг друга, начали делиться впечатлениями: понравилось все – чудный голос певца, и прекрасная лирическая мелодия, и стихи Магомета Мамакасева. Как тонко и точно передал он тревожно-нежные чувства влюбленного, ожидающего свою единственную у родника! Такой шедевр мог создать только большой мастер, влюбленный в свое дело – таково было наше общее мнение. И не только наше, в чем я не единожды убеждался потом.

С того дня я стал ревностным поклонником таланта Валида Дагаева, личное знакомство с которым состоялось только спустя несколько лет, когда я, как корреспондент республиканского радио, часто сопровождал в гастрольных поездках Государственный ансамбль песни и танца Чечено-Ингушетии, одним из ведущих солистов которого и был Валид Дагаев. Тогда мне привелось близко понаблюдать за ним и много беседовать с артистом. Я увидел его и в работе (на репетиции, на сцене), присутствовал и при рождении его песен (строгий отбор слов, мычание и отстукивание мелодии, первые пробы струн), наблюдал и в обыденной жизни (скромный, общительный, острогумный), открыл секрет его мастерства и всенародной любви (труд, труд и еще раз труд). С тех дней мы подружились навсегда: часто встречались, часами вели домашней обстановке, делили радости и горести, обсуждали замыслы и планы, которых у Валида всегда было много. Такой уж у него характер: деятельный, творческий, не терпящий безделья и бездельников. Или, как сам часто любит повторять: «Плохих людей я сам не вижу, а хороших мимо меня сами не проходят».

Родился В. Дагаев в 1940 году в знаменитом своей историей поселке Алды в большой и дружной семье. Но прожил в родных местах недолго: в 1944 году мальчик, как и всячес-

ский народ, был депортирован в Казахстан, где в поселке им. Кирова Джамбульского района Алма-Атинской области прожил тринадцать лет. Главные воспоминания тех горьких лет – холод, постоянное чувство голода, недетская работа в колхозе, ежедневная забота о хлебе насущном и смерть: четверо детей из большой и работящей семьи Дагаевых навсегда остались в казахской земле.

В 1948 году Валид поступил в первый класс казахской начальной школы – единственной в поселке. После окончания четвертого класса учебу пришлось оставить – ездить в районный центр не было ни материальной, ни физической возможности: все дети помогали родителям в колхозной работе – жизнь не баловала их. Но любознательный мальчик упрямо и упорно занимался самообразованием, он основательно изучил казахский и чеченский языки и литературу, совершенствовал игру на дечиг-пондаре, постигал тайны музыки.

Музыкальное и певческое дарование Валида, как и у брата Хамзата, проявилось рано. Видимо, оно передалось ему от родителей: мать его Кулсум хорошо пела, знала много народных песен; а какой чеченец не умел в те годы играть на дечиг-пондаре! Поэтому, когда после восстановления Чечено-Ингушской АССР в Алма-Ате был объявлен конкурс молодых талантов для отбора в Чечено-Ингушский государственный ансамбль песни и танца, Валид вместе с братом Хамзатом, не задумываясь, пришли на прослушивание и были зачислены в хор. Артисты ансамбля одними из первых вернулись на родную землю, и с 1957 года песенное творчество и пение стали основным делом всей жизни народного илланчи.

Не счесть городов (и столичных, и периферийных) и стран Европы и Азии, Ближнего и Дальнего Востока, России и Кавказа, где бы по несколько раз не бывал на гастролях Валид Да-гаев за более чем пятидесятилетнюю исполнительскую деятельность, где бы он не радовал и не восторгал своим голосом и своими песнями тысячи людей, где бы он не пел свои звонкие

песни, созданные им на стихи любимых поэтов: Арби Мамакаева, Магомета Мамакаева, Ахмеда Сулейманова, Магомета Сулаева, Магомеда Дикасова, Шаида Рашидова, Хусейна Сатуева и других, голос Валида никого не оставлял равнодушным. Кого из нас не брали за душу, не очищали, не возвышали его шедевры «Огонь, согревающий сердце», «Любить тебя», «Луна грустит», «Сон», «Сокол», «Ночь в ауле», «Ачхой-Мартан», «Энгель-Юрт» и другие. Все они после исполнения Валидом становились народными, неизменно звучали на различных фестивалях, конкурсах, на вечерах и смотрах, на праздниках и просто в компаниях.

Илланча всегда любил и уважал своего слушателя, дорожил его оценкой. Поэтому в гастрольных поездках он вводил в репертуар песни не только народов бывшего СССР, но и дальнего зарубежья. Не бывало конца восторгу благодарных слушателей, когда Валид перед казахами пел по-казахски, перед украинцами – по-украински, перед грузинами – по-грузински, перед кумыками – на их родном языке и т.д. Это говорит, между прочим, еще и о широком диапазоне творческих возможностей, интересов илланчи и широте тематики его песен. Не счастье великих и знаменитых людей музыкального искусства, литературы, науки, политики, с которыми судьба сводила Валида, которые немало давали ему и которым много давал он. Не счастье поощрений и благодарных слов, которые сказаны в его адрес за радость, подаренную им людям своим голосом и песнями. Это естественно: несмотря ни на физические страдания (слепота), ни на беды, обрушившиеся на него в первую и вторую чеченские войны (разрушены полностью квартира в красивом доме по проспекту им. Г.К. Орджоникидзе, дом в родном поселке Алды), ни на трудности с концертной деятельностью (разгромлена культура Чечни), Валид и сегодня в строю. Его дечиг-пондар, как этюдник у художника, ручка – у поэта, коса – у косаря, всегда при нем, а голос его звучит не менее (если не более) звонче, чище и шире, чем в юные годы.

Но этапными в творчестве илланчи являются все же незабываемые события: участие во Всесоюзном фестивале народных исполнителей в г. Ростов-на-Дону в 1972 году, отмеченное Дипломом первой степени; присвоение почтенных званий народного артиста Чечено-Ингушетии (1972 год), заслуженного артиста РСФСР (1973 г.) и, наконец, народного артиста Российской Федерации. Валид с гордостью носит также звания заслуженного и народного артиста всех республик Северного Кавказа, Грузии, Казахстана и т.д.

Творчество Валида Дагаева – это огромный мир музыки, эпоха чеченской культуры, по которой можно написать летопись развития музыкального и песенного искусства нашего народа. В его песнях живут мечты, чаяния, чувства народа, душа и мудрость, честь и достоинство его. Голос Валида – мерилом чистоты и музыкальной одаренности народа. Это голос наших звонких горных родников и нашей прекрасной природы. И поэтому я говорю в своих стихах (перевод с чеч. А.К.).

*Как концерт дает Валид,
На него народ валит.
Потому-то потому
Люди тянутся к нему:
Что он, словно соловей,
Песней радует людей;
Потому что, потому,
Что дар чудный дан ему –
Прославлять волшебной песней
Наш народ и край прелестный;
Потому что, потому,
Что стал голосом народа,
И к тому же ко всему
Из добра и песни родом, –
Потому и знаменит,
Соловьиный брат Валид!*

*Когда свою песню заводит Валид,
Родник с соловьем в ней сливаются вместе.
Кто боле в краю любим, знаменит?
Кто большие достоинства и славы, и чести?
Когда свою песню заводит Валид,
То все замолкает, певцом зачаровано, —
А голос из сердца народа звучит
Природой певцу это чудо даровано!
Когда он о чести, отваге поет,
Всевластен над ширью земной и небесной.
Всегда, окрыляя, он славит народ
Своей волшебной и солнечной песней.*

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ МУЗЫКЕ

Музыка его пленила в раннем детстве. Сам Аднан Шахбулатов так вспоминал об этом: «Мне не было еще и семи лет, когда я с клеймом «враг народа» очутился в ссылке в далеком Казахстане. Первые впечатления о жизни там: холод, много холода – и мало хлеба, вечное чувство голода. Первое впечатление от встречи с музыкой: чудо, волшебство. В те годы на городских и сельских улицах на столбах висели радиорепродукторы. Так вот из одного такого однажды по дороге в школу я и услышал ее – Музыку! Запомнил ее на всю жизнь. Помню, учительница повела наш класс на концерт гастролера-пианиста. Я по первым же аккордам узнал полюбившуюся мне мелодию – оказывается, это была «Маленькая ночная серенада» Моцарта. С того дня музыка завоевала мое сердце, она стала моей первой любовью, моей жизнью».

Так, «заболев музыкой», юный Аднан зачастил в клуб одного из заводов г. Алма-Ата, в котором репетировал духовой оркестр. Но руководитель кружка Н.И. Левцов (Аднан всю жизнь с благодарностью вспоминал этого прекрасного музыканта и доброго человека) был неумолим: слишком мал еще, не дорос. Но мальчик был упрям: он каждую репетицию стоял перед дверью комнаты занятий, слушал, что говорит Николай Иванович, и все запоминал. И однажды, когда никто из ребят не мог ответить на поставленный руководителем вопрос, Аднан, резко распахнув дверь, вошел и, срываясь от волнения, выдохнул: «Можно, я скажу?» «Ну, что ж, скажи», – улыбнулся дружелюбно Николай Иванович, сраженный и восхищенный упрямством мальчика и его огромным желанием учиться.

После этого бурного вторжения в мир музыки Аднан, заняв свое законное место в оркестре, стал одним из самых способных и трудолюбивых учеников Н.И. Левцова. Увидев его увлеченность и интуитивно угадав в нем дар музыканта, Николай Иванович стал уделять Аднану больше внимания и терпеливо учили

сго всему, что знал, что любил и чему сам поклонялся всю жизнь.

Второй эпизод произошел с Аднаном при поступлении в Алмаатинское музыкальное училище пятьдесят лет назад – в 1957 году. Приемной комиссии он со всей категоричностью молодости заявил безапелляционно: «Хочу стать композитором!»

– Помилуйтс, молодой человек, как можно об этом мечтать, если вы не обучены музыкальной грамоте? – пытались урезонить строптивца. Но Аднан был упрям:

– Да поймите же, я даже песню написал! – как главный аргумент сказал он строгой комиссии.

– Ну, коли так, то отправляйтесь в музыкальную школу: пусть проверят ваш слух.

– Но ведь это можно сделать и здесь, – возразил Аднан.

– Обойдемся без ваших советов! – последовал строгий ответ.

Он понял, что его не хотят принимать. Ушел, но через несколько часов вернулся в училище со справкой. «Обладает абсолютным музыкальным слухом и ярко выраженными способностями», – было написано в ней. Членов комиссии поразила непреклонность Аднана, и один из наиболее дальновидных педагогов сказал:

– Уважаемые коллеги! Давайте не будем разрушать мечту юноши. Понимаю, что это безрассудно, но предлагаю его принять. Не освоит программу – отчислим после первого семестра. Сейчас же отказать не имеем морального права.

Не отчислили потому, что работал по двадцать часов в сутки, почти все время находился в училище: днем – занятия с педагогами, вечером и ночью – самостоятельная работа. Все экзамены за первый семестр Аднан сдал на «отлично».

На одном из них педагог по теории музыки спросил Аднана:

– Молодой человек, вы что, ночуете в училище?

– У меня дома нет пианино, – опустил Аднан голову.

– Так можно же инструмент на прокат взять.

– Можно, но дома уверены, что я учусь в торговом училище.

На другой же день делегация педагогов во главе с директором училища побывала в доме Шахбулатовых. Разговор был трудным и долгим. Все же преподавателям удалось доказать отцу, что сын его должен учиться музыке, что она – его призвание. И дела пошли еще лучше: Аднан стал гордостью училища. Таким был и в жизни, и в творчестве этот поистине волшебник и чародей музыки – Аднан Шахбулатов, которому в этом году исполнилось бы семьдесят лет, но которого нет с нами уже более десяти лет. У меня сохранилась рукопись автобиографии композитора, написанная по моей просьбе, по которой я и восстановливаю этапы его жизненного и творческого пути. Несколько помогла мне в этом и верная спутница его многострадальной жизни Зоя, которая до сих пор свято хранит память об Аднане.

Родился Аднан Шахбулатов в с. Урус-Мартан (прославленном многими выдающимися народными музыкальными талантами, в числе которых и несравненный Умар Димаев – «Чеченский Орфей», как его называли) 25 ноября 1937 года. Несpełных семи лет был изгнан с Родины, жил и рос в Алма-Ате. Закончил школу. Рано пробудился музыкальный дар. Первую свою песню «Фестивальную», посвященную Международному фестивалю молодежи и студентов, проходившему тогда в Москве, юный композитор написал в 1957 году. Первое исполнение ее состоялось в Алматинской консерватории. В том же году поступил в Алматинское музыкальное училище, через год перевелся в Чечено-Ингушское республиканское музыкальное училище в класс Л.М. Шаргородского.

Уже в годы учебы проявился композиторский талант Аднана Шахбулатова: им написаны романсы на стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, С. Шипачева, Е. Долматовского¹ и

¹Щипачев Степан (его знаменитое стихотворение «Любовью дорожить умейте, с годами дорожить вдвое...» стало гимном любви), Долматовский Евгений (автор знаменитого романа в стихах «Добровольцы» и др.) – советские русские поэты шестидесятых–восьмидесятых

несколько камерных произведений: «Вариации для фортепиано на темы чеченской песни», цикл прелюдий, сонатина и скрипичного концерта «У нас в горах» для симфонического оркестра кангата и др.

Композиторский дар его еще более окреп в годы учебы на композиторском отделении в классе профессора Г.И. Питинского в Московском музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных, куда Аднан Шахбулатов поступил в 1960 году. В его стенах, впервые осознав серьезность избранного им жизненного пути, поняв, что искусство не потерпит поверхностного, беззаботного, легкомысленного отношения, а потребует от музыканта всего напряжения сил, Аднан работал с полной отдачей: писал романсы на стихи чеченских поэтов, сонаты, прелюдии, симфонические произведения. Но особенно много работал над песнями. Потому что, как позже признавался сам композитор: «Чем больше я жил на земле, чем больше писал, создавал, размышлял, тем сильнее убеждался в одном: моя стихия — песня. И в силу этого убеждения я большую и, возможно, лучшую часть жизни и творчества отдаю ей — королеве по имени Песня. И делаю это всегда с радостью и без сожаления».

И именно песенное творчество принесло ему самую широкую популярность, всеобщее признание, всенародную любовь. С первого же исполнения его песни пленяли слушателей мелодичностью, легкостью, темпераментностью, изяществом.

Пронизанные юностью, солнцем и светом, они легко запоминались, распевались повсюду — на концертах, вечерах и просто в дружеских компаниях. Происходило это потому, что были написаны мастерски, отвечали запросам молодежи, затрагивали самые сокровенные чувства и чаяния ее — любовь, дружбу, жажду жизни, света, раскованности, верности. И потому еще, что Аднан Шахбулатов был одним из основоположников профессиональной чеченской эстрадной музыки. Недаром журнал «Музыкальная жизнь» писал: «А. Шахбулатов в числе немногих других стоял у истоков рождения профессиональной музыки в

республике. Он одним из первых дал крылья современной национальной музыке (особенно — песне), подготовил слушателей к восприятию развернутых музыкальных форм».

И все-таки подлинную славу и Всесоюзное призвание прнесли Аднану Шахбулатову его камерные и симфонические творения, среди которых выделяются: вокально-симфонический цикл «Из чеченско-ингушской народной поэзии», лирическая канцата на стихи венесуэльского поэта Магальяниса, камерные миниатюры на темы чеченских народных песен и другие. Они звучали по радио и телевидению, исполнялись лучшими певцами и в лучших концертных залах Москвы, Ленинграда, Киева и других городов Советского Союза. Произведения чеченского композитора входили в репертуары известнейших исполнителей: Иосифа Кобзона, Нины Исаковой, Людмилы Сенчиной, Людмилы Симоновой, Мовсара Минцаева и популярных музыкальных коллективов: Ленинградского концертного оркестра (художественный руководитель и главный дирижер А.С. Бадхен), детской хоровой капеллы Ленинградского хорового училища им. М. Глинки (художественный руководитель Ф. Козлов) и других.

Творения А. Шахбулатова записывались Всесоюзной фирмой «Мелодия». А вокально-симфонический цикл «Из Чеченско-Ингушской народной поэзии» был с большим успехом исполнен на церемонии открытия IV съезда Союза композиторов Российской Федерации в 1983 году. Об этом цикле его первая исполнительница Нина Исакова писала: «С первых же строк лирических миниатюр нас завораживает удивительно нежная светлая музыка, которая сливается с народной певучей поэзией. Композитором ярко и точно выписаны музыкальные образы — будь то трагедия, лирика или шутка. Весь цикл музыки слышится как одно целое, сверкающее чудными гранями музыкальных характеристик».

Творчество члена Союза композиторов СССР, председателя Союза композиторов Чечено-Ингушетии Аднана Шахбулатова

было признано и высоко оценено не только восхищенным народом, но и на самых высоких общественных и официальных уровнях. За выдающийся вклад в развитие чеченской музыкальной культуры, за создание высокохудожественных музыкальных произведений разных жанров, за пропаганду чеченской народной песни и поэзии ему были присвоены почетные звания Заслуженного деятеля искусств Российской Федерации и Чечено-Ингушетии. За вокально-симфонический цикл «Из Чечено-Ингушской народной поэзии» и лирическую канту на стихи Магальяниса Аднан Шахбулатов был отмечен в 1983 году премией Союза композиторов Российской Федерации, а в 1991 году – премией Национального фонда развития чеченской культуры.

Я с Аднаном Шахбулатовым впервые познакомился более сорока лет назад, когда я стал редактором музыкальной редакции Чечено-Ингушского радиокомитета, сменив его в этой должности. Наше творческое сотрудничество началось в том же году, когда мы написали свою первую песню «Мой город», которая после первого же исполнения по радио Мовладом Буркаевым стала настолько популярной, что ее называли чуть ли не гимном города Грозный. С тех пор нами было написано много песен (достаточно сказать, что только к одному спектаклю Чечено-Ингушского госдрамтеатра «Габуца, Бабуца, Данел и Дарданел» их было написано восемь). Наша человеческая и творческая дружба продолжалась до последних дней композитора.

О его творчестве журнал «Советская музыка» писал: «Отличительные свойства музыки Аднана Шахбулатова – тонкая смена настроений, микроконтрасты внутри отдельных частей, четкие жанровые контуры произведений. Психологическая точность и конкретность всей музыки, усиливая правдивость, жизненность фольклорно-поэтической основы, создает Образ пленительной красоты».

Много было написано Аднаном Шахбулатовым песен, но наибольшую популярность и всеобщее признание получили его

эстрадные, звонкие, лирические песни: «Ты невозможная», «Нет красивее тебя», «Пусть сны твои...», «Пусть никогда не умирают дети» и многие другие и наша первая песня «Мой город». И я горжусь тем, что она и сегодня звучит с эстрады и в записях и всеми любима.

СЧАСТЬЕ ХУДОЖНИКА

...В комнате на ковре друг против друга сидят два человека: один – испытанный жизнью седобородый стариk в типичной, очень опрятной чеченской национальной одежде, второй, на переднем плане, спиной к зрителю – непоседливый, шустрый, лопоухий мальчишка в маечке, которому, видимо, трудно усидеть на месте. Но любопытство берет верх: дедушка рассказывает старинные, но интересные и увлекательные вещи. Не о стремительных ли и победных атаках чеченской Красной Армии, которыми командовал легендарный Асланбек Шерипов в годы гражданской войны, рассказывает дед внуку? Или вспоминает о трудном становлении первых колхозов в Чечне, в которые загоняли добровольно-принудительно, что вызывало протесты, аресты, гибель? А может быть, об отчаянной храбости и бесстрашии бойцов 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка, которые в годы Великой Отечественной войны с одними саблями атаковали танковые колонны противника и побеждали их?! Стариk рассказывает неторопливо, с частыми паузами-воспоминаниями, с привычной манерой чеченских старцев – мудрых и немногословных, тщательно подбирая и обдумывая фразы, а мальчишка, несмотря на свое нетерпение, внимательно слушает, впитывая в себя все...

Это одно из многочисленных живописных полотен чеченского художника Дадана Идрисова. Называется картина «Рассказ внуку» и является, пожалуй, лучшей из очень ярких, колоритных, содержательных и искренних в творчестве художника, который очень одарен и трудолюбив. Я, часто бывая у него в гостях – в мастерской ли, дома ли, – никогда не видел, чтобы он праздно проводил время. Наблюдая за его работой, я всегда воочию убеждался в том, что прав был мудрец, сказавший: «Гений – это девяносто девять процентов труда и только один процент таланта». Во всяком случае, в жизни Д. Идрисова так и есть.

Родился Дадан Идрисов 13 октября 1943 года в с. Шали. Четырех месяцев от руку в 1944 году был депортирован с семьей в

далекий Казахстан. Род в селе Первомайское Кзыл-Ординской области, где начал ходить в школу. В 1957 году, уже в родном селе, закончил седьмой класс, когда ярко проявилось его умение рисовать. Его рисунки увидела тетя – заслуженная артистка ЧИАССР Асвет Ташухаджиева, угадала в нем дар живописца, персвездла в город Грозный и отдала в детскую изостудию, которой руководил известный в те годы художник Н.Ф. Ломтюгин. Закончив ее, Дадан продолжил постижение тайнства рисунка в Детской художественной школе № 1 города Грозный (1959–1961 гг.).

Затем одаренный юноша был направлен на учебу в Краснодарское художественное училище. Правда, после первого курса занятия пришлось прервать: Дадана призвали в Советскую Армию. Служил он в Группе советских войск в Германии, в городе Магдебурге. Вернулся к занятиям и успешно окончил училище в 1968 году. Работал в Чечено-Ингушском республиканском отделении художественного фонда Российской Федерации, где и началась, по-настоящему творческая деятельность Д. Идрисова, которая продолжается вот уже более тридцати пяти лет. В первый же год он стал участвовать в художественных выставках, как в республиканских, зональных, так и во всероссийских и зарубежных. Картины Д. Идрисова экспонировались на таких престижных выставках, как: «Художники Чечено-Ингушетии – 50-летию ВЛКСМ» (1968 г.), «Советский Юг» (1969 г.), а также во время проведения Дней литературы и искусства Чечено-Ингушетии в Российской Федерации (г. Ленинград, 1970 г.), Дней литературы и искусства в г. Москва, посвященных 60-летию СССР и автономии Чечено-Ингушетии (1982 г.) и многих других.

Высшей оценкой мастерства Дадана Идрисова стало участие в самых представительных, ответственных Всероссийских выставках живописцев, графиков и скульпторов-монументалистов изоискусства автономных республик, краев, областей и национальных округов РСФСР: в 1971-м и в 1989 годах. В пер-

вой выставке принимали участие все известные художники Чечено-Ингушетии. Ей был полностью посвящен богато иллюстрированный журнал «Художник», в котором в ряду лучших работ художников России были опубликованы фотопропорции картин, скульптур, графических произведений мастеров Чечено-Ингушетии: Д. Идрисова, Ш. Шамурзаева, И. Бекичева¹, В. Мордовина и других.

Искусствовед В. Ванслов писал в своей статье, посвященной этой выставке: «В Чечено-Ингушетии молодые художники успешно осваивают и продолжают традиции основоположников изобразительного искусства республики, стремясь также опереться на открытые в последнее время древние истоки национальной культуры. Отмечу жанровые работы Д. Идрисова.

Художник умеет тактично ввести в картину характерный национальный фон, играющий существенную роль в ее содержании. Его живопись отличается приглушенной цветовой гаммой, порой заставляющей вспомнить о древних фресках» (Журнал «Художник», 1989 г.).

А сам Дадан Идрисов о своих впечатлениях об этой выставке писал в журнале «Художник»: «Участие на этой выставке – праздник для меня. Перед художниками встают трудные задачи, ведь жизнь современного общества многообразна, а наш современник – человек интересный, сложный, значительный. Я благодарен художникам из автономных братских республик, у которых я многому научился. Для нас, молодых живописцев, участие на такой выставке, возможность посоветоваться друг с другом, да и с мастерами более опытными, – имеет неоценимое значение» (Там же).

Очередная выставка, на которой экспонировались работы Дадана Идрисова, состоялась в мае 2002 года в г. Москва, в Академ-

---

¹ Бекичев И.Д. – скульптор, автор памятника Героям Гражданской войны на пл. Дружбы Народов в конце пр. Победы. Мордовин В.А. – живописец; работали и жили в Чечне до 1991 года. Сейчас судьба их неизвестна.

мии художеств Российской Федерации, в 2005 году там же в Дни Культуры и искусства Чечни в г. Москва в Государственном музее «Усадьба А.П. Чехова».

Много картин написал за годы своей творческой деятельности Д. Идрисов. В их числе наиболее яркими по мастерству рисунка, глубокими по содержанию, национальными по колориту были: графические (художник работает не только в живописи, но и в графике) листы «Окрестности г. Грозного», «Продоводы джигита», «Грозный строится», живописные полотна «Рассказ внуку», «Портрет отца», «Табаководы», «Думы, думы», «Портрет чеченца» и другие.

О высоком мастерстве исполнения и национальном характере его творчества говорил тот факт, что сразу же после выставки все картины Дадана Идрисова закупались республиканскими музеями изобразительных искусств и краеведения, а также и частными коллекционерами. Подтверждало сказанное и то, что фоторепродукции с них печатались в «Большой Советской энциклопедии» (статья «Чечено-Ингушская АССР. Изобразительное искусство»), в альбоме «Изобразительное искусство автономных республик РФ» (г. Ленинград), журнале «Художник» (г. Москва) и других престижных изданиях.

Талант Д. Идрисова, ограниченный поистине подвижническим трудом, не потерял яркости, и художественное творчество продолжало развиваться в страшные дни двух чеченских войн. Даже в дни кошмарных и непредсказуемых штурмов Грозного, когда каждый час жизни мог стать последним, он не покидал город: жил со всеми в подвале своего дома на ул. Красных Фронтовиков, деля с другими все тяготы и лишения, наблюдал, запоминал, фиксировал все происходящее. В минуты затишья между боями поднимался к себе в мастерскую на третьем этаже и делал наброски будущих картин.

Успехи Дадана Идрисова в живописи и графике были по достоинству оценены руководством творческой организации, искусствоведами, любителями изобразительного искусства и

общественностью республики. Он член Союза художников СССР и РФ с 1971 года, избран почетным членом ЮНЕСКО. Секретариат Правления Союза художников Российской Федерации наградил Д. Идрисова почетной грамотой «За творческие успехи в развитии изобразительного искусства народов России».

Сейчас Д. Идрисов заслуженно и достойно носит почетное звание «Заслуженный художник Чеченской Республики». В Указе Президента Чеченской Республики о присвоении звания о его творчестве сказано: «В современном искусстве ЧР, где активно созидают десятки профессиональных мастеров, имя художника Д. Идрисова произносится с заслуженным уважением и признанием. Оно произносится как имя подлинного мастера, отмеченного печатью оригинального таланта, почерк которого отличим от всех других и запоминается с первого знакомства с его произведениями. У него свой взгляд на мир и свое видение жизни. Все его живописные полотна, картины и графические листы создают единственный в своем роде образ Родины, в котором слиты воедино душа и характер родной Чечни и ее мудрого и трудолюбивого народа».

И это правда: Дадан Идрисов и сегодня все также неутомим, трудолюбив, полон замыслов, продолжает создавать образы любимой Родины и портреты своих земляков. Он не собирается откладывать кисти в сторону, зачехлять мольберт и складывать этюдник. Его палитра все еще сияет всеми красками радуги. Потому что безделье для него – смерти подобно, как для каждого истинного творца и созидателя. А таковым является один из лучших художников Чечни – Дадан Идрисов.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Харон Саид-Хасанович Исаев – один из немногих профессиональных художников нашей республики, получивших широкое признание у ценителей искусства.

Слава художника пришла к нему не сразу и не случайно. Ещё в юношеские годы он обнаружил в себе талант отображать окружающий мир художественными средствами. Но то, что это его призвание, художник понял намного позднее, когда потребность отображать реальный мир захватали его всецело, хотя и имел на тот момент специальность агронома (закончил Серноводское сельхозучилище) и даже работал учителем в школе.

А начиналось все в далекие 1950-е годы, когда чеченский народ находился в ссылке, в морозном Казахстане и горах Киргизии. Харон Исаев родился в 1951 году в поселке Куганты Талды-Курганской области Казахской ССР. Ему было всего семь лет, когда семья вернулась на историческую родину и поселилась на хуторе Бакино Урус-Мартановского района, потому что их собственный дом в районном центре был занят районной библиотекой. В Бакино мальчик и пошел в первый класс.

Через некоторое время Харону пришлось покинуть хутор Бакино, к которому он уже успел привыкнуть. Вместе с родителями он переехал в родное село Урус-Мартан, где и продолжал учебу в средней школе № 1. С детства общительный и деятельный, он полон желания быть полезным окружающим его людям.

Окончив в 1966 г. восемь классов, юноша решил получить конкретную специальность. Он поступил в Серноводский сельскохозяйственный техникум, где свободное от учебы время тратил не на развлечения, как его сверстники, а посвящал художественному оформлению учебных кабинетов. Здесь же Харон впервые попробовал свои силы в качестве портретиста, изобразив на полотне вождя мирового пролетариата В.И. Ленина. Причем не красками, а семенами на холсте. И в 1969 году

портрет был представлен на Всесоюзном конкурсе работ живописи студентов сельскохозяйственных техникумов, который проходил в Краснодаре, и занял призовое место, а автору вручили ценный подарок. В этот период Харон приходит к выводу, что его призвание – не агрономия, а художественный мир, давно живущий в его душе и сознании. После окончания техникума в 1970 году Х. Исаева призывают на службу в Советскую Армию.

Отслужив и вернувшись домой, он не смог устроиться на работу по специальности. После долгих мытарств ему предложили работу оформителя в школе.

Все свободное время Харон проводил в Чечено-Ингушском государственном музее изобразительных искусств. Сотрудники музея знали его как постоянного посетителя. А директор даже распорядился предоставить ему право бесплатного посещения.

Впоследствии он был принят на должность художника-оформителя в Национальный музей Чеченской республики, где трудятся и поныне.

Отработав год в Урус-Мартановской средней школе № 1, в 1973 году он блестяще прошел отборочный тур, и после собеседования в Министерстве культуры ЧИАССР получил направление в Ленинградскую академию художеств, где успешно сдал вступительные экзамены. Но учиться в ней ему пришлось недолго, так как по семейным обстоятельствам вскоре вынужден был вернуться домой. Правда, выход для продолжения образования все-таки был найден: он решил учиться живописному мастерству заочно. Сделать же это в те годы можно было только в одном вузе – в Московском заочном народном университете искусств Министерства культуры Российской Федерации.

В нем процесс обучения состоял из трех этапов: два года уходило на подготовку, затем два обычных курса и два повышенных. Оценив художественное мастерство Х. Исаева, его зачислили для обучения на двух повышенных курсах, которые он блестяще освоил по специальности «Станковая живопись и графика».

Закончил он этот факультет университета в 1975 году, одновременно работая учителем рисования в Урус-Мартановской вечерней школе.

Первая художественная выставка (персональная) Харона Исаева состоялась в 1982 году. Он вынес не без волнения на суд зрителей и ценителей искусства свои живописные работы: «Раздор» (сцена спора между Шамилем, идущим сдаваться князю А.И. Барятинскому 26 августа 1859 года после падения последнего оплота сопротивления – Гуниба и его наиболее Байсангуров), «Окраина Урус-Мартана», «Мартан-Чу», «Дорога в Шалажи» и другие.

Известность и признание пришли к Харону Исаеву в наполненные творчеством восьмидесятые годы XX века. Он уже уверенно принимал участие практически во всех республиканских, зональных и даже международных выставках. Х. Исаев стал известным художником. Вот что написала в 1988 году самая популярная и читаемая в те годы республиканская газета «Грозненский рабочий»: «В республиканском научном методическом центре Министерства культуры открылась персональная выставка Харона Исаева. 60 картин самодеятельного художника – это увлекательное путешествие по Кавказу. Льются серебряные водопады с гор, розовое небо восхода окружает маленький аул, скалистые ущелья украшают башни. Из строгих рамок смотрят на нас задумчивые лица... Сдержанная, светлая, радостная гамма красок и умение художника выразить глубокие чувства делают выставку интересной...»

Человек, определивший себе цель в жизни, никогда не будет стремиться ни к славе, ни к популярности, считает Харон: «Хотел прожить жизнь, как бы пройдя по лезвию меча, перекинутого через пропасть» («Грозненский рабочий», 17 июля, 1988 г.).

С этих пор год от года растет популярность и мастерство художника. Об этом говорят следующие факты.

У Харона Исаева тонкое художественное чутье, столь необходимое художнику-оформителю. В свое время этот природ-

ный дар подметили в нем работники Республиканского краеведческого музея, пригласившие его в качестве экспозиционера-оформителя.

Новые грани таланта художника Исаева ярко раскрылись при создании им экспозиций в филиале Чечено-Ингушского государственного краеведческого музея, в музее с. Махкеты.

В 1991 году Х. Исаев принял участие в зональной выставке «Юг России» в г. Краснодар, которая проходит раз в пять лет. И здесь он получил высокое признание – отзывы на его работы были превосходными. Надо отдать должное Харону: к очередной выставке он успевал подготовить целую серию своих новых картин.

Творческий багаж позволял художнику проводить и свои персональные выставки. А они состоялись в 1994 году в г. Стамбул (Турция), г. Амман (Иордания), которую он посетил в октябре 1994 года. Гостеприимно встретила его чеченская диаспора. Он был представлен принцу Иорданского Королевства, двоюродному брату короля Хусейна Ассиму Бин Наифу. Оказалось, что жена принца была черкешенкой, а бабушка по отцу – татаркой. «Ну, в таком случае вы наш зять», – сказал ему запросто художник. Эти слова не очень понравились аристократу, так как, по его разумению, чужестранец тем самым говорил, что он – ровня кровному принцу.

Однако Ассим не устоял перед творчеством художника: открыл выставку картин и купил у Харона три работы. Много посетителей – чеченцев и арабов – побывало на этой выставке. Время, проведенное в Иордании, живописец использовал максимально: он посетил многие исторические и культурные достопримечательности страны, в том числе и древние. Иордания вдохновила художника на создание пятнадцати картин.

Сегодня за спиной у этого человека, некогда с большим восхищением рассматривавшего картины в музейных залах Грозного, огромное художественное наследие, состоящее более чем из двухсот работ, и это не предел. Он с большим упорством про-

должает работу над новыми картинами, которые являются зеркальным отображением окружающей нас действительности. Он работает не только для своего современника, он ставит перед собой далеко идущую цель. Подтверждение тому выставка чеченских художников в музейно-выставочном комплексе «Дом-музей А.П. Чехова» в городе Москве в Дни культуры Чеченской Республики в столице Российской Федерации в начале июня 2005 года. Ее организовал Национальный музей Чеченской Республики, а экспозицию составлял Харон Исаев. На этой выставке художник показал несколько своих новых работ. О них и других работах, показанных на выставке, газета «Культура», например, писала в июле 2005 года: «Выставка привлекла огромное внимание москвичей, такого наплыва любителей живописи никто не ожидал. Небольшие, тесноватые комнаты «Дом Чехова» не могли вместить всех желающих побывать на vernisаже. Москвичи с удивлением и восхищением открыли для себя изобразительное искусство Чечни, подолгу рассматривая картины, обсуждая их, беседуя с авторами. Удивлялись: ожидали, что все полотна будут посвящены войне, а тут увидели совсем другое. Восхищались красотой природы, мирными буднями, отраженными на полотнах. Они все больше узнавали о чеченском народе через искусство, в котором художники отразили не только красоту и величие природы Чечни, но и душу народа, его созидание и страстное желание жить в мире и дружбе со всеми». (Газета «Культура». Орган Министерства культуры ЧР. № 1, июль 2005 г.).

Признанием таланта художника явилось и то, что шесть его работ были обретены Республиканским музеем изобразительных искусств им. академика живописи П. Захарова. К сожалению, эти работы, кроме одной, как и сам музей, не уцелели в годы военных действий.

«Невеста» – так называется одна из полотен Харона Исаева, которая после реставрации во Всероссийском художественном и научно-реставрационном центре им. академика И.Э. Грабаря находится в Российском художественном фонде (РОСИЗО).

Работы Х. Исаева находятся также в музее Эйзенхауэра в США, Амманском Королевском музее в Иордании, в частных коллекциях в Англии, Франции, Сирии, Турции, Чехии, Болгарии и других стран, также в республиках бывшего СССР.

Основным жанром своего изобразительного искусства художник считает пейзажи. И это не случайно. Он всей душой восхищается природой, сотворённой Всевышним в награду человечеству.

Его пейзажи отличают филигранная точность, мягкая тональность цветов, реалистичность пропорций объёма, света и тени, выразительность природных ландшафтов. Другим направлением художественного искусства Х. Исаева является портретная живопись. Герои его произведений – люди красивые как внешне, так и внутренне. Одухотворённые, сильные, пережившие невзгоды, но не сломленные смотрящие в будущее с оптимизмом. К таковым можно отнести уже названную «Невесту», «Портрет участника Великой Отечественной войны Мукаева Хамида», «Ровесник века», «Возвращение» и др.

В последние годы лихолесья художник стал осваивать новый для себя жанр – документальное искусство. И на этом поприще успехи художника очевидны. Его кисти принадлежат такие замечательные картины военного времени, как «Грозненский Главпочтamt», «Грозный после дождя», «Чеченский государственный университет», «Национальный музей Чеченской Республики», приобретённые Национальным музеем Чеченской Республики как документы ужасных последствий войны в Чечне 1994–2000 гг. (Кстати, эти места живут сегодня в полуразрушенном виде только на картинах Х. Исаева – их стерли с лица земли).

Некоторые его портретные работы также композиционно вобрали в себя тему человека на фоне трагедии народа, ввергнутого в пучину войны. Харон Исаев одержим творческой энергией, вдохновением, дерзновенными планами. За большой вклад в развитие и пропаганду изобразительного искусства Чечен-

ской Республики Харону Исаеву в 2005 году присвоено почетное и высокое звание «Заслуженный художник Чеченской Республики».

Х. Исаев продолжает работу в музее и не теряет надежды, что это необходимое для нашего народа учреждение примет свой первоначальный облик, как по форме, так и по содержанию.

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Это было около четырех с лишним десятилетия назад – ровно столько лет я знаю удивительного человека и неугомонного труженика живописи, творящего кистью песни о родине, художника Аманды Асуханова. В Республиканском музее изобразительных искусств им. академика живописи П. Захарова, находившемся на проспекте Победы, открывалась выставка художников Чечено-Ингушетии, посвященная 50-летию СССР. После торжественной части я внимательно рассматривал все картины и записывал данные об авторах: мне, тогда заведующему отделом культуры республиканской газеты «Ленинский путь», предстояло написать отчет о выставке.

Увидев, что я задержался у одной картины и внимательно изучаю ее, ко мне подошел крепко сбитый молодой человек с открытым лицом, улыбчивыми глазами, пышной шевелюрой над высоким лбом и спросил с чуть заметным волнением: «Нравится?» «Да, нравится», – коротко ответил я.

– Значит, не зря я потрудился, – улыбнулся мой довольный собеседник. Это был автор картины, художник Аманды Асуханов. Мы разговорились – он оказался очень общительным. Он пригласил меня в свою мастерскую посмотреть другие картины, окунуться в мир живописи.

Путь к собственной мастерской у Аманды Асуханова был долгим и трудным. Родился он в г. Гудермес в 1939 году. Пяти лет от роду был депортирован в Казахстан. Рос и учился в г. Караганда. Там в школе очень рано пробудился в нем природный дар рисования. Но мечты своей – стать художником – он достиг только в 1961 году, когда поступил в Дагестанское художественное училище им. Джамала. Его дипломная работа «Строители» – итог пятилетней учебы – получила отличную оценку и, вернувшись на родину, А. Асуханов с головой, как говорится, уходит в творчество. Главной темой пейзажных полотен его становится природа, сюжетных картин – история и современность.

Но особой страстью и призванием А. Асуханова были и остаются пейзажи, каждый из которых становится новой строкой ожившей в красках песни о родине – светлой или грустной, мужественной или лиричной, пронизанной солнцем, или предчувствием грозы. И такой яркой, чистой, вдохновенной и чарующей изображает природу кисть поэта-художника, что, однажды увидев, эти картины уже невозможно забыть.

А. Асуханов любит гостей и их побывало у него в мастерской (она находилось в одной из комнат трехкомнатной надстройки пятого этажа в доме № 1 по улице им. А. Шерипова на самом берегу р. Сунжа. Из окна его комнаты открывался вид на весь г. Грозный от кинотеатра «Космос» на другом берегу реки до самого Карпинского кургана), неисчислимое множество: известных людей и государственных деятелей, иностранцев и художников, артистов и студентов, школьников, и все удивлялись множеству картин, написанных им, и разнообразию тематики их. А много их было потому, что художник никогда не расставался с этюдником или карандашом: ни в гостях, ни на академической даче, ни в зарубежной поездке.

Человек щедрой и открытой души, он никогда не скрывает от людей свои творения. Он не только с гордостью показывает, но и любит дарить их: гостям мастерской, друзьям, различным народным музеям, предприятиям, особенно детским домам, школам, вузам. Продает редко, разве что после выставок. Поэтому они и разошлись по всему свету. Картины А. Асуханова имеются не только в музеях десятков городов России и Европы, но и в частных собраниях коллекционеров живописи Москвы и Ленинграда, Киева и Караганды, Нитры (Чехословакия) и Дамаска (Сирия), Венгрии и Югославии, ФРГ и Иордании и других городов и стран.

Страсть к путешествиям не дает А. Асуханову усидеть на месте никогда. И где он только не побывал в своих творческих исканиях. Изъездил и исходил весь Северный Кавказ, Центральную Россию, Зауралье, побывал в Венгрии, Чехословакии, Ин-

дии, Шри-Ланке, Турции (неоднократно), Иордании, Сирии... Словом, география – что надо! И отовсюду привозил и привозит массу эскизов, набросков, законченных картин, на которых живут и сегодня нефтяные дали Тюмени, деревенские этюды Калининской области, мотивы венгерского города Шопрона, старого Бомбая и Цейлона, горы Осетии, родовые башни Ингушетии, реки и вершины Чечни...

Картины художника за многие годы творчества экспонировались на более чем сорока республиканских, зональных, Всероссийских выставках в Грозном и Москве, Краснодаре и Махачкале, Ставрополе и Ленинграде, Нальчике и Владикавказе и т.д. В их числе было немало и персональных выставок художника, которые работали в Грозном, Херсоне, Караганде, в г. Нитра (Чехословакия), Зарке (Иордания), Стамбуле и Бурсе (Турция), в Ярославле...

Можно было по-разному отстаивать, укреплять и возвышать славу и дух Чечни, и свободу чеченского народа, честь и достоинство его. Можно было делать это, как «славный Бейбулат Таймиев – гроза Кавказа», сопровождая великого А.С. Пушкина по пути из Арзрума домой и снова, и снова поднимая народ на борьбу с царскими колонизаторами; можно было штыком и мечом, как имам Алибек-Хаджи Алдамов – вождь восставших горцев в 1877–1878 годах, – более полугода противостоявший регулярным войскам самодержавия российского и в конце концов казненный в грозненской тюрьме; можно было лихими атаками, как командующий чеченской Красной Армии Асламбек Шерипов в Стодневных боях; можно было славить родину, как легендарные герои Ханпаша Нурадилов, Мовлид Висаитов, Сакка Висаитов и многие другие, показывая бесстрашие и отвагу в битвах Великой Отечественной войны 1941–1945 года; можно было делать это, как отважный абреk Хасуха Магомадов – последний бунтарь на земле чеченской, почти пятьдесят лет противостоявший Советской власти, истребивший немало чекистов, душителей чеченцев, и погибший, как мужчина, в бою в восьмидесятые годы XX века...

А можно было и так, как Аманды Асуханов: трудом и кистью, свидетельствами очевидца первой и второй чеченских войн. Начиная, по сути дела, с нуля после разрушения в ходе боев за Грозный великолепной мастерской на берегу Сунжи; полностью уничтоженные, разворованные, сожженные картины, созданные многолетним, подвижническим трудом, восстанавливая часть – по памяти, часть – по чудом сохранившимся эскизам, написав новые, он умудрился уже в июне – июле 1995 г., когда по всей Чечне еще гремели жестокие бои, принять участие в 34-м международном фестивале искусств в г. Бурса (Турция), как представитель талантливого, трудолюбивого и дружелюбного чеченского народа с выставкой своих картин. На этом престижном фестивале мировых звезд всех видов искусств художников было всего двое, одним из них и был А. Асуханов, в честь которого в числе флагов государств-участниц был поднят и стяг Чеченской Республики. Этим шагом мастер доказал всему миру, что искусство чеченского народа, как и сам народ, нельзя уничтожить, что оно живо и работает, отстаивая независимость и свободу Чечни.

В том же 1995 году в октябре, когда в Чечне шли еще более жестокие и разрушительные бои, Аманды Асуханов во второй раз побывал в г. Бурса со своей персональной выставкой по приглашению мэра города, архитектора по образованию и страстного поклонника изобразительного искусства по увлечению Басри Соимеза. Это была третья выставка мастера в гостеприимном турецком городе Бурса.

В ноябре–декабре 1996 года по приглашению Ярославского общества Чечено-Ингушской культуры «Вайнах» заслуженный художник Чечено-Ингушетии – это почетное звание ему первому в республике присвоено в 1988 году – А. Асуханов принимает участие в Днях чеченской культуры под девизом: «К согласию – через искусство». Выставка картин художника почти месяц радowała жителей и гостей Ярославля.

В 1996–1999-х годах, Аманды Асуханов, не имея, как и другие художники Чечни, мастерской (они все работают дома, у

кого он сохранился), работая в тесной и забитой картинами своей квартире, что в микрорайоне г. Грозный или дома в г. Гудермес, создает серию навевающих тяжелую боль рисунков-пейзажей «Зима и весна 1995 года», на которых оживают следы разрушительной первой чеченской войны в г. Грозный. Начинает работать заведующим кафедрой живописи на художественно-графическом факультете восстановленного Чеченского государственного педагогического института, участвует в выставках, организует – умудряется-таки! – свои персональные, как в республике, так и за пределами ее – в различных городах России, Азии, Ближнего Востока.

Забываясь в творчестве, никуда не выезжая из родного Гудермеса, а одержимо, неустанно и увлеченно работая дома, в малюсенькой мастерской, создавая новые картины, пережил Аманды Асуханов и вторую истребительную и разрушительную чеченскую войну. Не только пережил, но и умудрился организовать несколько персональных выставок в разных городах Российской Федерации – в Ростове-на-Дону, Саратове, Волгограде и других. Умудряется потому, что живопись – единственное, чем он живет, главное его богатство и страсть, увлечение и признание художника.

Аманды Асуханов, несмотря на свои годы, все еще творит, воспитывает и растит учеников, бодр, плодовит и целеустремлен. И, надеемся, еще не раз порадует любителей изобразительного искусства новыми картинами – нескончаемой песней о Родине, о Чечне.

«РИСОВАТЬ ЛЮБИЛ ВСЕГДА»

В мастерских художественного Фонда Чеченской республики, от которых после первой чеченской войны остался только пустырь, заросший бурьяном, всегда царила атмосфера творчества. Когда бы, в какую бы мастерскую не заглянул к знакомым художникам в любой час дня и ночи, там можно было застать увлеченно, собранно и сосредоточенно работающих над новыми произведениями живописцев, графиков, скульпторов, чеканщиков, оформителей... И часто можно было встретиться и познакомиться с кем-нибудь из новых художников и его работами.

Однажды – было это более тридцати лет назад, – зайдя к знакомому оформителю С. Пагалову, я увидел молодого человека, энергичными штрихами размечавшего большой праздничный плакат за одним из столов у окна просторной мастерской. На мой вопросительный взгляд Салах ответил довольно-таки своеобразно – подозвал незнакомца и представил мне: «Знакомься. Наш новый товарищ, художник-оформитель Иса Ясаев. Приехал после училища. Запомни его – ты теперь часто будешь с ним здесь встречаться».

Так я познакомился с И. Ясаевым. Вскоре увидел и его работы – оформительские и творческие. Часто наблюдал его в работе, говорил с ним. Из его отрывочных рассказов о себе узнал, что родился он в 1962 году на станции Чарская Семипалатинской области Казахстана. В 1969 году вместе с возвращающимися на родную землю родителями приехал в с. Урус-Мартан, где и пошел в школу. Там в первые же годы и проснулось в нем заложенное природой дарование – страсть к рисованию.

– Сколько себя помню, я всегда любил рисовать, тянулся к миру живописи, – рассказывал мне И. Ясаев, очень скромный по характеру человек, немногословный, не жаждущий, как некоторые, быть всегда на виду – с детства любил копировать понравившиеся мне картины, рисовал одноклассников, оформлял

школьные вечера, праздники, стенгазеты. Очень хотел «учиться на художника», но в селе не было ни художественной школы, ни студии. Раз учительница рисования проговорилась, что в нашей школе будет открыта изостудия. Я каждый день, при каждой встрече спрашивал у нее: когда? Да так ей надоел, что она стала избегать меня. Изостудия открылась два года спустя, когда к нам по окончании художественного училища присхал преподавать Лев Сергеевич Игнатьев. Он-то окончательно и решил мою судьбу, узнав о моем увлечении и укрепив во мне решение стать художником.

Но после школы немало лет прошло – служба в армии, работа на заводе «Красный молот», химкомбинате и т.д., пока наконец-то не победило его упорство, и не осуществилась его мечта: в 1977 году, поехав в г. Алма-Ата, И. Ясаев поступил на оформительское отделение художественного училища. Учился рисунку у известного мастера Петра Леонтьевича Дубова, живописи – у Амана Бехтагалиева, выпускника Ленинградской Академии. Иса с особой теплотой и благодарностью вспоминает всегда этих добрых, мудрых и щедрых своих учителей-наставников.

Он на всю жизнь запомнил слова П.Л. Дубова: «Главная моя задача – воспитать из вас, в первую очередь, порядочных и честных людей. Ибо только такой человек может стать настоящим художником. Потому что только тогда он сможет понять душу рисунка, вдохнуть в него жизнь».

Окончив училище, И. Ясаев вернулся в Чечню и стал работать оформителем в художественном Фонде. Но в свободное время работал, как говорят, «для души», его живописные полотна экспонировались на различных республиканских выставках молодых художников. В это время большую помощь и моральную поддержку ему оказывал известный ингушский живописец и монументалист Мурад Полонкоев, в мастерской которого Иса в одно время работал.

– Мне очень повезло в жизни и творчестве, – рассказывает он. – У истоков моего становления как художника стояли замечательные чеченские таланты живописи Шамиль Шамурзаев,

Аманды Асуханов, Рамзан Мальцагов, Султан Юшаев, Арби Расуханов и другие, работами которых я всегда восхищался, перед мастерством которых всегда благоговел. Они всегда были, да и всегда остаются моими самыми добрыми советчиками, требовательными судьями и терпеливыми наставниками. И я бесконечно благодарен им за науку. Как и художнику Харону Исаеву, с которым в одно время работал в республиканском краеведческом музее, оформляя его сельские филиалы. Общение с ним помогло мне окончательно найти свой стиль и свою тему не только в оформительском, но и в художественном творчестве.

Шли годы, наполненные трудом, поисками и находками. Вместе с ними крепло и мастерство И. Ясаева, приходило признание. Свидетельство тому – участие уже в престижных Всесоюзных и Всероссийских выставках: 1984 г. – выставка молодых художников Северного Кавказа (г. Ростов-на-Дону); 1986 г. – зональная выставка – «Советский Юг» (г. Краснодар), 1989 г. – Всероссийская выставка мастеров живописи автономных республик (Москва) и другие. На них экспонировались пейзажи, портреты, натюрморты молодого художника.

Высокую оценку авторитетного выставкома, в который входили широко известные в Чечне и за ее пределами мастера живописи, получили работы Исы Ясаева и на первой (после первой чеченской войны) выставке художников республики, открывшейся 20 июня 1997 г. и второй – в октябре – посвященной 200-летию имама Чечни и Дагестана Шамиля. На них экспонировались пейзажи и портреты, героями которых были выдающиеся исторические личности разных периодов жизни Чечни и простые люди – колоритные и запоминающиеся горцы.

Сейчас, как и все художники Чечни, не имея своей мастерской, И. Ясаев продолжает творить в труднейших условиях тесной (живет в ней с семьей) неприспособленной квартиры: работает над новыми картинами – видами городов и сел после разрушительной второй чеченской войны и пейзажами родного края. И нет сомнения, что на предстоящих выставках мы уви-

дим новые работы художника от природы Исы Ясаева, которые удивят всех высоким мастерством исполнения, хотя в последние годы они не востребованы: дышит на ладан Союз художников республики, почти не проводятся выставки, нет заказов, как бывало, работы (Иса еле устроился и работает учителем рисования в школе), людям не до живописи: они выживают в условиях джунглей рыночной экономики. Но дело художника — писать. С И. Ясаевым это будет происходить до тех пор, пока не будет утолена его жажда творчества. А этого, будем надеяться, не произойдет никогда.

Петр Захаров

Махмуд Эсамбаев

Умар Димаев

Валид Дағаев

Султан Магомедов

Аднан Шахбулатов
(за пианино) и автор
этой книги. 1967 г.

Амайнды Асуханов

Дадан Идрисов

Харон Исаев

Иса Ясаев

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

...Волею Всевышнего каждому человеку предопределено в жизни место в ней, тот перечень полезных дел, который он должен сделать за отпущенный век... Адиз Кусаев своей энергией и неунывающим своим видом показывает и доказывает, что нельзя ни при каких обстоятельствах опускать руки и поддаваться коллизиям бренной судьбы.

Та положительная аура, которая окружает этого, несомненно, великого человека, та добродетель свойственная ему, не дает усомниться в том, что то, чем он занимается, имеет общую пользу, цель донести до нас хотя бы часть той правды, которая пока от нас скрыта по стечению обстоятельств.

Мы, издатели этой книги, больше чем уверены, что ее выход в свет произведет в рядах наших читателей положительный фурор. Убеждены, что этот труд Адиза займет достойное место на наших книжных полках, как и его «Писатели Чечни». И можно только выразить искреннюю благодарность ему за то, что за несколько военных кампаний последних лет он смог сохранить документы своего архива, неустанно трудясь над их изданием. Есть очень хорошее выражение: «Кто, если не мы?».

Кому, как не нам, работать над возрождением утраченных ценностей, как материальных, так и нравственных? И кому, пока свежи воспоминания о недавнем трагическом прошлом, показывать невозможность допущения впредь стольких ошибок в нашем общем доме, на нашей Родине?

*Анзор Матаев,
член Союза писателей России*

О ГЛАВЛЕНИЕ

Поэт, журналист, человек	5
Ч а с т ь I. Наша столица: страницы истории	11
Ч а с т ь II. Герои твои, Чечня	249
Ч а с т ь III. Таланты твои, Чечня	352
От издателя	429

Кусаев Адиз Джабраилович

ЧЕЧНЯ: ГОДЫ И ЛЮДИ

Публистика
(на русском языке)

Редактор *Бураева Т.И.*

Корректор *Чираева Р.А.*

Набор и верстка *Уциева З.А.*

Худ. оформление *Эскарханов И., Ибрагимов Х.*

Сдано в набор 11.02.07. Подписано к печати 15.05.07.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Times New Roman.

Усл.-печ. л. 21,42. Тираж 2000. Заказ № 1378.

ГУП «Книжное издательство»
364021, ЧР, г. Грозный, ул. Маяковского, 92
www.grozizdat.ru

Отпечатано в ЗАО «НПП «Джангар»,
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.